АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1946 • ЛЕНИНГРАД

ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
П. А. ДМИТРИЕВА, Н. П. КИВОКУРЦЕВА,
А. П. КРУГЛОВА, М. В. ТАЛИЦКОГО и Н. А. ПРОКОШЕВА,
ПАВШИХ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ
В БОЯХ ЗА РОДИНУ

ОТ РЕДАКЦИИ

Светлой памяти дорогих товарищей, погибших смертью храбрых в боях за Родину, молодых советских археологов — П. А. Дмитриева, Н. П. Кивокурцева, А. П. Круглова, М. В. Талицкого, Н. А. Прокошева посвящает Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР настоящий выпуск своих «Кратких сообщений».

Павел Алексеевич Дмитриев — один из крупных ученых, специалистов по археологии Урала, родился в 1902 г. в Тюмени. После окончания факультета общественных наук Московского университета в 1925 г. Павел Алексеевич прошел аспирантуру Археологического отделения Института археологии и искусствознания РАНИОН, закончив ее диссертацией на тему «Шигирская культура на восточном склоне Урала». Вся научная деятельность Павла Алексеевича, помимо ИИМК, была тесно связана с Государственным историческим музеем, где он работал много лет последовательно — заведующим отделом оружия, заведующим фондами и ученым секретарем. По окончании университета Павел Алексеевич провел ряд археологических экспедиций на Урале и в Приуралье. Одна из его ранних работ — раскопки городищ и могильников в АССР Коми — положила начало систематическому изучению северо-востока Европейской части СССР. Большое значение имеют его раскопки и изучение Мончинской стоянки, Мысовских курганов, Андреевской стоянки, стоянки Калмыцкий брод, Шигирского городища, Балабинского селища и сарматских курганов на реке Белой, прочно вошедшие в археологию Урала. Перу Павла Алексеевича принадлежит свыше 25 научных работ, среди которых особой известностью пользуются его исследования материалов Шигирского городища. Исследователь осторожный и точный, строго относившийся к себе, он не мало внимания уделял пропаганде своей любимой археологии, читая лекции по истории края везде, где он проводил полевые обследования. Последние годы своей жизни Павел Алексеевич работал над докторской диссертацией, посвященной древней истории Урала, оставшейся, к сожалению, не законченной.

Николай Петрович Кивокурцев — специалист по античной археологии и нумизматике. По окончании Московского университета он в течение нескольких лет работал в Государственном музее изящных искусств, а последние годы состоял старшим научным сотрудником Керченского археологического музея имени А. С. Пушкина. Очень скромный, неутомимый и самоотверженный работник, Николай Петрович занимался преимущественно исследованиями античной керамики, бронзовыми изделиями и античной нумизматикой (преимущественно боспорской), в области которой являлся одним из очень немногих специалистов. С 1926 г. и до начала Отечественной войны Николай Петрович почти ежегодно принимал участие в археологических раскопках, производившихся под Керчью и на Таманском полуострове.

С 1934 г. по 1940 г. Николай Петрович участвовал в работах Боспорской археологической экспедиции ИИМК и являлся ее деятельным сотрудником, сначала на раскопках Мирмекия (1934—1936), а затем на раскопках Тиритаки. На участках, где раскопки велись под наблюдением Николая Петровича, было сделано немало ценных находок. Интересный клад монет митридатовского времени, найденный в Тиритаке, был Николаем Петровичем исследован и подготовлен к изданию. В течение ряда лет Николай Петрович занимался изучением античных амфор доримского времени и был отличным знатоком этого материала.

Будучи сотрудником Керченского музея, Николай Петрович самоотверженно вел работу по охране археологических памятников как путем тщательного сбора случайных находок, так и посредством надзора за всякого рода земляными работами, производившимися в Керчи и окрестностях. Весьма успешными в этом отношении были его работы 1939—1940 гг. на Юз-Обе, приведшие, в частности, к открытию очень важного эпиграфического памятника (ВДИ, 1940). Значительная работа была им проведена также по обследованию Пантикапейского некрополя, на территории которого велись большие земляные работы. Во время этих работ в 1936 г. Николай Петрович нашел совершенно уникальную гипсовую статуэтку Эрота, которая была издана им в 1941 г. в «Советской археологии» (том VII).

Андрей Павлович Круглов — один из наиболее молодых ученых. По окончании Ленинградского университета он прочно занял свое место в области изучения древней истории нашего Юга, в частности, Кавказа. Его полевая работа всегда отличалась точностью применявшихся методов исследования археологических памятников, позволявших ему правильно и обоснованно давать их интерпретацию. В одной из своих печатных работ — в крупном исследовании, написанном в содружестве с безвременно погибшим молодым ученым Ю. В. Подгаецким, «Родовое общество степей Восточной Европы» — Андрей Павлович сразу показал себя глубоким исследователем, хорошо владеющим научным методом и прекрасно знающим материал.

В течение ряда лет Андрей Павлович систематически вел на Северном Кавказе раскопки неолитических поселений и могильника у Нальчика; результаты этих работ напечатаны им в вышедшем в начале Отечественной войны сборнике «Материалы по археологии Кабардино-Балкарии». Последние пять лет перед войной Андрей Павлович целиком отдал изучению почти не исследованных предгорных и горных районов Чечни и Дагестана. Здесь им были открыты новые памятники от эпохи энеолита и до позднего средневековья. Научное значение некоторых из них выходит далеко за пределы Кавказа. Такие объекты, как могильник у сел. Исти-су и Хорочой (Чечня) и в особенности у сел. Берекей (Дагестан), проливают яркий свет на связь древних культур Северного Кавказа с культурами Юга Украины, Закавказья и Передней Азии. Полное научное освещение проблемы древней истории Кавказа получили в кандидатской диссертации Андрея Павловича — «Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э.», защищенной им в Ленинграде в дни Великой Отечественной войны, в сентябре 1941 г., когда он уже находился в Действующей армии. Скромный, очень вдумчивый, с критическим складом ума, серьезно и глубоко изучавший предмет своих занятий, Андрей Павлович, кроме научно-исследовательской работы в ИИМК и на Северном Кавказе, читал эпизодический курс по археологии Кавказа на историческом факультете Ленинградского университета и деятельно сотрудничал в Государственном Эрмитаже.

Михаил Васильевич Талицкий родился в 1906 г. в Ростове Ярославском. Еще во время ученья в средней школе он принимал участие в археологических работах Ростовского краеведческого общества, производив-

шихся под руководством Д. Н. Эдинга на Сарском городище, а позднее был избран секретарем культурно-исторической секции Общества и начал работать в Археологическом отделе Ростовского музея. В Москве, по окончании в 1931 г. Московского университета, он начал свою научную деятельность в Государственном музее антропологии МГУ. Михаил Васильевич сразу проявил себя, как заметный научный работник, с огромным талантом художника, скульптора и реставратора, обладавший к тому же «золотыми руками»; он находил новые приемы оформления археологических тем в экспозиции Музея. Его стенды всегда отличались большой отчетливостью научных положений в соединении с интересным и красивым оформлением, выполненным по его замыслу. Вскоре Михаил Васильевич уходит целиком в научную работу, поступив в аспирантуру МОИИМК. Обладая большой практикой в полевой работе и широким кругом интересов, Михаил Васильевич ежегодно участвовал в крупных археологических экспедициях в различных районах нашей страны: и на Северокавказском побережье Черного моря, и в Кировской области, и на трассе канала Москва — Волга, и в Прикамье, и в Приуралье. Среди сделанных им открытий широкой известностью пользуются раскопки Островской палеолитической стоянки (1938—1939), расположенной в устье р. Чусовой. Это открытие первой в восточной половине Волжского бассейна палеолитической стоянки дает интереснейший материал для постановки вопроса о первичном заселении важного района, лежащего на границе Европы и Азии. Михаил Васильевич с большой тщательностью отнесся к исследованию этого памятника, правильно оценив значение своего открытия. Уже в предварительных сообщениях (см. «Краткие сообщения ИИМК», вып. IV, 1940 г.) он отметил, что несмотря на то, что стоянка находится на запад от Уральского хребта, культура ее имеет сибирский характер и ближе всего напоминает нижний горизонт Афонтовой горы под Красноярском. При участии В. И. Громова были изучены стратиграфическое положение слоя и его связь с речными террасами, и тем самым стоянка была связана не только с археологическими, но и с геологическими проблемами Приуралья. Не меньшее значение имела сделанная находка нескольких отщепов и орудия мустьерского облика среди галечников в более древней террасе у урочища Пещерный лог. Преждевременная смерть не дала возможности закончить Михаилу Васильевичу исследования обоих пунктов, но и то, что им сделано, представляет ценный вклад в науку.

Одновременно с исследованиями палеолитических памятников Михаил Васильевич работал и над вопросами истории народов Прикамья, начиная с середины первого тысячелетия и кончая серединой второго тысячелетия нашей эры. На основании многолетних экспедиционных исследований ему удалось локализовать на Верхней Каме одно из древних племен, обитавших здесь, и отождествить его с упоминаемым арабскими географами народом «вису», показав, что это автохтонное население является предком современных коми-пермяков. Материалы из раскопок Роданова городища и некоторых других позволили М. В. установить, что около начала второго тысячелетия нашей эры на Верхней Каме произошел переход от родового хозяйства к хозяйству территориальной общины. Составленная Михаилом Васильевичем археологическая карта поселений X—XIII вв. на Верхней Каме и реконструкция жилища того времени представляет большую ценность для всех занимающихся изучением древней истории Прикамья.

Николай Афанасьевич Прокошев — молодой и скромный ученый, один из первых среди работников Института вступил в ряды защитников города Ленина — в народное ополчение. Пройдя тяжелый солдатский путь, уже в звании офицера погиб смертью воина. Имя его для нас всегда останется памятным и дорогим, как имя советского патриота, отдавшего

свою жизнь за Родину, как имя честного труженика науки, внесшего свой вклад в общую сокровищницу исторических знаний. Николай Афанасьевич родился в 1907 г. в г. Вятке (Кирове), в семье рабочего металлиста и с юных лет проявил страсть к археологии. Многолетние пешие экскурсии в поисках памятников старины выработали в нем наблюдательность и уменье вести работу археолога-разведчика в поле. Годы, проведенные в Московском университете, а затем в аспирантуре ГАИМК, прошли для Николая Афанасьевича в напряженном труде и научных исканиях, приведших его на путь самостоятельного творчества. Первые свои печатные работы Николай Афанасьевич посвятил публикации памятников, связанных с территорией Западного Приуралья. Изучая собрания музеев гг. Кирова, Свердловска, Уфы и ряда небольших районных музеев, Николай Афанасьевич разыскивал в них те жемчужины, которые оставались до него неизвестными в науке. Он опубликовал несколько интересных памятников по археологии Урала, твердо вошедших в научный обиход. К его обобщающим трудам относится и его диссертация «Уральские пещеры как исторический источник» и исследование «К вопросу о неолите Пермского Прикамья» (не законченная работа по классификации памятников бассейна Камы) и др. В этих трудах Николай Афанасьевич показал себя способным исследователем, для которого вещественный памятник — живая страница истории.

Характерной чертой Николая Афанасьевича было умелое использование в своих трудах новых археологических фактов. Именно эта черта быстро выдвинула его в ряд наиболее видных полевых исследователей. Еще в бытность Николая Афанасьевича аспирантом, ему поручается руководство одной из крупных экспедиций в зону затопления Камской ГЭС. Большой коллектив сотрудников, работавших под руководством Николая Афанасьевича, в течение ряда лет сумел обогатить советскую науку материалами первостепенного значения. Сам Николай Афанасьевич за эти годы открыл совершенно новые, еще неизведанные пути в изучении истории первобытного общества в Приуралье. Труды Николая Афанасьевича Прокошева для всех, кто будет заниматься археологией Урала, явятся необходимым и руководящим источником.

В дни Великой Отечественной войны П. А. Дмитриев, Н. П. Кивокурцев, А. П. Круглов, М. В. Талицкий и Н. А. Прокошев по первому зову Партии и Правительства встали в ряды народного ополчения на защиту своей Родины. Все пятеро в борьбе с ненавистным врагом пали смертью храбрых; неумолимая смерть сразила их, полных сил и энергии. В лице П. А. Дмитриева, Н. П. Кивокурцева, А. П. Круглова, М. В. Талицкого и Н. А. Прокошева историческая наука потеряла талантливых ученых, каждый день своего сравнительно короткого жизненного пути отдававших своему любимому делу — советской археологии.

Вечная память дорогим товарищам!

В настоящем выпуске «Кратких сообщений» печатаются результаты последних работ П. А. Дмитриева «Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г.», работы А. П. Круглова «Культовые места Южного Дагестана», М. В. Талицкого «Палеолитическая стоянка Пещерный Лог», Н. А. Прокошева «Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев».

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ПЕРВАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ НАХОДКА В БАССЕЙНЕ ЛЕНЫ

(Пономаревская стоянка)

К западу от Енисея, на территории Прибайкалья, после первой палеолитической находки 1871 г. за истекшие семьдесят лет обнаружено много новых палеолитических памятников. Все они концентрируются в бассейне Ангары, включая и недавно найденную стоянку около улуса Бозой на р. Куде. Не было найдено палеолитических поселений только далее на восток и на север от Куды — в бассейне Лены, одной из крупнейших рек Северной Азии.

Между тем геоморфологические условия долины Лены, особенно в верхнем ее течении, от с. Бирюльского до с. Жигалово, вполне благоприятны для поисков палеолита. Вдоль Лены и ее притоков хорошо выражены древние террасы различного уровня, покрытые красноцветными суглинками, типичными для Приленского края. В суглинках часто встречаются кости мамонта, носорога, дикой лошади и северного оленя. Много костей ископаемых четвертичных животных встречается, например, в долине р. Бирюльки, впадающей в Лену справа, ниже села того же названия. Местонахождения четвертичной фауны обыкновенно связаны здесь с высокой надпойменной террасой правого берега Бирюльки, ниже которой прослеживается еще одна более низкая терраса (до 8 м), а дальше тянется уже болотистая пойма.

Больше всего костей ископаемых животных встречается в неглубоких оврагах, прорезающих склон древней террасы несколько выше «стрелки», т. е. места, где соединяются левая и правая ветви Бирюльки. В этих же местах, на самой «стрелке» и выше по правому берегу главной (левой) Бирюльки, на более низкой террасе встречаются многочисленные следы неолитической культуры. В местности Пономарево, ниже «стрелки» и ближе к с. Бирюльскому, по правой стороне долины древняя высокая терраса особенно эффектна. В ее крутых и местами почти отвесных склонах обнажаются красные песчаники, покрытые сверху толщей суглинка такого же цвета. Широкое и ровное плато террасы уходит отсюда вдаль к невысокому «хребту» и почти незаметно переходит в него.

У самого края террасы, на старинных пашнях, в неглубоких рытвинах, образованных весенними потоками, на небольшой площади, не превышающей 50 кв. м, были обнаружены немногочисленные обломки сильно выветрившихся костей крупных животных, а также изделия из камня. Последние, кроме одного, сделаны из кремня и сильно патинированы; некоторые имеют серый цвет, другие же белого цвета.

Первое из этих изделий, массивное и тяжелое, по форме и размеру очень близко к большим полулунным скреблам, типичным для сибирских

палеолитических стоянок более позднего времени, чем Мальта и Буреть, но отличается от большинства таких скребел крутой спинкой. Оно оформлено широкими и плоскими фасетками с обеих сторон. Характерно, что лезвие сильно затуплено, имеет мелкие зазубрины и как бы смято от длительного употребления. Им должны были, следовательно, не столько работать как скреблом, сколько рубить. Это было, несомненно, настоящее рубящее орудие, в значительной мере заменявшее топор. Длина изделия 7.8 см, ширина 5.4 см (рис. 1, *а*).

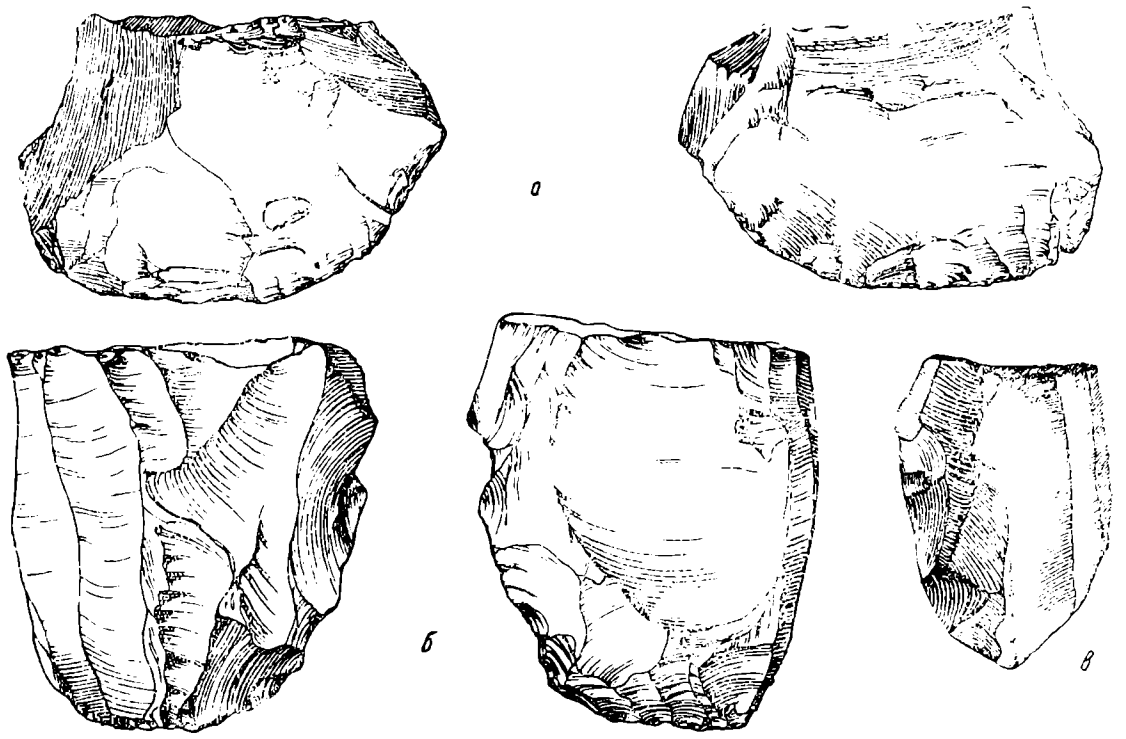

Рис. 1. Пономаревская палеолитическая стоянка. Кремневые орудия. *а* — скребло; *б* — нуклеус-скребло; *в* — обломок крупного нуклеуса.

Второе изделие столь же характерно по форме. Оно имеет вид нуклеуса-скребла, типичного для сибирского палеолита и неолита. От неолитических оно отличается своей большой величиной, но зато во всех отношениях сближается с одним из орудий, найденных в 1940 г. в палеолитическом поселении у с. Бурети. Овальное в поперечном сечении, это изделие с одной стороны имеет широкие грани сколов, с которых были сняты ножевидные пластины правильной удлиненной формы. Соответственно этому площадка нуклеуса тщательно выравнена. Конец изделия, противоположный его базе, оформлен как выпуклое дугообразное лезвие. С одной стороны он обработан тщательной «солютрейской» ретушью, с другой же — более грубыми сколами. Боковой край изделия, противоположный краю, превращенному в нуклеус, является продолжением лезвия. Длина изделия 7.5 см, ширина 6.6 см (рис. 1, *б*). И это изделие тоже имеет на своем лезвии следы употребления в виде тяжелого рубящего орудия.

Материалом для третьего изделия послужил не кремень, а галька яшмовидной породы темнозеленого цвета. Изделие не закончено обработкой. Форма его овальная. По форме и технике оно очень близко к обычным позднепалеолитическим скреблам Сибири. Длина его 13 см, ширина 5 см.

Четвертый предмет — обломок крупного нуклеуса, покрытого правильными, длинными и широкими фасетками продольных сколов от сня-

тых призматических пластин. На нем, кроме того, заметны и следы предварительных сколов. Длина 5.7 см, ширина 4 см (рис. 1, *в*).

Следующие изделия являются призматическими нуклеусами; один из них может быть отнесен к типу «боковых нуклеусов», выявленному Н. К. Ауэрбахом в инвентаре Афонтовой III. Он представляет собой небольшой неправильно-четырехугольной формы обломок кремня, на одном конце имеющий подготовленную сколами ровную площадку. Обе широкие поверхности имеют следы сколов. Материал — беловатый кремень с серыми жилками. Изделие было покрыто известковой коркой. Длина 4.7 см. Второе изделие представляет неправильно-конической формы обломок беловатого кремня с длинными и узкими гранями, использованный как нуклеус. Длина 6.5 см.

Третий нуклеус боченкообразной формы, из белого непрозрачного кремня с прямыми, усеченными поперечными сколами, ударными площадками на обоих концах. Длина 2.3 см.

Четвертый нуклеус изготовлен из черного известнякового кремня. Одно боковое ребро нуклеуса обработано с двух сторон крутой мелкой ретушью и превращено в обоюдоострое лезвие. Следы ретуши есть и у противоположного ребра. Длина 4.5 см.

Кроме того, тут же поднята одна галечка удлиненно-грушевидной формы. Суженный конец имеет зазубрины и сколы — следы ударов о твердый материал. Очевидно, это отбойник. Длина 10 см.

Все эти изделия находят близкие аналогии в инвентаре поздне-палеолитических поселений Сибири. У нас при этом нет оснований датировать их особенно поздней порой сибирского палеолита. Нуклеусы-скребки и призматические нуклеусы известны уже в Мальте и Бурети. Но там неизвестны еще нуклеусы такой правильной формы и хорошо установившиеся по форме образцы овальных и полулунных скребел. Наиболее близки новые ленские находки к материалам таких стоянок, как Афонтова III, относящиеся к тому времени, когда мамонт был еще обычным животным на берегах Енисея и Ангары, но носорог, повидимому, исчез [1].

Не противоречат этому и положение стоянки на высокой древней террасе и характер материала, которым пользовались ее обитатели для изготовления своих орудий. Как известно, в позднем палеолите Сибири широким применением пользовались, кроме кремня, яшмовидные породы, добываемые в виде речных галек. Судя по общему характеру и условиям новых лесных находок, это были, повидимому, следы небольшого временного стойбища, а не обширного поселения, как это имело место в таких памятниках, как Верхоленская Гора (нижний слой), Буреть и Мальта, представлявшие настоящие зимние поселки, а не «стоянки» бродячих охотников.

Нужно надеяться, что на Лене будут обнаружены и другие памятники палеолита, а публикуемая первая находка не останется единственной.

А. П. Окладников

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА «ПЕЩЕРНЫЙ ЛОГ»

Река Чусовая выше своего впадения в Каму делает ряд поворотов. У д. Переволока, не доходя несколько километров до д. Верхние Гари, она круто поворачивает к левой стороне долины, делает большую петлю, принимает в себя реку Сылву и, очертив почти полную окружность, возвращается к деревням Верхние и Нижние Гари. От Гарей до д. Остров

---

[1] Ср., например, Н. К. Ауэрбах. Афонтова III. Красноярск, 1929, табл. 8, рис. 10.

Чусовая течет под правым берегом, затем, оставляя по правую сторону широкую пойму, снова делает большую дугу, кончающуюся у с. Красная Слудка на правой стороне долины. Вдоль последней река течет до д. Адищевой, а далее, постепенно отходя от высоких частей долины, без крутых поворотов протекая под поселком Левшино, вливается в Каму. От д. Гари до д. Остров и от Красной Слудки до д. Адищевой обнажается, будучи подрезана рекой, мощная толща долинных отложений. В частности близ д. Гари вскрываются разрезы боровой, второй надпойменной и третьей террас, повторяющиеся в обратном порядке у д. Остров. На поверхности боровой террасы известны стоянки возрастом 2 000—1 800 лет до н. э.— у д. Гари, в пос. Левшино, у оз. Грязного и др.

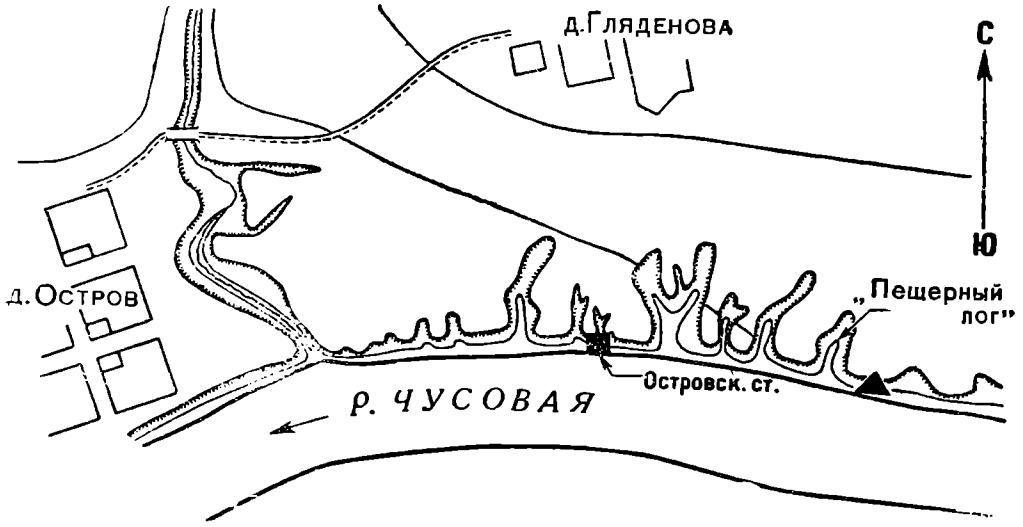

Рис. 2. План ближайших окрестностей дер. Остров. ▲ — место находок у «Пещерного Лога».

В 1938 г. удалось обнаружить палеолитическую стоянку в средней части толщи второй надпойменной террасы близ д. Остров [1]. При раскопках ее в 1939 г. продолжались разведки обнажений правого берега. Один из пунктов выше Островской стоянки представлял интерес вследствие частых находок ископаемой фауны. Находится он близ так называемого «Пещерного Лога» (рис. 2). При наших разведках здесь найдены часть тазовой кости слона (вид определить не удается), часть рога очень крупного оленя; немногим выше этого пункта найдена челюсть молодого носорога. В 1938 г. при выезде Г. Т. Мауэра для разведки по следам находок, поступивших в Молотовский музей от местных жителей, на этом же пункте обнаружен бивень молодого мамонта. Наконец, здесь же в 1935 г. мной был найден позвонок и зуб молодого мамонта. Начиная от этого пункта, к берегу Чусовой выходят обнажения сорокаметровой террасы, на всем протяжении которых (около полукилометра) находки ископаемой фауны вобще не редки.

Наибольший интерес из находок у Пещерного Лога вызывают:

1. *Небольшое рубильце*, поднятое во время разведки с поверхности щебенки и галечников на бичевнике (рис. 3, *а*). Материалом для изготовления этого орудия служил сильно окременевший черный сланец. В нем ясно заметна зернистая структура и мелкая слоистость. Раковистый излом имеет матовую, шероховатую поверхность, а не блестящую, лоснящуюся, как у мелового кремня.

[1] М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой. Бюлл. Комиссия по изуч. четверт. пер., № 6—7, стр. 136.

Орудие имеет двустороннюю обработку довольно крупными плоскими сколами. Сколы круче на более массивной пяточной части. Местами встречные сколы сливаются вместе, образуя общую раковистую поверхность. Лезвие имеет вторичную подправку мелкими фасетками, но преиму-

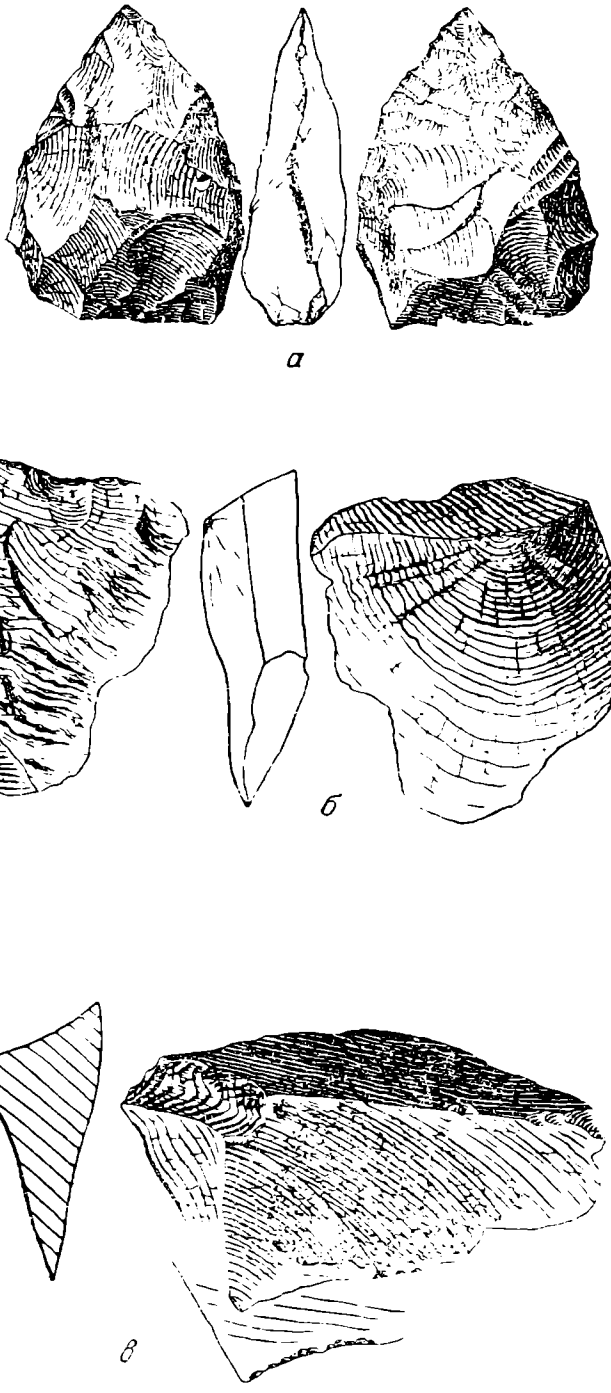

Рис. 3. «Пещерный Лог».

а — «рубильце» из кремневого сланца; *б* — широкий отщеп; *в* — массивный отщеп.

щественно около острого конца рубильца, что указывает на его функциональное назначение. Возможно, что было бы более правильно назвать орудие «остроконечником». Края пяточной части менее заострены и почти нигде не имеют вторичной подправки. Орудие совершенно не окатано. Лезвие сохранило остроту, приданную ему при обработке. Грани фасеток имеют четкие очертания. В углубленных углах фасеток заметна прочная,

несмывающаяся железистая окрашенность. Длина 55 мм, ширина 42 мм, толщина в средней части 11 мм, толщина пятки 16 мм.

2. *Широкий отщеп* (рис. 3, *б*). Материал тот же, какой употреблен на изготовление рубильца. Отщеп имеет подтреугольную форму, ясно выраженный высокий и широкий ударный бугорок и не менее ясную ударную площадку. Плоскость последней составляет с плоскостью брюшка тупой угол приблизительно в 120° Как видим, отщеп чрезвычайно напоминает скол с дисковидного нуклеуса, но все же есть и отличие от него. Ударная площадка является не искусственно подготовленной поверхностью, как у типичных мустьерских отщепов, а представляет собой естественную корку крупной гальки. В некоторых местах на сколотых гранях отщепа имеются известковые натёки. Размеры 62 × 61 мм, толщина 12 мм.

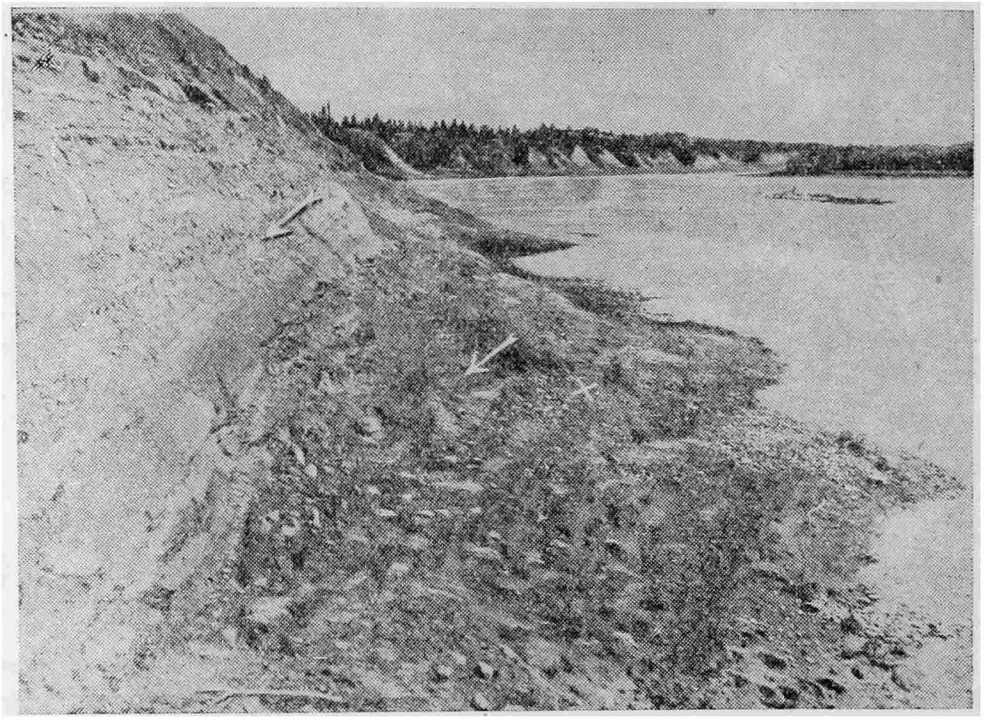

Рис. 4. Правый берег р. Чусовой у «Пещерного Лога». × — место находки «рубильца» и отщепов. Стрелками указаны места выходов линз галечника и щебенки.

3. *Массивный отщеп* (рис. 3, *в*). Трехгранный отщеп довольно случайной формы, из такого же материала, как и вышеописанные находки. Повидимому, использовался как режущее орудие, так как в нескольких местах на острых краях имеется легкая подретушевка, которая, правда, могла образоваться и при работе. Она очень ясно заметна вдоль более тонкого острого края, заканчивающегося острым углом. На менее острых краях массивной части отщепа заметна легкая зашлифовка и округленность углов, возможно, образовавшаяся от захватывания рукой. Одна из граней отщепа покрыта прочным известковым натеком. Размеры: 83 × 48 мм, толщина 20 мм.

Кроме описанных орудий и отщепов, имеются еще два куска такого же черного, немного слоистого кремнистого сланца с ясными следами искусственных сколов. На поверхности сколов присутствуют известковые натёки, указывающие на их древность. Но сколы имеют довольно случайный характер.

Хотя и рубильце и отщепы найдены не in situ, все же имеется некоторая возможность связать их с непотревоженными отложениями. Ще-

бенка и галечник, на поверхности которых лежали находки, представляют собой размытые и спроектированные на бичевник линзы аналогичного состава (щебенка с песком и глиной или галечник с песком и глиной), включенные в толщу сине-серых плотных глин (рис. 4 и 5). Последние составляют нижние части обнажений, круто поднимающихся вверх от бичевника на высоту 26—30 м. По заключению В. И. Громова, глины являются цоколем третьей надпойменной террасы, верхние части которой уничтожены древним размывом. В более глубоких частях берега отложения террасы представлены полностью. Толща суглинков и супесей, лежащая на сине-серых глинах в пункте Пещерный Лог, представляет собой суглинистый и в верхних частях супесчаный или песчаный аллювий второй надпойменной террасы, который чечевицеобразно налегает на цоколь третьей террасы.

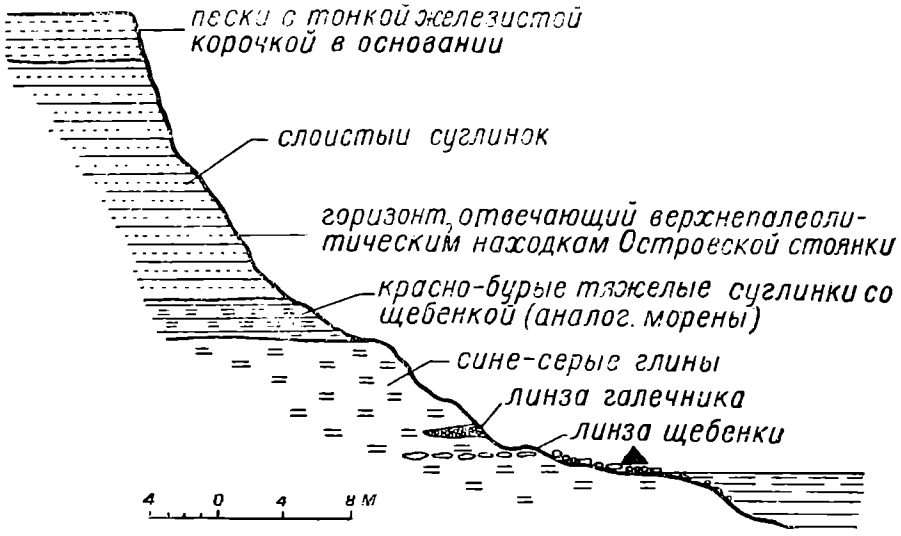

Рис. 5. Стратиграфия берега у «Пещерного Лога». ▲ — место находок.

В глубинных частях фасеток на рубильце сохранились красноватые железистые натеки, обычные для всех включений описанных линз. Подобные же натеки, или, вернее, легкая железистая окрашенность, имеются на щебенке, на гальке и на добытом мной, непосредственно из щебеночной линзы, позвонке бизона. На уровне воды видна также толстая линза песка, включенная в глину желто-рыжего цвета. В вышележащих суглинках второй террасы мне не приходилось наблюдать наличия окрашенности такого рода на включениях. Это обстоятельство позволяет с известной долей уверенности считать находки вымытыми вместе с галечником и щебенкой из упомянутых линз.

С чисто типологической стороны находки имеют, как видим, весьма архаичный характер. Рубильце вполне аналогично формам, какие мы знаем из крымских стоянок в гроте Киик-коба (верхний слой), в пещере Волчий грот [1], в Чокурче и также в многочисленных стоянках Западной Европы, с инвентарем типа верхнего слоя Ла Микок. Отщеп (рис. 3, *б*) представляет не менее типичную форму скола с мустьерского дисковидного нуклеуса. Типологические признаки находок и условия геологического залегания их позволяют с известной вероятностью высказать мысль о позднемустьерском возрасте орудий. Для того чтобы вполне уверенно датировать находки, необходимо вести дальнейшую работу по наблюдению за данным пунктом как с археологической, так и с геологической стороны.

[1] По новейшим раскопкам О. Н. Бадера, любезно предоставившего возможность ознакомиться с материалами раскопок.

К сожалению, организовать раскопки в целях поисков культурного слоя стоянки трудно. Для вскрытия большой площади щебеночных и галечных линз, в чрезвычайно тяжелых для раскопок условиях залегания, которые потребуют вложения значительных средств, необходимо иметь полную уверенность, что находки происходят именно из этих линз. «Сибирский», енисейский облик верхнепалеолитической Островской стоянки показывает, что орудия мустьерского характера могут быть обнаружены и в верхнем палеолите Прикамья.

М. В. Талицкий

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ КОЛОМИЙЩИНА

(Опыт реконструкции)

Одним из основных вопросов в области изучения трипольской культуры, привлекших за последние годы внимание советских археологов, явился вопрос о родовых поселениях и жилищах трипольского времени. В дореволюционной науке и в первые годы после Октября, несмотря на значительное число раскопанных трипольских памятников (так называемых «площадок»), вопрос этот оставался в значительной мере не разрешенным.

Несовершенство приемов раскопок (узкими траншеями и небольшими участками) не позволяло раскрыть целиком остатки трипольских памятников и приводило часто к неверным заключениям о «загадочных глиняных площадках», как о постройках, связанных с погребальным культом [1].

В противоположность теории В. В. Хвойко и позднее Э. Р. Штерна, в археологии еще в 1900 г. была известна и другая точка зрения, разъяснявшая значение трипольских площадок, как жилищ. Так, вскоре после первых открытий В. В. Хвойко, Н. Ф. Беляшевский, а позднее А. А. Спицын, производивший большие раскопки в с. Колодистом, со всей определенностью высказывались за принадлежность открытых ими памятников к жилищам [2].

И все же еще совсем недавно заключения о культовом характере трипольских площадок если и не были господствующими в археологии, то во всяком случае наиболее общеизвестными.

Отсюда становится вполне понятным, что и другой, не менее важный в археологии вопрос о родовых поселениях до последнего времени почти не затрагивался.

Перед трипольской экспедицией, начавшей в 1934 г. свои работы в УССР, стояла первоочередная задача — наряду с изучением трипольской «площадки» одновременно исследовать целиком всю территорию древнего поселка. Систематические раскопки, проведенные экспедицией в Киевской обл. (с. Халепье Обуховского района), показали, что здесь правый берег Днепра был густо заселен в III—II тысячелетии до н. э. Многочисленные трипольские поселения (известно свыше 30) располагались обычно на

---

[1] В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI Археол. съезда, т. I.— Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. Тр. XII Археол. съезда, т. I.

[2] Н. Ф. Беляшевский. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого, Звенигородск. у. Археол. летоп. Южной России, т. II, 1900, стр. 143.— А. А. Спицын. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого, Киевской губ. ИАК вып. 12, 1904.

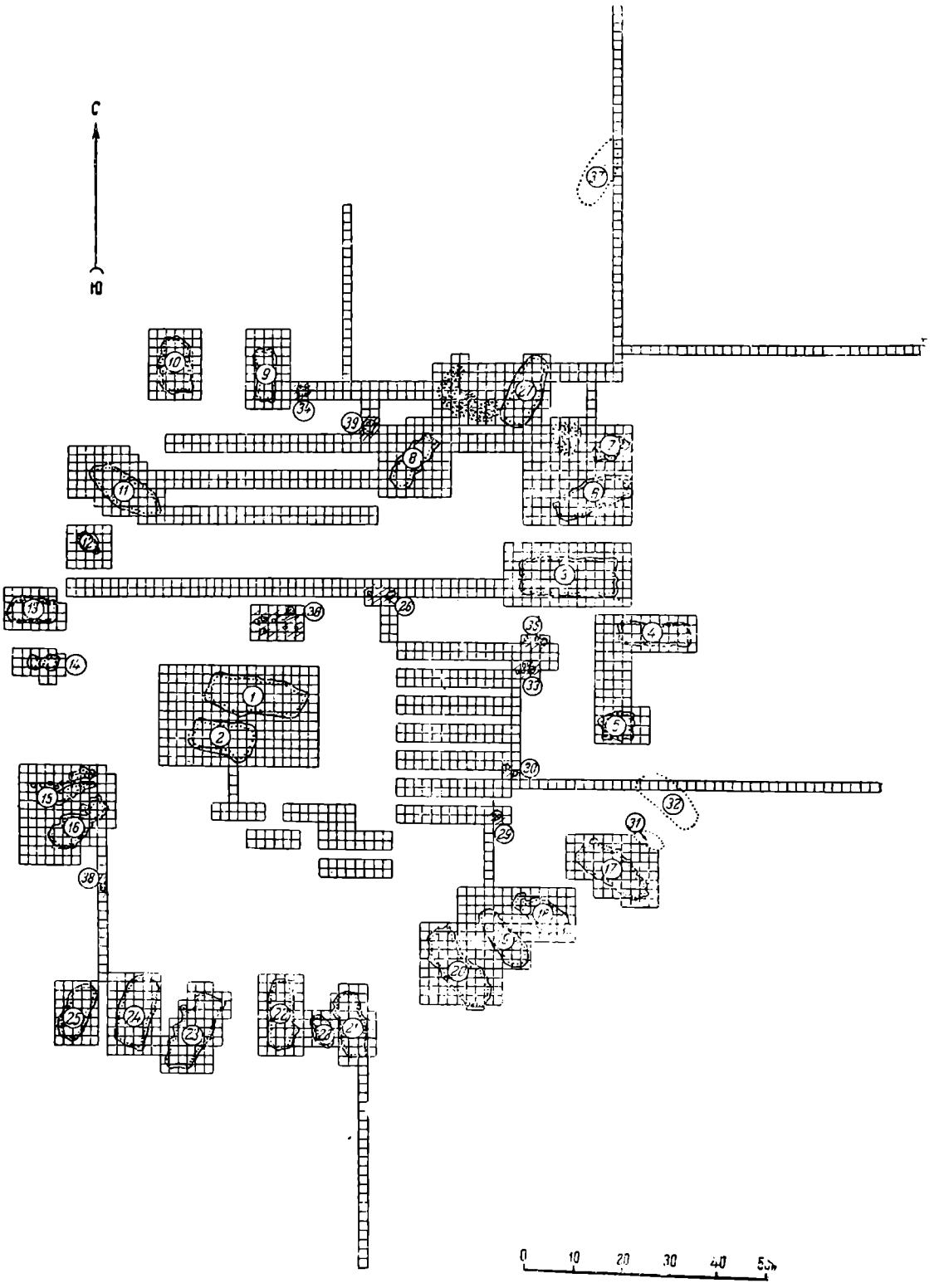

Рис. 6. Схематический план древнего поселения в уроч. Коломийщина. Сплошная линия с пунктиром — раскопанные жилища; точки — ракушечные кучи; пунктир — еще нераскопанные жилища.

высокой части лессово-черноземного плато (поблизости к выходам ключей грунтовых вод) вдоль текущих здесь небольших речек Стугна, Красная, Бобрица, Сухая Бобрица, Сквирч [1]. В нескольких случаях поселения были обнаружены на более пониженных точках рельефа, как, например, в уро-

[1] Подробно см.: Трипільська культура, т. I, Київ. 1940.

чище Ивкватица, близ с. Жуковцы, что объясняется и более низким расположением здесь выходов грунтовых вод. Сравнительно небольшие трипольские поселения находятся на чрезвычайно близком расстоянии (1/2—1 км) одно от другого. В основе хозяйства живших здесь племен лежало примитивное мотыжное земледелие с возделыванием на непосредственно прилегающих к поселкам землях пшеницы, ячменя, а также постепенно развивающееся скотоводство. Охота и рыболовство играли второстепенную роль [1].

На одном из таких поселений, в урочище Коломийщина около с. Халепье (направо от дороги Халепье — Стайки), за 5 лет раскопок раскрыта огромная территория в 13 тыс. кв. м, занятая родовым поселком (рис. 6).

Благодаря новой методике раскопок большими площадями установлено, что 39 жилищ располагались на поселении двумя концентрическими кругами [2]. Такая система их расположения создавала замкнутость и своеобразную укрепленность всего поселка. Диаметр наружного круга (состоящего из 31 жилища) равняется 160 × 170 м, диаметр внутреннего — 70 × 75 м (8 жилищ).

Весьма возможно, что поселение было огорожено с внешней стороны легкой изгородью из плетня. Однако в археологических материалах доказательств этому предположению мы пока не находим.

Кроме раскопки 36 жилищ, была исследована и центральная часть поселения, оказавшаяся свободной от построек. Эта площадка в центре служила, с одной стороны, местом для загона скота, с другой — на ней могли совершаться различные празднества и обрядовые пляски (рис. 7).

Культурный слой на поселении очень бедный и, так же как глинобитные остатки разрушенных построек, залегает в черноземном слое на глубине от 0.20 до 0.80 м. Более интенсивные скопления костей животных, фрагментов керамики и глиняной обмазки прослеживаются на той же глубине вблизи жилищ. Кроме того, в северо-восточной части поселения в двух местах открыты мощные наслоения культурного слоя до 1 м толщиной, состоявшие из большого количества створок раковины Unio, костей домашних и диких животных, костей и чешуи рыб, а также фрагментов керамики, обмазки, отдельных поломанных орудий из кости и обломков глиняных статуэток. «Ракушечные кучи» располагались за границами жилищ, на периферии поселка. «Ракушечная куча» между жилищами № 27 и 28 находилась, как установлено в процессе раскопок, на месте небольшой, в настоящее время сильно заплывшей балки, непосредственно подходившей в древности к северной стороне поселения. Как видно по плану [3], именно в связи с наличием здесь древней балки, жилище № 8 оказалось расположенным не в пределах наружного круга, а несколько ближе к центру.

Трипольские «площадки» оказались большими многоочажными домами, прямоугольными в плане, достигающими часто 100—150 кв. м. Из 36 жилищ, раскопанных на поселении, 22 представляют такие большие дома [4].

Огромное внимание уделяли строители сооружению фундаментов и

---

[1] Ср. Е. Ю. Кричевский. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. Краткие сообщения ИИМК, вып. III, 1940.— Он же. Из истории Дунайского Понизовья в неолитическую эпоху. Краткие сообщения ИИМК вып. VIII, 1940.

[2] Т. С. Пассек. Новые исследования в области трипольской культуры. Сов. археол., III, 1937.— Она же. Исследования трипольской культуры в УССР за 20 лет. Вестн. древн. ист., М., 1938, № 1 (2).— Она же. Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г. Вестн. древн. ист., М., 1939, № 1 (6).

[3] Т. С. Пассек. Трипільське поселення Коломийщина. Трипільська культура, т. I, Київ, 1940, стр. 16—17, рис. 1 и 2.

[4] Там же, стр. 20—21.

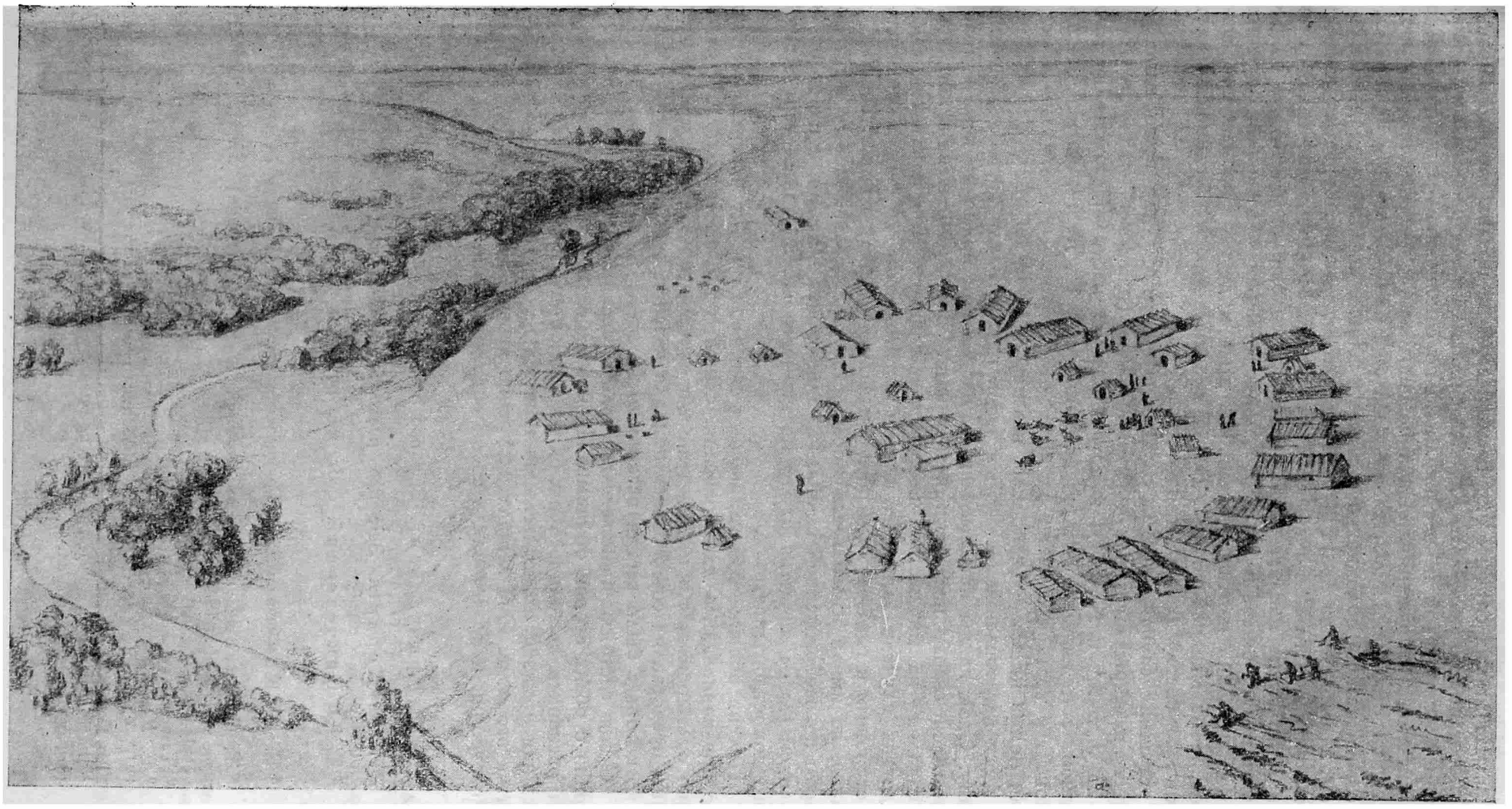

Рис. 7. Реконструкция поселения в уроч. Коломийщина (рис. худ. В. В. Селиванова).

полов. Во многих случаях они накладывали на предварительно выравненное пространство расколотые дубовые плахи. Плахи располагались параллельно друг другу и перпендикулярно по отношению к продольной оси воздвигаемого сооружения. Плахи обычно были обращены вверх широкой и плоской стороной, значительно реже они клались вверх ребрами. Судя по отпечаткам на обломках обожженной глины, ширина плах доходила до 25 см, а длина — до полутора метров. Этот деревянный настил затем покрывался слоем глины, смешанной с полóвой. Неоднократно было установлено, что глина накладывалась не одним сплошным слоем, а в виде отдельных удлиненных и примерно прямоугольных «вальков» или «кирпичей» [1] «Вальки» плотно пригонялись друг к другу, промежутки между ними промазывались глиной. Вслед за этим деревянно-глиняный настил обжигался сверху несколькими кострами.

В одних случаях настил служил фундаментом для всего жилища и сверху перекрывался плитчатыми полами (например, жилища № 9 [2], № 23 [3], № 5 [4] и № 24 [5]); в других случаях настил располагался только в одной части жилища (например, жилища № 1 [6], № 4 [7], № 11 [8], № 25 [9]), наконец, в третьих случаях он вовсе отсутствовал и плитчатые полы лежали прямо на земле (например, жилища № 2 [10], № 14 [11]).

Для изготовления плитчатых полов использовали хорошо отмученную глину. Слой глины намазывался на настил или прямо на землю и затем обжигался сверху несколькими кострами. При разрушении жилища он распадался на множество неправильных фрагментов плитчатой формы. В других случаях глиняные плитки изготовлялись и обжигались где-то на стороне и в готовом виде раскладывались на полу жилищ. Плитки эти, однако, не имели правильных форм, они скреплялись между собой раствором из необожженной глины. Использование настилов и полов из обожженной глины является одной из наиболее своеобразных черт трипольского домостроительства [12].

Пол из обожженной глины был необходим в тех частях дома, которые предназначались для хранения, сушки, обработки зерна. Он отделял зерно от сырой земли и защищал его от грызунов. Пол из обожженной глины представлял собой также под для печей и очагов в одном большом доме, которых было всегда несколько.

Стены состояли из нетолстых кольев, соединенных плетением из лозы. Карниз с обеих сторон обмазывался необожженной глиной. Остатков стен при раскопках выявлялось очень немного, причем желтоватая, слабо обожженная обмазка с растительной примесью обычно встречалась у границ плитчатого пола. Она лежала на уровне деревянного глиняного фундамента постройки и представляла собой остатки глиняной основы стены.

---

[1] Е. Ю. Кричевський. Звіт про розкопки житла (площадки) № 23. Трипільська культура, т. I, 1940, стр. 243.

[2] Н. А. Кордиш. Звіт про розкопки житла (площадки) № 9.— Там же, стр. 285 сл.

[3] Е. Ю. Кричевський. Звіт про розкопки житла (площадки) № 23. Там же, стр. 229 сл.

[4] Там же, стр. 271.

[5] Е. Ю. Кричевский. Трипольские площадки. Сов. Археол., VI, 1940, стр. 32.

[6] Т. С. Пассек. Звіт про розкопки житла (площадки) № 1. Трипільська культура, т. I, Київ, 1940, стр. 43 сл.

[7] Там же, стр. 115 сл.

[8] Там же, стр. 143 сл.

[9] Е. Ю. Кричевский. Трипольские площадки. Сов. Археол., VI, стр. 33.

[10] Т. С. Пассек. Звіт про розкопки житла (площадки) № 2. Трипільська культура, т. I, стр. 77 сл.

[11] Е. Ю. Кричевський. Звіт про розкопки житла № 14. Там же, стр. 179 сл.

[12] Там же, стр. 277 сл.

При раскопках 1938 г. были впервые открыты остатки столбов, и поэтому значительно прояснился вопрос о характере перекрытия трипольских жилищ.

В жилищах № 24 и № 25, там, где проходили поперечные перегородки, отделяющие одну камеру от другой, были открыты остатки нижних частей сильно обугленных дубовых столбов; они размещались попарно, внутри перегородок, отступя на 1—1.3 м от наружных стен.

Внутри жилища шли два ряда столбов. Вместе с кольями стен они могли поддерживать только двускатную крышу, вероятно покрытую соломой.

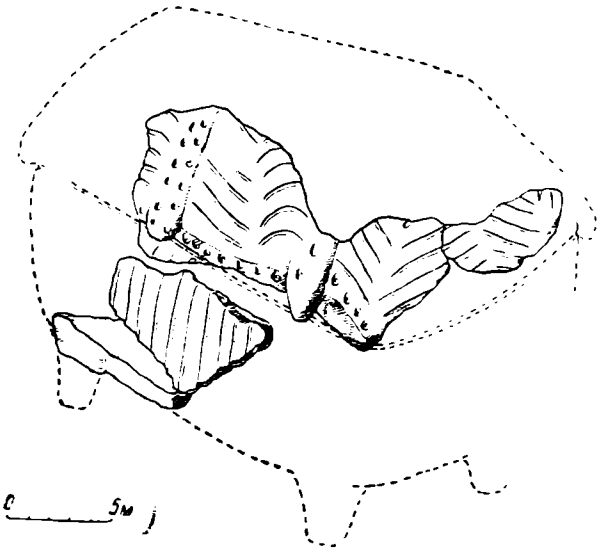

Рис. 8. Реконструкция модели трипольского жилища (по материалам раскопок 1939 г. в Коломийщине II).

Это предположение полностью подтвердилось после находки в 1939 г. новой трипольской модели на поселении Коломийщина II. В отличие от ранее известных (Сушковка, Попудня, Владимировка), коломийщинская модель изображает жилище с двускатной крышей и тремя стропилами с каждой стороны [1] (рис. 8). На модели при общей двускатности передняя и задняя части крыши несколько закруглены. Таким образом, двускатная крыша перекрывала овально-прямоугольную в плане постройку, дававшую абсидообразное закругление с одной стороны.

Судя по расположению обломков обожженной глины, составляющих так называемые «площадки», жилища на Коломийщине I всегда имели правильные прямоугольные формы.

При раскопках на Коломийщине неоднократно встречались остатки дверных порогов в виде небольших глиняных валиков. Такие же пороги переданы на уманских моделях (Сушковка, Попудня). Они указывают на места входов обычно в одной из узких сторон дома. Форма двери достоверно не была установлена. О форме и месте окон можно судить только на основании моделей: небольшие округлые отверстия располагались над очагами, вероятно облегчая выход дыма.

[1] M. Himner. Etude sur la civilisation premycienne dans le bassin de la mer Noire, d'après des fouilles personnelles. Swiatowit, Warszawa, 1933, вып. XIV, стр. 151, табл. XVI—XVIII. — В. Е. Козловська. Точки трипільської культури біля с. Сушківки на Гуманьщині. Трипільська культура на Україні, вып. I, Київ, 1926. — Т. С. Пассек. Трипольские модели и жилища. Вестн. древн. ист., II., 1938, № 4. — Т. С. Пассек и Б. П. Безвенглинский. Новые открытия трипольской археологической экспедиции в 1939 г. Вестн. древн. ист., М., 1939, № 4.

Как показали раскопки на Коломийщине, печи в трипольских жилищах были четырехугольные в плане (2 × 1.8 м или 2 × 2.2 м), невысокие (1.6—2 м); они часто украшались рельефными карнизами, заканчиваясь вверху округлой «головкой», не имевшей, видимо, дымохода. Вход печи и передняя стенка часто имели покраску красной краской. По форме коломийщенские печи, как показала их реконструкция, сделанная на основании фрагментов обмазки, чрезвычайно близки к изображениям печей на трипольских моделях жилищ из Попудни и Сушковки[1]. Стены печи строились из деревянных плах свод делался в виде каркаса из лозы и прутьев и обмазывался со всех сторон глиной. Характерный для трипольских печей мощный «под» складывался из двойного или тройного горизонтального ряда глиняных толстых (до 20 см) специально изготовленных подовых плит, которые клались на глиняный настил, также составленный из необычайно мощных «вальков». Эта основа поднимала уровень печи сантиметров на 20—30 выше уровня пола. Она часто сливалась с околопечным возвышением (лежанкой).

Большие и даже средние по величине трипольские жилища всегда делились на несколько помещений.

В одних случаях внутри дома выделялась одна его часть для хранения и обработки зерна, а в другой располагалось несколько глиняных печей. Подобное деление дома представлено, например, на уманских моделях, передающих небольшие односемейные жилища. Оно сохраняется и во многих больших домах, достигающих более 20 м в длину.

Все население одного большого дома представляло определенное хозяйственное единство. Оно владело общими запасами, коллективно осуществляло приготовление и распределение пищи. Это и проявлялось в только что описанном принципе внутреннего деления жилищ.

Формирование парных семей оказало, однако, свое влияние на организацию домашнего хозяйства и на внутреннюю планировку жилищ. В больших трипольских домах жило несколько или много парных семей, и часто каждая из них получала свое отдельное помещение. Несколькими перегородками дом разделялся тогда на ряд «комнат». Перегородки были построены так же, как и внешние стены. Они поддерживались теми же внутренними столбами, которые были и основной опорой крыши. Таких помещений бывало четыре, пять, может быть больше. Одни из них использовались коллективно всем населением дома, они были или «амбарными» помещениями или простыми сенями. В других жили отдельные парные семьи, и каждая из них имела свою печь.

Во многих случаях все жилище состояло только из нескольких семейных помещений. В каждом из них имелся свой очаг, лежали зернотерки, стояли сосуды, в том числе «зерновики» (сосуды для хранения зерна), миски для замешивания теста, горшки для варки.

Во внутреннем делении трипольских жилищ, следовательно, проявляются два различных принципа, один из которых мы могли бы условно назвать «коллективистическим», а другой — «парно-семейным».

Первый преобладает во внутреннем делении жилищ №№ 1, 2, 5, второй — в планировке жилищ №№ 4, 9, 13, 23, 24; жилища № 11 и 25 с этой точки зрения занимают промежуточное положение. От внутреннего деления жилищ, от соотношения «печных» и «амбарных» помещений во многом зависело число глиняных плитчатых полов в той или другой части сооружения.

Неравномерная многослойность глиняного пола является одним из характерных признаков трипольского жилища. Она определялась не толь-

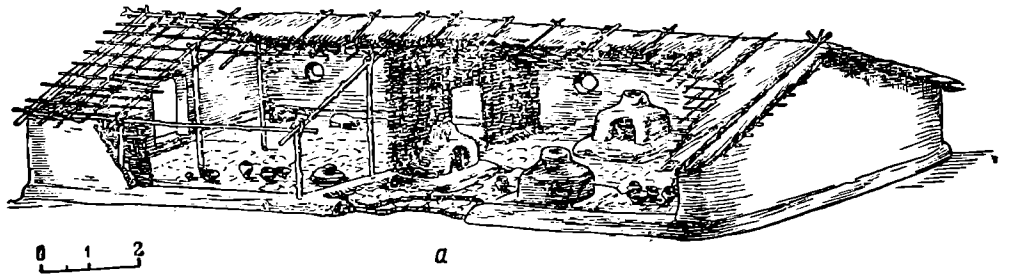

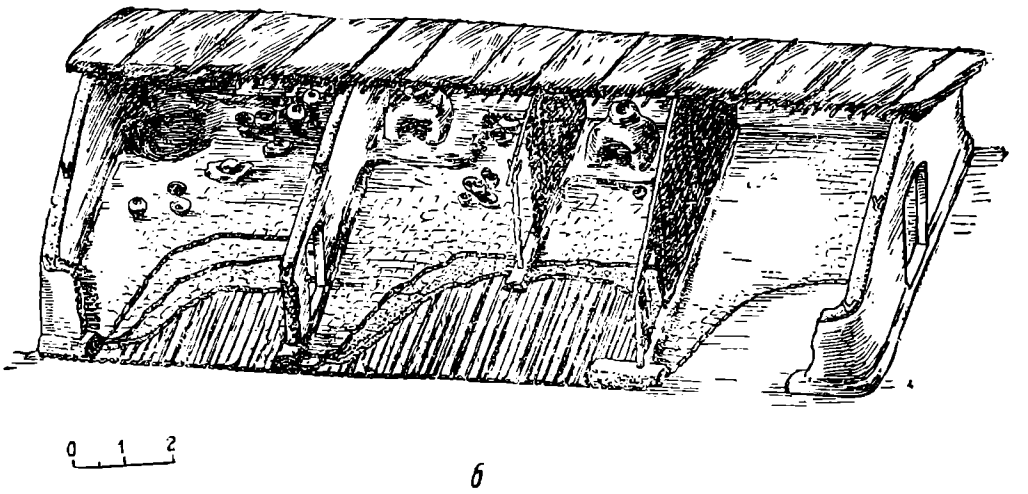
[1] Е. Ю. Кричевський. Розкопки на Коломийщині та проблема Трипільських площадок. Трипільська культура. Київ, 1940, т. I, стр. 492.

ко внутренним делением помещений, но и постоянным ремонтированием или последовательным расширением жилища.

В последнем случае дом перестраивался и новые глиняные полы полностью покрывали старые.

Поэтому в каждом трипольском поселении имеются жилища самых разнообразных размеров, и чем они меньше, тем проще их конструкция.

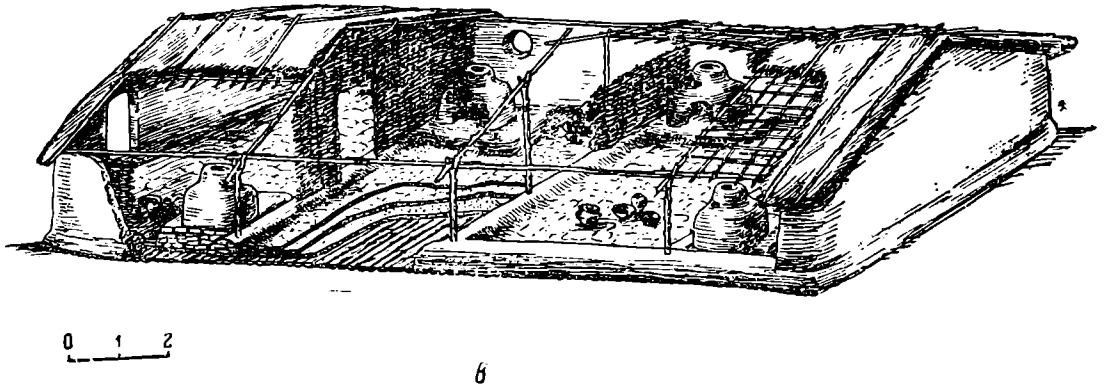

Рис. 9. Поселение в уроч. Коломийщина. Реконструкция трипольских жилищ. *а* — жилище № 2; *б* — жилище № 11; *в* — жилище № 24 (рис. худ. В. В. Селиванова).

Большие дома доходили до 30 м длины и, как всегда, длина в два, три или четыре раза превышала ширину. Наряду с большими всегда представлены средние дома, 10—15 м длины, и какие-то совсем небольшие, не превышающие нескольких метров в длину и ширину, односемейные и одноочажные сооружения с обожженным глиняным полом.

Все эти наблюдения легли в основу предлагаемой реконструкции трех трипольских жилищ из поселений на Коломийщине I.

На рис. 9, *а* представлена реконструкция жилища № 2. Жилище делится только на две части: в одной из них сосредоточены три печи, в другой несколько зернотерок и сосудов. В основании «печной» части лежит двуслойный плитчатый пол, в основании «амбарной» — трехслойный. Деревянный глиняный настил отсутствует и плитчатый пол лежит прямо на земле. На рис. 9, *б* представлена реконструкция жилища № 11. Жилище делится на четыре помещения. Два помещения лишены печей. Одно из них примыкает к двери, только с одним тонким плитчатым полом и представляет собой входную часть или «сени».

Второе, лишенное печи помещение с двумя плитчатыми полами, лежащими на деревянно-глиняном настиле, расположено в другом конце дома. Там сосредоточены зернотерки, имеется яма, выложенная плитами. Это помещение было местом для хранения и переработки зерна, общим для всех обитателей дома.

Каждое из двух центральных помещений имело по одной глиняной печи, каждое было с одним плитчатым полом, лежащим на деревянно-глиняном настиле. Обе печи стояли вдоль одной стены.

По основному принципу внутреннего деления помещения, жилище № 4 как бы занимало промежуточное положение между жилищем № 2 и жилищем № 24.

Жилище № 24 (рис. 9, *в*) было целиком покрыто двумя плитчатыми полами, лежащими на деревянно-глиняном настиле. Оно было разделено на четыре помещения, и в каждом из них располагалась одна печь, зернотерки, набор глиняных сосудов.

В жилищах данного типа «парно-семейный» принцип внутреннего деления полностью господствует.

При сопоставлении всего комплекса находок Коломийщины I с другими трипольскими поселениями, а также со стратиграфически проверенными наблюдениями, имеющимися в нашем распоряжении, поселение Коломийщина I должно быть отнесено, так же как и группа площадок «Культуры В» Хвойко, известных по его раскопкам в этом же районе, к одному из поздних этапов развития Триполья, к этапу «С» по классификации Т. С. Пассек [1]

Проводившиеся Трипольской экспедицией параллельно с раскопками на Коломийщине I исследования на других трипольских поселениях, как, например, здесь же, в урочище Коломийщина II, во Владимировке (Кировоградской обл.), в Городске (Житомирской обл.) и др., а также раскопки Одесского музея в Усатове и Сабатиновке заново поставили и разрешили ряд сложнейших вопросов древнейшей истории УССР, наметив тот путь, по которому шло историческое развитие примитивных земледельческих племен на территории Днестровско-Днепровского бассейна.

Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЛЕТОМ 1940 г.

В июле — августе 1940 г. в Свердловскую обл. была направлена экспедиция для производства археологических раскопок на мысу Толстик на Исетском озере, в 20 км от г. Свердловска и разведок по р. Исети в пределах Свердловской обл. Экспедиция была организована Государ-

[1] T. Passek. La céramique tripolienne. Изв. ГАИМК, вып. 122, 1935.

ственным историческим музеем и Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, при участии Свердловского областного музея.

Мыс Толстик на западном берегу Исетского озера уже давно обратил на себя внимание местных археологов, однако никаких раскопок на нем не производилось.

В последние годы в Свердловский музей начали поступать отдельные интересные находки, сделанные учениками местной школы на мысу Толстик: наконечники копий, литейные формы, амулеты и пр. Большинство этих предметов можно отнести к раннеананьинской эпохе, но некоторые из них, например литейная форма для копья, несомненно восходят к сейминским типам.

Поскольку находки предметов смешанных сейминско-ананьинских типов на Урале уже имели место, нужно было установить точнее, не является ли данный памятник переходным от сейминской культуры к ананьинской. Интересно также было выяснить, что́ представляет собой этот памятник: селище, городище или могильник.

Поэтому для углубленных исследований и был выбран именно мыс Толстик.

Мыс представляет собой естественную возвышенность, которая простирается с ЮЗ на СВ, постепенно понижаясь к озеру. Северо-восточный конец ее, омываемый озером, образует несколько вершин, разделенных небольшими седловинами. Юго-западная часть возвышенности покрыта хвойным лесом, который несколько лет тому назад доходил до самого озера. Седловины и склоны вершин почти сплошь заняты огородами местных жителей и только очень небольшие и неудобные участки остались еще кое-где нетронутыми. При устройстве огородов был поврежден культурный слой, чем объясняется обилие находок фрагментов керамики и отдельных предметов прямо на поверхности почвы.

Тщательное изучение места находок дало основание полагать, что здесь было селище, а не городище и не могильник. Культурный слой занимает очень большое пространство, распространяясь как по склонам, так и по седловинам мыса со стороны озера. Судя по находкам культурных остатков, он располагался по поверхности неравномерно: на одних участках находки были довольно многочисленны, на других их совсем не было.

Раскопки были произведены в четырех пунктах.

Раскопки показали, что культурный слой в первых трех пунктах был деформирован и вещи находились в потревоженном состоянии. Культурные остатки залегали в верхнем почвенном слое, который достигал толщины в 10—30 см и лежал или непосредственно на щебне (верхняя разрушенная часть склона), или на вклинившемся между ними слое красной глины. В этих пунктах вскрыто 162 кв. м площади. Никаких следов жилищ, кострищ, ям и т. п. не обнаружено. При исследовании культурного слоя найдено 1274 фрагмента глиняных сосудов (настолько однородных, что мы можем смело сделать предположение о принадлежности всех трех пунктов к одному и тому же поселению), 6 ножевидных пластинок, 7 скребков, 2 обломка каменных полированных долот, 2 каменных грузила в виде овальной плитки и бруска с желобком, опоясывающим его по краю, большая полированная плита, костяной наконечник стрелы с четырехгранной короткой головкой, брусок из какого-то пористого камня с широким продольным желобком, напоминающий подобные предметы со стоянок Горбуновской, Палкинской, Калмыцкий Брод и т. д.

Особенно интересны предметы древней металлургии: обломки литейной формы для кельта ананьинского типа (рис. 10, *а*), три верхние части от сердечников, употреблявшихся при литье кельтов, часть сердечника для отливки втулки копья и часть тигля.

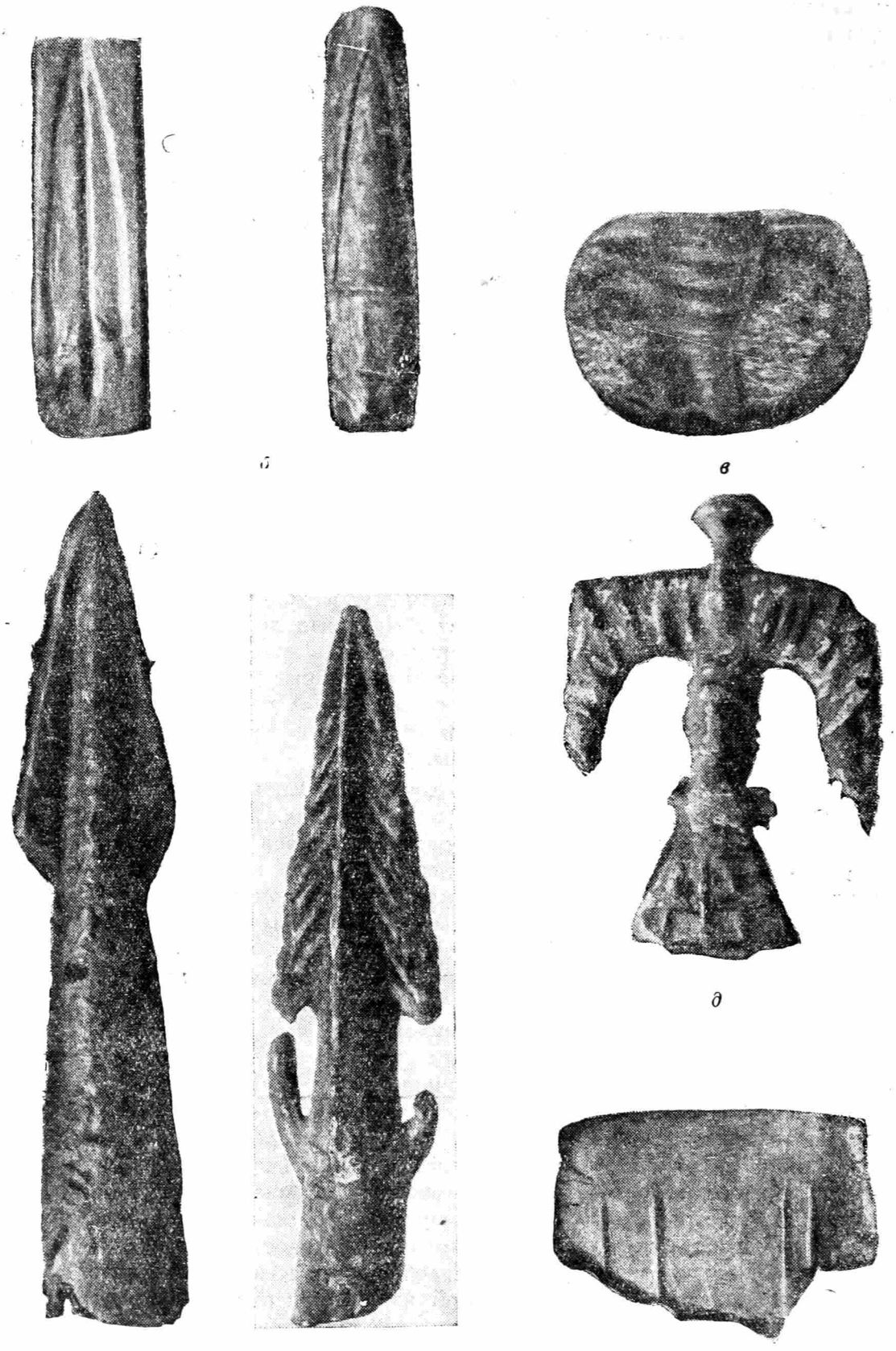

Рис. 10. Селище на мысу Толстик (зап. берег Исетского озера). Инвентарь, найденный на селище.

а — обломок литейной формы для кельта; *б* — брусок для трехгранных наконечников стрел; *в* — обломок каменной булавы; *г* — медный наконечник копья; *д* — медная фигурка птицы; *е* — наконечник стрелы.

Здесь же при поверхностных сборах были найдены: брусок от трехчастной формы для трехгранных наконечников стрел (рис. 10, *б*), половинка формы для кельта типа, близкого к ананьинскому, и одно бронзовое зеркало.

В четвертом пункте верхний растительный слой не был потревожен. Культурные остатки находились непосредственно под дерновым покровом в почвенном слое, окрашенном гумусом в серый цвет. Ниже залегал слой грунтового песка, перемешанного с щебнем и камнем, а еще ниже шли гранитные пласты. Культурный слой достигал 18—30 см толщины.

В этом пункте вскрыты 40 кв. м площади и раскопаны две старые ямы.

Здесь найдены: 1386 фрагментов керамики, 2 нуклеуса, 3 скребка, 9 ножевидных пластинок, кремневый наконечник стрелы, 7 кружков из черепков, несколько кусков шлака, повидимому медного, так как в них были заметны кусочки меди, и т. д. Особенно следует отметить находку точно такого же сердечника для кельта, как в других пунктах, глиняное сопло, сильно ошлакированное, застывшая капля меди, обломок каменной булавы (рис. 10, *в*), изломавшейся при просверливании и использованной в качестве гладилки наподобие каменных «утюжков», часто находимых на восточном склоне Урала, и др. Из случайных находок кремня исключительным является огромный нуклеус из плитчатого кремня, от которого отделялись ножевидные пластинки длиной в 25—27 см, нарочно изломанное бронзовое зеркало — несомненный брак производства — и литейная форма плоского черешкового наконечника стрелы, сделанная из талькового камня.

Керамика, найденная в четвертом пункте, сохраняет тот же самый характер, что и керамика из трех других, но в то же время она дает иное соотношение отдельных типов орнамента. Например, мелкоструйчатый и крестовый орнамент здесь встречается значительно чаще, встречаются также более архаичные элементы.

Исходя из этого, можно полагать, что стоянка в указанном пункте относится к более раннему времени, но точнее установить ее время удастся только после окончательной обработки собранного материала.

Здесь обнаружено одно погребение, сильно потревоженное корнями большого дерева, росшего прямо над могильной ямой. Последняя имела следующие размеры: длина 1.60 м, ширина 0.80 м и глубина от поверхности 0.85 м. Дно ямы выложено обожженными плахами толщиной 3—4 см. Ориентировка 330—150°. В юго-западном конце ямы лежал распавшийся на несколько частей, сильно деформированный череп и около него 3 шейных позвонка, а несколько поодаль одно ребро. Никаких вещей в могиле не найдено. Погребение относится к более позднему времени, чем культурный слой, так как могильная яма прорезала всю его толщу. Возможно, что две поздние находки, сделанные в культурном слое,— стеклянная бусина и часть медной пуговицы — относятся как раз ко времени захоронения. Интересно, что скелет с деформированным черепом встречен на Восточном Урале вторично: первое погребение, сопровождавшееся глиняными сосудами, было обнаружено мною на стоянке Калмыцкий Брод, где оно также не было связано хронологически с культурным слоем.

Остается упомянуть еще о некоторых случайных находках, сделанных школьниками на мысу Толстик и переданных ими экспедиции. Кроме тех предметов, о которых я уже говорил, следует указать на медный наконечник копья, отлитый в форме, одна половина которой была разбита (рис. 10, *г*), и на медную фигурку птицы с опущенными крыльями, с ушком на обратной стороне (рис. 10, *д*).

Находки на мысу Толстик заставляют отнести селище к ананьинской культуре. Типы кельтов, о которых можно судить по литейным формам,

медные наконечники копий и другие предметы очень близки к обычному инвентарю ананьинских могильников Приуралья.

Что касается вопроса о том, какой этап ананьинской культуры они характеризуют, то на него ответить пока трудно. Большое сравнительно количество находок каменных предметов, полное отсутствие следов употребления железа, некоторые архаичные элементы в орнаменте керамики, отсутствие укреплений говорят как будто бы о раннем этапе ананьинской культуры, но зато такие предметы, как медные зеркала и т. д., принято относить скорее к позднейшей ее стадии.

Находка литейной формы для копья сейминского типа, о которой я упоминал вначале, как выяснилось, была сделана на расстоянии 0.5 км от места раскопок, а потому связь ее с культурным слоем селища оказалась неустановленной. Только дальнейшее накопление материала позволит уточнить хронологию отдельных памятников ананьинской эпохи в Зауралье.

П. А. Дмитриев

ПЕРЕЖИТКИ РИТУАЛЬНОГО ОКРАШИВАНИЯ КОСТЯКОВ В ОЛЬВИЙСКОМ НЕКРОПОЛЕ И В ПОГРЕБЕНИЯХ ПРИДНЕПРОВСКИХ СКИФОВ

Некрополь греческих колоний в Северном Причерноморье издавна привлекает внимание наших крупнейших исследователей. Но ритуал древних захоронений изучался главным образом по инвентарю, сопровождавшему погребение, причем в первую очередь принимался во внимание бытовой инвентарь. Однако, часто погребения в древних некрополях сопровождаются, на первый взгляд, малозначащими и малозаметными предметами вроде кусочков красной краски, кусочков смолы или слюды, назначение которых не выяснялось.

Погребальный ритуал — наиболее консервативная область религиозных представлений: ничего случайно попавшего в то или иное погребение быть не могло. Поэтому частая повторяемость в погребениях остатков краски, смолы или слюды заставляет предполагать, что приношение их в могилы составляло неотъемлемую часть определенного ритуала.

В целом ряде ольвийских могил, раскопанных еще Б. В. Фармаковским, были найдены наряду с другим инвентарем кусочки красной краски, которую исследователи часто называли румянами. О румянах мы, например, читаем при описании инвентаря могил 134/02, 9/15, 74/12, 73/10[1] В последнем случае кусок красной краски был найден даже в солонке. Все эти могилы могут быть женскими и назначение кусков красной краски в качестве румян вполне возможно. Куски красной краски или следы ее отмечены и во многих могилах, где половая принадлежность погребенных не может быть точно установлена[2]. Но и при описании инвентаря могил подобных типов в целом ряде случаев сами исследователи отмечают присутствие не румян и не кусков красной краски вообще, а специально кусков реальгара[3] Более того, в Ольвии известно применение кусков красной краски и в заведомо мужских, по составу инвентаря, погребениях. Так, в могиле 100/11 куски красной краски были найдены вместе с медным нако-

[1] Ср. также 3/12. Дневники Б. В. Фармаковского за соответствующие годы (архив ИИМК). Цифра в знаменателе везде сокращенно обозначает год раскопок.

[2] 3/05, 20/14, 30/13, 15/13, 90/12, 3/12, 96/11, 81/11, 41/11, 40/11, 75/10, 39/09, 29/09, 35/14.

[3] 46/11, 64/12.

нечником стрелы. Вместе с медным наконечником стрелы куски красной краски были также найдены в могиле 108/11, причем исследователь назвал эту краску «реальгаром».

Присутствие в мужских и женских могилах кусков красной краски, оказавшихся реальгаром, как будто противоречит общепринятому отнесению всех остаков красящих веществ из ольвийских могил к группе предметов женского туалета.

Это предположение переходит в уверенность после определения В. А. Кононовым некоторых кусочков красной краски из погребений 96/11, 15/13, 30/13, 35/14 и 108/11 именно как реальгара. Реальгар, в состав которого входит мышьяк, ни в коей мере не мог использоваться в качестве косметических румян. Состав инвентаря погребений 96/11, 15/13, 30/13 и 35/14 был следующий:

Погребение 15/13. Куски красной краски и смолы, чернофигурный лекиф, чернолаковая чашка, коринфская котила, терракотовые статуэтки Коры и Кибелы, золотые серьги, золотые и лигнитовые бусы.

Погребение 96/11. Куски красной краски, железный нож, точило, ионийский килик, ионийское блюдце, амфора, медное зеркало, золотые бусы, серебряный браслет, сердоликовые и другие бусы.

Перед нами, таким образом, типичные женские погребения с украшениями из золота и серебра и с зеркалом.

Погребение 30/13. Куски краски, ионийская чашечка, три чернолаковые чашки, чернолаковый килик, чернолаковый аск, две фиалы, амфора, медное зеркало, медная игла, медный перстень.

Погребение 35/14. Куски красной краски, точильный камень, чернолаковая чашка, ионийский лекиф, кувшин, серая чашка, амфора, обломок железного предмета, железный перстень, различные бусы, кремень.

Могила 15/13, вероятно, женская, но пол погребенного в могиле 35/14 установить по составу инвентаря затруднительно. Могила 108/11, бесспорно, мужская. Но как следует оценить факт наличия в этих мужских и женских могилах красной краски, т. е. реальгара? Нет нужды давать какие-либо новые объяснения этому обычаю. Уже давно известно, что приношение в могилу кусков реальгара имеет самое широкое распространение в погребениях причерноморских племен скифского и доскифского времени.

Перечисляя основные категории инвентаря курганов «старше скифского времени», А. А. Спицын отмечает реальгар и указывает на их «связь с курганами, заключающими крашеные костяки» [1].

Присутствие в могилах красной краски, в частности реальгара, является, вероятно, пережитком древнего обряда окрашивания костяка. Положение кусков красной краски, по законам первобытной магии, символизировало полное или частичное окрашивание самого костяка.

Дело здесь не в том, окрашивается ли весь труп, или в могилу кладутся лишь куски красной краски,— для первобытного погребального культа эти явления равноценны. С этой точки зрения исключительно важно наличие в ольвийском некрополе окрашенных костяков в точном смысле этого слова.

Могила 32/09 сохранила следы пурпура на костяке. Могила в древности была разграблена; сохранившийся инвентарь состоял из сероглиняного лекифа, амфоры, обломка дерева, обломка обработанной кости с отверстиями; костяк лежал на боку (скорчен?).

В могиле 56/10 на костяке установлены следы пурпурной краски. Инвентарь: ионийский аск, обломки амфоры, свинцовое пряслице.

---

[1] ИАК, вып. 65, стр. 99.

В могиле 77/02 (подбойной) на лбу у черепа замечены следы красной краски; при костяке найден железный кинжал.

В могиле 45/11 также на черепе следы краски, костяк сопровождается ионийским аском, ионийским клинком, плоскодонной амфорой, грубым кувшином. Кроме того найдены железный гвоздь, бусы и точило.

В могиле 68/10, более поздней, чем вышеприведенные, кости скелета окрашены красной краской.

Особенно интересны *могилы 77/02* и *45/11*.

Еще Ю. А. Кулаковский отмечал, что нередко окрашиванию подвергается только верхняя часть туловища и в частности головы [1]. Не подлежит сомнению также культовый характер положения в могилу кусков красной краски и реальгара. В Ольвии уже выявилась целая серия «скорченных костяков». Теперь мы можем говорить и об «окрашенных». Известно, однако, что захоронение «скорченных и окрашенных» костяков является признаком доскифской культуры Северного Причерноморья. Необходимо поэтому детальнее выяснить, имеются ли в скифских погребениях окрашенные костяки или куски красной краски, в частности реальгар. Сочетание скорченности и окрашенности для доскифской стадии известно. Но и для скифской стадии устанавливается сочетание вытянутых и скорченных костяков. Не менее важно установить у скифов сочетание вытянутости и окрашенности в ее различных формах. Впрочем, эта окрашенность вытянутых костяков представлена уже в доскифские времена.

Вытянутые и окрашенные костяки известны уже по некоторым «ямным» и «катакомбным» погребениям, исследованным В. А. Городцовым [2]. Хотя в них и преобладало скорченное положение костяка, но уже для катакомбной культуры число вытянутых окрашенных погребений довольно велико. Со времени же раскопок В. А. Городцова число обнаруженных погребений этого рода сильно возросло. Окрашенные и вытянутые костяки в целом ряде случаев сопровождались характерным скифским инвентарем. В кургане (191) у Тирасполя в общей грунтовой могиле найдены три скелета с вытянутыми или перекрещивающимися ногами; один из них окрашен красной краской. В насыпи кургана костяк, лежавший в беспорядке, со следами красной краски на костях, имел инвентарь в виде обломков медных и железных предметов и сердоликовых бус [3]. Костяк, вытянутый на спине в одной из грунтовых могил кургана 54 у с. Рыжановки [4], был покрыт красной железистой краской. В качестве инвентаря фигурируют куски красной краски вместе с сосудами скифского типа и медным колечком. Далее, одной из форм символического окрашивания костяков в скифских могилах являлась засыпка дна могилы красной краской. Однако, наиболее распространенной формой символического окрашивания костяков у скифов, как и в Ольвийском некрополе, было положение в могилу кусков красной краски. Но во всех этих случаях при анализе скифских погребений мы сталкиваемся с той же трудностью, что и при разборе ольвийских могил: как отделить «румяна», в качестве предмета женского туалета, сопровождавшего чисто женское погребение и в Ольвии, и в Скифии, и в Греции, от «кусков красной краски», характеризующих ритуальное окрашивание? Наличие в Ольвии кусков красной краски, в особенности реальгара, в явно мужских могилах, уже совсем необычное в греческих погребениях, как мы уже указали, свидетельствует о том, что куски эти имели не только «туалетное» назначение. Эти же факты устанавливаются и в скифских могилах.

Одним из основных признаков мужского погребения является нали-

[1] К вопросу об окрашенных костяках. Тр. XI АС, т. I, стр. 190.
[2] Тр. XIII АС, т. I, стр. 277—278.
[3] Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ., стр. 109.
[4] А. А. Бобринский. Смела, т. II, стр. 148—149.

чие оружия. Но нередки случаи, когда в скифских могилах, как и в Ольвии, погребение с оружием сопровождается и кусками красной краски. А. А. Спицын датирует Рыжановский курган № 5 старше — скифским временем. В погребении под центром насыпи найдены разнообразные кости скелета вместе с обломками железного копья, железным кинжалом в деревянных ножнах, медными наконечниками стрел, глиняными сосудами, бусами и двумя кусочками алой краски [1]. Куски красной краски в этой явно мужской могиле несомненно имели культовое значение.

В одном из курганов группы № 403 у с. Лазурцы (раск. Бранденбурга) найден костяк с кинжалом «древнего типа», 56 бронзовыми и 2 костяными наконечниками стрел, медным зеркалом, сосудом и другим инвентарем. В этом же погребении найдено «немного румян и серы» [2]. Здесь под «румянами» надо, очевидно, подразумевать куски красной краски культового назначения. Интересно погребение кургана № 423. Здесь был найден скелет, пол которого А. А. Бобринский характеризует таким образом: «Костяк юноши (может быть, молодой женщины), вытянутый на спине». С одной стороны у костяка найдены: бронзовое зеркало, бусы, кусочки румян (киновари) и серы, различные бусы. С другой стороны того же костяка найдены: 56 наконечников стрел, метательные камни, железный нож с костяной рукояткой, железные полоски, может быть от пояса, и несколько сосудов. «Интересно бы,— пишет А. А. Бобринский,— выяснить, к какому полу принадлежит скелет в этой могиле. Иные предметы (зеркало, бусы, румяна, сера) как бы указывают на женщину, другие (стрелы, метательные камни) приличествуют мужчине» [3]. Куски серы совсем не обязательно характеризуют женское погребение. В Ольвийской, явно мужской могиле 6/09 также найдены куски серы. Для скифского погребения скорее можно допустить зеркало и бусы в мужской могиле, чем оружие в женской. И в данном случае куски краски, которые А. А. Бобринский называет румянами, являлись скорее предметами культового назначения, чем принадлежностью женского туалета. В кургане № 2 у д. Будиновки в овальной яме найден скелет, возле которого лежали железное копье и кусок красной краски [4]. В кургане № 6 у д. Аксютинцы в могильной яме одиночного погребения найдены куски красной краски вместе с бронзовыми наконечниками стрел и другим инвентарем.

У ног одного скелета кургана Перепетовки найдены кусок серы и кусок красного сернистого мышьяка (реальгара?). Костяк сопровождался железной боевой секирой, топором, железным ножом, «металлическими обоймами», «мелким глиняным и костяным монистом» [5]. Очевидно, и здесь куски краски связаны с мужским погребением.

В склепе кургана № 38 у Гуляй-города найдены различные погребения в отдельных его частях. В западной части склепа около каменного блюда найдены куски красной и желтой краски, бронзовое зеркало и железный наконечник копья [6].

В одном из Галущенских курганов в склепе были найдены разбросанные в беспорядке кости скелетов. Почти в центре склепа на старательно выровненной площадке были найдены: сосуд, золотые пластинки и серьги, бронзовое зеркало. «Кроме названных предметов на той же площадке найдены были еще два бронзовых наконечника стрел и кусок краски» [7]. Оче-

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 88.
[2] Н. Е. Бранденбург, Журнал раскопок, стр. 116.
[3] ИАК, вып. 17, стр. 89
[4] Эварницкий. Тр. XIII АС, т. I, стр. 157.
[5] Древности, изданные Ком. для разб. др. актов, стр. 12.
[6] А. А. Бобринский. Смела, т. I, стр. 160.
Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 2, стр. 11

видно, и здесь наличие оружия говорит о мужском погребении, а наличие красной краски — об ее ритуальном значении.

Куски красной краски, хотя и недостоверно культового назначения, встречаются, конечно, не только в указанных нами мужских могилах, но и в женских, а также в тех могилах, где пол погребенных не поддается установлению [1].

Но имеются случаи, когда красная краска является несомненно румянами и выступает только в женских погребениях. Так, Эберт не без основания считает румянами куски красной краски, найденные только в женских могилах Марицинского некрополя [2] В скифском кургане у Тирасполя краска найдена «под зеркальцем на груди» костяка [3].

Аналогичные факты известны и в Ольвии (ср. могилу в Ольвии 73/10, где румяна найдены в солонке). Куски же краски в мужских могилах имеют явно ритуальное значение. Можно поэтому предположить, что такое же значение имели «куски красной краски» в женских могилах в том случае, когда эти краски не являлись румянами.

Как скорченность, так и символическое окрашивание в его различных формах представлены и в скифских и в ольвийских погребениях. Этот ритуал, коренящийся в погребальных обрядах еще доскифской стадии, особенно тесно сближает ольвийский некрополь со скифскими. Древнейшие погребальные обряды туземного населения вряд ли могли быть восприняты пришельцами-греками: религиозные представления — наиболее консервативная область надстроечных явлений.

Не менее характерно наличие в ольвийских могилах кусочков серы (могилы №№ 67/11, 36/12, 4/13, 6/09 и др.) и в частности в таких бесспорно мужских могилах, как № 6/09. Но и в скифских могилах сера, как это видно из приведенных примеров, во многих случаях представлена в явно мужских погребениях, содержащих оружие [4]. Это еще один интересный факт, сближающий погребальный ритуал ольвиополитов с культом окружающих их племен [5].

С. И. Капошина

---

[1] В одном кургане у с. Паркан найден костяк в вытянутом положении со следующим инвентарем: глиняные сосуды, медные и серебряные серьги, бусы, глиняные пряслица, точило и кусочек красной краски (Гошкевич. Ук соч., стр. 115—116). В могиле кургана № 488 (Журнал раскопок Бранденбурга), вообще разграбленной, найдены куски серы, обломки «железной трубки», овальное каменное блюдо, обломки сосуда и отмечены следы яркокрасной краски. В кургане № 507 (ИАК, вып. 42, стр. 48) отмечены в могиле «остатки красной краски». Инвентарь состоял из глиняных сосудов, костей барана. Кости скелета, по мнению А. А. Бобринского, «женские». В кургане № 418 (Журнал раскопок Бранденбурга) найдены «кусок серы, куски белой краски и частицы красной краски» среди другого инвентаря в виде бронзовой шпильки, каменного блюда, бус и зеркала. В курганах (№ 402, 404, 407 и, может быть, 406) урочища Криворучово (Журовка) куски румян сопровождают женские могилы (ИАК, вып. 14, стр. 19 сл.).

Prähist. Zeitschrift, 1913.

[3] Материалы по укр.-русск. этн. III, стр. 7.

[4] Сера найдена также в Журавском кургане № 423 вместе с оружием (ИАК, вып. 37, стр. 84), в Гоячевском кургане № 406 (ИАК, вып. 14, стр. 32), в Петропетовском кургане (Древности, изданные Ком. для разб. др. актов, стр. 12), в курганах у с. Лазурны (Журнал раскопок Бранденбурга, стр. 116—117) и в других местах.

[5] Аналогичным образом возможно оценить присутствие в ольвийских погребениях и таких веществ, как смола (могилы № 50/11, 100/11, 32/12, 56/12, 92/13, 10/13, 15/15, 30/13, 100/13) или известь (122/03, 33/15) и, может быть, слюда (40/11, 15/12).

Во многих центральных и местных музеях можно видеть бронзовые человеческие фигурки, хранящиеся среди археологических материалов, собранных на Кавказе, и обычно имеющие неточный паспорт, с указанием на их происхождение из Дагестана или Чечни. Условия находки этих предметов большей частью не фиксировались. Иногда отмечалось лишь название селения, в котором была приобретена та или иная статуэтка, в очень редких случаях указывалось название населенного пункта, в окрестностях которого она была найдена. Случаи находок статуэток при специальных археологических работах крайне редки.

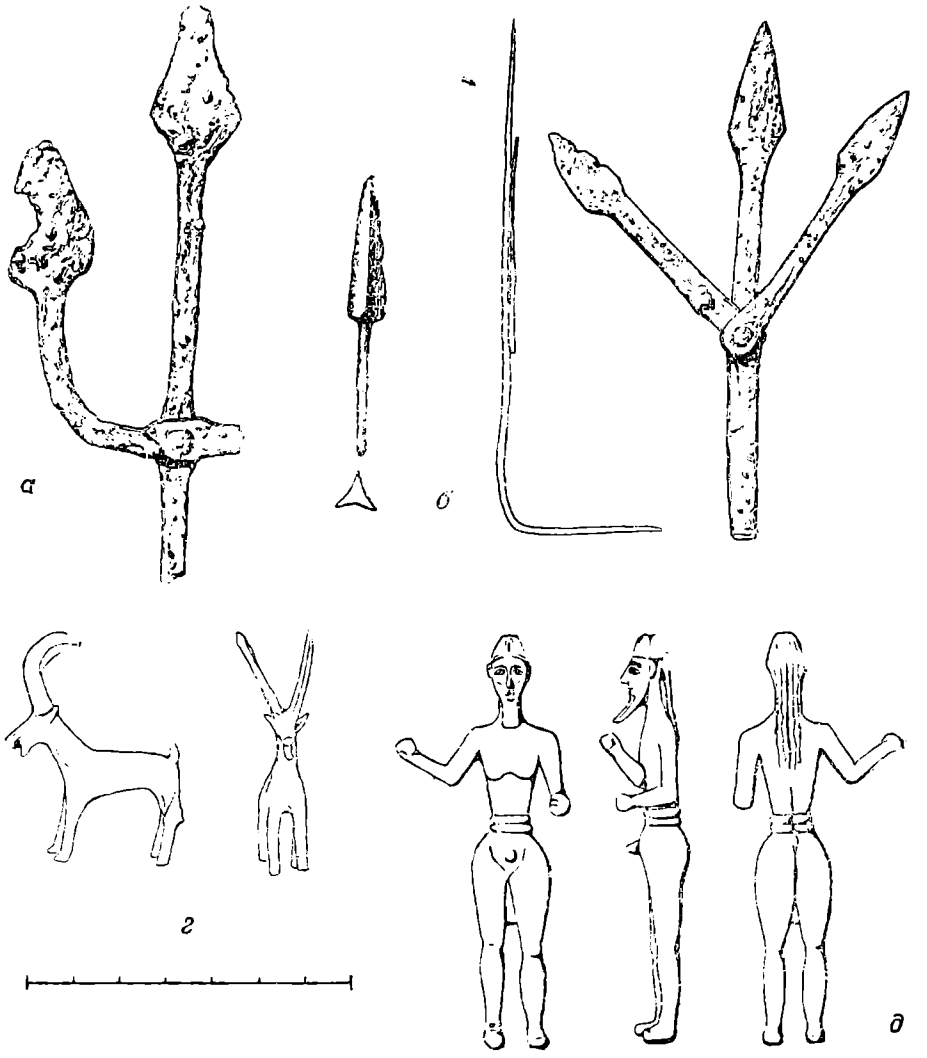

Рис. 11. Предметы из культового места у с. Арчо.
а — железные навершия; *б* — железный наконечник; *г* — бронзовое изображение козла; *д*—бронзовая статуэтка человека.

Следует также иметь в виду, что с конца прошлого столетия, в связи с усилением интереса к кавказским древностям, в Тбилиси было налажено специальное производство бронзовых статуэток, которые продавались любителям археологии [1] и находили место в витринах музеев. Поэтому при изучении бронзовых статуэток, найденных на Кавказе, прежде всего необходимо выяснять их подлинность. Насколько легко впасть в ошибку, можно видеть по сводной работе, посвященной кавказским антропоморфным изображениям, написанной А. А. Захаровым. Среди многочисленных опу-

[1] G. Bapst. Souvenir de deux missions au Caucase. Paris, 1886, стр. 15.

бликованных им статуэток воспроизведена бронзовая фигурка из Нальчикского музея, изготовленная в ложноегипетском стиле [1]. Статуэтка, бесспорно, представляет собой часть какого-то современного предмета. По всей вероятности, автор не видел эту статуэтку в натуре, иначе бы он ее не включил в свою обстоятельную и ценную публикацию.

Во время работ Северо-Кавказской экспедиции ИИМК в пределах горного Дагестана нами были получены сведения о находках бронзовых человеческих изображений в двух пунктах: у аулов Арчо и Согратль. Учи-

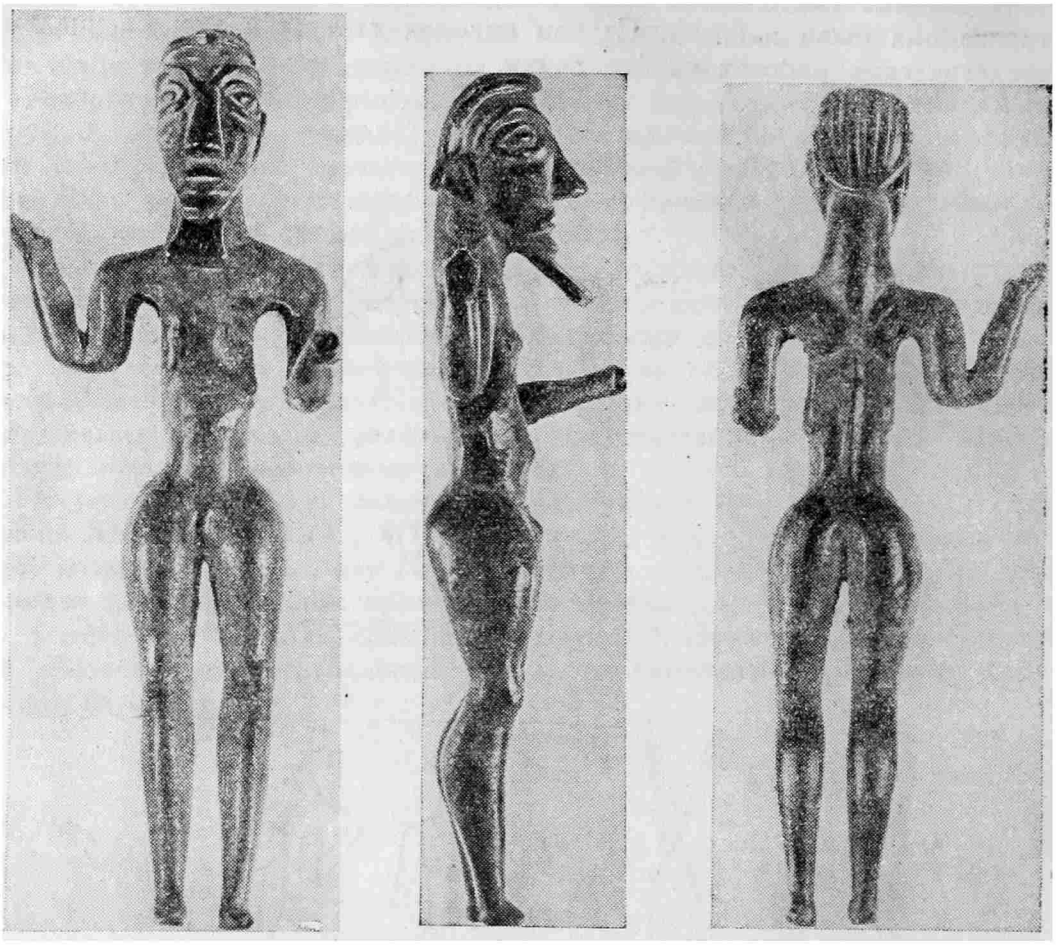

Рис. 12. Бронзовая статуэтка из культового места у с. Арчо.

тывая особый интерес найденных здесь предметов и крайне слабую изученность условий находок статуэток на Кавказе вообще, эти пункты были обследованы экспедицией. В обоих случаях статуэтки были найдены на вершинах гор, очевидно служивших культовыми местами.

Первые сведения о находках древних вещей у аула Арчо были нами получены от начальника землеустроительной партии т. Пригоровского. При проведении топографических работ, для точного определения места триангуляционного знака, им был заложен небольшой шурф на вершине горы Берак. Площадь шурфа не превышала 1 кв. м. На небольшой глубине были найдены бронзовые статуэтки человека и козла (рис. 11, *г*, *д*).

В 1937 г. Северо-Кавказской экспедицией был раскопан небольшой участок, площадью 5 кв. м, вблизи топографического знака, к северу от него. Здесь были обнаружены: бронзовая фигурка человека (рис. 12),

[1] A. A. Zakharov. Materials for the archeology of the Caucasus. Swiatowit, t. XV, Warszawa, 1933, рис. 151—153.

железное навершие в виде трезубца, точильный камень и несколько мелких обломков костей животных.

На следующий год в план работ экспедиции было включено полное исследование памятника. При этих работах была вскрыта площадь около 50 кв. м.

Культовым местом служила отдельно стоящая вершина высокого горного хребта. С южной стороны он ограничен почти отвесными обрывами к глубокому ущелью, на дне которого расположен аул Тлибиш. К северу открывается вид на широкую горную котловину, усеянную многочисленными аулами; вблизи видны аулы Арчо и Карата, а далее Алак, Анчик, Рацитль, Ингердах и др. Пологие склоны хребта поросли сосновым лесом, выше которого идут хорошие пастбища.

Небольшая площадка на вершине горы была задернована, и никаких наружных признаков древнее святилище не имело. Как показали раскопки, под слабым дерном шел тонкий гумусный слой. На наиболее высокой части площадки толщина его не превышала 10 см, а с северной стороны раскопа достигала 50 см. Ниже был выход скалы, поверхность которой подверглась сильному разрушению, чем и объясняется присутствие в нижней части гумусного слоя значительных включений мелких камней. На границе между гумусным слоем и разрушенной поверхностью скалы встречались в большом количестве плитки песчаника, являвшиеся, очевидно, остатками совершенно разрушенного древнего сооружения. Плитки разного размера и формы лежали в полном беспорядке в различных частях раскопа. Гумусный слой в части раскопа, примыкавшей к вершине, был сильно насыщен углем. Находки древних вещей также концентрировались вблизи вершины, на которой расположен и триангуляционный знак. К краям раскопа количество их уменьшалось, а квадраты, ограничивающие раскоп, совершенно не содержали предметов. Таким образом, памятник можно считать исследованным полностью. В состав инвентаря древнего культового места входили следующие предметы:

1. Бронзовая фигурка человека (рис. 11, *д*). Статуэтка изображает мужчину, на котором надеты широкий пояс и небольшая шапочка в форме усеченного конуса. Руки согнуты в локтях и вытянуты вперед; правая рука несколько отставлена в сторону и приподнята выше левой. Лицо человека отличается очень резкими чертами: прямой и сильно выдающийся нос, подчеркнутые надбровные дуги, узкая длинная, выступающая вперед борода. По спине спускаются длинные волосы. Высота статуэтки 9.2 см.

2. Бронзовая фигурка человека (рис. 12). Статуэтка изображает мужчину. Руки согнуты в локтях, левая рука вытянута вперед, правая поднята кверху. Пальцы правой руки сжаты в кулак и, очевидно, держали какой-то предмет из иного материала. Сохранились незначительные остатки. Как и у первой статуэтки, черты лица очень резкие. Сильно выступающая вперед борода трапециевидной формы производит впечатление искусственно привязанной. На голове короткие волосы, завязанные спереди узлом. Моделировка этой фигурки значительно более совершенна; подчеркнута грудная клетка, хорошо обработана спина. Высота статуэтки 11.7 см.

3. Бронзовая фигурка человека (рис. 13). Статуэтка изображает мужчину в шлеме. Руки согнуты в локтях и вытянуты вперед, правая рука поднята немного выше левой, пальцы ее согнуты в кулак таким образом, что в середине образуется круглое отверстие, в котором сохранились остатки предмета из другого металла. Ноги слегка согнуты в коленях; в нижней части они соединены перемычкой. Моделировка лица очень грубая. Большой прямой нос сильно выдается. Глаза имеют вид глубоких западин с выпуклостью по середине. Рот намечен горизонтальной чертой. Подбородок переходит в заостренную длинную бороду, выступающую вперед. На голове шлем с продольным высоким гребнем, украшенный глубоко

врезанными дугообразными линиями. Лучше всего контур шлема виден с правой стороны статуэтки. Высота статуэтки 9.1 см.

4. Бронзовая фигурка козла (рис. 11, *г*), с длинными загнутыми назад рогами. Высота статуэтки 5 см.

Кроме того, было найдено несколько железных наверший в виде трезубца.

5. Навершие, склепанное из двух тонких железных полос: одной вертикальной, образующей стержень для насадки и срединный зубец навершия (верхний конец этой пластинки обломан), и поперечной пластины с концами, поднятыми кверху и образующими его боковые зубцы. Концы, поднятые вверх, имеют ромбовидное расширение. Высота сохранившейся части навершия 11 см.

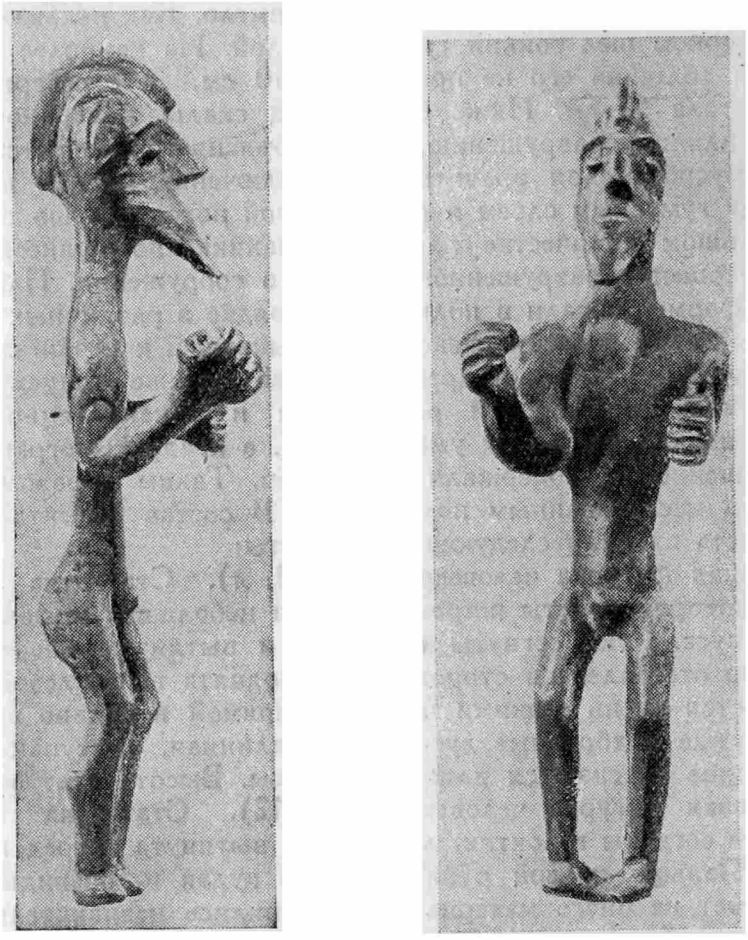

Рис. 13. Бронзовая статуэтка из культового места у с. Арчо.

6. Навершие той же формы. Концы горизонтальной перекладины подняты вверх с более округлым перегибом. Один боковой зубец обломан Высота навершия 12.7 см (рис. 11, *а*).

7. Навершие из трех прямых железных полос, один из концов которых имеет ромбовидное расширение. К среднему стержню, служившему также и для прикрепления навершия к древку, приклепаны две короткие пластины, отходящие вверх под острым углом. Нижний конец вертикального стержня загнут. Высота навершия 11.3 см (рис. 11, *в*).

8. Пять обломков таких же наверший и фрагмент железного стержня, округлого в сечении, найдены в различных частях раскопа.

9. Железный трехгранный наконечник стрелы с круглым стержнем

для насадки. Длина всего наконечника 6.1 см, длина стержня 2.9 см (рис. 11, *б*).

10. Обломок точильного камня неправильной продолговатой формы. Длина 12 см.

На исследованном участке были найдены также кости животных — быка, овцы, свиньи, лошади и суслика. Основную массу костей составляли зубы, астрагалы и фаланги [1].

Второе культовое место, осмотренное экспедицией, находится в расстоянии около 7 км по прямой линии к ЮЗ от аула Согратль. Жителем этого аула Усманом Товакл на склоне горы Хурцы-Гааль, вблизи ее

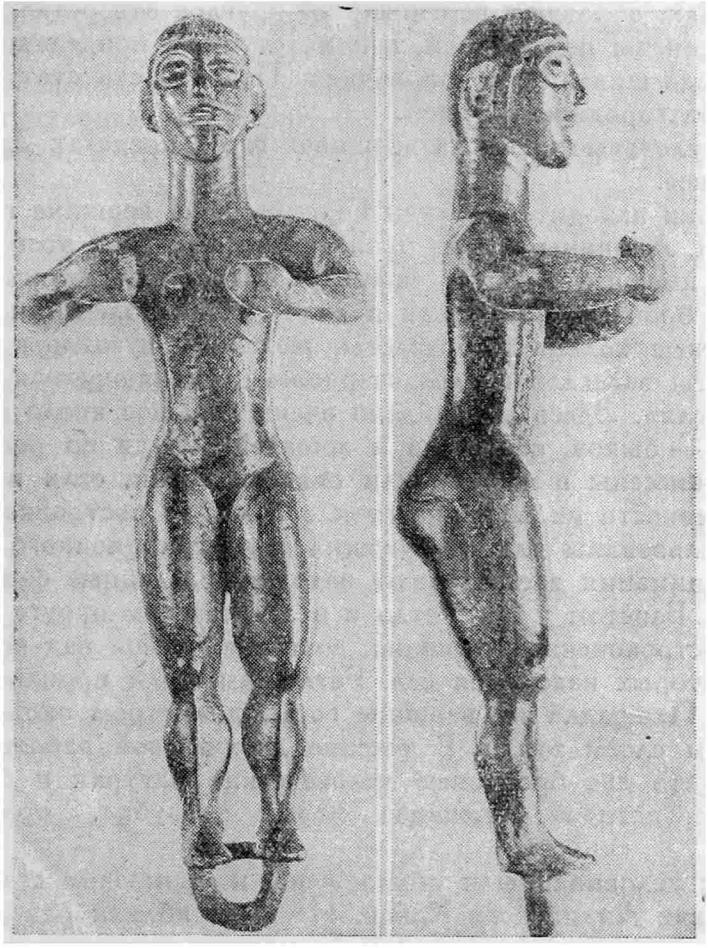

Рис. 14. Бронзовая статуэтка из культового места у с. Согратль.

вершины, была найдена бронзовая женская статуэтка (рис. 14). Вершина горы представляет собой небольшую площадку, вытянутую с СЗ на ЮВ.

Длина площадки 18 м, ширина 8—9 м. Поверхность площадки слегка задернована. Фигурка была найдена на юго-восточном каменистом склоне горы и, по всей вероятности, сползла вместе с гумусным слоем с ее вершины. Никаких следов древних сооружений незаметно. Найденное здесь изображение женского божества выделяется среди других дагестанских статуэток своими размерами; высота его 28 см. Сделана статуэтка довольно грубо, спереди имеется много выщерблин, получившихся в результате плохой формовки, а сзади грубые насечки или незаделанные швы. Такие швы видны на шее, от затылка до уровня плеч, ниже они идут по сере-

[1] Определение В. В. Карачаровского.

дине спины, а далее расходятся по середине обеих ног. Такие же насечки видны и на плечах. В выщерблинах, имеющихся спереди, видно, что статуэтка заполнена формовочной массой серого цвета. Моделировка головы очень несовершенна. Грубые черты лица, прямой, сильно выдающийся нос, большой рот, тяжелый подбородок, посадка головы на прямой шее — все это придает статуэтке мужской облик. Волосы намечены только спереди. В ушах сделаны круглые отверстия для подвесок. На голове, вероятно, была петля для подвешивания фигурки. На лице сделано несколько зарубок, проходящих через волосы, левую бровь, левую щеку, рот и подбородок. Руки согнуты в локтях и подняты так, что кисти рук находятся против груди. В руках были укреплены какие-то предметы, так как пальцы, согнутые в кулак, образуют вертикальное круглое отверстие. Ноги в нижней части соединены перемычкой, а к их ступням приделано кольцо, возможно, для подвешивания колокольчика. Поверхность статуэтки покрыта темнозеленой благородной патиной.

Древние культовые места на вершинах гор в пределах Дагестана были известны и ранее.

Одно из них находится вблизи Гергебиля, на вершине горы Зуберхи. В 1882 г. Д. Н. Анучиным были произведены раскопки этого святилища [1]. На площадке, имевшей в длину около 60 шагов, при ширине в 10 шагов, были найдены бронзовые подвески в виде головок оленей и быков, бронзовые спиральные кольца и браслеты, железные пуговицы и другие поделки. Предметы залегали в слое «чернозема, сменяющегося местами массами золы и угля». Здесь же найдено очень большое число костей домашних животных — быков, овец, коз и лошадей. «Судя по рогам и костям, здесь были принесены в жертву или съедены сотни, если не тысячи животных». В древности на вершине стояла какая-то постройка, камни которой были использованы для сооружения триангуляционного знака.

Особого внимания заслуживают находки, сделанные французским исследователем Г. Бапстом у сел. Ретло и в Дидоевском округе западного Дагестана [2]. На остроконечной вершине, возвышающейся над всей панорамой гор, вблизи которых находится сел. Ретло, им были произведены небольшие раскопки. Площадка на вершине горы, диаметром около 4 м, была покрыта тонким слоем земли. В течение двухчасовой работы здесь были найдены тридцать две бронзовые человеческие фигурки и бронзовая булава, навершие которой, имеющее форму трезубца, орнаментировано шнуром.

В сходных условиях были обнаружены и бронзовые статуэтки у сел. Инхо в верховьях Андийского Койсу. На горе, вблизи развалин постройки, было найдено несколько десятков бронзовых статуэток и других предметов, приобретенных А. Л. Млокосевич [3].

Каким же временем можно датировать все эти культовые места? А. А. Иессен в составленном им обзоре археологических памятников долины реки Сулак, касаясь датировки культовых мест у селений Ретло и Инхо, а также на горе Зуберхи, замечает: «К более позднему времени, обнимающему примерно 1 тысячелетие до н. э. и почти все первое тысячелетие н. э., следует относить большинство остальных памятников, выявленных в горном районе, в частности интересные культовые места, более точную дату которых пока определить невозможно» [4]. Иными словами,

---

[1] Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия Русского географического общества, т. XX. 1884, стр. 444—446. См. также «Древности». Тр. Моск. Арх. общ-ва, т. XX, 2—3, Протоколы, стр. 41—42.

[2] G. Bapst. Ук. соч., стр. 8—11, табл. 1.

[3] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 211.— А. А. Иессен. Отчет о работах за р. Сулак. Известия ГАИМК, вып. 110. М.— Л., 1935, стр. 35.

[4] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 37.

время существования этих культовых мест автор ограничивает рамками двух тысячелетий. Если нижняя хронологическая грань — начало первого тысячелетия до н. э.— может быть до некоторой степени обоснована указаниями на то, что в этот период на Северном Кавказе получает полное развитие металлургия меди, а затем и бронзы, то верхняя грань, намечаемая А. А. Иессеном, твердых обоснований не имеет. К концу этого периода, по мнению А. А. Иессена, происходит процесс «феодализации в горах, сопровождаемой распространением ислама». Очевидно, это обстоятельство и определило верхнюю грань бытования антропоморфных изображений. Однако вряд ли будет правильным ставить в связь исчезновение бронзовых человеческих статуэток с введением мусульманства в горах Дагестана. В одной из своих последних работ А. Н. Генко показал, что «традиционная для XIX—XX вв. концепция о древнем распространении ислама среди горского населения Дагестана оказывается именно для большей его части чистейшей фикцией» [1]. В частности, он приводит факты, подтверждающие это положение в отношении аварцев и андо-дидойцев, т. е. тех племен, на территории которых и были находимы интересующие нас статуэтки.

Таким образом, если в датировке культовых мест Дагестана исходить из определения их домусульманским периодом, то мы будем вынуждены еще более расширить предложенную А. А. Иессеном датировку.

Не определяют времени святилищ и их исследователи Д. Н. Анучин и Г. Бапст. Датировка отсутствует и в работе А. А. Захарова, посвященной кавказским статуэткам. Действительно, определить время данной категории памятников чрезвычайно трудно, так как материал, сопровождающий статуэтки, невелик и недостаточно характерен, а сами статуэтки не находят себе точных параллелей в хорошо датированных комплексах. Датировка затрудняется еще и тем, что изучение археологических памятников Дагестана вообще можно считать лишь начатым.

Не ставя перед собой задачи изучения материала из всех дагестанских святилищ, ограничусь лишь некоторыми замечаниями о материале, собранном Северо-Кавказской экспедицией. Наибольший интерес представляют предметы из Арчо.

Относительно древний возраст этих находок может быть подкреплен несколькими фактами. Прежде всего следует обратить внимание на головной убор одной из статуэток (рис. 13). Здесь безусловно изображен шлем, и притом такой формы, которая совершенно не характерна для средневековья. Это типичный античный шлем с высоким гребнем. Мог бы стоять вопрос о том, что данная статуэтка представляет собой грубое позднее подражание значительно более ранней скульптуре. Однако этому противоречит то понимание отдельных деталей изображения, которое проявил мастер, изготовивший статуэтку. В частности характерно изображение нижней части шлема, выполненное врезанными линиями

Архаической чертой является и наличие на одной из статуэток изображения пояса. Можно напомнить, например, что фигурки Казбекского клада, зарытого, очевидно, на месте древнего святилища, также были опоясаны [2]. Эту же деталь можно видеть на дагестанской статуэтке из Тинди, у которой имеются височные подвески, сопоставленные А. А. Захаровым [3] с подвесками из Кая-кентского могильника (IX—VIII вв. до н. э.).

С фигурками из Казбека наши статуэтки могут быть сопоставлены и по другим признакам. Изображение человека в шлеме по общей трактовке

---

[1] А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Тр. II сессии ассоциации арабистов. Тр. Института востоковедения АН СССР, вып. XXXVI, М.—Л., 1941, стр. 100.

[2] A. M. Tallgren. Caucasian monuments. The Kazbek Treasure. ESA. V. стр. 129, рис. 25—26; стр. 130, рис. 27—29.

[3] A. A. Zakharov. Ук. соч., стр. 93—95, рис. 100—102.

довольно близко к казбекским подвесным фигуркам: слегка подогнутые ноги, соединенные перемычкой, руки, согнутые в локтях, резко выраженные черты лица, массивный подбородок — все эти элементы общи для данных изображений [1].

Дата Казбекского клада довольно хорошо определяется серединой I тысячелетия (V—IV вв.) до н. э. Этим же временем я считаю возможным датировать и наши статуэтки. Что же касается других находок в святилище (железные трезубцы, наконечник стрелы и бронзовая фигурка козла), то они не могут быть использованы при определении возраста памятника. В отношении наконечника стрелы можно лишь сказать, что он

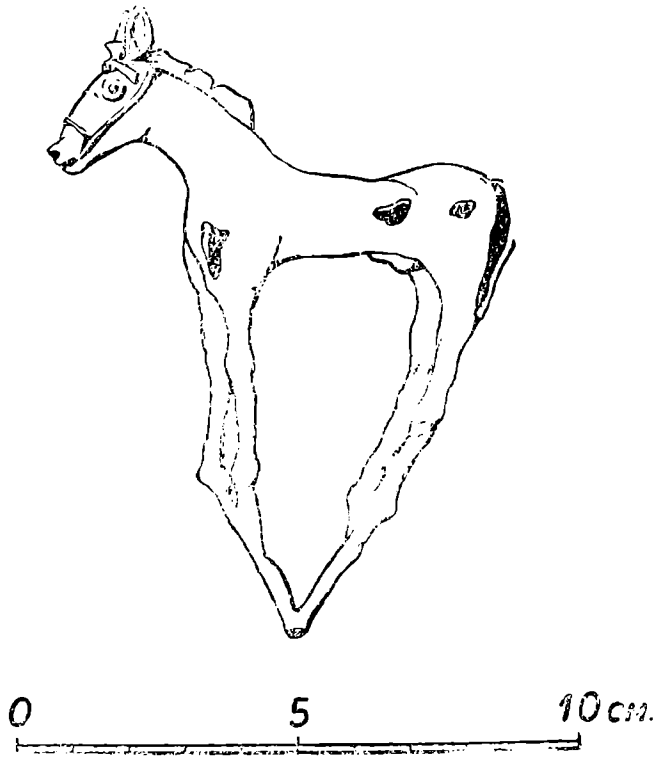

Рис. 15. Бронзовая фигурка, найденная у с. Гагатль.

относится к более раннему времени, чем эпоха средневековья, но его возраст дальнейшему уточнению не поддается.

К середине I тысячелетия до н. э. может быть отнесено и культовое место у Согратля. Рассматриваемая фигурка сближается с казбекскими еще и потому, что является подвесной в отличие от всех известных мне дагестанских статуэток. Существенным моментом следует считать и технику ее изготовления. Она сделана путем полой отливки с ядром из формовочной массы, оставшимся внутри фигурки. Как замечает А. А. Иессен, эта техника характерна для бронзовых изделий первой половины I тысячелетия до н. э. [2].

По всей вероятности, к предметам культа следует отнести и некоторые случайные находки, учтенные Северо-Кавказской экспедицией в горных районах Дагестана. Прежде всего необходимо отметить бронзовую фигурку лошади, найденную вблизи сел. Гагатль, в расстоянии около 1 км к востоку от перевала, в местности Речол (рис. 15). По сообщению местных жителей, фигурка эта была найдена при земляных работах вместе с рогами

[1] A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 129, рис. 25 и до.

[2] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, вып. 120. М.—Л., 1935, стр. 173.

оленя, двумя стеклянными сосудами и бронзовым кольцом. По словам ее владельца, статуэтка была положена в могилу, другие же жители этот факт отрицают. Фигурка представляет собой типичный образец полого литья. Изображение отличается сильным схематизмом и грубостью отделки. Вследствие литейного брака образовалось два отверстия — одно на груди, а второе на крупе. Отверстия на боках лошади носят орнаментальный характер. На голове лошади имеется рельефное изображение уздечки. Глаза сделаны в виде круглых углублений, с круглыми же выпуклостями по середине, рот в виде прямой прорези. Вертикально стоящая грива рассечена на несколько частей. Ноги лошади, формованные очень плохо, опираются на четыре стержня, ниже соединяющиеся вместе и образующие массивный стержень, служивший для прикрепления изображения к древку (высота фигурки 11.5 см). Предмет этот, по всей вероятности, являлся навершием культовых знамен, аналогичным другим навершиям из кавказ-

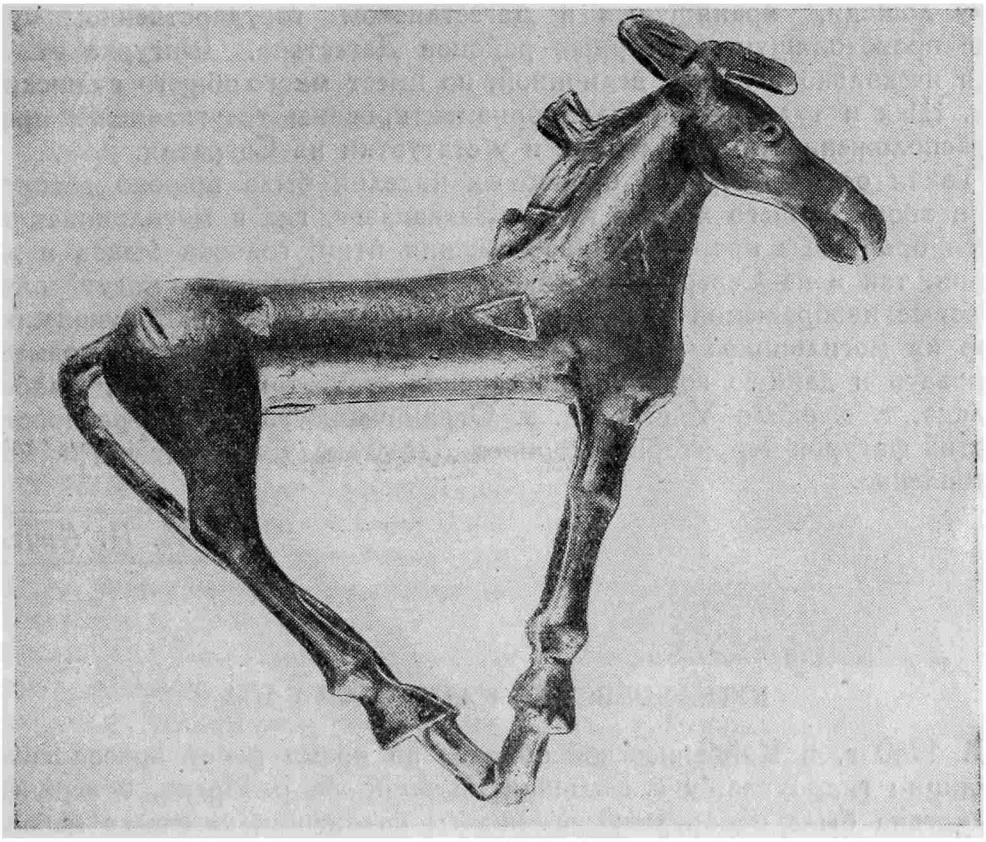

Рис. 16. Бронзовая фигурка, найденная у с. Согратль.

ских святилищ. Как пример можно отметить бронзовую фигурку оленя, найденную Л. П. Семеновым в Ингушетии, в развалинах позднего святилища у сел. Джерах [1]. Возможно, что и этот пункт надлежит рассматривать как древнее культовое место, в пользу чего свидетельствуют также находки рогов оленя — типичных приношений в святилище.

Другая бронзовая фигурка лошади или мула была приобретена нами в сел. Согратль у гр-ки Бутаевой (рис. 16). К сожалению, место ее находки осталось невыясненным. Это изображение чрезвычайно близко к описанному выше, но отличается бо́льшим реализмом и законченностью отделки. Сходство имеется как в общем положении фигуры лошади, так и

[1] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925—1927 гг. Изв. Ингушского научно-иссл. ин-та краеведения, т. I, стр. 194—195.

в отдельных деталях: трактовке глаз в виде кружка с выпуклой точкой посередине, изображении рта прямой прорезью, орнаментировке прорезными треугольниками, рассечении вертикально стоящей гривы на ряд частей и т. п. Но, как уже мною отмечалось, статуэтка из Согратля стоит на значительно более высоком художественном уровне: особенно отчетливо это выступает при сравнении таких частей статуэтки, как голова и ноги. Обработка гривы лошади на статуэтке из Согратля интересна тем, что расчленение ее на ряд частей достигнуто не вертикальными насечками, а широкими вырезами. И в настоящее время в горных районах Дагестана можно видеть ослов, у которых грива подстрижена таким же образом. В отличие от статуэтки из Гагатля, полой внутри, фигурка, приобретенная нами, имеет заполнение формовочной массой. Согратлинская статуэтка служила, вероятно, также навершием, так как ноги ее прикреплены к тонким стержнем, соединяющимся вместе. Высота статуэтки 10.5 см.

В эту же группу случайных находок следует включить еще одну статуэтку лошади, хранящуюся в Дагестанском государственном музее и также происходящую из горных районов Дагестана. Фигурка эта отличается несколько большей величиной, но имеет много общего с описанными выше. Шея и туловище лошади орнаментированы треугольными прорезями, расположенными так же, как и у статуэтки из Согратля.

Такая орнаментировка бронзовых изделий была широко распространена в эпоху раннего железа как в Закавказье, где в могильниках встречаются бронзовые прорезные изображения птиц, головки быков и другие поделки, так и на Северном Кавказе. Здесь примером могут служить бронзовые изображения оленя из Казбекского клада [1] или рукоятки кинжалов из могильников кобанского типа. Мне представляется возможным датировать и данную группу дагестанских статуэток временем Казбекского клада, т. е. около V в. до н. э. Ограниченность района распространения этих фигурок территорией горного Дагестана указывает на их местное изготовление.

А. П. Круглов

КУЙБЫШЕВСКАЯ КАМЕННАЯ БАБА

В 1940 г. в Куйбышевской области во время работ археологической экспедиции гидроузла, у с. Большая Глушица на р. Иргиз, в верхней части кургана была обнаружена в лежачем положении каменная баба (рис. 17). Это изваяние (высотой 74 см и шириной в плечах 38 см) представляет примитивную скульптуру, высеченную из известняка, резко отличающуюся от каменных баб так называемого половецкого типа.

Памятник представляет собой грубо изваянную фигуру четырехугольной формы со слегка покатыми плечами, с плоской спиной; передняя часть имеет посередине два небольших полушарных возвышения, изображающих груди. Голова треугольной формы, с плоским затылком и лицом, на котором возвышается нос, едва заметными углублениями обозначены глаза и четко моделирован подбородок, несколько выступающий вперед. Нижняя часть фигуры отбита. Судя по обломку, она была не обработана и рассчитана на установку в земле.

По форме и трактовке отдельных частей тела Куйбышевская баба резко отличается от поздних каменных баб с хорошо моделированной головой, с косой и фигурой, украшенной в ряде случаев гривнами, с харак-

[1] A. M. Tallgren, Ук. соч., стр. 133 с рис. 33.

терными ногами, с руками, сложенными на животе и иногда держащими сосуд. Некоторые каменные бабы этой категории имеют в ушах серьги аланского типа и соответственно датируются этим временем; часть их относится к несколько более позднему времени и оставлены, повидимому, половцами.

Наиболее близки к рассматриваемому памятнику антропоморфные стелы, найденные в Тиритаке (близ Керчи), и скифские каменные бабы. Эти памятники дают возможность определить время Куйбышевской находки довольно точно.

Как видно из археологического отчета, стелы, найденные при раскопках в Тиритаке в числе трех, были в свое время использованы в качестве строительного материала при постройке какого-то большого здания, относящегося, повидимому, к V в. до н. э.[1]. Эти стелы, воспроизводящие в схематизированном виде фигуры мужчины и женщины, высечены в форме четырехугольных плит, немного суживающихся к основанию. Головы обозначены небольшими полукруглыми выступами, глаза и рот даны мелкими углублениями: нос — в виде незначительного валика. Все детали на передней части стел выполнены плоским рельефом. Например, руки, идущие от плеч вдоль туловища, на концах полусогнуты и оканчиваются пятью пальцами. Грудь одной стелы обозначена небольшими полушарными выступами. В. Ф. Гайдукевич[2] датировал найденные памятники доскифским временем — Киммерийской эпохой. В качестве сравнительного материала он привлек «статую-менгир», найденную близ Гамангии в Добрудже.

Рис. 17. Каменная баба, найденная в Куйбышевской обл.

Менгир из Гамангии был найден в кургане, датируемом находками позднего энеолита, или, вернее, эпохой развитой бронзы, т. е. приблизительно серединой второго тысячелетия до н. э.[3]. К этой же группе относится и Белогрудовская стела. Нужно отметить, что Куйбышевская находка по характеру обработки значительно выше Тиритакской и Белогрудовской. Это дает основание полагать, что памятник из Большой Глушицы несколько моложе отмеченных стел, хотя по общему виду и по трактовке груди между ними и много общего.

Для определения времени Куйбышевской каменной бабы имеют немаловажное значение небольшие глиняные статуэтки, найденные на Елисаветинском городище на Кубани в 1936 г. В. А. Городцов считает их предметами культа и видит в них изображения мужских и женских божеств[4]. Это примитивные глиняные фигурки, круглые в сечении, с плоским основанием, рассчитанным на постановку на полу. Верхняя часть этих статуэ-

[1] ВДИ, 1937, № 1, стр. 219, 220.
[2] Там же.
[3] V. Parvan. La statue-menhir de Hamangia. «Dacia», II, Bucarest, 1925, стр. 422 сл.
[4] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Ленинград, 1940, стр. 213.

ток уплощена. Полукруглая голова их с небольшими углублениями вместо глаз, слегка выступающим носом, непосредственно переходит в туловище. Ни шеи, ни плеч не обозначено. На передней части небольшими полушарными выступами отмечена грудь. Одна из статуэток несколько отлична по форме от других. У нее моделированы плечи и шея. Голова ее, к сожалению, не сохранилась. Фигурки были найдены среди развалин древней усадьбы, которую В. А. Городцов датирует привозными греческими вещами; среди последних им указано горло амфоры с ручками конца V в. до н. э. Расцвет жизни на городище, по его мнению, относится к периоду IV, III, II вв. до н. э. Эти маленькие глиняные статуэтки в миниатюре повторяют Куйбышевскую каменную бабу — и по общей трактовке фигурки и по деталям: у той и другой так же моделированы глаза, нос, грудь. Единственным отличием является плоское основание у глиняных статуэток, что объясняется необходимостью ставить их на ровный пол, в то время как каменная баба укреплялась в почве.

Рис. 18. Каменная баба, найденная на Северном Кавказе (из собрания ГИМ).

Такое же сопоставление может быть сделано и с другими примитивными каменными бабами скифско-сарматского типа, из числа которых можно отметить Херсонскую и Днепропетровскую [1], по общему облику напоминающие Куйбышевскую.

Наконец, Куйбышевский памятник весьма близок к каменной бабе, найденной на Дону и описанной А. А. Миллером [2]. Нужно отметить, что последняя изображает вооруженного мужчину, а не женщину, и поэтому отличается в моделировке деталей, но абрис фигуры тот же: то же четырехугольной формы туловище, грубо обработанное, имеет небольшую голову, на которой углублениями обозначены глаза и рот и продольным выступом нос. Другие детали — руки, пояс с акинаком, ритон в руке — исполнены плоским рельефом и по технике напоминают Тиритакские стелы.

Донская каменная баба хорошо датируется изображенными ритоном и акинаком скифского типа: судя по типу акинака, она может быть отнесена к IV—III вв. до н. э.

С другой стороны, к Куйбышевской каменной бабе близок памятник, найденный на Северном Кавказе (рис. 18), отличающийся от нее большей примитивностью очертаний, но лучшей отделкой: значительно тщательнее обработана поверхность; спина плоская, передняя часть туловища полукруглая, слегка намечены руки, как бы опущенные вдоль тела, нижняя часть цилиндрической формы предназначалась для укрепления в почве. Голова высечена довольно хорошо. На ней обозначены глаза, рот, слегка выступающий нос, четко отграниченный подбородок. С затылка

[1] T. Passek et B. Latynine. Sur la question de kamennye baby. ESA, IV, Helsinki, 1929, стр. 296, рис. 4 *а, б*.

[2] А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. Изв. РАИМК, т. IV, 1925, стр. 97.

спускаются две косы, сплетенные вместе; на шее обозначена гривна, на голове — шлем конической формы типа «Spangenhelm». Этот памятник необходимо поставить в ряду между Куйбышевской находкой и каменными бабами позднего типа.

Каменная баба из с. Б. Глушица представляет переходную стадию от плоских стел скифско-сарматского типа к полукруглым позднего аланского и половецкого типов. Выступающий на передней части фигуры продольный валик придает некоторую округлость туловищу, совершенно отсутствующую на ранних памятниках. Это дает некоторое основание связывать поздние каменные бабы степной части Восточной Европы с памятниками скифо-сарматского типа.

Таковы аналогии, позволяющие определить время Куйбышевской находки. Сравнение ее со стелами Сибири не дает никаких оснований для датировки. Техника выполнения последних несколько отлична, так же как отлична и форма даже у примитивных изображений; по-иному трактованы глаза, рот и нос.

Все это заставляет отнести Куйбышевскую находку к группе стел Тиритаки, Северного Кавказа и сопоставить ее со статуэтками из станицы Елисаветовской. Если построить хронологический ряд из приведенных памятников, то наиболее древними из них будут стелы, найденные в Тиритаке и Гамангии (Добруджа); следующей будет скифская стела, найденная на Дону, затем Куйбышевская и, наконец, Северо-Кавказская со шлемом типа «Spangenhelm».

Куйбышевская стела по общему абрису и по трактовке груди напоминает древние Тиритакскую и затем Скифскую каменные бабы; по отделке, по трактовке подбородка, по выступу, проходящему по груди и животу, что создает впечатление некоторой округленности,— она приближается к Северо-Кавказской со шлемом на голове. Этими данными определяется и время ее изготовления. Для решения этого вопроса необходимо определить дату Северо-Кавказской каменной бабы, исходным моментом чего может служить шлем. Шлемы этого типа, называемые Spangenhelm, датируются находками в Европе в VI в. н. э. и позднее, когда из этого типа вырабатываются другие формы.

Каменная баба Северного Кавказа в шлеме интересна еще одной деталью, которая позволяет, кроме того, определить ее время довольно точно,— это серьги аланско-хазарского типа в виде кольца со стержнем, заканчивающимся утолщением или пирамидкой. Подобные украшения определенно датируются по материалам ряда могильников Северного Кавказа и Салтовского, именно VI—IX вв. н. э. Те же серьги встречаем и в памятниках Кыргызской культуры Южной Сибири того же времени. Приведенные данные позволяют датировать Северо-Кавказскую каменную бабу VI—IX вв., отнеся ее по примитивности, с большей вероятностью к началу этого периода. Исходя из приведенных соображений, наиболее вероятным временем Куйбышевского памятника надо признать рубеж или первые века нашей эры.

Этой дате не противоречат и некоторые архаические черты нашей фигуры, связывающие ее с Тиритакской и скифскими: например, трактовка груди, встречающаяся на изображениях первых веков нашей эры; в качестве примера можно указать так называемые Сопоговские статуэтки, датируемые по изображениям кинжалов сарматского типа этим временем.

А. П. Смирнов

СКУЛЬПТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ СКИФСКИХ ЦАРЕЙ СКИЛУРА И ПАЛАКА

В фондах музея Всероссийской академии художеств хранится гипсовый слепок рельефа [1] (рис. 19), представляющий собой, как я убедился, отливку уникального рельефа Одесского музея, изображающего молодого скифа на коне [2]. Рельеф был случайно обнаружен в апреле 1827 г. на го-

Рис. 19. Рельеф из сел. Керменчик (хран. в Одесском музее). Гипсовый слепок.

родище Керменчик, близ Симферополя, при добыче строительного камня, вместе с тремя греческими надписями на мраморных плитах. В одной из

[1] Г. М. Преснов. Музей Академии художеств. Отдел античной скульптуры. Изд. Всер. Академии художеств, Л., 1940, № 16/340, стр. 92.

[2] Kieseritzky und Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, № 557, стр. 98.

надписей, сохранившейся неполностью, упоминается скифский царь Скилур. Бек, следуя Бларамбергу, восстанавливает надпись следующим образом:

«Βασιλεὺς Σκίλουρος βασ [ιλέων μέγας], τὸ Λέαντοῦ βασιλείας [ἔτος] ...»

«...Царь Скилур, великий царь, в тридцатый год царствования...».

Рис. 20. Рельеф из сел. Керменчик (хран. в Одесском музее). Рис. Бларамберга.

В. В. Латышев выдвинул ряд возражений против такого чтения[2]. Однако весь комплекс памятников, найденных на городище, наталкивал

[1] Boeck, C. I. Gr., II. № 2103.
[2] IosPE, I², 1916, № 668, стр. 504—505.

на мысль об их связи именно с царем Скилуром, возглавившим во второй половине II в. до н. э. наступательную борьбу скифов против греческих городов Северного Причерноморья. Имя Скилура упоминалось Страбоном (Geogr., lib. VII, 4, 3)[1], Плутархом[2] и другими древними авторами.

Найденный рельеф и надписи поступили в Одесский историко-археологический музей. Директор его, Бларамберг, в своей работе[3] отождествил изображенного на рельефе молодого скифа с царем Палаком, сыном Скилура, приложив свою зарисовку рельефа (рис. 20).

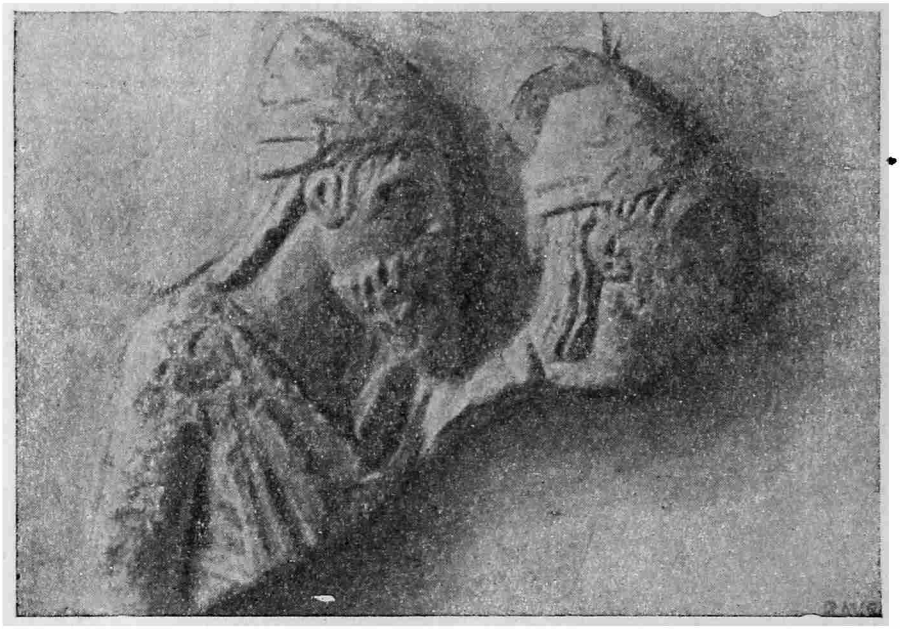

Рис. 21. Рельеф из сел. Керменчик, найденный Бларамбергом. Гипсовый слепок.

В дальнейшем, среди фондов музея Академии художеств я неожиданно обнаружил второй интереснейший слепок[4], что явилось своего рода научным открытием. Отливка выполнена с фрагмента небольшого рельефа, изображающего бородатого старца и юношу в войлочных скифских шапках (рис. 21). Зарисовка Бларамберга в упомянутой работе (рис. 22) позволяет установить тождество этого слепка с другим мраморным рельефом, найденным Бларамбергом при раскопках в Керменчике, которые он произвел там после случайной находки первого рельефа[5]. Перед нами отливка и зарисовка одного и того же мраморного рельефа из Керменчика.

В представленном на рельефе старике Бларамберг уловил сходство с изображением Скилура на монетах из Ольвии (одна из них воспроизведена в той же работе); юного скифа он сопоставил с всадником на большом рельефе и отождествил с Палаком[6]. Весь комплекс находок, как купленных

---

[1] В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. I, стр. 123.

[2] Там же, стр. 496.

[3] Blaramberg. De la position de trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, Odessa, 1831 г., перевод помещен в ИТУАК, вып. 7, 1889, стр. 56—60

[4] Г. М. Преснов. Ук. соч., № 15/339, стр. 91.

[5] При дополнительных раскопках на месте прежних находок Бларамберг нашел, кроме этого рельефа, черепицу с клеймом (Blaramberg. Ук. соч., рис. 3; ИТУАК. вып. 7, стр. 60, табл. I, рис. 3). Где сейчас находится второй рельеф, неизвестно.

[6] Blaramberg. Ук. соч., стр. 14; ИТУАК, вып. 7, стр. 60.

ранее, так и обнаруженных самим Бларамбергом, дал ему основание для предположения, что Керменчик не что иное, как упоминаемый древними авторами Неаполь скифский, являющийся, судя по источникам, главным центром скифского государства в Крыму и одним из основных опорных пунктов борьбы скифских и таврских племен против объединенных сил Херсонеса, Боспорского царства и пришедших из-за моря войск Митридата Понтийского [1].

Еще до Бларамберга в 1827 г. коллекцию древностей, найденных на Керменчике, осмотрел археолог Стевен. В своем дневнике он писал: «...ви-

Рис. 22. Рельеф из сел. Керменчик, найденный Бларамбергом (по его зарисовке).

дел у А. И. Султан-Крым-Гирея 130 монет, найденных близ города. Монеты все римские, и только две греческие (одна Александра и одна Лизимаха)... у Султана же видел камень с изображением воина на коне, плохой работы на песчанике; еще два камня с греческими надписями» [2].

Трудно решить, какой камень с изображением воина на коне видел Стевен. Одно из двух: или на Керменчике в те годы были найдены два рельефа с изображениями всадников, или же Стевен упоминает в своем дневнике Одесский рельеф, ошибочно приняв мелкозернистый известняк, из которого он выполнен, за песчаник.

Про находки в Керменчике писал и П. Кёппен [3]; о гипотезе Бларамберга он высказался осторожно, но все же сочувственно. К предположениям Бларамберга присоединился и Дюбуа де Монпере, посетивший развалины Неаполя скифского в 1834 г. [4], а затем и Мурзакевич (1836) [5], В 1853 г. на территории Керменчика произвел раскопки А. С. Уваров,

[1] См. декрет города Херсонеса в честь Диофанта. IosPE, I², № 352.
[2] ИТУАК, вып. 7, ст. 47
[3] П. Кёппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 328.
[4] Dubois de Montpéreux. Voyage autor de Caucase et en Crimée. Paris, 1839—1843, т. V, стр. 199; т. VI, стр. 380, 382.
[5] Н. Мурзакевич. Поездка в Крым в 1836 г., ЖМНП, 1837, янв., стр. 630.

сначала скептически относившийся к выводам Бларамберга [1]. Но после раскопок он в корне изменил свое мнение и целиком присоединился к Бларамбергу [2]. В своей работе он сообщает и о случайной находке надгробного памятника с изображением всадника в скифском одеянии, а возле него мраморного обломка греческой надписи [3], оказавшейся посвятительной надписью наварха царя Скилура-родосца Посидея, сына Посидеева [4].

Кроме двух упомянутых выше рельефов из Керменчика, Юргевич в путеводителе по Одесскому музею дает описание третьего рельефа: «Надгробие каменное с изображением наверху воина, скачущего на коне вправо, внизу — бегущего воина с круглым щитом. Найдено вблизи города Симферополя в городище, где, по мнению Бларамберга, находился древний скифский город Неаполь» [5].

Произведенные мною в Одесском музее розыски этого рельефа не увенчались успехом. Возможно, что Юргевич, перепутав в своем описании расположение изображений верхней и нижней части, имел в виду рельеф из Керменчика с изображением пешего воина вверху и всадника внизу, зарисованный и опубликованный Уваровым [6].

На Керменчике, таким образом, за вторую четверть XIX в. было обнаружено несколько рельефов с изображением всадников. В середине XIX в. полемика вокруг вопроса о Неаполе скифском и о рельефах, опубликованных Бларамбергом, приобрела особенно острый характер. Келлер и вслед за ним Бек [7] выступили с резкой критикой положений Бларамберга. Они не соглашались с ним ни в вопросе о местоположении Неаполя, ни в определении монет и рельефов. Келлер и Бек отрицали связь монеты, изданной Бларамбергом, с царем Скилуром — современником Митридата Евпатора. К Келлеру и Беку присоединился и Беккер, отрицавший связь Керменчика с Неаполем; он считал, что Неаполь находится ближе к Херсонесу, а именно в Инкермане [8]. В дальнейшем, в своих этюдах по исторической географии Причерноморья, в пользу Беккера высказался и Брун [9].

В. В. Латышев [10] в вопросе о Неаполе стал на сторону Бларамберга, в вопросе же об изображениях на рельефах он с ним не согласился. Кизерицкий и Ватцингер также присоединились к Бларамбергу в отождествлении Керменчика с Неаполем, но Одесский рельеф с молодым всадником-скифом они ошибочно датируют по его стилю IV в. до н. э. и тем самым отрицают его связь с Палаком [11].

---

[1] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, стр. 95 (в атласе воспроизведен Одесский рельеф с изображением скифа на коне, табл. XXXVI, 1, 4).

[2] А. С. Уваров. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г., стр. 129—134, см. также Пропилеи, IV, стр. 526, 527.

[3] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 327. Куда поступил этот рельеф — неизвестно, но во всяком случае это не тот рельеф с изображением пешего воина наверху и всадника внизу (так думает А. И. Маркевич, ИТОИАЭ, II, 1929, стр. 8), который поступил в Одесский музей еще в 1851 г., т. е. до раскопок А. С. Уварова (воспроизведен А. С. Уваровым, Исслед. о древностях... табл. XXXVI, 5. Лучшее воспроизведение у М. И. Ростовцева «Античн. декорат. живопись на юге России», 1914, стр. 340—341, атлас, табл. LXXXV, 1).

[4] IosPE, I², № 670.

[5] В. Н. Юргевич. Путеводитель по Одесскому музею, стр. 18, № 21.

[6] А. С. Уваров. Ук. соч., атлас, XXXV, 5.

[7] Boeck. C. J. Gr., III, № 2103.

[8] Becker. Die Harakleotische Halbinsel, Leipzig, 1856, стр. 41—46.

[9] Ф. Брун. Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, стр. 70.

[10] В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 131.

[11] Kieseritzky und Watzinger. Ук. соч., стр. 98 № 557.

Из сторонников позиций Бларамберга упомянем Юргевича и двух симферопольских археологов: Ящуржинского [1] и Маркевича [2].

В вопросе о рельефах из Керменчика исследователи, таким образом, раскололись на два лагеря: Кёппен, Дюбуа де Монпере, Мурзакевич, Уваров, Юргевич, Ящуржинский, Маркевич,— побывавшие на Керменчике, а частью и копавшие его,— высказались за отождествление Бларамберга; исследователи, никогда не посещавшие Керменчик,— Келлер, Бек, Грефе, Беккер, Брун, Кизерицкий, Ватцингер и отчасти Бурачков и Латышев высказались против предположений Бларамберга.

Вопрос о том, имеем ли мы в рельефах из Керменчика воспроизведения скифских царей Скилура и Палака или же нет,— остался открытым. Этот вопрос приобрел даже отпечаток безнадежности вследствие утраты рельефа с бородатым и молодым скифами. Все авторы, обсуждавшие этот вопрос, оперировали крайне неточным рисунком Бларамберга, а оригинала, с которого рисунок был выполнен, не видели. Это придавало спору шаткий характер, так как единственной надежной опорой для разрешения вопроса являлось сличение головы Скилура на монетах с головой старца на оригинале рельефа или хотя бы на его слепке. Вот почему обнаружение в Музее скульптуры Академии художеств слепка утерянного рельефа дает возможность пересмотреть заново старый, неразрешенный и в значительной мере уже забытый вопрос о портретах скифских царей Скилура и Палака.

Вопрос о местонахождении утраченного оригинала остается открытым, так как розыски в кладовых и в архиве Одесского музея не дали желательного результата. В описи же поступлений в музей Одесского о-ва истории и древностей за 1842 г. из коллекций Бларамберга указано, кроме надписей, лишь «Изображение скифского юноши на коне» [3]. Нет никаких упоминаний о слепках с рельефов и в указателе Скульптурного музея Академии художеств, составленном хранителем музея Треем в 1871 г. [4], хотя на обороте слепка рельефа с всадником сохранилась пометка о выполнении отливки в 1833 г.

Перейдем к описанию памятника. Слепок (рис. 21) выполнен с обломка небольшого мраморного рельефа [5]. Размеры фрагмента невелики: 0.38 × 0.22 м. Изображения выполнены горельефно (высота рельефа достигает 0.045 м от поверхности плиты). Фрагмент представляет собой верхнюю часть рельефа. Сохранились голова юноши и верхняя часть фигуры старика. Обе слегка согнувшиеся фигуры — безбородого юноши впереди и бородатого старика сзади — вплотную примыкают друг к другу; головы расположены в профиль вправо, тогда как плечи развернуты в три четверти. На голове старика скифская войлочная шапка, перевязанная широкой лентой, концы которой падают на шею. Он одет в рубаху с длинными рукавами, подпоясанную двойным тесмянным поясом. Поверх рубахи накинут греческий плащ, концы которого скреплены на правом плече круглой запоной со щитком, по форме напоминающим розету [6]. На юноше

---

[1] Х. Ящуржинский. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе. ИТУАК, вып. 7, 1889, стр. 46—55.

[2] А. И. Маркевич. К столетию исследования на городище Неаполя около Симферополя. ИТОИАЭ, III, стр. 5.

[3] ЗООИД, I, 1844, стр. 637. Не исключена возможность, что малый мраморный рельеф после смерти Бларамберга остался в его семье, впоследствии выехавшей за границу, и в музей не попал.

[4] Г. Трей. Указатель Скульптурного музея Академии художеств. СПб., 1871.

[5] См. Blaramberg. Journal d'Odessa, 1827, № 47, 69, 73; русские номера журнала — 70—71.

[6] Возможно, что щиток представлял собой, как на это указал мне Б. Н. Граков, стилизованное изображение птичьего глаза, встречающееся на скифских бляхах.

сначала скептически относившийся к выводам Бларамберга [1]. Но после раскопок он в корне изменил свое мнение и целиком присоединился к Бларамбергу [2]. В своей работе он сообщает и о случайной находке надгробного памятника с изображением всадника в скифском одеянии, а возле него мраморного обломка греческой надписи [3], оказавшейся посвятительной надписью наварха царя Скилура-родосца Посидея, сына Посидеева [4].

Кроме двух упомянутых выше рельефов из Керменчика, Юргевич в путеводителе по Одесскому музею дает описание третьего рельефа: «Надгробие каменное с изображением наверху воина, скачущего на коне вправо, внизу — бегущего воина с круглым щитом. Найдено вблизи города Симферополя в городище, где, по мнению Бларамберга, находился древний скифский город Неаполь» [5].

Произведенные мною в Одесском музее розыски этого рельефа не увенчались успехом. Возможно, что Юргевич, перепутав в своем описании расположение изображений верхней и нижней части, имел в виду рельеф из Керменчика с изображением пешего воина вверху и всадника внизу, зарисованный и опубликованный Уваровым [6].

На Керменчике, таким образом, за вторую четверть XIX в. было обнаружено несколько рельефов с изображением всадников. В середине XIX в. полемика вокруг вопроса о Неаполе скифском и о рельефах, опубликованных Бларамбергом, приобрела особенно острый характер. Келлер и вслед за ним Бек [7] выступили с резкой критикой положений Бларамберга. Они не соглашались с ним ни в вопросе о местоположении Неаполя, ни в определении монет и рельефов. Келлер и Бек отрицали связь монеты, изданной Бларамбергом, с царем Скилуром — современником Митридата Евпатора. К Келлеру и Беку присоединился и Беккер, отрицавший связь Керменчика с Неаполем; он считал, что Неаполь находится ближе к Херсонесу, а именно в Инкермане [8]. В дальнейшем, в своих этюдах по исторической географии Причерноморья, в пользу Беккера высказался и Брун [9].

В. В. Латышев [10] в вопросе о Неаполе стал на сторону Бларамберга, в вопросе же об изображениях на рельефах он с ним не согласился. Кизерицкий и Ватцингер также присоединились к Бларамбергу в отождествлении Керменчика с Неаполем, но Одесский рельеф с молодым всадником-скифом они ошибочно датируют по его стилю IV в. до н. э. и тем самым отрицают его связь с Палаком [11].

---

[1] А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, стр. 95 (в атласе воспроизведен Одесский рельеф с изображением скифа на коне, табл. XXXVI, 1, 4).

[2] А. С. Уваров. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г., стр. 129—134, см. также Пропилеи, IV, стр. 526, 527.

[3] А. С. Уваров. Ук. соч., стр. 327. Куда поступил этот рельеф — неизвестно, но во всяком случае это не тот рельеф с изображением пешего воина наверху и всадника внизу (так думает А. И. Маркевич, ИТОИАЭ, II, 1929, стр. 8), который поступил в Одесский музей еще в 1851 г., т. е. до раскопок А. С. Уварова (воспроизведен А. С. Уваровым, Исслед. о древностях... табл. XXXVI, 5. Лучшее воспроизведение у М. И. Ростовцева «Античн. декорат. живопись на юге России», 1914, стр. 340—341, атлас, табл. LXXXV, 1).

[4] IosPE, I², № 670.

[5] В. Н. Юргевич. Путеводитель по Одесскому музею, стр. 18, № 21.

[6] А. С. Уваров. Ук. соч., атлас, XXXV, 5.

[7] Boeck. C. J. Gr., III, № 2103.

[8] Becker. Die Harakleotische Halbinsel, Leipzig, 1856, стр. 41—46.

[9] Ф. Брун. Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, стр. 70.

[10] В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 131.

[11] Kieseritzky und Watzinger. Ук. соч., стр. 98 № 557.

Из сторонников позиций Бларамберга упомянем Юргевича и двух симферопольских археологов: Ящуржинского [1] и Маркевича [2].

В вопросе о рельефах из Керменчика исследователи, таким образом, раскололись на два лагеря: Кёппен, Дюбуа де Монпере, Мурзакевич, Уваров, Юргевич, Ящуржинский, Маркевич,— побывавшие на Керменчике, а частью и копавшие его,— высказались за отождествление Бларамберга; исследователи, никогда не посещавшие Керменчик,— Келлер, Бек, Грефе, Беккер, Брун, Кизерицкий, Ватцингер и отчасти Бурачков и Латышев высказались против предположений Бларамберга.

Вопрос о том, имеем ли мы в рельефах из Керменчика воспроизведения скифских царей Скилура и Палака или же нет,— остался открытым. Этот вопрос приобрел даже отпечаток безнадежности вследствие утраты рельефа с бородатым и молодым скифами. Все авторы, обсуждавшие этот вопрос, оперировали крайне неточным рисунком Бларамберга, а оригинала, с которого рисунок был выполнен, не видели. Это придавало спору шаткий характер, так как единственной надежной опорой для разрешения вопроса являлось сличение головы Скилура на монетах с головой старца на оригинале рельефа или хотя бы на его слепке. Вот почему обнаружение в Музее скульптуры Академии художеств слепка утерянного рельефа дает возможность пересмотреть заново старый, неразрешенный и в значительной мере уже забытый вопрос о портретах скифских царей Скилура и Палака.

Вопрос о местонахождении утраченного оригинала остается открытым, так как розыски в кладовых и в архиве Одесского музея не дали желательного результата. В описи же поступлений в музей Одесского о-ва истории и древностей за 1842 г. из коллекций Бларамберга указано, кроме надписей, лишь «Изображение скифского юноши на коне» [3]. Нет никаких упоминаний о слепках с рельефов и в указателе Скульптурного музея Академии художеств, составленном хранителем музея Треем в 1871 г. [4], хотя на обороте слепка рельефа с всадником сохранилась пометка о выполнении отливки в 1833 г.

Перейдем к описанию памятника. Слепок (рис. 21) выполнен с обломка небольшого мраморного рельефа [5]. Размеры фрагмента невелики: 0.38 × 0.22 м. Изображения выполнены горельефно (высота рельефа достигает 0.045 м от поверхности плиты). Фрагмент представляет собой верхнюю часть рельефа. Сохранились голова юноши и верхняя часть фигуры старика. Обе слегка согнувшиеся фигуры — безбородого юноши впереди и бородатого старика сзади — вплотную примыкают друг к другу; головы расположены в профиль вправо, тогда как плечи развернуты в три четверти. На голове старика скифская войлочная шапка, перевязанная широкой лентой, концы которой падают на шею. Он одет в рубаху с длинными рукавами, подпоясанную двойным тесмянным поясом. Поверх рубахи накинут греческий плащ, концы которого скреплены на правом плече круглой запоной со щитком, по форме напоминающим розету [6]. На юноше

---

[1] Х. Ящуржинский. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе. ИТУАК, вып. 7, 1889, стр. 46—55.

[2] А. И. Маркевич. К столетию исследования на городище Неаполя около Симферополя. ИТОИАЭ, III, стр. 5.

[3] ЗООИД, I, 1844, стр. 637. Не исключена возможность, что малый мраморный рельеф после смерти Бларамберга остался в его семье, впоследствии выехавшей за границу, и в музей не попал.

[4] Г. Трей. Указатель Скульптурного музея Академии художеств. СПб., 1871.

[5] См. Blaramberg. Journal d'Odessa, 1827, № 47, 69, 73; русские номера журнала — 70—71.

[6] Возможно, что щиток представлял собой, как на это указал мне Б. Н. Граков, стилизованное изображение птичьего глаза, встречающееся на скифских бляхах.

такая же войлочная шапка, перевязанная лентой; судя по складке на правом плече, на юноше, так же как и на старике, поверх рубахи был накинут греческий плащ.

За головой юноши видно древко вертикально поставленного копья. Аналогичное древко Бларамберг воспроизводит и за головой старика. Правая рука старика опущена, отодвинута назад и слегка согнута в локте, левая выдвинута вперед. Правая рука юноши, судя по наклону плеча, была также опущена и слегка отодвинута назад.

Юноша и старец, несомненно, сидят, а не стоят, как думал Бларамберг, но оба они находятся в движении. Судя по характерному наклону той и другой фигуры и несколько напряженной вытянутости шеи старца и юноши, как бы устремленных вперед, перед нами всадники, едущие рядом, сдерживающие движения галопирующих коней. На это указывают и древки копий, наличие которых в ином случае было бы не оправдано, направление облома нижней части рельефа, отколовшегося в известном соответствии с линией изогнутой шеи лошади, на которой сидел старец: эта дугообразная линия (ср. с линией шеи коня на Одесском рельефе, рис. 19) перекрывает правое плечо и грудь юноши. Движение левого плеча и руки старца позволяют предполагать, что он держал повод (ср. с движением левой руки всадника на Одесском рельефе). В качестве аналогии укажу на небольшой мраморный рельеф I в. до н. э. из Херсонеса, на котором воспроизведены два мчащиеся рядом всадника в остроконечных шапках и, повидимому, в скифских анаксиридах [1]. Сходное положение всадников, едущих рядом, мы найдем в Керченских надгробиях [2] и росписях [3], в тканях бактрийского происхождения из курганов Ноин-ула (Северная Монголия) [4], в бактрийских монетах II в. до н. э., изображающих близнецов Диоскуров [5], и в монетах Италии и Рима последних веков до н. э.

Мастер воспроизвел всадников, едущих именно рядом, а не один позади другого. И в композициях братьев Диоскуров, едущих рядом, и в изображениях квадриг, и в воспроизведениях на афинских монетах наступающих рядом тираноктонов античные мастера рельефа неизменно прибегали именно к этому способу изображения. Хотя юноша и воспроизведен на рельефе впереди старика, но на самом деле, по мысли автора, он находится рядом с ним и даже больше — старик по пространственному положению мыслился впереди юноши, так как по отношению к зрителю он находится на переднем плане. Он ближе к зрителю, его плечи и голова выступают сильнее и расположены выше, чем плечи и голова юноши. Тем самым, несмотря на то, что юноша изображен впереди, в композиции подчеркивается приоритет старика.

Взаимосвязь едущих рядом фигур, сходство одежд и движений приводит к мысли о наличии родства между стариком и юношей (отец и сын?). На рельефе не только отчетливо выявлен возраст старца и юноши, но и подчеркнуты их портретные черты. У старика гордое, удлиненное лицо с орлиным носом, насупленные брови и верхнее веко, налегающее на яблоко глаза, что придает взору старика несколько угрюмый характер. Юноша круглолиц, у него характерный тяжелый подбородок с легкой растительностью. Нос прямой и широкий, глаза небольшие, скулы подчеркнуты. В отличие от старика, юноша слегка откинул голову и держится стройно. Индивидуальный характер старика и юноши выражен настолько

---

[1] ОАК за 1903 г., стр. 28; ИАК, вып. 16, стр. 55, рис. 12.

[2] Kieseritzky und Watzinger. Ук. соч., XLVIII, стр. 121, № 676. М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись, табл. XXXVIII

[4] К. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Изд. АН СССР, 1940, табл. 36—39, 40.

[5] Там же.

определенно, что сомнений в портретности не возникает: перед нами парный портрет [1].

Это не идеальный портрет или же надгробие, выполненное вне натуры, по памяти, после смерти изображаемых лиц: в рельефе чувствуется индивидуальная натура, наблюденная в жизни. Однако индивидуальное в портретах подчинено типическому. Перед нами портреты властителей, воспроизведенных, как мне представляется, при их жизни. Героизация здесь еще носит сдержанный, смягченный характер; здесь нет и тени той тяжеловесной напыщенной величавости, которая так характерна для изображений всадников Боспорского царства времен Римской империи. Своеобразная задушевность в характеристике черт лица старца и юноши смягчала репрезентативность медленного движения вооруженных копьями всадников. Гармоническое сочетание в изображении героического и семейного начала, естественности и торжественности является характерной чертой рельефа.

Восточный облик головы старца с характерным горбатым носом, одутловатое лицо юноши, костюм и в особенности головной убор свидетельствуют о том, что на рельефе изображены не греки, а скифы. Костюм, в основе скифский, дополнен греческими плащами. Перед нами, очевидно, скифы, вступившие на путь эллинизации и вместе с тем подчеркивающие своим костюмом связь с бытовыми традициями своего народа.

Рельеф не был надгробием. При решении вопроса о его назначении важно иметь в виду, что он был найден почти что рядом с большим рельефом; последний имеет шип в нижней части, рассчитанный на введение его в массивную каменную базу. Тут же была найдена база, повидимому, статуи с надписью, упоминающей царя Скилура. Условия находки не исключают возможности комплексной связи всех трех памятников [2]. Все они имели, очевидно, общий смысл: возвеличение скифских властителей. Находился ли этот комплекс на площади Неаполя скифского, на дворцовом ли дворе или в самом дворце — сказать пока невозможно. А что Неаполь скифский находился именно здесь — вряд ли можно сомневаться. Керменчик — наиболее крупное скифское городище предгорного Крыма. Оно расположено как бы у ворот в горный Крым — там, где главный путь от Перекопа разветвлялся на ряд путей к морю. Здесь-то, в центре Керменчика, и были найдены надписи с именем скифского царя Скилура и его номарха Посидея вместе с интересующими нас рельефами. Декрет в честь Диофанта [3], как и свидетельство Страбона [4], дают основания полагать, что главная крепость царя Скилура, названная «новым городом», находилась именно в предгорном Крыму. Скорее всего именно Скилур и воспроизведен на рельефе.

Единственным критерием для определения его портретных черт являются изображения царя на монетах из Ольвии с надписью «Σκιλουρος».

До нас дошло несколько подобных монет. Три лучших экземпляра хранятся в Историческом музее в Москве и неоднократно воспроизводились [5].

Сличим профиль Скилура на одной из этих монет с профилем старца

---

[1] Никаких других всадников на рельефе представлено не было, ибо поля рельефа по левую сторону старца и по правую сторону юноши свободны от изображений.

[2] См. отчет Блярамберга. ИТУАК, вып. 7, стр. 57, 58, 60.

[3] IosPE, I², № 352.

[4] Strabon. Geogr, lib. VII, 4, 3.

[5] Blaramberg. Ук. соч., табл. II, 6. ИТУАК, вып. 7, стр. 6, табл. 1, рис. 2.— А. С. Уваров. Каталог монет..., 197/199.— Бурачков. Общий каталог монет..., ч. I, 1884, табл. XIII, 1.— А. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, № 246. Лучшая публикация — в его же работе: «О монетах скифских царей» — ЗРАО, нов. сер., IV, стр. 14—24.

на рельефе (рис. 23 24). Сходство настолько велико, что говорит само за себя: на монете и на рельефе изображено одно и то же удлиненное лицо с остроконечной бородой и длинными прядями падающих на плечи волос, орлиным носом и взглядом из-под нависающих бровей. На голове перехваченная лентой мягкая скифская шапка. Несмотря на то, что в трех монетах Скилура изображение выбито различными штампами, все монеты дают сходный портретный образ красивого старческого лица. Те же черты мы наблюдаем и в нашем рельефе. Поэтому вслед за Бларамбергом и его сторонниками я готов присоединить свой голос в пользу того, что на рельефе изображен именно Скилур.

Рис. 23. Монета Скилура (из собр. ГИМ). Лицевая сторона.

Рис. 24. Голова Скилура. Деталь рельефа, найд. в сел. Керменчик (гипсовый слепок).

Если старец — Скилур, то юноша, едущий рядом с ним,— скорее всего соправитель и сын Скилура — Палак, имя которого в источниках, как известно, постоянно соединяется с именем его отца [1].

Палак, сын Скилура, еще при жизни последнего был его соправителем, получил от Скилура во владение город Палакий, названный его именем [2], и в конце II в. до н. э. возглавил борьбу скифов с силами Херсонеса и Митридата Понтийского, выступившими против скифов с полководцем Митридата Диофантом [3] во главе. Таким образом, Палак являлся единственным и естественным кандидатом на изображение юноши, воспроизведенного на рельефе рука об руку со Скилуром. Можно добавить и довод иконографического характера: я имею в виду сходство черт лица молодого скифа на малом мраморном и на большом известняковом рельефах из Керменчика (рис. 19 и 21).

Одесский рельеф, изображающий молодого скифа на коне, выполнен из белого, плотного, мелкозернистого известняка хорошего качества. Высота плиты — 2.15 м, ширина — 1.33 м, толщина — 0.12—0.14 м. Высота

[1] См. например, у Страбона, Georg., VII, 4, 3 (В. В. Латышев. Ук. изд., т. I, стр. 123).

[2] См. Strabon. Georg. VII, 4, 7 (В. В. Латышев, Ук. изд., стр. 123).

[3] IosPE, I², № 352. Вопрос о взаимоотношениях Скилура и Палака хорошо освещен в работе акад. С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», ВДИ, 1938, № 3—4.

рельефа — 0.06—0.08 м. Вся верхняя левая боковая сторона и края нижней части отбиты. Поверхность рельефа повреждена, в особенности пострадало лицо юноши. Рельеф до нас дошел в трех обломках, однако есть полная возможность его реконструировать. Судя по шипу в нижней части, рельеф вставлялся в массивную каменную базу. Аналогичную структуру имеют афинские надгробия, в частности стела юного героя Дексилея на коне [1]. Рельеф помещен был, очевидно, на открытом месте — во дворе или на площади и приставлен был к стене, на что указывает грубая обработка тыльной стороны.

На рельефе изображен юноша-всадник, на скаку бросающий короткое метательное копье. Его лицо обращено к зрителю в три четверти, плечи и грудь развернуты почти в фас; на голове у юноши знакомая нам скифская шапка с лентой. Короткая рубаха подпоясана тройным тесмянным поясом с пряжкой, перекрытой продолговатым щитком с округлыми боковыми гранями. На ногах всадника анаксириды со штрипкой, надетые поверх мягкой скифской обуви с длинными свешивающимися носками. На плечах — плащ, развевающийся за спиной юноши (складки плаща видны у крупа лошади) и скрепленный у правого плеча. В поднятой правой руке — копье, древко которого видно слева у шеи. Наконечник копья, вероятно, был обозначен краской на груди юноши. В левой вытянутой вперед руке юноша держит повод, облегающий шею коня. Повод на шее трактован рельефом, по фону же плиты он был, вероятно, обозначен цветом. У низкорослого коня маленькая голова и массивная шея; на морде уздечка с тремя круглыми нащечными бляхами. На лбу их две, а всего на узде их было восемь. Конь изображен в медленном галопе, задние и передние ноги сдвинуты и трактованы параллельно. Грива коня, очевидно, была перекинута на левую сторону шеи. Две пряди выбились на лоб коня. Правое ухо прижато, левое выдвинуто вперед. Зубы коня оскалены, в зубах удила с псалиями. На правом бедре коня следы углубления, напоминающего по очертаниям тамгу. Хвост коня, образуя, судя по его остатку у крупа, дугообразную линию, падал до копыт, где остались его следы. На копытах тщательно переданы три слоя роговой оболочки.

Юноша сидит без седла, сжимая ногами бока галопирующего коня. Фигура юноши глубоко посажена; создается впечатление, что спина коня врезается в тело всадника. Юноша, на ходу вскинувший копье для броска, в поисках опоры и равновесия, и в соответствии с движением рук и корпуса, выкинул вперед и опустил носок левой ноги, одновременно сильно изогнув правую ногу. Пропорции коня и всадника даны условно. Коренастая фигура юноши велика по отношению к коню. Это вызвано, вероятно, не только желанием мастера передать породу низкорослого степного коня, но и задачей возвеличить и выделить фигуру всадника. Мастер, несмотря на анатомические неправильности изображения (вывернутость плеч и сплюснутый таз юноши), сумел создать образ молодого эллинизованного варвара, не забывшего еще старых кочевых навыков. Этот образ не лишен жизненной правды.

Фигура всадника хорошо введена в прямоугольную плиту рельефа. Композиция строится на уравновешенной передаче движения по наклонным. Это придает построению плавный, сдержанный ритм. Характер изображения юноши и коня, наивность пропорций, скупая обобщенная моделировка форм, подчиненная плоскости, белизна известнякового камня придают памятнику местный самобытный характер. Один из посетителей музея остроумно сопоставил рельеф с всадниками русских народных мятных пряников. В самом деле, какой-то очень долгий и сложный путь ведет от

[1] A. Conze. Die attische Grabreliefs. Berlin, 1898.— H. Diepolder. Die attische Grabreliefs des 5 und 4 Jahrhunderts v. Chr., Berlin, 1931.

памятника скифского Неаполя к всадникам народной украинской и русской игрушки и к всадникам на белокаменных рельефах Киевской и Владимиро-Суздальской Руси [1]. И там и здесь мы наблюдаем органическое слияние народного реалистического чувства натуры с условностью декоративных форм. Эта декоративность подчеркивалась, очевидно, в нашем рельефе полихромной раскраской.

Полагаю, что в основе нашего рельефа лежит прежде всего длительная местная традиция причерноморских греко-скифских изображений всадников, дошедших до нас в многочисленных изделиях художественного ремесла [2]. Своеобразным иконографическим прототипом нашего рельефа является скиф на коне с копьем в руках, изображенный на монете Керкенитиды с нерасшифрованной до сих пор надписью «Ηραχ» [3]. Монета датируется Орешниковым IV в. до н. э. То, что было предварительно накоплено в малых формах искусства, в условиях Неаполя скифского, получило свое дальнейшее воплощение в монументальных формах конного героического рельефа.

На мастера Одесского рельефа оказали несомненное воздействие монументальные изображения всадников Малой Азии, где со времени фриза из Гоэль-Баши [4] всадники на галопирующих конях неоднократно воспроизводились (надгробные рельефы, фризы мавзолеев и саркофагов Ликии и Фригии) [5]. Этот же мотив распространился в саркофагах Передней Азии (Сидонские саркофаги) [6], привился в надгробных рельефах Фракии. Изображения всадников в надгробиях и фризах Аттики в отдельных случаях имеют характерный поворот лиц в три четверти. В конечном счете этот мотив восходит к изображениям всадников на Панафинейском фризе Парфенона [7]. Лисипп изобразил сражающегося Александра Македонского с лицом, обращенным к зрителю в три четверти, с копьем в руках, на вздыбленном коне, в группе конных этайров из Диона [8]. Позже, в Дельфах, на высокой базе было поставлено триумфальное конное изображение римского полководца Эмилия Павла, выполненное в формах монументального рельефа [9]. Памятник Эмилия Павла относится к середине II в. до н. э., по времени примыкая к конным рельефам скифских царей.

Внешние воздействия иконографии и форм греческого искусства органически слились в рельефе из Керменчика с доминирующими традициями причерноморской греко-скифской античности. Наш рельеф по своему стилю глубоко самобытен. Чтобы в этом убедиться, достаточно сличить скифа-всадника на Одесском рельефе с всадниками, изображающими персов на так называемом саркофаге Александра. В греческой пластике IV в. до н. э. формы всадников и коней как бы выходят из плоскости, они го-

---

[1] И. Грабарь. История русского искусства, т. V, стр. 12.

[2] Классическим примером всадника-скифа, выполненного в греческой манере, может служить изображение на гребне из кургана Солоха (ОАК за 1913 г., рис. 184, 187). В греко-скифской манере выполнен всадник, мечущий копье в зайца, на золотой пластине из Александропольского кургана (Толстой и Кондаков. Русские древности, вып. II, стр. 159, рис. 145). Наиболее самобытны по стилю изображения всадника на золотой пластине из Гермесовских курганов (М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись, табл. LXXXV [1]).

[3] А. В. Орешников. Материалы по древн. нумизм. Черноморск. поб., стр. 6, табл. I: Minns, табл. IX, 1.

[4] O. Benndorf und G. Niemann. Das Heroon von Gjlbaschi-Trysa. Wien, 1889.

[5] E. Peterson und F. Luschan. Reisen in Lykien, стр. 73. рис. 50.

[6] Hamdi Bev et Th. Reinack. Une nécropole royale à Sidon. Paris. 1892, стр. 272.

[7] Collignon. Le Parthénon, Paris, 1910. табл. 85.

[8] Brunn, Bruckmann, Arndt. Denkmäler griechischen und römischen Sculptur, 1888 и сл., табл. 335.

[9] Homolle. Fouilles de Delphes, Paris, 1902—1911.

рельефны, трехмерны и дают сложнейшие переходы пластических форм. Движения персов и их коней носят бурный, напряженный характер. Наш всадник по формам слитен, он как бы впаян в плоскость рельефа. Он выполнен в скифских принципах остановившегося движения. В нем много спокойствия, простоты, несколько примитивной уравновешенности, что придает памятнику черты своеобразного художественного благородства. Стилевые различия всадников греческого и скифо-греческого искусства, пожалуй, ярче всего выступают в трактовке коня. В греческом искусстве классической и эллинистической поры передние ноги галопирующего коня никогда не изображаются параллельно — одна нога всегда выше другой. Напротив, и задние и передние ноги коня на рельефе из Керменчика даны сдвоенно и параллельно. В этой черте, быть может, больше связи с будущими лошадками русского народно-художественного ремесла, чем с конями греческого искусства.

Несмотря на повреждения, в лице нашего всадника отчетливо выступают портретные черты. На это указывает массивная голова с широким лицом и округлыми формами тяжелого подбородка, скуластость, маленькие, широко расставленные узкие глаза, характеристика век и другие признаки. При этом портрет изображает не грека, а скифа. Об этом можем судить не только по костюму и головному убору, но и по лицу. В портрете выявлены не только индивидуальные, но и типические, я бы сказал, этнографические черты. Портрет правдив и суров, в нем нет свойственной греческому портрету отвлеченной пластической гармонии и красоты. По стилю он примыкает к портретным изваяниям скифов-воинов, ярким примером которых является надгробная статуя скифа из Фанагории [1].

Бларамберг считал, что рельеф изображает Палака. Он прав: сопоставляя голову Палака малого рельефа с головой нашего всадника, нетрудно заметить близость общих масс головы, овала лица, тяжеловесного подбородка, скул, узкого разреза глаз, век, линий надбровных дуг. Перед нами одно и то же лицо молодого скифа с длинными прядями волос, падающих на шею, с легкой растительностью на подбородке. Полное совпадение головного убора дополняет сходство.

Если наша атрибуция правильна, то тем самым решается вопрос и о датировке рельефа. Полагаю, что он выполнен при жизни Палака — в то время, когда молодой соправитель Скилура находился в расцвете сил. Думаю, что рельеф был предназначен для возвеличения сына и преемника великого царя скифов. Исходя из этого, оба рельефа правильнее всего датировать последней четвертью II в.; по времени они непосредственно предшествуют декрету в честь Диофанта.

В нижней части плиты у задних ног коня греческими буквами нанесена надпись, к сожалению, сильно поврежденная [2]. Она состоит из нескольких букв, из них вторая и четвертая — альфа, остальные буквы расшифровке не поддаются. Точный подсчет букв из-за плохой сохранности надписи затруднителен. Надпись «Παλάκος», однако, вполне возможна.

Обратимся к стилю обоих памятников. Одесский рельеф представляет собой героический конный портрет властителя-варвара. Малый рельеф дает редкий тип парного конного профильного портрета, в котором сочетается семейное и героическое начала. Одесский рельеф мог быть поставлен на площади или во дворе, как монумент, увязанный с архитектурным фоном. Малый рельеф рассчитан на включение в плоскость стены. Одесский всадник рассчитан на впечатление натуральной величины и выполнен барельефно, в то время как малый рельеф горельефен. В Одесском рельефе

---

[1] ОАК. 1896, стр. 64, 124, 125, рис. 441.

[2] См. Kieseritzky und Watzinger. Ук. соч., стр. 98; надпись, однако, осталась нерасшифрованной.

использован местный материал — известняк, малый же рельеф выполнен из привозного мрамора.

Но различия не ограничиваются внешними признаками, они глубже. Моделировка форм в парном портрете более дифференцирована: его ритмический строй повторяющихся силуэтов отдаленно напоминает рельефы Востока, в частности фризы древнего Ирана (Персеполь). Однако относительно мягкая моделировка портретных черт с расчетом на переходы света и тени в нашем рельефе носит античный характер. Черты орнаментальности (скорее восточного, чем греческого характера) выступают лишь в трактовке прядей волос. В пропорциях и моделировке складок одежд сказалась провинциальность мастера, не вполне владеющего материалом мрамора. Эллинистический профильный парный портрет, получивший классическое выражение в камеях и монетах Птоломеевского Египта [1], несомненно, оказал воздействие на формирование парных портретов скифских царей. Об этом говорит парный портрет скифского царя Канита и его жены на монетах из Исторического музея [2]. Канит являлся одним из предшественников царя Скилура. В условиях скифского государства в Крыму, возглавленного Скилуром и его сыном Палаком, традиция парного эллинистического портрета получила новое местное воплощение в парном конном портрете отца и сына.

Местное своеобразие стиля ярче выявлено в большом Одесском рельефе. Формы его в большей мере уплощены, силуэтны, слитны. Рельеф не только монументален, но и декоративен. Портретные черты выражены в нем более скупо, сурово и твердо. Зато по уровню технического мастерства малый рельеф сделан значительно лучше большого. Все это говорит о том, что рельефы выполнены различными мастерами. Если малый мраморный рельеф мог быть выполнен греческим причерноморским мастером по заказу скифов, то большой известняковый рельеф выполнен, очевидно, скифским мастером, видевшим и знавшим греческие оригиналы, но вполне сохранившим самобытный стиль. В Одесском рельефе, при всей его наивности, гармонически синтезировались черты искусства греков и скифов.

До сих пор мы не знаем в монументальной скульптуре скифов до времени Скилура и Палака ни одного изваяния всадников. В скифской скульптуре до этого времени безусловно доминировал образ спешенного воина-скифа [3]. Зато скифский Неаполь с прилегающими к нему районами дал уже не менее семи монументальных воспроизведений всадников и только два воспроизведения пеших воинов [4].

Это говорит о том, что в условиях Скифского государства в Крыму, среди представителей туземной знати ко времени Скилура и Палака назрела потребность в создании монументальных конных рельефов. Эта же потребность проявилась позднее среди туземной знати Боспора и привела к созданию героизированных конных изображений в росписях и надгробиях. В эпоху Римской империи на монетах Боспора появляются

---

[1] См. М. И. Максимова. Камея Гонзага. Л., 1924.

[2] E. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, табл. III, № 20.

[3] Подробно этот вопрос освещен в моей монографии, посвященной монументальной скульптуре скифов (рукопись хранится в архиве ИИМК, № 1446, 1933).

[4] Наряду с конными портретами Скилура и Палака на Керменчике найдено надгробие с всадником в нижнем ярусе и пешим воином в верхнем. В Симферопольском музее хранится сильно поврежденный рельеф, изображающий всадника на коне. В районе Бахчисарая найдена стела, изображающая воина, мчащегося на коне с копьем в руках. В одном из фамильных склепов, вырубленных в скале близ Керменчика, на стене изваяно изображение всадника. Напомню, что о надгробиях, воспроизводящих всадников-скифов, найденных на Керменчике, упоминают Стевен, Уваров и Юргевич.

В годы войны близ Симферополя обнаружен новый интереснейший надгробный рельеф из Керменчика с изображением всадника и сцены битвы. Рельеф выполнен из известняка.

конные воспроизведения властителей Боспорского государства [1]. Даже в Херсонесе, в котором туземная знать не имела столь доминирующего значения, как на Боспоре, время Римской империи представлено четырьмя рельефами, воспроизводящими всадников [2]. Основой этого процесса являлось, повидимому, внедрение скифского элемента в состав херсонесского населения и рост значения в Херсонесе туземной аристократии.

Сарматская монументальная скульптура времен Римской империи уже знает изображения всадников. Примером может служить всадник на рельефе из Козырок, близ Ольвии [3]. Позднее в районах Северного Причерноморья в туземной скульптуре распространяются не только рельефные, но и статуарные изваяния всадников. В степях Феодосийского района на вершине кургана в 1929 г. было обнаружено грубое каменное изваяние всадника. Аналогичные изваяния встречаются на курганах Нижне-Днепровских степей [4]. В этот же круг конных статуй входит любопытное изваяние всадника из Бердянска, хранящееся в Историческом музее [5]. Кочевники, продвигаясь из районов Причерноморских степей на Запад, занесли сходные изваяния всадников в районы Восточной Пруссии [6].

Конные рельефы скифских царей включаются, таким образом, в многогранный и широкий по территориальному охвату поток скифских и сарматских изображений всадников. Однако исследованные нами рельефы, в отличие от остальных, портретны. В этом сказалось более глубокое и полнокровное использование мастерами скифского Неаполя наследия художественной культуры античной Греции.

Характер конных рельефов скифского Неаполя свидетельствует о формировании в предгорном Крыму во II в. до н. э. художественной идеологии классового характера, породившей потребность в героизированных монументальных портретах. Рельефы возвеличивают властителей, тем не менее стиль рельефов не лишен черт народности и реализма. Эти портреты, способствуя закреплению авторитета власти скифских царей, тем самым вносили свою лепту в прогрессивную задачу создания сильного, независимого скифского государства для наступательной борьбы против греческих городов-колоний, против иноземного понтийского вторжения в районы Северного Причерноморья. Общественные идеи, выраженные в этих портретах, в исторических условиях позднего эллинизма отвечали интересам народностей и племен Причерноморских степей.

Памятники, знакомящие нас с обликом легендарных скифских царей, приобретают, таким образом, не только узкий историко-художественный, но и широкий исторический интерес.

П. Н. Шульц

АНТИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК 1940 г. В ХЕРСОНЕСЕ

В 1940 г. раскопки в Херсонесе производились на северном берегу, возле участка, раскопанного в 1937 г. Вскрытая площадь составляет около 1 тыс. кв. м (рис. 25)[7]. Работы производились в течение 2½ месяцев

---

[1] ИАК, 49, табл. IV, 7, 9, E. Minns. Ук. соч., табл. VIII, 4, 10.

[2] Серия рельефов с изображениями всадников из Херсонеса, к сожалению, еще не опубликована.

[3] ОАК, 1909—1910, стр. 100, рис. 145.

[4] В. И. Гошкевич. Летопись Херсонского музея, за 1909—1910—1911 гг. вып. 2, Херсон, 1912, стр. 14.

[5] ОАК, 1906, стр. 123—124.

[6] Lissauer, Die prähistorischen Denkmäler der Provinz Westpreussen, Leipzig, 1887, стр. 50. Sidow, Die Kunst der Naturvölker und der Vorzeit — «Propyläen — Kunstgeschichte», I, 1923, стр. 488.

[7] Чертеж (выполненный по обмеру С. Ф. Стржелецкого) воспроизводит план позднесредневековых построек (верхнего слоя) на участке раскопок 1940 г.

под руководством Г. Д. Белова и А. Л. Якобсона, при участии А. К. Тахтая, В. П. Лисина и С. Ф. Стржелецкого. Культурный слой на вновь открытом участке был весьма мощный, до 3 м толщиной, и заключал в себе строительные остатки всех основных периодов существования города — от эллинизма до позднего средневековья.

В настоящем сообщении дается краткое описание материалов античной эпохи.

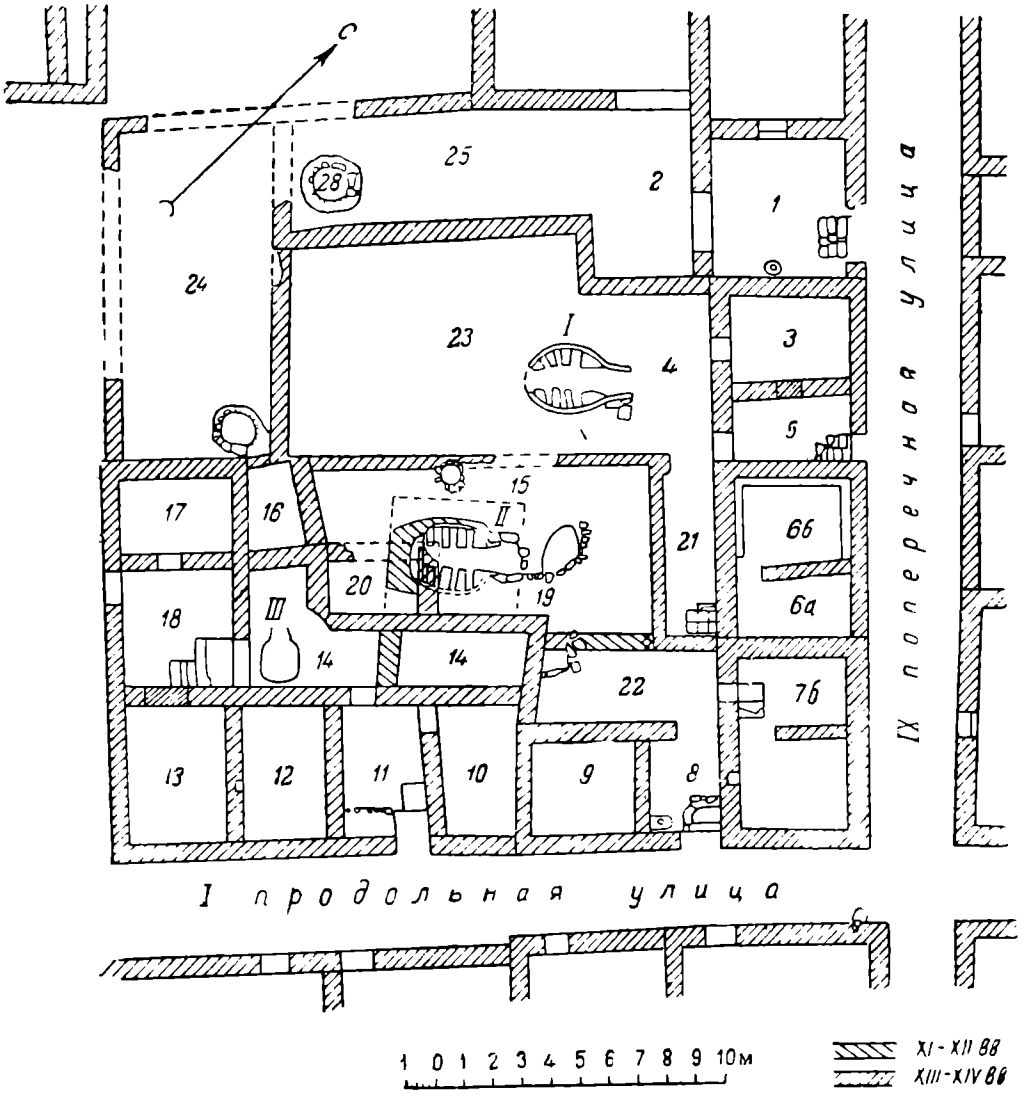

Рис. 25. Херсонес. План раскопа 1940 г. Позднесредневековый слой (по обмеру С. Ф. Стржелецкого).
Цифры обозначают №№ помещений. *I, II, III* — гончарные печи.

При дополнительной раскопке на участке 1937 г. открыта часть некрополя классического периода. Из погребений уцелели лишь те, которые находились под эллинистической улицей; оказавшиеся под домами были уничтожены при строительных и земляных работах.

Три костяка лежали на скале; с боков они были обложены мелкими камнями. Два из них лежали на спине в вытянутом положении, головами на СЗ. Третий костяк принадлежал подростку и лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на ЮВ. Вещей при погребенных не оказалось. Нахождение костяков возле X поперечной улицы дает основание предполагать продолжение некрополя классического периода и далее, к ЮЗ от квартала 1937 г.

В результате раскопок последних лет некрополь V—IV вв. до н. э. открыт на значительной площади. Его границы можно считать теперь вполне установленными: некрополь занимал пространство между X—IX улицами; с ЮВ он был ограничен I продольной улицей (применительно к плану средневековых кварталов), с СЗ — морем. Наибольшее количество погребений сосредоточено в северной части квартала, раскопанной в 1936 г.: здесь погребения залегали в несколько горизонтов. К В от IX улицы при раскопках 1912 г. обнаружено было всего лишь несколько детских погребений в амфорах; в отчете о раскопках 1889—1890 гг. указаний на погребения не встречается. Таким образом, с восточной стороны IX улицы некрополь далеко не простирался.

Такое же наблюдение сделано нами на территории, находящейся к З от X поперечной улицы. При раскопках 1935 г. там оказались только единичные, сильно потревоженные погребения.

На участке раскопок 1937 г. погребений встретилось значительно меньше, чем на участке 1936 г. При этом чем далее на ЮВ и на ЮЗ, тем они встречались реже. В восточной части того же квартала, раскопанной в 1940 г., погребений вовсе не найдено. Однако они были, но в небольшом количестве, потому что материковая скала сильно повышается и почвенный слой в V—IV вв. до н. э. был тонок, мало пригоден для устройства могил; кроме того, участок находился близко к черте города.

При раскопках костяки, в количестве семи, найдены на дне глубокого колодца, засыпанного в III в. н. э. Погребения сохранились здесь в слое материковой глины и щебенки под двором эллинистического дома. Но в римский период, при глубоких земляных работах, связанных со строительством зданий, наскальный слой был удален, а кости брошены в колодец; при этом последний перестал функционировать и был засыпан насыпью эллинистического и раннеримского времени.

При раскопке наскального слоя найден каменный молот, фрагментированный, серого цвета, ширина 4.5 см, толщина 2.6 см, сохранившаяся длина 5.8 см, диаметр просверленного отверстия 1.9 см. Молот имеет правильную форму и тщательно отшлифован. В нижнем слое найдено большое количество обломков лепной керамики из черной и красной глины; по форме преобладали горшки и миски различного профиля.

Скорченные костяки, составлявшие около одной трети общего количества погребений, открытых в 1936—1940 гг., а также обилие лепной керамики и каменные орудия (кремневые и прочие орудия встречались ежегодно) достаточно убедительно свидетельствуют о существовании в Херсонесе догреческого местного поселения. Основание греками колонии нужно представлять себе как присоединение их к уже существовавшему поселению. Это подчеркивает наличие на одном и том же кладбище погребений, как вытянутых (с женским инвентарем), так и скорченных, находившихся рядом, вперемежку друг с другом. Однако погребальный инвентарь и керамика, которой насыщена насыпь некрополя, показывает, что в течение некоторого времени быт и культура греков и туземцев развивались раздельно, не сливаясь друг с другом. Но в дальнейшем происходят одновременно два процесса: во-первых, изменение погребального обряда туземцев — появление ряда переходных стадий от скорченного состояния к вытянутому, и появление при скорченных костяках вещей греческого производства; во-вторых, местный этнический элемент постепенно количественно уменьшается, а пришлый греческий, наоборот, увеличивается. В эллинистический период, как известно из эпиграфических памятников, местный элемент в составе населения Херсонеса сохраняется, но уже не имеет большого значения: культура города приобретает чисто греческий характер. Однако и греки испытали на себе значительное влияние со стороны туземцев-тавров: например, восприняли от них культ богини-девы.

Какие взаимоотношения сложились между греками и туземцами в V—IV вв.? Ключ к решению этого вопроса также можно найти в материалах некрополя. Нахождение скорченных погребений среди вытянутых, пользование туземцами и греками одним и тем же кладбищем указывает, повидимому, на равноправие и свободное положение туземцев, не находившихся в какой-либо политической зависимости от греков. Если бы последняя существовала, то, по всей вероятности, туземцы не имели бы права хоронить на греческом кладбище. В конце V—IV вв., в начальный период существования колонии в Херсонесе, греки еще не были настолько сильны, чтобы поставить местное население в политическую зависимость от себя.

В последней четверти IV в. до н. э. некрополь на северном берегу вошел в черту города и был застроен домами. На месте некрополя возникло несколько городских кварталов. Характерной чертой эллинистического Херсонеса является распланировка города правильными кварталами приблизительно одинаковых размеров. На участках, раскопанных в 1935—1940 гг., открыто несколько кварталов; их длина около 25 м, ширина около 20 м; прямые улицы пересекают друг друга под прямыми углами; их ширина 4—6 м.

На участке раскопок 1940 г. архитектурных остатков эллинистического периода сохранилось мало. Повидимому, они принадлежали двум домам. Об этом можно судить по количеству дворов и колодцев; последних открыто два — оба глубиной свыше 5 м, с пресной водой на дне. Полный план каждого из домов выяснить было невозможно из-за плохой сохранности стен, а также вследствие того, что над ними находятся архитектурные остатки более поздних строительных периодов. В одном из домов имеется подвальная кладовая, вырубленная в скале. В другом доме пол кладовой находился на уровне скалы; в скале возле стен были вырублены круглые углубления для установки в них пифосов. Вход с улицы во двор дома шел через узкий коридор, являющийся характерной особенностью эллинистического дома в Херсонесе. Во дворах обнаружены каналы водостоков, соединявшиеся с водосточными магистралями улиц. Каналы устроены в виде желобов, вырубленных в плитах; последние для прочности частично врублены в скалу.

Кладка стен отличается тщательностью, стены возведены на скале, связующий раствор — глина. Некоторые из стен сложены из штучных тесаных плит крупных размеров, обработанных в руст. В одной стене сохранился дверной пролет. При постройке зданий производилась нивелировка материка: скала за пределами здания, если была неровной, срубалась до горизонтального уровня. Это обстоятельство помогает восстановлению плана в тех случаях, где кладка стен не сохранилась.

Эллинистическая насыпь во многих местах, при последующих строительных работах, была удалена и уцелела лишь в нескольких помещениях. Зато исключительно обильным оказалось содержание насыпи в колодцах и подвале. Насыпь в них осталась непотревоженной и цельной вплоть до раскопки, следовательно, все находившиеся в ней предметы принадлежали приблизительно одному времени.

В подвале и колодцах найдено большое количество фрагментов разнообразной посуды. Из них удалось собрать и склеить частично, а иногда полностью ряд сосудов. В подвале найдены: херсонесская амфора с целым корпусом, но с отбитыми ручками и ножкой; большие блюда и лутерии с характерными прилепами на венчике вместо ручек. Одно из них (рис. 26, *а*), высота 0.155 м, диаметр 0.35 м, имеет плоскую низкую подставку и утолщенный венчик с двумя горизонтальными налепами-утолщениями. Интересно отметить, что глина, обжиг и техника изготовления некоторых амфор и блюд, найденных в подвале первого дома и в колодце

второго, совершенно одинаковы. Все они, очевидно, местного производства, причем некоторые происходят даже из одной мастерской.

Особенно много найдено кувшинов: дно у них плоское, с подставкой; форма корпуса различна: от овальной, вытянутой — до шаровидной (рис. 26, *б*); ручка одна, овальная в разрезе, иногда с валиком по наружной

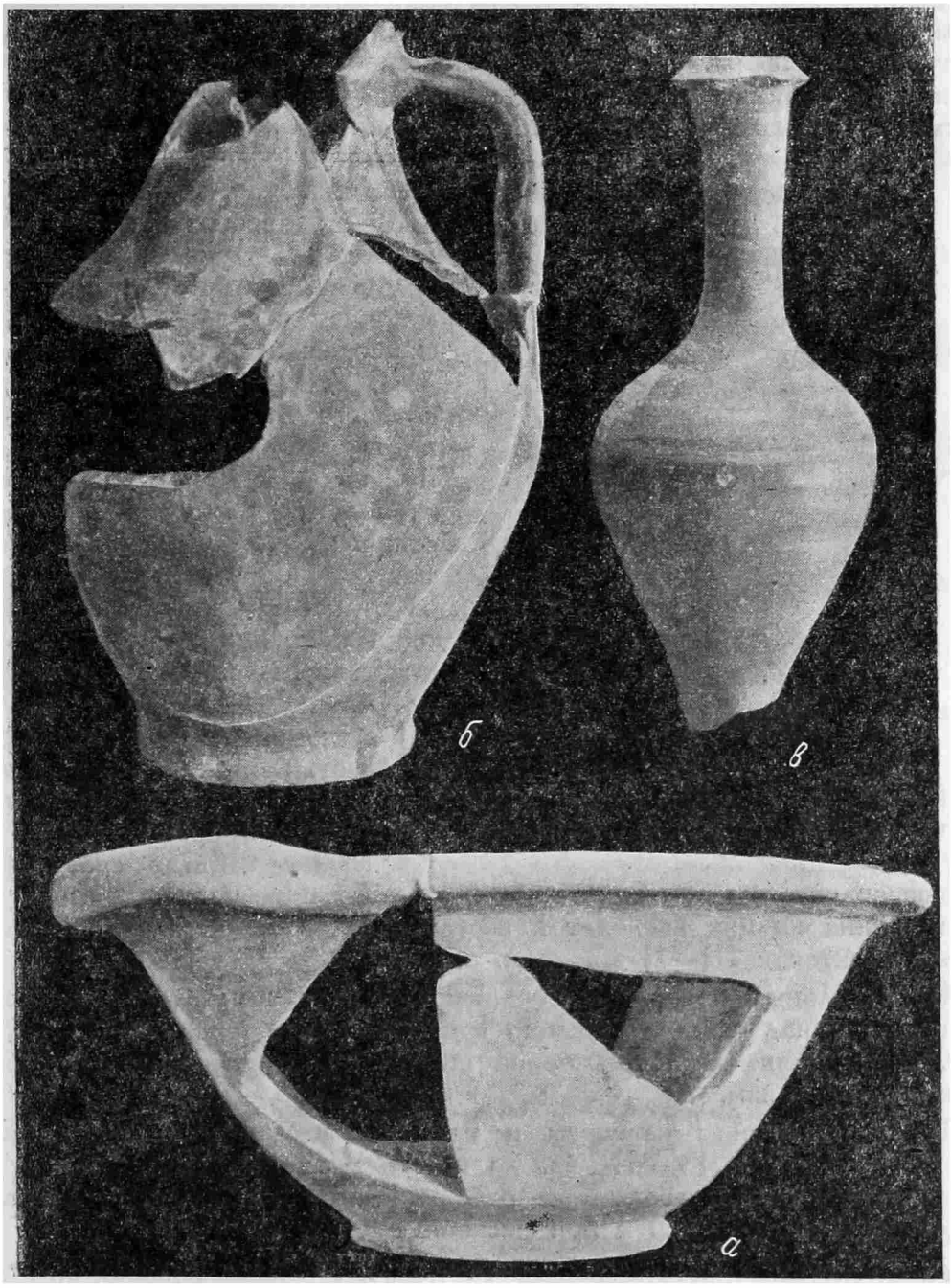

Рис. 26. Херсонес. Античная керамика из раскопок 1940 г.
а — лутерий; *б* — кувшин; глиняный флакон.

стороне, венчик отогнут и отделен от горла желобком; на плечиках иногда врезаны линии. Глина красноватая или оранжевая, с известняковыми вкраплениями, местная. На некоторых кувшинах наблюдается желтоватая обмазка и орнамент, геометрический или растительный, исполненный малиновой краской. В меньшем количестве найдены глиняные флаконы с узким высоким горлом и такой же ножкой, с яйцевидным или овальным корпусом, без ручек, с характерным, наискось срезанным венчиком (рис. 26, *в*);

поверхность их покрыта буроватой обмазкой или жидким коричневатым лаком.

Чернолаковой посуды найдено очень много; наиболее часто повторялись следующие ее формы: тарелки, блюда, блюдца, канфары, килики и др. Среди них имеется аттическая посуда из оранжевой глины и сероглиняная, с тусклым лаком местного производства. Из чернолаковой керамики следует отметить небольшой кувшинчик, высотой 10 см, редко встречающейся формы: он имеет шаровидный корпус, короткое горло, отогнутый венчик и кольцевидную ручку (рис. 27). Найдены также фрагменты чернолаковой керамики с накладным и гравированным орнаментом и обломки мегарских чашек, из которых интересен фрагмент с изображением амазонки со щитом и двойным топором. В большом количестве оказалась кухонная посуда: сковородки, миски, горшки и др.

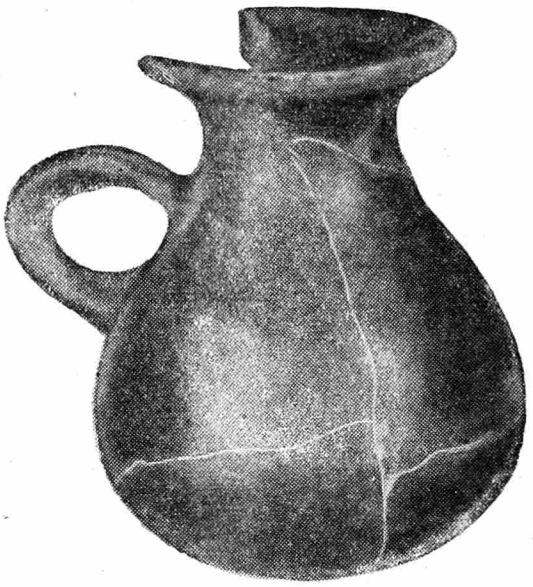

Рис. 27. Херсонес. Чернолаковый кувшинчик из раскопок 1940 г.

В одном из помещений, стены которого построены из крупных плит, найдена терракотовая форма, высотой 20 см, хорошей сохранности. Полученный из нее отливок представляет женскую фигуру, сидящую на скале; фигура отличается несколько удлиненными пропорциями и высокохудожественным исполнением; терракоту можно датировать началом III в. до н. э. Найдены и другие терракоты: маски силена, крылатый гений смерти, маленький жертвенник и пр.

Монет найдено сравнительно большое количество; все, за единичными исключениями, херсонесские; наиболее ранние из них восходят к середине IV в до н. э., большая же часть относится к III—II вв. до н. э.

Из отдельных находок заслуживают упоминания: фрагмент мраморной плиты с надписью, тщательно исполненной крупными буквами, I в. до н. э.; нижняя часть мраморной статуэтки богини Кибелы с двумя львами по сторонам.

По керамическим находкам и монетам насыпь датируется вполне определенно концом IV—III вв. до н. э. Здания эллинистического периода перестали существовать на рубеже II—I вв. до н. э. Аналогичное наблюдение нами сделано и при раскопках предыдущих лет.

Архитектурные остатки римского периода незначительны: они были почти полностью уничтожены при строительных работах в начале средневековья. Зато хорошо сохранились цистерны. Одна из них была рыбозасолочной: на дне сохранился толстый слой соленой хамсы (анчоус). Верх цистерны прямоугольной формы, нижняя же ее часть сильно расширена и имеет неправильную форму. Стены и дно оштукатурены несколькими слоями цемянки красного цвета (смесью извести, песка и толченой керамики). Насыпь в цистерне была однородна и содержала большое количество обломков посуды IV—V вв. н. э. Характерными сосудами являются желтоглиняные амфоры с шаровидным дном и цилиндрическим корпусом, украшенным желобчатым или бороздчатым орнаментом;

при этом желобки и бороздки сильно варьируют, различаясь по глубине, ширине и густоте.

Ценной находкой является часть мраморной плиты с надписью — почетным декретом, изданным советом в честь гражданина города Синопа. Декрет относится к концу II — началу III в. н. э. Самые поздние монеты, которые найдены в цистерне в большом количестве, принадлежат Юстиниану I. Повидимому, в середине VI в. н. э. производилась нивелировка территории перед началом нового большого строительства, поэтому цистерны и колодцы были засыпаны. Этот вывод подтверждается результатами раскопок предыдущих лет.

В другой цистерне, имеющей грушевидную форму и относящейся к эллинистическому периоду, позднее, очевидно в раннеримский период, был вырублен колодец. В этой цистерне, кроме эллинистической посуды, оказалось много фрагментов керамики I—III вв. н. э. Из них удалось склеить ряд различных сосудов — кувшины, амфоры и др. Редкой находкой является фрагмент миски конической формы, с рельефным орнаментом на венчике в виде листьев плюща, покрытых ангобом. С обеих сторон миска покрыта поливой. Это самый ранний вид поливной техники, датируемый I—II вв. н. э.

В третьей цистерне, прямоугольной формы, оштукатуренной цемянкой красного цвета, помимо посуды и монет, в общем аналогичных содержимому первой цистерны, найден бронзовый медальон с изображением сцены суда Париса. На возвышении стоит Парис перед тремя богинями (фигуры их значительно крупнее Париса). Сзади Париса — дерево, над деревом — крылатая фигура. На другой стороне медальона — портрет римского императора. Остатков рыбы в цистерне не оказалось. Повидимому, она служила для хранения дождевой воды: при небольшой площади она отличается значительной глубиной.

В средние века в описываемом квартале происходило интенсивное строительство.

Г. Д. Белов

ЯЛТИНСКАЯ ГОЛОВА И ИСТОКИ СТИЛЯ СКОПАСА

В античном собрании Ялтинского музея краеведения находится голова юноши высотой около 0.12 м, исполненная из белого мелкозернистого мрамора, покрытого сероватой и серовато-желтоватой патиной (рис. 28—30) [1].

Голова запрокинута назад и наклонена к левому плечу. Видимо, она является частью статуи. Череп имеет кубовидную форму; передняя часть лица почти под прямым углом пересекается с верхней поверхностью головы; темя и затылок довольно сильно развиты; овал лица очень широкий; лоб прямой и невысокий, в направлении к вискам он сильно отступает назад. Надбровные дуги круто изгибаются у переносья, дальше они почти по прямой линии постепенно спускаются к наружным углам глаз. Глазные впадины очень глубоки, особенно у внутренних углов глаз. Глаза закрыты: верхние веки опущены, нижние подняты, почти прямые границы век видны довольно четко. Нос небольшой, очень массивный и широкий. Ноздри обрамлены неглубокими округлыми бороздами. Рот небольших разме-

[1] Инвентарный № 3796. Происхождение неизвестно. В Ялтинский музей голова поступила из собрания в. к. Александра Михайловича. Судя по тому, что этот памятник не упомянут в статье Э. Р. фон Штерна (Археологические новинки. ЗООИД XXV, 1904. Протоколы, стр. 55 сл.), нужно думать, что он поступил в упомянутое собрание после написания данной статьи (т. е. после 1904 г.).

ров; в углах его углубления, исполненные сверлом. Граница между верхней и нижней губой показана резко прочерченной, слегка прогибающейся по середине линией. Нижняя губа отвислая и широкая, подчеркнута находящейся под нею впадиной. Между верхней губой и носом тоже впадина, но значительно меньших размеров. Подбородок не очень большой, весьма массивный и округлый. Полные, округлые по очертаниям щеки исполнены без резких переходов; части между скулами и ноздрями развиты довольно сильно. Небольшое, плотно прижатое к голове правое ухо посажено очень низко и расположено наискось; небрежно исполненное, оно напоминает по форме крючкообразный валик. Небольшие пряди волос над лбом трактованы в виде округло изогнутых неправильных бугорков. Проходящий над правым ухом широкий волнистый локон ниспадает на щеку. Волосы стя-

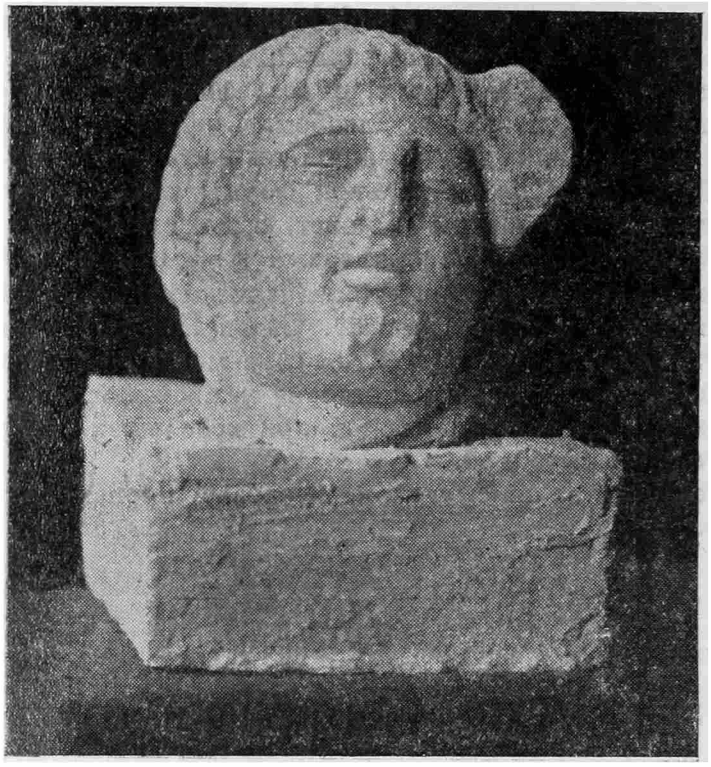

Рис. 28. Голова юноши. Ялтинский музей.

нуты нешироκой повязкой; за нею узкие, волнистые, довольно длинные, расположенные одна возле другой, пряди; такие же пряди волос тянутся и вдоль шеи (за правым ухом). Массивная и толстая шея отделяется от головы неглубокой бороздой.

Около левого виска плотно прижата к голове, закрывая левое ухо, часть левой руки (от нее сохранились все пальцы и нижняя часть ладони). Кисть руки соприкасается с головой своей внутренней поверхностью и обращена большим пальцем вниз, плотно сжатые остальные четыре пальца почти параллельны верхнему контуру головы.

Главнейшие повреждения: отбит кончик носа, сильные выбоины на подбородке, отбита часть головы, находящаяся под левой рукой; кроме того небольшие сбои и потертости заметны по всей поверхности скульптуры.

Плохая сохранность ялтинского мрамора сильно затрудняет истолкование его сюжета, принуждая нас ограничиться одними предположениями.

Выше уже сказано, что голова юноши, повидимому, является частью статуи. Отличительными особенностями этой скульптуры являются: плот-

но прижатая к височной части левой стороны головы кисть левой руки и закрытые глаза. Мотив прижатой к голове кисти руки широко распространен в античной скульптуре [1] и дает слишком мало для истолкования исследуемого нами памятника. Закрытые глаза указывают на то, что юноша был представлен спящим или мертвым. Полуопущенные верхние веки плотно прилегают к поднятым вверх нижним, так что граница между ними представляет почти прямую линию; подобная трактовка глаз имеет ряд аналогий среди изображений мертвых [2]. Однако это еще не дает нам

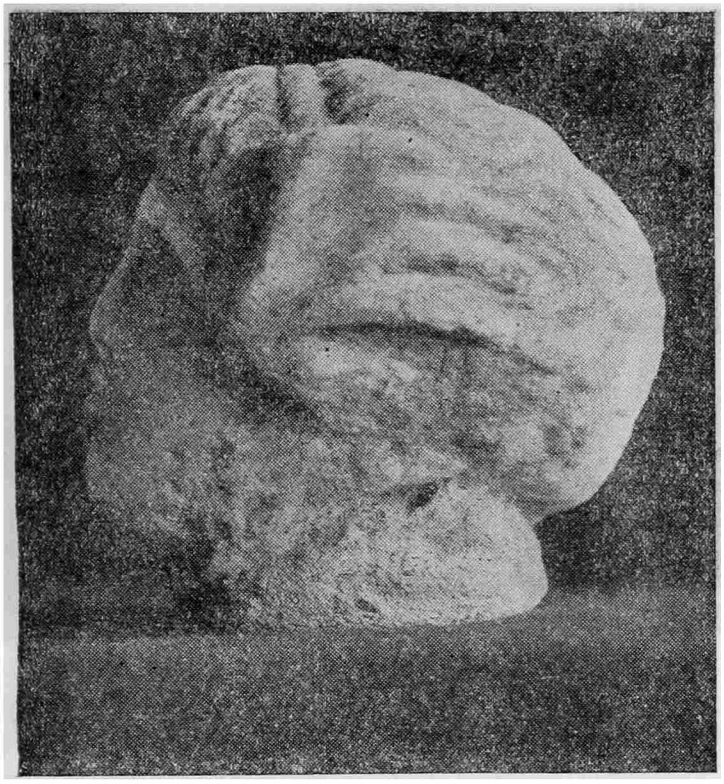

Рис. 29. Голова юноши. Ялтинский музей.

основания для заманчивого предположения, что Ялтинский мрамор восходит к какому-либо известному оригиналу древности, представлявшему батальную сцену [3] или упомянутую Плинием [4] группу Ниобид, где встречаются близкие схемы расположения головы и рук [5]. Дело в том, что хотя в греческой скульптуре глаза спящих нередко имеют свободно опущенное

[1] См., например, S. Reinach. Répertoire de la statuaire grecque et romain, т. I; стр. 94 № 6, 7; стр. 95 № 2, 3, 4, 9, 10; стр. 96 № 7; стр. 121 № 8; стр. 123 № 4, 5; стр. 319 № 5; т. II; стр. 490 № 5—8; стр. 491 № 1—7; стр. 492 № 2. Arndt Amelung. Photographisch Einzelaufnahmen antiker Sculpturen, табл. 555.

[2] См., например, Arndt Amelung, табл. 884. Brunn, Bruckmann. Denkmäler griechsche und römischer Sculptur, табл. 482. Fr. Winter. Kunstgeschichte in Bildern. Zehntes Heft. стр. 349, № 6; 381 № 1. О. Вальдгауер. Государственный Эрмитаж. Античная скульптура. II. 1923, стр. 65, № 75.

[3] Кстати отметим, что такие сцены мало характерны для скульптуры зрелой классики (A. V. Salis. Die Kunst der Griechen. Leipzig. 1922, стр. 184).

[4] Plin N. H. XXXVI, 28 (Overheck. Antiken Scriftquellen. Leipzig. 1868, стр. 228, 1180).

[5] См. С. А. Жебелев. Пантикапейские Ниобиды. МАР, № 24, СПб., 1901, стр. 7, рис. 6; стр. 33, рис. 40; стр. 35, рис. 41—43; стр. 37, рис. 46. Arndt Amelung, табл. 1161. См. также: E. Lang Cotz. Die Niobidenreliefs des fünften Jahrhunderts. Die Antike, IV, 1928, стр. 31—41.

верхнее веко, отделенное от нижнего округло изгибающейся бороздой [1], или, реже встречающиеся, полуоткрытые веки [2], тем не менее у ряда несомненных изображений спящих [3], а не мертвых фигур глазные веки так же трактованы, как у нашей головы.

Рис. 30. Голова юноши. Ялтинский музей.

В силу сказанного вполне возможно предположение, что Ялтинский мрамор представляет спящую фигуру. Тогда в этой скульптуре можно

[1] См., например, Arndt Amelung, табл. 1344. Brunn, Bruckmann, табл. 505, 510.— О. Вальдгауер. Античная скульптура, стр. 51, № 25.— Э. Леви. Греческая скульптура. Петроград, 1915, табл. 123, рис. 214; табл. 149, рис. 259*а*; табл. 150, рис. 259*в*.

Arndt Amelung, табл. 1599—1601.

[3] В качестве примеров назовем следующие скульптуры:

а) P. Arndt. La glyptothèque Ny-Carlsberg, fondée par Care Tacobsen. Les Monuments Antiques. Münich. 1896. Texte I, стр. 220, табл. 156.

б) Arndt Amelung, табл. 1775.

в) С. Жебелев. Памятники классической скульптуры, хранящиеся в музее Императорского одесского общества истории и древностей. ЗООИД, XXII. 1900, стр. 69—70, рис. 3.

г) О. Вальдгауер. Античная скульптура, стр. 54, № 37.

д) G. Lippold. Sculpturen aus Spanien. Arch. Anz. 1927, 1/2, стр. 81 сл., рис. 3.

е) Augustin Cartault. Deuxième Collection Camille Lecuyer. Terres cuites Antiques trouvées en Grèce et en Asie-Mineure. Paris, 1892, табл. 55.

ж) Одесский историко-археологический музей. Терракотовая статуэтка спящего (лежа) Эрота № IV 1320.

скорее всего усмотреть изображение спящего Эрота [1], аналогичное по типу статуе [2] Археологического музея в Мадриде [3].

Близкими аналогиями, позволяющими установить дату Ялтинской скульптуры, являются хранящиеся в Афинском Национальном музее фрагменты рельефов базы статуи Немесиды в Рамнунте [4]. Это произведение, как известно, было исполнено около 435—420 гг. до н. э. [5] Агоракритом с острова Пароса [6].

Сравним Ялтинский мрамор с головой юноши из Рамнунта [7]; обе отличаются очень массивными нижними частями лица; тяжелый округлый подбородок кажется поэтому слабо выступающим; сходна также трактовка полных и пухлых щек, небольшого рта, толстых губ; носы у обеих голов большие и массивные. Почти совпадает и овал лица. Наибольшее различие может быть отмечено в трактовке верхних частей лица, особенно глаз: Рамнунтская голова совершенно лишена патетического характера, присущего Ялтинскому мрамору.

В этом отношении описываемый нами памятник близок головам западного фронтона храма Афины Алеи в Тегее [8]. Следует отметить особенно характерные для стиля Скопаса глубоко посаженные глаза, впадины которых наиболее углублены в прилегающих к переносью частях, что придает лицу патетическое выражение. Надбровные дуги на нашей скульптуре так же изогнуты, как у Тегейских голов, сходна и трактовка сильно выпуклых век, как бы набухших и вместе с тем лишенных резких границ с мягко закругленными краями. Имеются и другие общие особенности: близкие формы «кубовидных» черепов, характер посадки головы на массивную шею, черты лица, маленькие, плотно прижатые к голове «валикообразные» уши (при сравнении с воином без шлема) и трактовка волос над лбом (у воина в шлеме).

Ялтинскому мрамору созвучны не только тегейские скульптуры; то же можно заметить, хотя и в меньшей степени, при сопоставлении с другим произведением круга Скопаса [9].

Сказанное приводит нас к заключению о возможности установить известную связь Ялтинской головы как с рельефами Рамнунтской базы, так

---

[1] Ср. с типами S. Reinach, там же. II, 2, стр. 421, рис. 3; стр. 448, рис. 5. F. Winter. Die Antiken terrakotten. III, 2. Typen der figurigen Terrakotten, II Teil, стр. 333, № 3; стр. 348, рис. 4—6, 10; стр. 349, рис. 9—10.

[2] Arndt Amelung, табл. 1775.

[3] Высказываемое предположение, что Ялтинский мрамор представляет голову Эрота, в известной мере подтверждается тем обстоятельством, что нам известно изображение детской головы, возможно представляющее Эрота, относящееся еще к началу 2-й половины V в. до н. э. (Arndt, Billedtavlertil Kataloget Ny Carisberg Glyptoteks. Antike Kunstaerker, Kiobenhavn, 1907, табл. XIII, стр. 177).

[4] Pallat, Die Basis der Nemesis von Rhamnus Jahrb. Deutsch Arch. Inst. IX. 1894, стр. 1 и сл., табл. 1—7.

[5] G. Richter. The sculpture and sculptors of the Greeks. London — Oxford, 1930, стр. 42.

[6] Pallat, там же, стр. 22. Springer, Michaelis, Wolters. Die Kunsi des Altertums, Leipzig. 1923, стр. 288. G. Richter, там же. стр. 42.

[7] M. Collignon. Histoire de la sculpture greque. Paris 1897. II, стр. 114 сл. рис. 55. Pallat, там же, табл. 1, 2.

[8] M. Gollignon. Scopas et Praxitélle, Paris. 1907, рис. 3, 4.— Вл. Мальмберг. Древнегреческие фронтонные композиции. СПб., 1904, табл. XXXIII—XXXIV, рис. 1, 2.

[9] См. например: а) статуя Геракла в Палаццо Питти (Arndt Amelung, табл. 228—230), б) голова юноши Афинского Национального музея (Arndt Amelung, табл. 654*a*, 655); в) голова Ниобиды в Уффициях (Arndt Amelung, табл. 820—821), г) женская голова Музея в Aix (Arndt Amelung, табл. 1387—1388); д) голова Геракла в Риме (Arndt Amelung, табл. 2001—2002); е) надгробие с Илиссоса (Arndt Amelung, табл. 699—701), ж) фрагмент женской головы, найденный в 1914 г. (Ch. Picard. Scopas architecte et sculpteur à Tegée. Revue de l'art ancien et moderne, 30, 1926, Septembre — Octobre, стр. 141).

и с Тегейскими фронтонами и другими произведениями круга Скопаса. Однако близость Ялтинского мрамора к Скопасовым скульптурам еще не дает оснований относить их к одному времени. Ялтинская голова не обладает особой выразительностью рафинированных мягких переходов, свойственных IV в., когда впервые были использованы исключительно богатые возможности мраморной фактуры. В публикуемом нами произведении, равно как и в исполненных в начале последней трети V в. рельефах базы Немесиды, нет таких тонких нюансов при переходах, формы отличаются большей строгостью и обобщенностью, присущей скульптурам V в. В силу этого мы склонны датировать Ялтинский мрамор не временем деятельности Скопаса [1], а последней третью V столетия (говоря это, мы имеем в виду время возникновения типа, не предрешая вопроса — является ли Ялтинская голова оригиналом или, как мы увидим в дальнейшем, копией римского времени). В таком случае напрашивается следующий вывод: описываемая голова юноши, очень близкая по стилю Скопасу, наделенная свойственной последнему патетикой, должна быть отнесена к последним десятилетиям V в., т. е. к эпохе, предшествовавшей выступлению великого паросского мастера. Другими словами, должно заключить, что еще в V в. в эллинской скульптуре намечается тенденция, близкая патетике Скопаса. Создавший гениальные патетические изваяния, паросский мастер не был абсолютным новатором. В творчестве Скопаса получили дальнейшее развитие и завершение искания, наметившиеся в скульптуре предшествующего времени, в известной мере близкой по стилю произведениям его соотечественника — Агоракрита с острова Пароса.

Добавим теперь несколько слов по вопросу о том, представляет ли Ялтинская голова греческий оригинал или работу более поздней эпохи, повторяющую произведения Скопасова стиля, подобно многим аналогичным явлениям [2] в античном искусстве. Для этого сравним найденную на Акрополе женскую голову IV в. до н. э. в Афинском музее [3] с Берлинской репликой [4] этой головы, исполненной в римскую эпоху. Несомненно, что Тегейские головы по мягкой, несколько небрежной манере трактовки поверхности сходны с Афинской головой, а Ялтинский мрамор по сухости и некоторой склонности к мелочной тщательности (особенно в отделке волос) значительно ближе к позднейшей реплике. Далее Тегейские головы (и отчасти Акропольская) отличаются более живой поверхностью лба и щек, покрытой крепкими эластичными бугорками и углублениями, между тем как у Берлинской и особенно Ялтинской головы эти части более упрощены, сглажены, сделаны как бы расплывчатыми и распухшими. Создается впечатление, что второстепенный мастер-копиист, исполнивший Ялтинскую скульптуру, уделив больше внимания резко выделяющимся чертам

---

[1] Это подтверждает наличие в Ялтинском мраморе некоторых особенностей, в которых можно видеть отголоски стиля скульптур первой половины V в. до н. э. Сказывается это в сильно развитой нижней части лица, очень массивной нижней челюсти, выступающих губах, в трактовке стянутых шнуром волос узкими волнистыми прядями. Аналогичные черты можно наблюдать на головах олимпийских фронтонов: например, Аполлона с западного фронтона (M. Sauerland. Griechische Bildwerke. Düsseldorf und Leipzig, 1907, табл. 17—18). Характерным для времени около середины V в. является ниспадающий вдоль тела волнистый локон, примером чему может служить хотя бы Аполлон из Тибра (M. Sauerland, там же, табл. 31). Трудно допустить наличие таких особенностей в скульптуре IV в. до н. э.

[2] О. Вальдгауер. Римская портретная скульптура в Эрмитаже. Петроград, 1923, стр. 13 сл. — H. Bull Archaisierend griechische Rundplastik. München 1918. Стр. 3 сл. Ed. Schmidt. Archaistische Kunst in Griechenland und Rom. München. 1922, стр. 5 сл.

[3] О. Вальдгауер. Памятники древней скульптуры в Историческом музее в Москве. ИАК. вып. 23, стр. 78.— Brunn, Bruckmann, табл. 174.

[4] Brunn, Bruckmann, табл. 174.

лица (глазам, носу, рту), менее тщательно отделал «второстепенные» части лица, что и привело к столь упрощенной трактовке последних.

Следует отметить, что техника исполнения нашей головы (насколько возможно исследовать ее при не вполне хорошем состоянии поверхности) во всяком случае не противоречит указанной датировке. Работа производилась круглой скарпелью, буравом и рашпилем (следы последнего видны на лице); применение троянки маловероятно. Названные инструменты типичны для римского периода [1].

Сказанное представляется нам достаточным, чтобы считать Ялтинский мрамор римской, а не греческой работой, скорее всего I в. н. э., на что указывает как характер поверхности (умеренная полировка), так и сдержанное применение сверла.

Говоря о римской работе, мы, разумеется, имеем в виду только время, но отнюдь не место исполнения, ибо Ялтинская голова должна быть, повидимому, отнесена к числу скульптур восточной (греческой), а не западной (римской) школы второстепенных мастеров-копиистов [2].

Выше мы установили наличие элементов патетического стиля в скульптуре V в., в известной мере связанной с Паросской школой. Это наблюдение противоречит широко распространенному мнению [3], что Скопас внес пафос в эллинскую скульптуру и что до начала его деятельности скульпторы уклонялись от передачи резких эмоций и бурных переживаний. Мы не отрицаем исключительно важной роли Скопаса в развитии патетического стиля, но это не должно препятствовать поискам предшественников его в скульптуре V столетия, и при том не только среди соотечественников Скопаса, но и среди других мастеров, в том числе пелопоннессцев...

Нередко дорийскую скульптуру I—V вв. до н. э. считают склонной к традиции, статическим спокойным композициям и противополагают ей, как полную динамики, более эмоциональную и любящую новизну скульптуру Ионии. Такое противопоставление грешит излишней обобщенностью и в значительной мере искажает действительность.

В дорийской школе конца VI—V вв. до н. э. статика свойственна лишь культовым иератическим изображениям богов. В декоративных же скульптурах наблюдаются полные динамики, иногда даже не лишенные экспрессии композиции, каковы, например, фронтоны Мегарской сокровищницы в Олимпии [4], или храма Афины Афайи на Эгине [5]. Названные фронтонные группы предваряют батальные сцены в более зрелой декоративной скульптуре Пелопоннесса V в.

Остановимся на главнейших из них — Олимпийских фронтонах [6] Фигалийском фризе [7], и метопах Аргивского Герайона [8]. Для выявления характерных особенностей этих произведений сопоставим их с декоративными

---

[1] C. Blümel. Griechische Bildhauerarbeite. Jahrb. Deutsch. Arch. Inst. XI. Ergänungsheft, 1927, стр. 29, 35 сл.

[2] См. Вальдгауер. Женская голова из Феодосии, ЗООИД, XXVI, 1906, стр. 192 сл.— Lippold. Kopien und Umbildungen Griechischer Statuen. München, 1923, стр. 44 сл.

[3] См. хотя бы M. Collignon, Scopas et Praxitèlle, стр. 31.— W Klein. Geschichte der Griechischen Kunst. Leipzig, 1905, II, стр. 273 сл.

[4] Вл. Мальмберг. Древнегреческие фронтонные композиции, стр. 42 сл., табл. IV—V.

[5] Вл. Мальмберг. Там же, стр. 81 сл., табл.— VII—VIII. A. Furtwängler. Aegina, Das Heiligtum der Aphaia. München, 1906.

[6] Вл. Мальмберг. Там же, стр. 168 сл., табл. XVII—XVIII.

[7] M. Golignon. Geschichte d. Griechischen Plastik, II, стр. 167 сл., рис. 77—80.

[8] F. Fichter. Die Sculpturen des Heraions bei Argos. Osterreich. Jahreshefte, XIX—XX, 1919, стр. 15 сл.

скульптурами памятника Нереид [1], Герейона Трисы [2] и балюстрады храма Ники Аптерос [3].

На западном олимпийском фронтоне представленная сцена кентавромахии полна экспрессии; передано грубое насилие кровожадной схватки. Один из кентавров схватил женщину за волосы, другая лапифеянка вцепилась своему противнику в бороду, кентавр кусает руку душащего его лапифа. Чуждой идеализации трактовке сцены боя отвечают реалистические тенденции в передаче человеческих фигур: их пропорции тяжелы, грубые лица с массивными челюстями дышат яростью и искажены почти зверским выражением.

По-иному выглядят батальные сцены почти одновременных рельефов памятника Нереид. Это не рукопашные схватки, полные жизни и бешеной силы. Фигуры сражающихся создают здесь совершенно иное впечатление. Воины движутся подобно балетным танцорам, расположение их рассчитано на эффект ритмического повторения контуров фигур. Изысканное изящество этих образов заглушают в сознании зрителя мысли о жестокости представленной сцены, показывающей, по словам эллинского поэта [4], «многостонную работу мечей».

Таким же «балетным» характером отличаются военные сюжеты на рельефах Герейона Трисы. Скульптор стремится найти наиболее эффективные позы, любовно изображает живописно развивающиеся драпировки. Вытянутые пропорции фигур усиливают впечатление легкости и элегантности; кажется — мы видим военный танец, а не реальную сцену боя.

Иную задачу ставит перед собой автор Фигалийского фриза, верный пелопоннесским традициям Олимпийских фронтонов и совершенно чуждый «балетной» трактовке батальных сюжетов, свойственной малоазийским мастерам.

На Фигалийском фризе представлен разгар жаркой схватки лапифов с кентаврами и эллинов с амазонками. Тела сражающихся сильно напряжены, все они всецело поглощены страстью борьбы. Эллины грубо хватают за волосы и стаскивают с коней амазонок. Дикие кентавры бьют задними ногами и впиваются зубами в своих противников. Интересна эмоционально насыщенная группа, представляющая кентавра, кусающего лапифа: лица их искажены — первого яростью и страданием, другого — душевным состоянием, близким пафосу Скопаса.

Дальнейшее развитие этого патетического стиля мы находим в рельефах метоп Аргивского Герейона, к сожалению, дошедших до нас в сильно поврежденном виде. Эффект затененной впадины глаз головы воина на одной из метоп заставляет вспомнить о знаменитых скульптурах Тегейских фронтонов.

Близка по стилю скульптура Аргосского Герейона — мраморная голова [5] юного воина в шлеме, собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (рис. 31). Полуоткрытый рот и сильно подчеркнутая нижняя часть лба придают лицу несколько напряженное выражение. Эта голова — римская копия с оригинала, вероятно, пелопоннесской работы последней четверти V в.

Обратимся теперь к творчеству Скопаса. В нем имеется ряд особенностей, пелопоннесское происхождение которых уже давно было отмечено: использование канона Поликлета, несомненно наблюдаемое в статуе Ге-

---

[1] M. Gollignon. Там же, II, стр. 230 сл., рис. 103 сл. О датировке см. О. Ф. Вальдгауер. Пифагор Регийский. II, 1915, стр. 163 сл.

[2] O. Benndorf und Q. Niemann. Das Heroon von Gjölbaschi.— Trysa. Wien 1889.

[3] M. Gollignon. Там же, II, стр. 110 сл., рис. 51—53.

[4] Архилох, фрагмент 3 (В. Вересаев. Эллинские поэты, Москва, 1929, стр. 137).

[5] В. Блаватский. Греческая скульптура. М., 1939, стр. 109 сл., рис. 97.

факла Лансдоуна [1]. Но пафос в произведениях Скопаса обычно принято считать явлением новым, отнюдь не связывая его с какими бы то ни было пелопоннесскими корнями. Бегло набросанная нами картина развития

Рис. 31. Голова воина. Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

патетического стиля в искусстве Пелопоннесса V в. нам представляется достаточной для утверждения, что этот стиль был исконным явлением в

[1] A. Furtwängler. Meisterwerke der griechischen Plastik. Leipzig — Berlin. 1893, стр. 520, рис. 92.

искусстве Пелопоннесса. Из этих корней скорее всего и выросло искусство Скопаса, знаменовавшее новый этап развития и смелое завершение тех тенденций, которые в зачаточном состоянии возникли задолго до великого паросца.

Элементы патетического стиля, столь четко выявившиеся в скульптуре Пелопоннесса V столетия, значительно менее явно выступают в искусстве Ионии (хотя они и нечужды последнему; см., например, фигуру раненого на фронтоне памятника Нереид). Ионийской скульптуре гораздо более были свойственны декоративные тенденции, а также лишенный глубины чувства и яростной страстности «балетный» характер изображения батальных сцен.

Таких черт мы не найдем в Тегейских фронтонах Скопаса. Прибыв молодым мастером в Пелопоннесс, Скопас воспринял многое из местных художественных традиций. Однако паросский скульптор сумел сохранить и ряд ионийских особенностей — прежде всего широкое использование фактуры при построении художественного образа, в связи с чем излюбленным материалом его был мрамор, дававший тончайшие нюансы светотени, а не привычная для дорян бронза.

В связи с этим любопытно вспомнить о рельефах балюстрады храма Ники Аптерос конца V в.[1]; в них мы наблюдаем созвучные Скопасу живописные приемы трактовки формы, но там совершенно отсутствуют характерные крепкие, коренастые фигуры и компактные, нагроможденные одна на другую массы. Лишенные драматизма легкие фигуры Ник имеют изысканно декоративный характер. Они совершенно чужды патетике, дававшей значительно бо́льшую глубину и богатство образам Скопаса и сообщавшей им индивидуальные особенности. Эти черты творчества Скопаса делали его произведения созвучными исканиям философской мысли конца V в.— учениям софистов, исходивших из субъективного отношения к человеку.

В. Д. Блаватский

РАСКОПКИ КИТАЙСКОГО ДОМА БЛИЗ АБАКАНА

(Хакасская АО)

В 1940 г. при прокладке шоссе из города Абакана в 12 км к юго-западу от города, рядом с поселком колхоза «Сила» рабочие прорезали южную полу невысокого, до 2 м высоты холма. В земле было обнаружено большое количество обломков черепицы. Десятник участка сразу сообщил об этом в Хакасский музей, и тогда же археолог Минусинского музея В. П. Левашева произвела здесь рекогносцировочные раскопки и установила, что в холме скрыты развалины здания. В 1941 г. Государственный Исторический музей совместно с Красноярским областным музеем предпринял его раскопки[2].

Холм, в котором заключены развалины здания, в значительной степени состоит из аллювия, занесенного сюда после разрушения постройки

---

[1] Ch. Picard. L'Acropole. L'enceinte. L'entrée. Le bastion d'Athéna Nike. Les Propylées, табл. 42—48.

[2] Состав Саяно-Алтайской археологической экспедиции, производившей раскопки, был следующий: Л. А. Евтюхова (начальник экспедиции), проф. С. В. Киселев, В. П. Левашева. Кроме того, в раскопках принимали участие директор Хакасского музея П. И. Каралькин и историк Красноярского музея З. К. Глусская.

разливами рек Ташебы и Абакана, между которыми он расположен. Долина между реками в этом месте имеет в ширину около 5 км. Здание стояло ближе к Ташебе, протекающей от него в расстоянии около 500 м. Время от времени разливы здесь бывают настолько значительны, что вода заливает всю долину.

Встреченные в верхних слоях холма тонкие прослойки из жженых костей, несомненно, относятся к более позднему времени, чем само здание. Возможно, что на этом холме, образовавшемся над развалинами, производились какие-то ритуальные обряды, связанные с сожжением животных. Не исключено, что самое избрание холма местом для ритуальных сожжений было обусловлено у местного населения какими-нибудь воспоминаниями об особом значении этого места в прошлом. Полное отсутствие каких-либо вещей в этих прослойках не дает возможности их датировать.

В результате исследований выяснилось, что здание имело глинобитные стены и пол. Стены воздвигнуты без фундамента, на разровненной площадке. В разрезах видно, что серая глина накладывалась в сыром виде, равномерными горизонтальными слоями в 4—6 см. Это, а также правильная вертикальность стен позволяет предполагать, что глина укладывалась между дощатой опалубкой, которая удалялась после

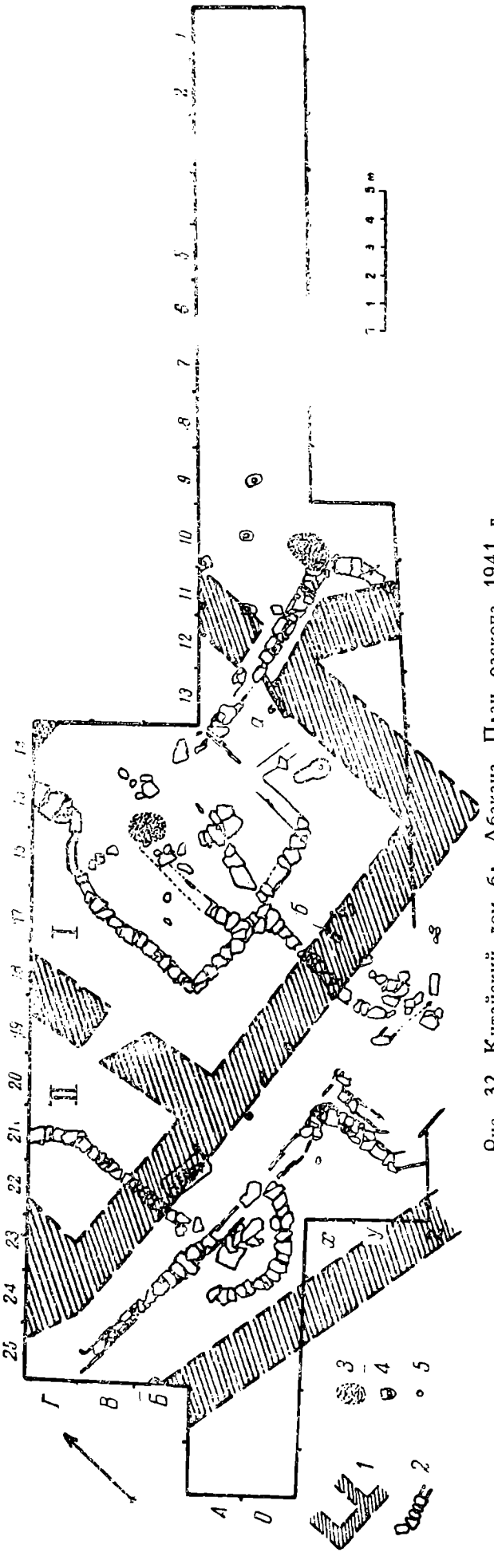

Рис. 32. Китайский дом бл. Абакана. План раскопа 1941 г.

1 — Глинобитные стены; *2* — каналы отопления; *3* — участки сильно сожженного глиняного пола; *4* — деревянные столбы на каменном основании. *5* — деревянные столбы. *а*, *б* — места находок дверных ручек в виде масок. Буквенные и цифровые обозначения по краю раскопа указывают №№ раскопочных квадратов. I, II — помещения.

завершения стен. Крепость стен очень большая, теперь их остатки в некоторых местах поддаются разборке лишь с помощью лома и кайла. Каких-либо следов оконных проемов мы не встретили. На участке 19 *X* в толще стены обнаружено заложенное глиной квадратное отверстие (размером 62 × 62 см). Судя по тому, что оно расположено над самым полом и в непосредственной близости от проложенного под полом канала отопления, можно предполагать, что это отверстие проделано в связи с ремонтом отопительной системы.

Как видно на плане (рис. 32), толщина вскрытых раскопками стен различна. Наиболее толстые стены образуют, повидимому, центральную, самую обширную часть здания, разделенную на два помещения.

Помещение № 1 — квадратное, имеет размеры в 12 × 12 м (144 кв. м), а помещение № 2 — 12 × 6 м (72 кв. м). Между собой эти две комнаты сообщаются дверью, проем которой хорошо прослежен, причем удалось установить, что ее прорез в стене суживается в направлении с В на З. Толщина внутренней стены, перегораживающей помещение на две части — 1.80 м. Толщина южной и восточной наружных стен этой части дома — 2 м. В восточной стене помещения № 1 также имеется дверь; ее прорез здесь суживается по направлению к В. Этой двери принадлежит найденная здесь дверная ручка в виде личины рогатого человека, отлитая из бронзы (рис. 33); она лежала на обломке деревянной доски — повидимому остатках двери, покрытая сверху слоем черепицы от обвалившейся кровли. Вторая такая же дверная ручка была найдена на границе участков 17—18 *X*. Возможно, что здесь тоже была дверь, на что указывает и прохождение тут под полом канала отопления, так же как и под дверью восточной стены помещения № 1. Не исключена возможность существования двери и в южной части помещения № 2 над отопительным каналом. Очевидно, что наиболее рациональным было устройство дверей именно над местом прохождения отопительных каналов, что давало возможность производить их ремонт по мере надобности, не прибегая к разборке стены. Как сказано, описанная часть здания являлась, вероятно, центральной, на что указывает толщина стен, которые должны были выдерживать тяжесть основной части крыши, крытой массивной глиняной черепицей. Все остальные стены, встреченные в траншеях, не прослежены полностью, и их взаимосвязь пока остается не выясненной. Глинобитный пол, прослеженный в разных частях раскопок, достигал толщины в 20—25 см. Плотно утоптанный пласт, так же как и стены, накладывался из серой глины тонкими слойками. В некоторых местах были видны следы неоднократной его обмазки.

Встреченные в различных частях здания деревянные столбы, очевидно, служили для поддержки балок перекрытия. Почти все столбы были углублены ниже уровня пола сантиметров на 60—80, опираясь на базы из песчаниковых плит. Подобная система устройства столбов в Китае применялась еще в бронзовую эпоху, как это выяснилось при раскопках дворца эпохи династии Шан-Ин (XVII столетия до н. э.) в Аньяне[1].

Чрезвычайно интересна система отопления здания. Неглубокие, до 60 см канавки с отлогими стенками обкладывались плитками девонского песчаника, а сверху плотно прикрывались такими же плитками, тесно пригнанными одна к другой. Отопительные каналы, проложенные под полом всех частей здания, соединялись между собой, образуя непрерывную и разветвленную сеть. В помещении № 1 каналы идут параллельно стенам, повторяя таким образом очертания комнаты. Откуда поступал горячий воздух для отопления, пока не удалось выяснить, так как раскопками еще не обнаружена та центральная распределительная печь, которая здесь должна была быть. В некоторых местах заметны следы ремонта отопи-

[1] G. Greel. The Bird of China, London, 1939.

тельных каналов. Так, например, на участке 20 *X* канал сверху заложен крупными обломками черепицы: очевидно, под руками не было хороших

Рис. 33. Китайский дом. Дверная ручка из траншеи О, уч. 13.

каменных плиток, которые приходилось привозить издалека, километров за 15, с гор. О перестройке отопительной системы свидетельствует также случай позднейшего изменения направления каналов, как, например, в центре помещения № 1 (см. план — рис. 32).

Для утепления обширных помещений дома, в условиях сибирской зимы, такое отопление было, очевидно, недостаточным. В помещении № 1 и на участке 10 траншей А и О в отдельных местах глиняного пола ясно заметны следы постоянного воздействия жара; по всей вероятности, здесь были установлены жаровни с горячими углями, как это до сих пор практикуется в китайских домах.

Полностью представить планировку здания пока еще невозможно, все же основания для некоторых предположений имеются. Как сказано, та часть здания, которая расположена в центре холма (включая помещения № 1 и 2), окруженная наиболее толстыми стенами, была, вероятно, центральной и наиболее высокой. Массивность ее стен скорее всего объясняется тем, что на них опиралась главная часть крыши, крытой тяжелой черепицей. Помещения, окружавшие центральную часть здания, имели более тонкие стены и, очевидно, были более низкими. Возможно, что здесь имела место двухъярусная крыша, типичная для китайских построек с черепичной кровлей.

Рис. 34. Китайский дом. Узкий желоб кровельной черепицы.

Кровельная черепица в основном двух размеров: широкие слегка вогнутые желоба, размером 60 × 40 см при толщине, в среднем, в 2 см, и узкие полуцилиндрической формы 60 × 16—17 см, при толщине около 1 см (рис. 34). Кроме того, было найдено несколько обломков более широких желобов полуцилиндрической формы. Черепица для кровли здания производилась, вероятно, на месте; изготовляли ее ремесленники-китайцы. Вся черепица сделана из очень хорошо отмученной серой глины. Широкие желоба, повидимому, формировались на специальных матрицах. Узкие желоба выделывались на гончарном кругу ленточной техникой в виде труб, которые еще в сыром виде разрезались, после чего подвергались обжигу. Обжиг черепицы очень хороший, так как до сих пор вся масса черепицы, несмотря на двухтысячелетний возраст, прекрасно сохранилась. Выпуклой стороне черепицы еще сырой (до обжига) при помощи различных штампов и протирки придавалась шероховатость с целью устранить возможность скольжения. Кроме того, на внутренней стороне, возможно для этой же цели, различными штампами выдавливались и процарапывались своеобразные узоры. Здесь же на внутренней стороне черепицы довольно часто встречаются процарапанные по сырой глине различные знаки, вероятно, счетные. Они очень напоминают буквы орхонского алфавита, получившего впоследствии, в VI—VIII вв. н. э., широкое распространение на Енисее. То, что эти знаки найдены нами здесь же, но для более древнего времени, придает им особое значение.

При раскопках С. В. Киселева в 1936 и 1938 гг. на Уйбатской Чаатасе, в больших погребальных родовых усыпальницах древнехакасской знати таштыкской эпохи, относящихся, как и постройка у колхоза «Сила», ко времени династии Хань, были найдены игральные кости, сделанные из астрагалов барана. На них, кроме различных изображений, имелись разно-

образные счетные знаки. Знаки, как на черепицах описываемого здания, так и на игральных костях, имеют большое сходство со знаками орхоно-енисейского алфавита. Еще тогда, в 1938 г., у С. В. Киселева сложилось убеждение, что в орхоно-енисейской письменности заложены наряду с иноземными элементы местные. Наличие аналогичных знаков на черепице является новым веским аргументом в пользу участия в сложении орхонского алфавита знаков, бывших в употреблении на Енисее в более древнее время — около начала нашей эры.

Черепица на крыше располагалась, очевидно, следующим образом: плоские широкие желоба укладывались выпуклой стороной вниз, а швы между ними прикрывались сверху узкими желобами. Возможно, что те отдельные обломки более широких полуцилиндрических желобов, которые найдены всего в нескольких экземплярах, принадлежали верхнему гребню крыши.

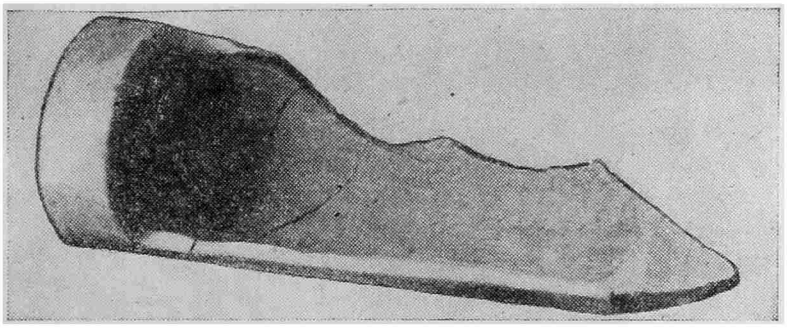

Рис. 35. Китайский дом. Концевой полуцилиндрический желоб.

Особый интерес представляют собой завершения полуцилиндрических желобов в той их части, которая свисала с нижнего края кровли и должна была прикрывать торец той балки деревянного основания перекрытия, на котором лежал весь ряд черепицы (рис. 35). Эти концевые полуцилиндрические желоба с нижнего края завершались кругом, на котором, при помощи штамповки, вытеснена выпуклая надпись китайскими иероглифами (рис. 36). Акад. В. М. Алексеев читает эту надпись так: «Сыну неба (т. е. китайскому императору) 10 000 лет мира, а той, которой (т. е. императрице) мы желаем 1000 осеней радости без горя». Характер знаков и грамматические особенности надписи, по мнению В. М. Алексеева, типичны для эпохи династии Хань (206 г. до н. э.— 220 г. н. э.). Сличение многочисленных целых и фрагментированных кругов с надписями позволило установить, что все они были сделаны при помощи двух штампов, причем содержание надписей на обоих одинаково.

Подобная конструкция кровли, состоящей из широких вогнутых и узких выпуклых черепичных желобов с характерными свисающими с края кровли кругами с надписями, издавна применялась в китайской архитектуре. Древнейшие образцы такой кровли нам известны на моделях глиняных домов из погребений эпохи Ханьской династии [1]. Особенно близкую аналогию описанной кровле по наличию таких же свисающих по краям кровли дисков представляют двускатные крыши глиняных моделей домов, найденные в погребениях Ханьской эпохи у подошвы горы Лао-Тье, близ Порт-Артура в Южной Манчжурии (рис. 37, 38) [2]. Кроме того, черепицы, подобные найденным в описываемом здании, были встречены на поселениях Циньского и Ханьского времени, исследованных у под-

[1] Münsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte, Esslingen, т. I, 1910, стр. 72, рис. 69—71.

[2] Nan-Shan-Li. Brick Tombs of the Han Dynasty at the Foot of Mt. Lao-Tieh near. Port Arthur South Manchuria, Archaeologia Orientalis, t. III, Tokyo-Kyoto, 1933, табл. XX, XXI, XXII, XLI, XLIII, XLIV.

ножья тех же гор Лао-Тье в Южной Манчжурии [1]. В раскопках этих поселений найдены близкие к нашим черепица и круги с китайскими надписями и узорами. В Собственно Китае черепица с кругами, покрытыми надписями, также встречается часто уже в Ханьскую эпоху [2]. Китайские

Рис. 36. Китайский дом. Штампованная китайская надпись на торцевой части узкого желоба черепицы.

археологи и любители собрали большую коллекцию черепичных кругов с надписями на развалинах одного дворца эпохи династии Хань. Внешний вид этих кругов весьма напоминает найденные нами [3]. Черепичные кровли отчасти сходные с найденной в здании близ колхоза «Сила», применялись в Китае и в более позднее время. В Забайкалье известны покрытая глазурью черепица и черепичные круги с надписями и орнаментами, сделанные даже в эпоху династии Юань [4]. Однако черепица, найденная близ колхоза «Сила», даже типологически ближе всего стоит к ханьским, что, как сказано, подтверждается и эпиграфическими данными.

Для реконструкции кровли здания важно учесть то обстоятельство, что наибольшее количество кругов найдено было вдоль стен центральной части здания, что позволяет предполагать четырехскатную кровлю. Подобные кровли, судя по моделькам, были известны уже в эпоху Хань [5].

---

[1] Mu-Yang-Ch'êng. Han and pre-Han sited at the Foot of Mount Lao-Tieh in South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. II, Tokyo-Kyoto, 1931, табл. XXXIII, XXXIV, XXXV.

[2] Münsterberg. Ук. соч., т. I, рис. 73—75; т. II, рис. 231, табл. 376.

[3] Forke. Die Inschriften Ziegel aus der Chin und Hanzeit, Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprache. 1899, т. 7, вып. I, табл. 4.

[4] А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Зап. Забайкальского отд. РГО, вып. XVI, стр. 39, табл. X. «Книжное дело», Владивосток, 1925.

[5] Münsterberg. Ук. соч., т. II, стр. 227, рис. 369.

Круги с надписями встречались и при прокладке шоссе, причем, по наблюдению В. П. Левашевой, наиболее удаленные находки были сделаны у

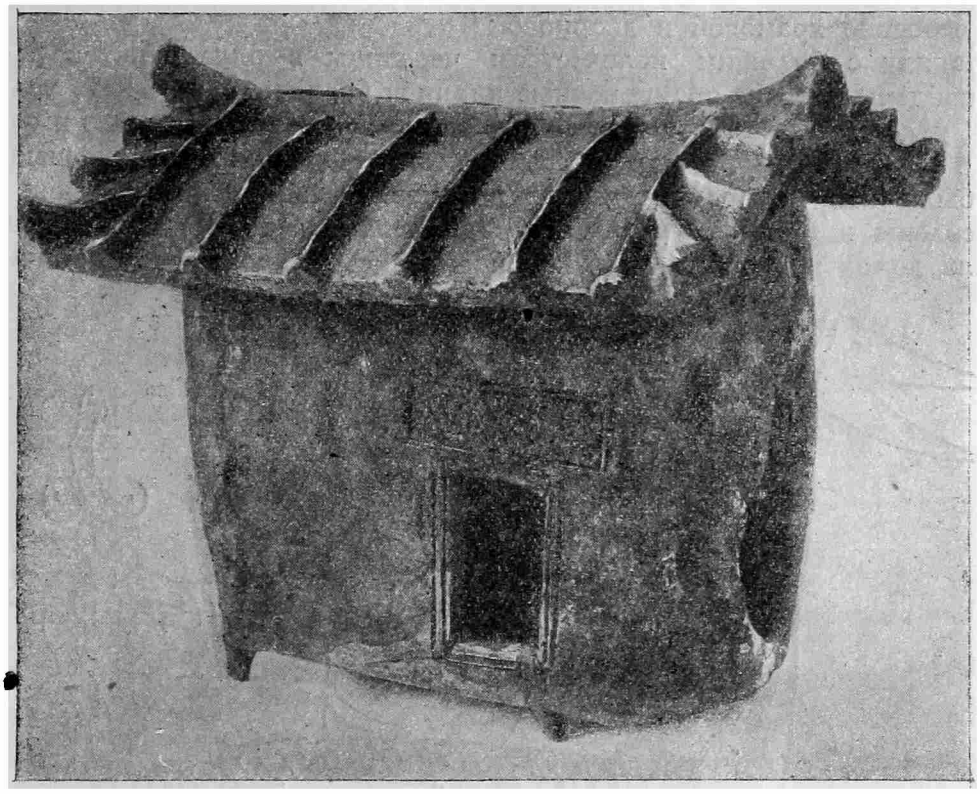

Рис. 37. Глиняная модель китайского дома из раскопок близ горы Лао — Тье.

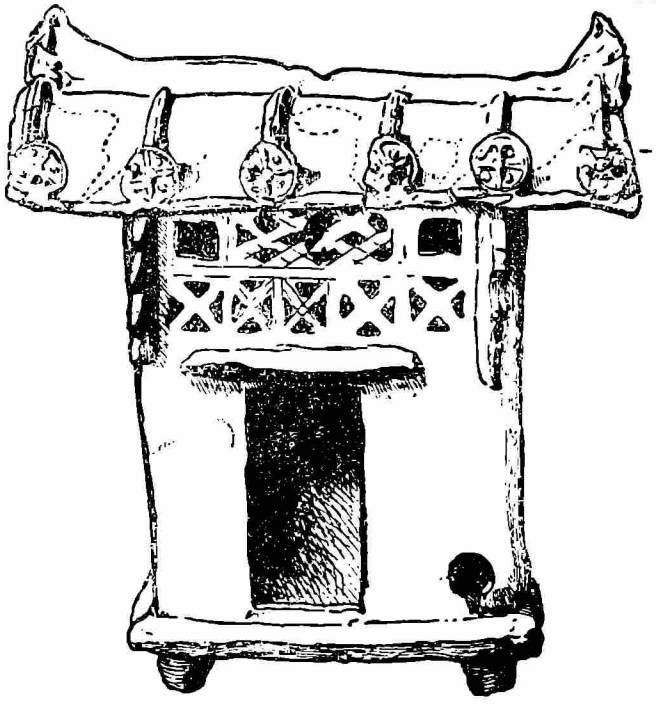
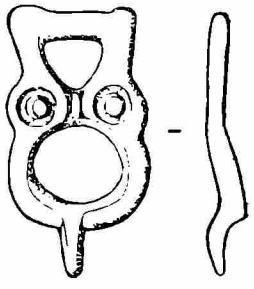

Рис. 38. Глиняная модель китайского дома из раскопок близ горы Лао-Тье.

в

Рис. 39. Китайский дом. Бронзовая пряжка из траншеи А, уч. 6

юго-восточного края шоссе. Эти круги, а также скопление черепицы с кругами, найденные за внешней стеной, на участке АО — 6—7, могли принадлежать кровле уже не центрального здания, а примыкавших к нему

пристроек. Если дальнейшие раскопки подтвердят это предположение, то можно будет реконструировать покрытие всего здания в виде двухъярусной четырехскатной кровли, столь распространенной в китайской архитектуре, особенно храмовой и дворцовой [1].

Наряду с большим количеством черепицы в ряде пунктов раскопа были найдены плоские облицовочные кирпичи (размер 24 × 24 см, толщина 2 см), украшенные штампованным елочным узором и оттиснутые в формах (рис. 41, *в*). На территории центральной части здания облицовочные кирпичи были найдены вблизи дверных проемов. Очевидно, эти кирпичи были употреблены здесь для украшения над дверями, как это изображено на моделях домов из раскопок в Манчжурии. Те облицовочные кирпичи, ко-

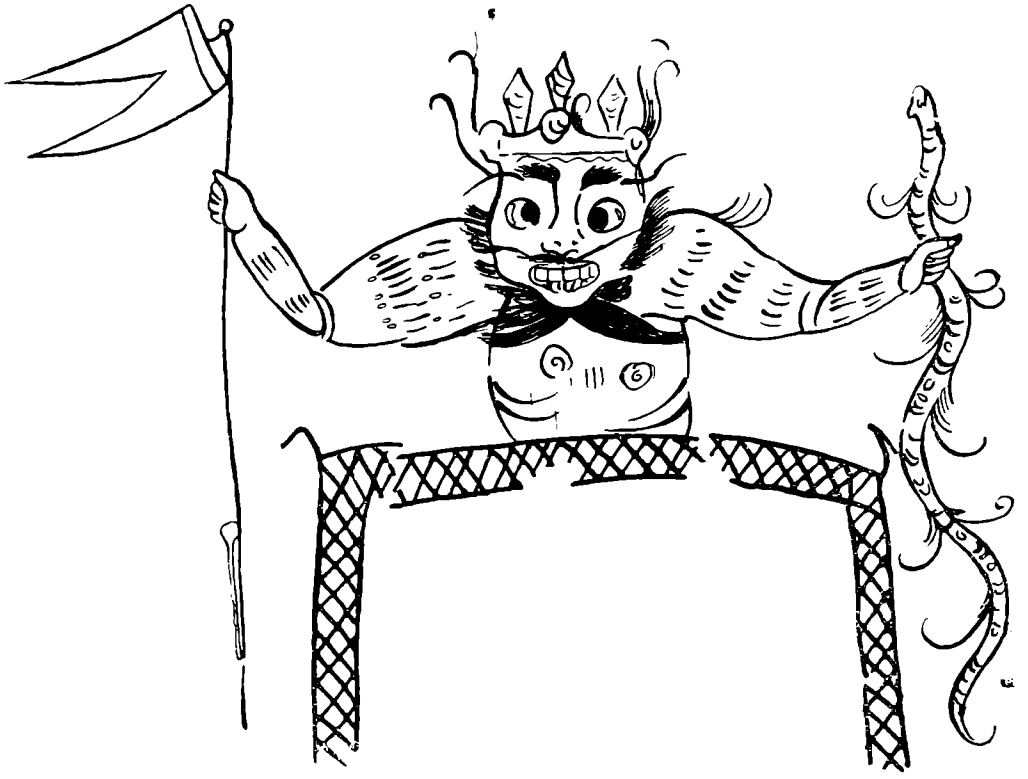

Рис. 40. Деталь фресковой росписи на гробнице № 11 у подножия горы Лао-Тье.

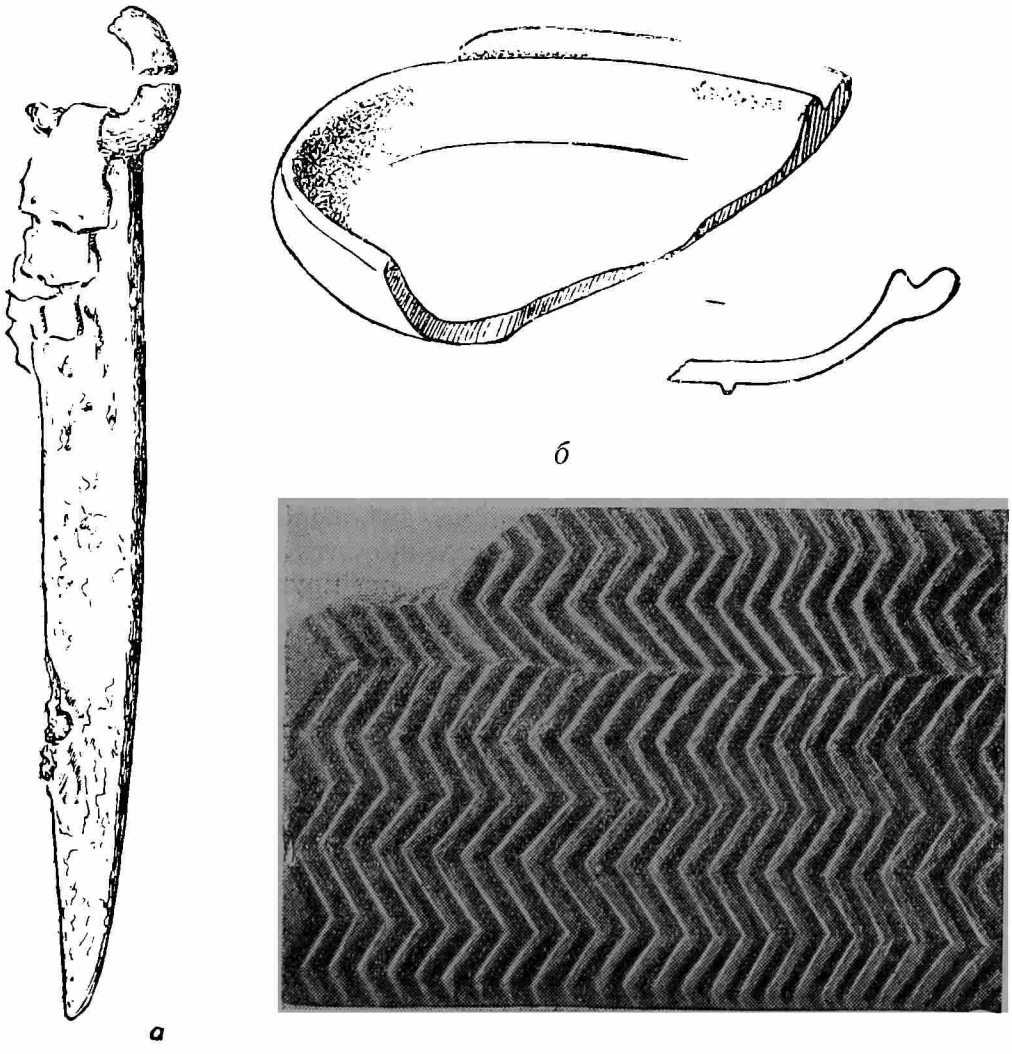
торые были найдены в части холма, прорезанной шоссе, служили, вероятно, для внешней облицовки здания в виде фриза или вертикальных панно, которые также изображены на моделях домов [2]. Таким образом, и детали украшения здания находят прямые аналогии в ханьской архитектуре. К этому же кругу ханьских памятников нас приводит и изучение упомянутых выше дверных ручек. В двух пунктах здания, на местах дверных проемов, найдены две бронзовые литые дверные ручки в виде человеческих личин (рис. 33). Кольцо, за которое открывалась дверь, вставлено в нос рогатого горбоносого чудовища. На его голове — тиара из трех зубчатых выступов, усы закручены колечками, вдоль щек баки, острые зубы оскалены. Оба изображения тождественны, но отлиты в разных формах, на что указывает различие в их размерах. Кроме того, выражение лица одного из них (с отломанным рогом) более улыбающееся, чем у целого.

[1] Münsterberg. Ук. соч., т. II, стр. 34 сл., табл. I, а; стр. 40, рис. 52. R. Kelling. Das chinesische Wohnhaus, Tokyo, 1935, рис. 14, 31, 31а, 61, 105.

[2] Nan-Shan-Li. Brik tombs of the Han Dynasty of the Foot of Mt. Lao — Tieh near Port-Arthur South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. III, 1933, табл. XX, XXI, XXII, XLI, XLIII, XLIV.

У него же сохранившийся левый рог больше отставлен в сторону. несколько иначе расположены завитки бакенбард, иначе выглядят зубы, а клыки резко отогнуты в стороны.

При рассмотрении этих рогатых масок нельзя не отметить, что оба изображенных лица не носят следов монголоидности, отличаясь широко поставленными глазами, отсутствием характерной скуластости и высоким носом. Профиль этих личин весьма близко напоминает некоторые погребальные маски из Таштыкских погребений Минусинской котловины, отли-

а *б* *в*

Рис. 41. Китайский дом. Находки из раскопок 1941 г.
а — железный кольчатый нож из траншеи О, уч. 18; *б*—фрагмент нефритового блюдца из траншеи О, уч. 18; *в* — облицовочный кирпич.

чающиеся также высоким носом с горбинкой. Рассматриваемые личины на дверных ручках особенно интересны тем, что находят себе полную аналогию во фресковой росписи гробницы № 11 у подножья горы Лао-Тье около Порт-Артура, относящейся также к ханьскому времени [1]. Мы видим там изображение такого же чудовища, повидимому охраняющего вход, над которым оно нарисовано (рис. 40). У него такой же головной убор, как и у наших масок, в виде тиары с тремя выступами; такие же рога и бакенбарды, закрученные усы и оскаленные зубы. Однако на манчжурской фреске лицо отличается монголоидностью. Маски дверных ручек, найден-

[1] Ying-Ch'êng Tzu, Report upon the Excavation of the Han Briktomb with Frescopaintings, near Cien-My-Ch'êng South Manchuria Archaeologia Orientalis, т. IV, Tokyo-Kyoto, 1934. Табл. XLIV, XIV, рис. 2 и 3.

ных нами в китайском доме близ колхоза «Сила», несомненно, воспроизводят то же фантастическое существо, которое изображено в ханьской гробнице у горы Лао-Тье. Однако отмеченное различие в трактовке лица позволяет предполагать, что маски ручек отлиты местными приенисейскими художниками, которые сохранили только схему китайского оригинала, придав лицу чудовища местные, европеоидные черты. Вместе с тем наличие в доме фантастических изображений, связанных по своему назначению со входом и целиком воспроизводящих китайские, служат особенно веским указанием на принадлежность этого здания китайцам. Среди местных символических и культовых образов, известных нам достаточно широко по памятникам таштыкского искусства, подобные изображения не встречены.

Немногочисленные вещи, найденные при раскопках здания, очень характерны и типичны для одного определенного времени. Среди развалин здания больше всего найдено остатков железных, сильно проржавевших предметов, связанных со строительным делом: различные пластины, скобы, болты, петли и пр. Железный, кольчатый нож, найденный на участке № О—18 (рис. 41, *а*), часто встречается в погребениях тагарско-таштыкского времени и, кроме того, находит себе аналогию среди вещей из раскопок культурного слоя крепости Май-Янь-Чень ханьского времени, у подножия горы Лао-Тье [1]. Здесь же найдена половина овального блюдца из светлозеленого нефрита с выступами по бокам (рис. 41, *б*). Подобные блюдца, как нефритовые, так и глиняные, иногда даже с тиснеными изображениями и китайскими надписями на дне, хорошо известные по раскопкам у подножья горы Лао-Тье, определенно датируются временем около начала нашей эры [2]. На участке О—14 найдена крупная бусина, сделанная из отрезка ветки розового коралла. Найденная на 8 участке траншеи А бронзовая поясная клювовидная пряжка (рис. 39) важна тем, что, будучи изделием местным, она типична для Таштыкской культуры Минусинской котловины около начала нашей эры. Найдена также золотая проволочная серьга эсовидной формы, втоптанная в глинобитный пол на участке Г-20.

Некоторое недоумение вызывает почти полное отсутствие среди находок столь обычного и массового материала, как керамика. Найдены всего только несколько отдельных мелких обломков: один от ручки сосуда, другой от глиняного сосуда, сломанный по отверстию. Объяснить это можно тем, что раскопанное здание не являлось рядовым жилищем, а принадлежало лицу, стоявшему на более высокой ступени общественного положения; помещение поэтому содержалось в строгой чистоте. Этому, конечно, способствовал и плотный глинобитный пол, с которого легко выметались грязь и мусор.

Кости животных в развалинах здания также попадались очень редко. В большинстве случаев это были мелкие осколки, не поддающиеся определению; те из них, которые можно было определить, принадлежали лошади и барану.

Вопрос о значении открытого близ колхоза «Сила» здания не может быть разрешен вне исторической обстановки на Енисее, сложившейся здесь в период Ханьской династии, к которому, как указывалось, относится это здание.

Со II в. до н. э. в Минусинской котловине наблюдается формирование новой таштыкской, на основе старой тагарской, культуры. Памятники этой культуры, начиная с I в. до н. э. и до IV—V вв. н. э., были

[1] My Yang-Ch ê n g. Han and pre-Han Sited at the Foot of Mount Lao T'ieh in South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. II, Tokyo-Kyoto, 1931, табл. XX.

[2] Ying-Ch'ê n g. Tzu. The Han Brik tombs with Frescopaintings near Cien-My-Ch'êng, South Manchuria. Archaeologia Orientalis, т. IV табл. XIII, XXXV, стр. 25, рис. 8.

исследованы нами в последние годы в большом числе. Особенно большой материал, освещающий таштыкскую культуру, был получен в результате раскопок, проведенных Саяно-Алтайской археологической экспедицией в 1936—1938 гг. на Уйбатском Чаа-Тасе, где наряду с рядовыми погребениями, хорошо известными еще по раскопкам могильника в Оглахтах, были в значительном числе исследованы родовые усыпальницы таштыкской племенной знати. Суммируя наблюдения над добытым материалом, следует прежде всего отметить, что в таштыкскую эпоху в Минусинской котловине формировался современный хакасский тип населения. Наряду со старым европеоидным типом, господствовавшим на Енисее с глубокой древности, в это время на погребальных масках мы наблюдаем монголоидные черты. Китайская летопись именно к этому времени относит выделение в среде древнего динлинского европеоидного населения южной Сибири «поколения Хягяс» [1]. Как и в предшествующую тагарскую эпоху, основным занятием населения в таштыкское время было земледелие и скотоводство. Однако улучшения, введенные в хозяйстве еще в тагарский период, в таштыкское время дали новые результаты, прежде всего — обогащение племенной знати, слагающейся в таштыкское время в общественный слой. Это особенно ярко отражено в своеобразных и грандиозных погребальных сооружениях Уйбатского Чаа-Таса, пышности обнаруженного в них погребального обряда и богатстве инвентаря.

Ряд деталей культуры таштыкской знати указывает на сильное воздействие хуннов, а также на связи с Китаем (ср. находки в уйбатских усыпальницах китайских церемониальных зонтов). Находки китайских зеркал, монет, тканей и других изделий делают таштыкскую эпоху вторым, после карасукского, периодом в истории Минусинской котловины, когда по археологическим находкам можно установить регулярные связи с Китаем.

В свете этих фактов обнаружение на Абакане, в центре Минусинской котловины, здания китайской архитектуры находит себе историческое объяснение, поскольку здание это современно таштыку. Однако при всей значительности китайского влияния трудно все же предположить, что открытое нами здание принадлежало местной знати: в нем отсутствуют черты местной культуры. Вероятнее, что перед нами остатки здания, построенного китайцами для китайцев. Возможно, что это остатки торговой фактории китайских купцов, проникавших в ханьскую эпоху далеко вглубь земель «северных варваров». Но есть в истории Хягяс одна деталь, которая заставляет с особым интересом относиться к развалинам здания близ колхоза «Сила». В эпоху энергичной экспансии Ханьской империи, направленной против хуннов, которой ознаменовался конец II — начало I в. до н. э.,— в 99 г. неудачно закончился поход прославленного китайского полководца Ли Гуан-ли. Он был окружен превосходящими силами хуннов и, потеряв 7 тыс. человек одними убитыми, едва спасся бегством. Между тем на помощь ему спешил отряд в 5 тыс. пехотинцев под командованием его внука Ли-Лина. Это был полководец «искусный в конной стрельбе из лука». Однако хунны, «видя малость китайских войск, устремились на их лагерь. Ли-Лин вступил в рукопашный бой и, преследуя хуннов, убил 10 000 человек. Хан призвал до 80 000 конницы из окрестных мест, и Ли-Лин начал отступать на юг. В продолжение нескольких дней он еще убил до 3 000 человек. Хан думал, что Ли-Лин заманивает его к границе на засаду, но один офицер из задних войск, сдавшийся хуннам, открыл, что Ли-Лин ниоткуда не имеет помощи. Хан усилил нападение. Китайцы издержали все стрелы, и Ли-Лин, видя невозможность сопротивляться,

[1] Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, стр. 50.

приказал своим ратникам спасаться, а сам сдался хуннам... Ли-Лин остался у хуннов и получил во владение Хягяс... Шаньюй (хуннов) оказал Ли-Лин должное уважение и женил его на своей дочери»[1]. Память о Ли-Лине была очень прочной. Даже в IX в. н. э. хакасы, судя по сообщению китайской летописи, различали потомков Ли-Лина[2].

Все эти сообщения невольно наводят на мысль о возможности нахождения в земле Хягяс, т. е. на среднем Енисее, местопребывания Ли-Лина. Едва ли его жилищем была кошмовая юрта или скромный рубленый дом. Ли-Лин мог располагать достаточным количеством рабочих рук китайцев, всегда в большом числе находившихся на земле хуннов как в виде переселенцев, так и в качестве военнопленных. Поэтому он вполне мог построить себе жилище по привычному для него китайскому образцу.

Л. А. Евтюхова и *В. П. Левашева*

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ МОЛОТОВСКОГО И ЧЕРДЫНСКОГО МУЗЕЕВ

Археологические богатства музеев Приуралья ежегодно продолжают пополняться новыми, иногда исключительно интересными памятниками. Многое из новых пополнений остается незамеченным для специалистов из-за отсутствия надлежащей местной печатной информации. Настоящая статья имеет единственной целью обратить внимание специалистов на некоторые находки, обнаруженные в Приуралье за последние годы.

Много новых находок было обнаружено в Чердынском крае, в обширном треугольнике междуречья Вишеры и Камы. Самой интересной находкой несомненно является Аниковский клад, обнаруженный в 1936 г. и находящийся сейчас в Государственном Эрмитаже; клад опубликован К. В. Тревер[3]. Сообщим некоторые подробности находки этого клада, состоящего из серебряных массивных блюд, отсутствующие в указанной работе и могущие быть интересными для археологии верхнего Прикамья.

Клад найден близ д. Аниковой Чердынского района Молотовской обл., на поле, носящем название «Узнайково». Обнаружил его бригадир колхоза «Батрак» И. С. Могильников во время вспашки. Блюда лежали все вместе, горизонтально, причем блюдо с изображением оленя лежало в середине стопки. Все три блюда имеют по краям дырочки для подвешивания. Блюдо с изображением оленя имеет два отверстия. Аниковский клад, как сказано, помещен на хранение в Эрмитаж, где и находится в экспозиции отдела Востока. К сожалению, судьба других, материально менее ценных предметов, найденных за последние годы в Чердынском крае, не столь счастлива, хотя научное значение некоторых из них также велико. Многие из этих находок не были обеспечены надежной охраной и уже безвозвратно погибли, другие исчезнут, если своевременно не будут применены нужные приемы консервации и реставрации.

К числу таких предметов относится сильно разрушенный временем бронзовый котел, или большая чаша, украшенная по верху скульптурными изображениями львов (рис. 42). Эта вещь, хранящаяся в Чердынском районном музее им. А. С. Пушкина, так же как и большинство подобных находок, была выпахана в 1933 г. близ с. Бондюг. Личный осмотр находки позволил убедиться, что предмет не литой, а сделан той великолепной техникой выколотки с последующей обточкой и зашлифовкой, после

---

[1] Иакинф Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 50—51.
[2] Иакинф Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 443.
[3] К. В. Тревер. Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.— Л., 1937.

которой не остается и следа от первоначальной поверхности с чешуйками отдельных ударов. Диаметр чаши по верху 0.4 м. Толщина стенок колеблется в пределах 0.5—1 мм. Поверхность сосуда покрыта прекрасной темной патиной. Дно почти не сохранилось. Его отдельные фрагменты вмяты внутрь. Идущие по верхнему краю сосуда изображения львов, в числе трех, расположены симметрично и являются ручками. Они литые и укреплены на чаше двумя сквозными заклепками, пропущенными через лапы

Рис. 42. Бронзовый котел, найд. бл. с. Бондюг (Чердынский музей).
а— общий вид котла; *б*, *в*—детали ручек котла

не очень плотно. Предмет этот, несомненно, импортный для Прикамья и, вероятно, входит в круг находок посуды сасанидского времени. По трактовке деталей изображений львиных морд, в частности по резным усам и гривам, Л. А. Мацулевич высказывает предположение о малоазийском происхождении чаши.

За последнее десятилетие в Чердынский музей доставлены находки и клады и местных и «чудских» древностей. Там хранится доставленная из с. Вельгорт группа украшений, состоящая из крупных сердоликовых и горнохрустальных бус. Сюда же относится пара очень крупных серебряных

подвесок-серег болгарского типа, украшенных зернью [1]. Оттуда же доставлено несколько квадратных и крестовидных крупных поясных блях. Судя по описаниям находчика, возможно, что здесь разрушается очень интересный могильник болгарского времени. Комплекс находок из с. Вельгорт опубликован М. В. Талицким без такой важной датирующей вещи, как упомянутые серьги [2]. В отношении крупных бляшек, изображенных в указанной статье на рис. 7, 14, 16, 18, необходимо отметить наличие в недавнем прошлом у манси несомненных подражаний им. Это наблюдение может служить еще одним указанием на древние связи болгарского Прикамья с верхнекамской и уральской югрой.

Чердынскими краеведами зарегистрировано до 50 древних, не отмеченных на старых археологических картах городищ, селищ и могильников, с которых поступают находки. Так, из д. Усть-Урла в Чердынский музей доставлена группа вещей, состоящая из различных мелких подвесок, бус, жерновов от ручной мельницы-мутовки, топоров и других предметов.

Из с. Искора и д. Горбуновой поступили шейные серебряные гривны, из д. Кушнелевой — клад мелких серебряных монет, из с. Редикора с городища — обломок жерновов, шлаки и керамика, собранные местным учителем. Этот район известен уже по ряду других находок, в частности по кладу 33 «шаманских изображений», доставленных в музей в 1929 г. и кратко опубликованных А. В. Шмидтом [3].

Из с. Таг-Яшер доставлены две серебряные подвески с зернью. В д. Малой Шакшере в 1930 г были найдены и доставлены в музей серебряная чаша с арабской надписью и найденные вместе с нею три монетных гривны-слитка и два серебряных шейных обруча-гривны (рис. 43, а, б).

Клад не был сохранен и вместе с другими ценными музейными вещами — серебряными диргемами и другими восточными монетами, серебром художественной и исторической ценности, окладами со старинных строгановских евангелий и пр.— был похищен из музея. Слабое фотовоспроизведение — вот все, что осталось от этой находки.

Близ д. Суянковой, в районе Красновишерского бумажно-целлюлозного комбината, при строительных земляных работах находили большое количество древних вещей, в том числе много «шаманских изображений». Большинство из этих вещей погибло во время пожара музея в г. Красновишерске. Часть же вещей, не попавших в этот музей, некоторое время сохранялась на руках у находчиков [4].

В 1932 г. близ д. Горбуновой Чердынского района на городище Савин лог найден фрагмент статуэтки всадника из белого металла, хранящийся сейчас в музее. Предмет, возможно, представляет памятник западноевропейского позднесредневекового искусства. Находка эта любопытна тем, что указывает на западные связи и на продолжение существования спроса у населения Прикамья и Урала на различного рода предметы художественного импорта и в послемонгольское время. Как нам кажется, этот спрос продолжал исходить из потребностей шаманского культа.

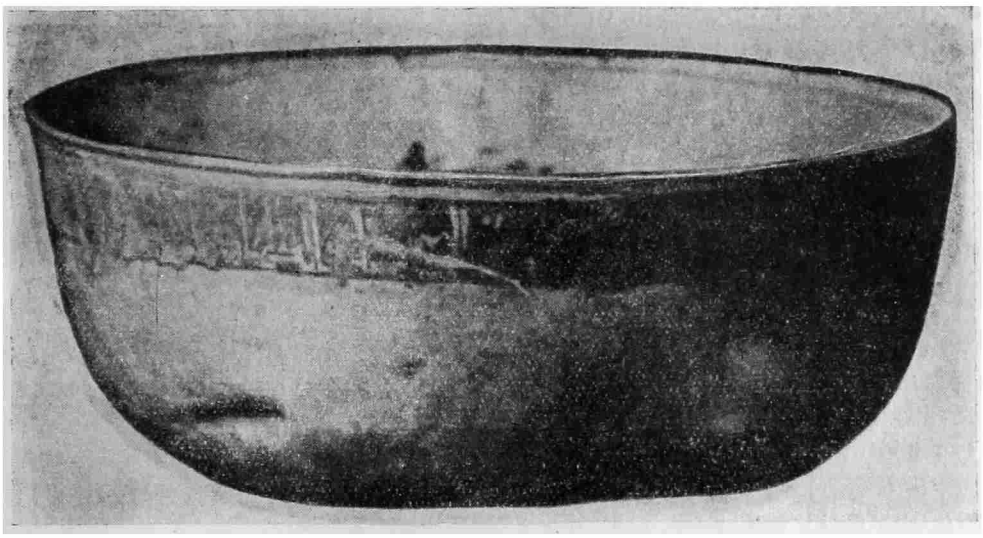
Много неопубликованных вещей, найденных за последнее десятилетие вследствие глубокой тракторной вспашки залежей, пустошей и целины, хранится в других музеях Прикамья. В Зюздинском районе в северо-вос-

[1] Типа, близкого к серьгам, опубликованным у А. А. Спицына (Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, табл. VIII, рис. 3).

[2] Краткие сообщения ИИМК, вып. IX, стр. 47—54.

[3] А. В. Шмидт. По местным музеям. Пробл. ист. матер. культуры, 1933, № 1—2, стр. 76—77.

[4] И. А. Лунегову, директору Чердынского музея, удалось видеть две бронзовые или серебряные статуэтки, повидимому восточной работы, по его словам, похожие на буддийские, найденные при земляных работах Бумкомбината. В музей их получить не удалось, и их дальнейшая судьба неизвестна.

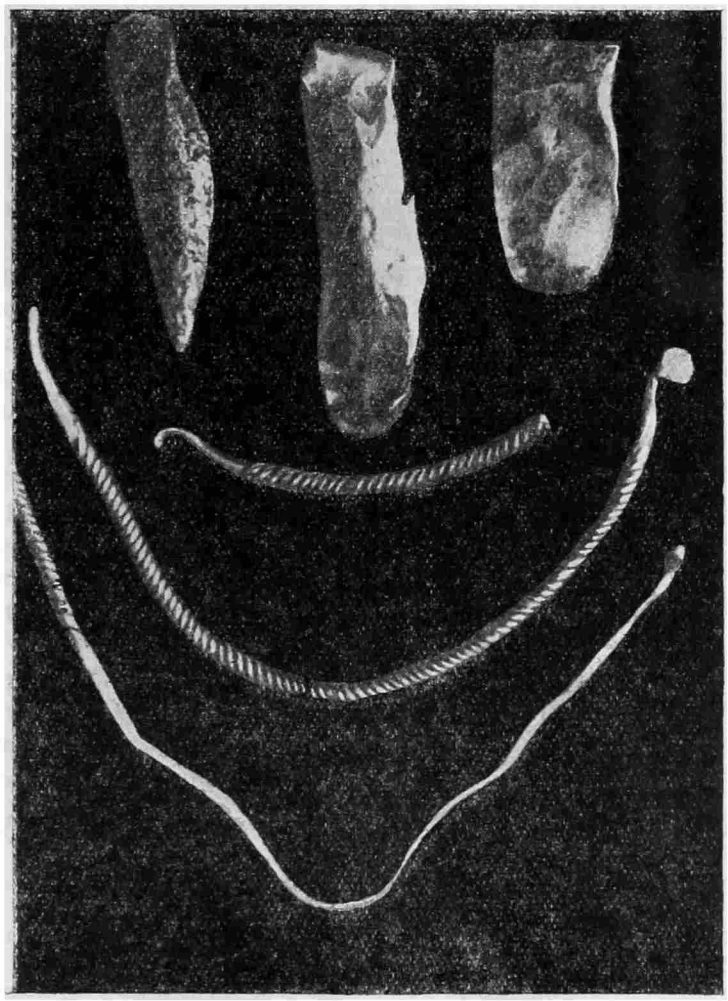

Рис. 43. Вещи, найденные бл. д. Малая Шакшера (Чердынский музей).

а — серебряная чаша с арабской надписью; *б* — монетные гривны-слитки и шейные серебряные гривны (найдены в чаше).

точных пределах Кировской обл. найден большой клад древней серебряной посуды, состоящей из серебряного ведра, ряда чаш, блюд и кубков. На дне одного из предметов изображена в профиль голова мужчины с большой бородой. Клад случайно попал на хранение в Горьковский краеведческий музей.

Два больших серебряных блюда, найденные в корнях старого дерева также в Зюздинском районе, хранятся в Кировском областном музее. Есть сведения о поступлении клада древнего серебра в Соликамский краеведческий музей Молотовской обл.

В начале 1941 г. Молотовским областным краеведческим музеем приобретена от гр. Г В. Катаева массивная серебряная чаша с изображениями [1]. Чаша является несомненно первоклассным памятником восточного искусства, входящим в круг лучших образцов (рис. 44).

По сообщению прежнего владельца чаши, она была найдена его отцом во время пахоты на полях около с. Ильинского Ильинского района Молотовской обл. Точно год находки установить невозможно [2] Сейчас чаша находится в экспозиции выставки «Первобытно-общинный строй в Прикамье», в разделе ломоватовской культуры, наряду с другими памятниками древнего восточного искусства, имеющимися в музее [3].

Опишем кратко новую чашу из с. Ильинского. Она имеет в диаметре 0.155 м, при высоте 0.06 м. Внешняя сторона покрыта изображениями, внутренняя — гладкая. Вес чаши — 480 г.

Изображения исполнены в рельефе. Они заключены в шесть круговмедальонов, расположенных по окружности чаши вокруг центрального — седьмого — медальона. Шесть медальонов соединены декоративными бантами, а уголки между ними и краем чаши заполнены пальметками. В каждом медальоне имеется по одному изображению. В центральном, в профиль, в повороте влево изображен до плеч и части груди человек, вероятно вельможа, в головном уборе, напоминающем короткополую шляпу шитьем или шлем. На затылке из-под головного убора видна пышная прическа. Вдоль лба и виска из-под шляпы выступают детали прически, изображенные мелкими прядями. В левом ухе ясно различима серьга. Изображен человек с крупными чертами лица, с крупным, с горбинкой, носом. Одежда из легких тканей, так как она ниспадает на плечи мелкими вольными складками. В медальоне, который расположен над головой центральной фигуры, изображен охотник в легкой одежде с босыми ногами и без головного убора. Он повернут вправо и держит в руках копье, направленное к соседнему справа медальону. Одежда охотника — рубашка с длинными рукавами. По подолу одежды, спускающемуся немного ниже колен, идет орнаментальная полоска из точек. В соседнем справа медальоне изображен зверь в манере, которой обычно изображают львов. Раздвоенный кончик хвоста, раздвоенные копыта и клыки указывают, что мастер хотел изобразить кабана-секача. Следующий медальон занят изо-

[1] Приносим благодарность директору Чердынского музея И. А. Лунегову и заведующему историческим отделом областного музея А. Г. Милицину за присланные нам сведения и фотографии, а также Г В. Григорьеву за сообщение некоторых аналогий к публикуемым вещам.

[2] Не исключено, что чаша найдена в предыдущие годы и сохранялась семье находчика.

[3] В музее, кроме описываемой чаши, имеются следующие предметы из древней серебряной посуды: 1) хорезмийская чаша с изображением божества с звериной головой (Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас, табл. XVIII, рис. 45), найденная также в Ильинском районе: 2) кувшинчик из с. Майкора, с изображением рыб (там же, табл. XXVI, рис. 153, а также: А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекциям Теплоуховых. МАР, вып. 26, табл. II, рис. 7). В музее имеются еще фрагменты серебряной древней посуды, например фрагмент блюда с изображением девушки, держащей яблоко (Я. И. Смирнов, табл. XXX, рис. 17 — А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекциям Теплоуховых. МАР, вып. 26, табл. II, рис. 8).

Рис. 44. Серебряная чаша, найденная бл. с. Ильинского (Молотовской обл.) (Молотовский музей).

бражением охотника-лучника, также повернутого вправо и в одежде, сходной с одеждой охотника с копьем. Четвертый медальон заключает льва или львицу с головой, повернутой назад, к охотнику, стреляющему из лука. Пятый медальон занят фигурой охотника с копьем, направленным в зверя, заключенного в шестом, последнем, медальоне. Между фигурами охотников во втором и пятом медальонах есть небольшие различия, заключающиеся в вариациях положения копья и рук. Зверь в шестом медальоне также изображен в позе льва с головой, повернутой назад; по не-

которым деталям — отсутствию хвоста, трактовке головы и задних лап — можно предположить, что мастер чаши пытался изобразить медведя.

Просмотрев издание «Сасанидский металл» [1], а также атлас «Восточное серебро» [2], мы легко могли убедиться, что сколько-нибудь полных аналогии ильинской чаше не имеется. По общей манере, заключению изображений в круглые медальоны и в завитки гибкой ветви, есть общее между описываемой чашей и чашей из северной Индии, изображенной в «Атласе» Я. И. Смирнова под № 310 [3]. В отдельных чертах трактовки человеческих изображений на этой чаше, также повернутых в профиль, с серьгами в ушах и в шлемах с полями, есть много сходства с чашей Молотовского музея. Круглые медальоны из двойных линий дополняют это сходство. В меньшей мере эти же черты стилистического сходства в расположении изображений можно усматривать в блюде из сел. Чуринской Удм. АССР [4] в блюде из Пешнигорта Соликамского района Молотовской области

В Британском музее хранится серебряная чаша, имеющая довольно большое сходство с ильинской чашей — в характере выполнения изображений, в помещении в центральном медальоне изображения человека в профиль; наконец, близки размер (0.168 м) и форма. Чаша эта относится исследователями к кругу индо-бактрийского искусства и датируется III—IV вв. н. э. [6] Близкую дату, очевидно, имеет и ильинская чаша. В технике изображений молотовской чаши, несколько более грубой, есть, однако, отличия от чаши Британского музея. Более выпуклые части изображений (мускулатура зверей и охотников) выполнены здесь путем накладки пластинок металла, сходно с тем, как это указывается К. В. Тревер в отношении значительно более ранних греко-бактрийских памятников [7] Этот прием живет и в сасанидском искусстве [8]. Является ли наш памятник произведением времени кушанов или уже ранне-сасанидским, решат специалисты при более детальном изучении чаши.

Н. А. Прокошев

ХОРЕЗМСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1940 г.

(Четвертый полевой сезон работ экспедиции)

Хорезмская археологическая экспедиция МОИИМК в течение трех месяцев 1940 г. продолжала раскопки и разведки в основном районе своих работ — на «Землях древнего орошения» Кара-Калпакской АССР. В конце работ был проведен разведочный маршрут через южные и западные предгорья Султан-Уиз-Дагских гор, окаймляющих «Земли» с севера. Конечным пунктом работ явился г. Нукус [9].

Важнейшим объектом стационарных работ явилась открытая в 1939 г стоянка так называемой Кельтеминарской культуры (поздний неолит, IV — начало III тыс. до н. э.) — Джанбас-кала № 4. Это первый, не считая нижних слоев Анау, значительный памятник среднеазиатского неолита.

И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935.
Я. И. Смирнов. Ук. соч.
Там же, табл. CXXV, рис. 310.
И. А. Орбели и К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 28.
Там же, табл. 29.
Fridrich Sarre. Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923, табл. 114 и 115.
К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 35.
И. А. Орбели и К. В. Тревер. Ук. соч., стр. XIX.
В работах участвовали: Институт истории языка и литературы УзФАН, Истфак МГУ, Академия архитектуры и Центральный краеведческий музей ККАССР. В состав экспедиции входило 13 человек научных и научно-технических работников. Руководитель экспедиции — С. П. Толстов.

Раскопки 1940 г. с большой полнотой выявили характер хозяйственно-бытового уклада кельтеминарцев, в частности — тип их жилища, которое на основании собранных данных оказалось возможным реконструировать. Жилищем служил огромный наземный дом из дерева и камыша, овальный в плане, 22 × 16 м. Крыша, с центральным дымовым отверстием, опиралась на три кольца столбов.

На основании этнографических аналогий можно полагать, что высота дома в центре равнялась 8—10 м. В центре располагался священный неугасимый очаг родовой общины, жившей в этом коммунальном жилище. По периферии шли 2—3 ряда бытовых кострищ, расположенных в беспорядке и, видимо, часто менявших место, с обильными кухонными остатками вокруг них.

Основным занятием кельтеминарцев была охота на лесных животных (кабан, косуля, олень), а также на водоплавающую птицу при помощи лука и стрел с кремневыми и костяными наконечниками и, особенно, рыбная ловля, служившая основой оседлости людей хорезмийского неолита.

Керамика поражает обилием форм. Наряду с большими круглодонными сосудами, сплошь покрытыми расположенным кольцевыми зонами штампованным зубчатым и штриховым орнаментом, особо надо отметить так называемые ладьевидные сосуды — большие, иногда богато орнаментированные чаши, в форме половины разрезанного вдоль яйца. Этот тип в неолитических памятниках СССР встречен впервые.

Обильный кремневый и керамический материал, добытый в 1940 г., позволяет во многом уточнить картину историко-культурных связей кельтеминарской культуры. Наиболее близкие аналогии она имеет в открытых экспедицией А. Стейна памятниках неолита Синь-Цзяна. Вместе с тем много общих черт она находит в неолитических и раннеметаллических культурах Восточного Приуралья и Южной Сибири — с одной стороны, и Северной Индии — с другой.

Повидимому, Хорезм и область Приаралья в целом являлась важным узлом древних культурных связей между Индией и Северо-западной Азией — в эпоху, к которой должны восходить неоднократно отмеченные лингвистами черты общности между языками мунда и дравидийскими в Индии и финноугорскими в Северной Евразии.

Большой интерес представляют топографические и стратиграфические условия залегания стоянки. Она была расположена на вершине ископаемой дюны, на берегу некогда существовавшего болотистого водоема. При этом дюна была повернута вогнутой стороной к северу, а не к юго-западу, как сейчас, что свидетельствует о совершенно ином направлении господствующих ветров. Для палеогеографии Приаралья этот факт существенен.

Маршрутные работы позволили восстановить в основных чертах картину древней оросительной сети правобережного Хорезма и главные этапы ее исторического развития. Прослежено и нанесено на карту три главных и два второстепенных магистральных канала «Земель древнего орошения». Только самый западный из них, идущий мимо развалин (Гульдурсун-Джильдык-кала — Кават-кала — Кызыл-кала), действовал в мусульманское время — до XIII—XIV вв. и, несомненно, тождественен с каналом Гавхорэ арабских источников. Следующий к востоку магистральный канал, идущий по линии Гульдурсун-Беркут-кала — Кырк-кыз, прекратил функционировать в VII—VIII вв. (в хвостовой своей части еще немного раньше). Третий, орошавший зону Эрес-кала — Ангка-кала — Базар-кала — Кургашин-кала, в нижней части своего течения прекратил действовать около IV в., в VI—VII вв. он доходил лишь до Адамликала и Карга-Тышкан-кала, в XII—XIII вв. до Эрес-кала, и сейчас находящейся на краю культурных земель.

Таким образом, первоначальные выводы экспедиции [1] о том, что процесс феодализации Средней Азии, связанный здесь, как и в Европе, с политическими катастрофами, варварскими завоеваниями и упадком производительных сил, явился причиной сокращения орошенной площади древнего Хорезма,— целиком подтвердились. Теперь можно уже считать окончательно доказанным, что это явление было вызвано не естественными, а общественно-историческими причинами.

Изучение позднеантичных памятников Хорезма дало возможность охарактеризовать тип памятников I—V вв. н. э. Особенный интерес представляют результаты изучения городища этого времени — Топрак-кала. Это довольно значительный город площадью 450 × 270 м. Однако он оказался застроенным лишь 10—12 огромными жилыми комплексами, домами-кварталами, размерами более 100 × 30 м каждый, состоящими из многих десятков смежных комнат. Каждый из домов был увенчан поднимающейся над ним башней. Это говорит о сохранении в городах поздней античности традиции общинных жилищ, столь характерных для общинных поселений эллинистического Хорезма [2]. Над городом господствовал огромный трехбашенный замок местного князя; и сейчас, несмотря на разрушение, замок поднимается более чем на 20 м в высоту. Топрак-кала своей архитектурной композицией, характеризующейся подчеркнуто вертикальным решением объемов и подавляющей человека грандиозностью дворцовых сооружений, демонстрирует самостоятельное развитие архитектуры в позднеантичном Хорезме, тенденции которой типичны для зодчества классического Востока.

Загородные замки этой эпохи (Якке-парсан, М. Кават-кала, Кошпарсан) характеризуются расположенными в центре двора грандиозными донжонами, концентрической планировкой (2—3 квадрата внешних стен) и террасообразным расположением внешних и внутренних дворов, что вполне соответствует описанию ал-Бируни замка хорезмшаха Африга, построенного в начале IV в. н. э.

Изучение средневековых памятников Хорезма (Кават-кала) дало богатый материал для характеристики хорезмийского феодального поселения XII—XIII вв. н. э., с резким различием в типе феодального замка и группирующихся вокруг него неукрепленных усадеб мелких землевладельцев и крестьян. Вместе с тем и феодальный замок утрачивает характер крепости, сохраняя традиционные крепостные формы лишь в качестве декоративного элемента. Военная функция замка целиком переходит к большим крепостям в важнейших стратегических пунктах, занятым, несомненно, государственными гарнизонами. Фортификация этих крепостей получила значительные усовершенствования по сравнению с предшествующим временем. Все вместе взятое указывает на сильную политическую централизацию.

Собранный материал по архитектуре и прикладному искусству Хорезма XII—XIII вв. свидетельствует о крайней степени декоративизма, как господствующем направлении развития художественной культуры Хорезма этой эпохи. Это выразилось в резко выступающей фасадности замковых сооружений, в покрытии фасадов гофрировкой и резным орнаментом на глине, богатой штуковой облицовке внутренних стен дворцовых сооружений (орнамент очень близок к орнаменту дворца Термезских правителей), в пышной резьбе по дереву, фрагменты которой сохранились в Кават-кала, в покрытии внутренних стен парадных помещений всех усадеб многочисленными и чисто декоративными нишками, в богатой рельефной и

---

[1] См. С. П. Толстов. ВДИ, 1933, № 3.

[2] Ср. описание городища и план Джанбас-кала в статье С. П. Толстова. ВДИ, 1940, № 1.

красочной орнаментации керамики и т. п. Все это резко контрастирует с простыми строго конструктивными, функционально обусловленными формами, столь характерными для искусства дофеодального Хорезма, знаменуя совершенно новый этап социально-экономического и культурного развития.

Из открытий, сделанных во время маршрута в западной части Султан-Уиз-Дага, наиболее значительным является обнаружение в урочищах Чильпык, Кара-тюбе и Беш-тюбе многочисленных и разнообразных наскальных знаков и изображений, из которых часть относится к средневековью (арабские надписи, в том числе надпись Хивинского Ануша-Хана конца XVII в., изображения всадников, верблюдов, коней, и т. д.); большая же часть представляет причудливые пиктографические начертания, ассоциирующиеся, с одной стороны, со знаками, датируемыми бронзовым веком в Северном Причерноморье (Каменная Могила), с другой — с ранними формами иероглифики Ближнего, Среднего и Дальнего Востока (хетты, Мохенджодаро, Китай). Это позволяет, пока в качестве рабочей гипотезы, предполагать, что здесь мы имеем начальные этапы развития хорезмийской письменности, предшествующие широкому внедрению арамейской графики [1]. Мы можем датировать эти знаки II тысячелетием до н. э.

Работы 1940 г., заполнив оставшиеся еще пробелы в хронологической свите культур древнего и раннесредневекового Хорезма, позволяют теперь дать почти непрерывную шкалу памятников от IV тысячелетия до н. э. до XIV в. н. э., выделив 11 основных культурных этапов.

I. Первобытный Хорезм (первобытно-общинный строй)	1. Кельтеминарская культура, неолит и энеолит: IV — начало III тыс. до н. э.
	2. Тазабагъябская культура, век бронзы, середина II тыс. до н. э.
	3. Амирабадская культура. Раннее железо: 1-я половина I тыс. до н. э.
II. Античный Хорезм (общинно-рабовладельческий строй древневосточного типа)	4. Культура городищ с жилыми стенами. Ахеменидское время: середина I тыс. до н. э.
	5. Кангюйская культура. Эллинистическое время: III в. до н. э.— I в. н. э.
	6. Кушанская культура. Римское время: I—III вв. н. э.
	7. Кушано-афригидская культура. Ранне-сасанидское время: IV—VI вв. н. э.
	8. Афригидская культура. Позднесасанидское и раннемусульманское время: VII—IX вв. н. э
III. Средневековый Хорезм (феодальный строй)	9. Афригидо-саманидская культура. Саманидские и раннесельджукское время: X—XI вв. н. э.
	10. Хорезмшахская культура. Хорезмшахское время: XII — начало XIII вв. н. э.
	11. Хорезмийско-джучидская культура. Золотоордынское время: XIII—XIV вв. н. э.

С. П. Толстов

[1] См. статью С. П. Толстова в ВДИ, 1938, № 4.

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОМ РЕМЕСЛЕ ДОМУСУЛЬМАНСКОГО СОГДА

Раскопки в долине Зеравшана с каждым годом открывают все больше и больше памятников, свидетельствующих об очень высокой ступени развития искусства в данном районе в домусульманский период, искусства, которое отнюдь не являлось варварским, провинциальным. Оно свидетельствует о том, что здесь был центр, где культурное наследие предшествующих веков, явившееся результатом взаимодействия различных культур, приобрело самостоятельные и жизненные формы. Замок Варахша в пустыне к западу от Бухары сохранил нам прекрасную скульптурную резьбу по штуку с изображением людей, животных и растений. Уникальной является и стенная живопись, изображающая бой сидящих на слонах царей с львами и грифонами [1]. В другом конце Согда на горе Муг найден был щит с изображением всадника, исполненным в несколько красок [2]. В сопоставлении с китайскими известиями о наличии в домусульманский и раннемусульманский период в долине Согда стенной живописи эти памятники являются красноречивыми свидетелями, говорящими о значительном развитии данного искусства.

О развитии скульптуры в домусульманский период имеются неоднократные письменные свидетельства. Так, китайские летописцы сообщают, что в одном из государств долины р. Зеравшана, Цао, которое сближают с Иштиханом, в храме имелась золотая статуя 15 футов в объеме [3]. В царствах Унаге, Хе, Бохань и др. цари сидели на тронах, представлявших изображения животных [4]. В арабской географической литературе также отмечается значительное распространение скульптуры и торевтики в Согде. Даже в X в. на площадях Самарканда стояли изображения животных [5].

О скульптуре домусульманского Согда дают некоторое представление статуэтки и штампованные изображения, в значительном количестве собранные в музеях [6]. До последнего времени обычно считали, что они происходят с городища Афрасиаб. Однако археологические исследования последних лет показали, что они встречаются и на других городищах, разбросанных по всей территории Согда [7].

Одним из таких городищ является Кафир-кала, расположенное в 12 км на юго-восток от Самарканда. Здесь, на берегу арыка Даргом, возвышаются руины замка с поселением вокруг него. И. А. Сухарев на од-

---

[1] В. А. Шишкин. Новые данные по искусству Согдианы. Искусство, 1938, № 5, стр. 148, сл.— Он же. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса, 1940, стр. 9—14.— Он же. Исследование городища Варахша и его окрестностей. Краткие сообщения ИИМК, вып. X. 1941. Ср. Г. В. Григорьев. Поселение древнего Согда. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI, 1940, стр. 32—33.

[2] А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940, стр. 25.

[3] Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, ч. III, 1851, стр. 204. Kurakichi Shiratori переводит это место «metal man» (Memoirs of the research department of the Toyo Bunko, № 2, Tokyo, № 2, 1928, стр. 110). Иакинф, ч. III, стр. 202, 204, 205 и в других местах. Ср. В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. Изв. РАИМК, т. II. 1922, стр. 379.

[4] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, 1900, стр. 94 и в других местах.

[5] К. Тревер. Terracottas from Afrasiab. 1934; там же литература, стр. 27. Эти статуэтки несомненно являются уменьшенными копиями больших статуй.

[6] Г. В. Григорьев. Тали Барзу. Тр. Отд. Востока Эрмитажа, т. II. 1940— Он же. Поселения древнего Согда. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI. 1940. Статуэтки и другие изображения кроме Афрасиаба найдены на большинстве городищ к востоку от Самарканда (Тали-Барзу, Кульдар-тепа, Чильхуджра, Кафир-кала, Каттатепа, Найман-тепа, Найза-тепа, Илян-сай и др.), на север в 40 км от Самарканда, в Чилеке, на северо-запад, в 50 км в Фрикенте, на запад в 80 км, на каттакурганском водохранилище и дальше на запад, в кишлаке Бия-Наймане; в Бухарском оазисе — на городищах Варахша и Пайкенд.

ной из окраин его обнаружил и раскопал кладбище оссуариев, которое, судя по монетным находкам, относится к VI—VII вв. н. э. Им же найден

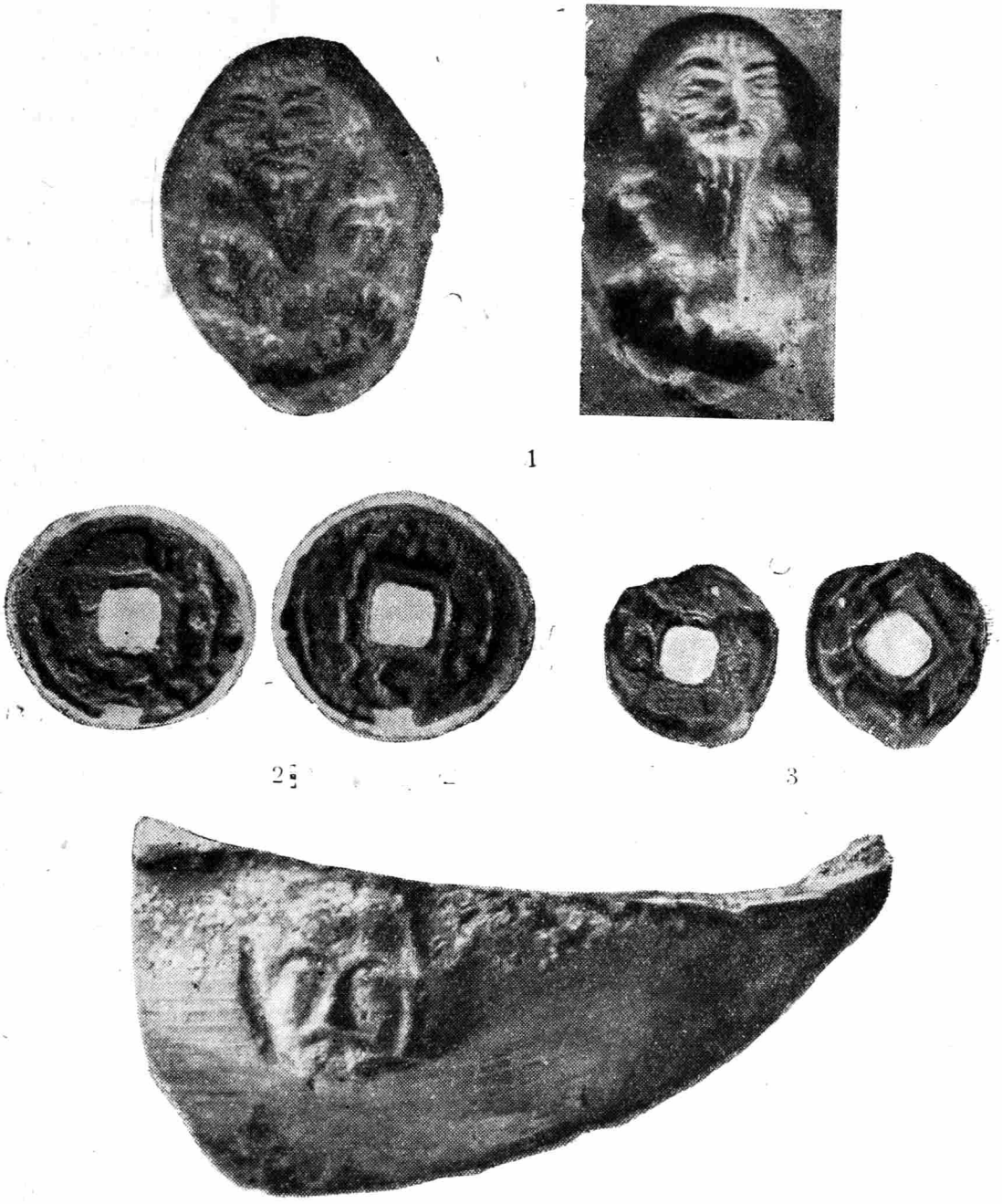

Рис. 45. Городище Кафир-Кала. Вещи из раскопок 1939 и 1940 гг.
1 — форма из сожженной глины и гипсовая отливка с нее, изображающая старика с булавой или чеканом в правой и с ножом в левой руке (раскоп № 2, кв. 16, глуб. 2,30 м), нат. вел.; *2* и *3* — бронзовая монета с согдийской надписью (раскоп № 1 1939 г., кв. 25, глуб. 3,90 м), нат. вел.; *4* — фрагмент сосуда с оттиснутым изображением лица человека. По плечикам посыпка слюдой (раскоп № 2, кв. 17, глуб. 2,40 м), нат. вел.

здесь квартал гончаров, от которого остался целый ряд печей с отвалами шлаков и бракованных изделий [1]. Среди последних обращает на себя вни-

[1] Раскопки производились экспедициями ИИМК АН в 1938 г. совместно с Самаркандским музеем, в 1939 г. с Гос. Эрмитажем, в 1940 г. с Институтом искусствознания Комитета по делам искусства при СНК УзССР. В последних раскопках под руководством автора приняли участие ст. научн. сотрудник Института искусствознания С. А. Судаков, директор Самаркандского музея А. Я. Каплунов и мл. научн. сотрудник Самаркандского музея П. В. Лифиренко.

мание значительное количество статуэток и штампов на стенках сосудов. Частично они опубликованы в упомянутых выше «Трудах Отдела Востока Эрмитажа» (табл. V, рис. 1, 2, 3, 4 и табл. VI, рис. 1, стр. 97 и 98) и в «Кратких сообщениях ИИМК» (вып. VI, рис. *3, д, е* и рис. 4, *е*, стр. 32). Экспедицией 1940 г. раскопки квартала гончаров были продолжены. Три раскопа на площади около 160 кв. м были доведены до лёссового материка. Толщина культурного слоя местами достигает двух метров. Слой перекрыт лёссовым наслоением метровой и более толщины. Культурный слой представляет собой отбросы керамического производства, состоящие из золы, шлаков, битой и бракованной посуды. Несмотря на значительные смещения некоторых слоев в районе раскопок, заставивших относиться осторожно к хронологической классификации материалов [1], мы, повидимому, можем уже говорить об одновременности всего слоя, который относится к VI—VII вв. н. э. Доказательством этому служит неоднократное нахождение согдийских монет, относящихся к VII в., в несомненно нарушенных слоях. На рис. 45, 3 представлена бронзовая монета, литая по китайскому образцу, с именем согдийского царя Вашумана, назначенного китайским императором в 50-х годах VII в. [2]. Другая монета (рис. 45, 2) найдена в непосредственной близости от первой. А. А. Фрейман читает на ней: «Урак — верховный маг царь» ('wrk prtr — m'wk' MLK'), причем ('wrk-o' uhro-a(h)uraka), с выпадением на согдийской почве «h». Совместное нахождение этих монет и одинаковые тамги на реверсах говорят об их хронологической близости. Найдены они в 1939 г., в раскопе № 1, на глубине 3.90 м, в самом низу ямы, заполненной отбросами гончарного производства [3]. Ввиду того, что монеты найдены в яме, весьма вероятно, что они относятся к концу жизни данного квартала. Согдийские монеты были неоднократно находимы и в раскопках 1938 и 1940 гг.; среди них следует упомянуть о монете согдийского царя Тархуна, царствовавшего до 710 г. (раскоп 2, 1940 г., на глубине 1.20 м, в самом верху культурного слоя).

Сравнительный анализ форм керамики показывает их чрезвычайную близость к формам так называемого сасанидского металла. Тут мы находим и блюда, и кувшины, и кружки, характерные для последнего [4]. Посыпка керамики слюдой, придающей сосудам блестящую серебристую поверхность, указывает на желание мастера подражать серебряным сосудам. Поверхность некоторых сосудов орнаментирована изображениями человеческих лиц, козлов, плодов и веток граната, пальметок и розеток, характерных для «сасанидского» металла. Важно отметить, что и техника изготовления их принципиально та же, что и в металле — это оттиски форм, которые приставлялись к поверхности еще сырого сосуда; посредством надавливания пальцем с внутренней стороны форма наполнялась глиной и на стенке сосуда получалось рельефное изображение. Целый ряд таких форм найден при раскопках на Кафир-кала. Они представляют собой глиняные оттиски с изображений, вырезанных на каком-то твердом материале, вероятно камне, так как на глине не могла быть достигнута характерная для них тонкость. На рис. 47, *2* представлена одна из таких форм и гипсовый оттиск с нее. Здесь изображено полное лицо мужчины, повернутое в три четверти. На голове его кудри, расчесанные пробором посредине. В правом ухе намечается длинная серьга. Тонкие брови имеют над переносицей характерный загиб кверху. Несколько раскосые глаза с отмечен-

---

[1] Г. В. Григорьев. Тали Барзу, стр. 98.

[2] О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах, ВДИ, 1939, № 1, стр. 116, сл.

[3] Наблюдение за раскопом вели Г. П. Савельев и В. А. Ильинская.

[4] Г. В. Григорьев. Тали Барзу, стр. 97, рис. 6, *ж, е*.

ными точкой зрачками имеют миндалевидную форму, концы тонких усов загибаются кверху. Изображение отличается свежестью и высокой художественностью. Бросается в глаза близость данного изображения к изображению лица на одной из тканей, найденных при раскопках П. К. Козлова в Северной Монголии (Ноин-ула) в 1925 г. Это изображение неоднократно издавалось, в последний раз оно было опубликовано в труде К. В. Тревер «Памятники греко-бактрийского искусства» (табл. 42). Здесь тот же овал лица, тот же поворот, те же черты лица и те же кудри и усы. Удивительно то, что хронологически сравниваемые вещи разделены по меньшей мере пятью столетиями, так как ткани относятся к последнему столетию до н. э., а наши вещи к VI—VII вв. н. э., что установлено как на основании монетных находок, так и на основании сравнения форм сосудов и техники выполнения орнаментации на них путем тиснения, что характерно для материалов только этого периода, происходящих из Самаркандского района (раньше, например, в эллинистический период, изображения на стенки сосудов налеплялись). С другой стороны, несомненно близки к нашему изображению и изображения в буддийских храмах Гандхары, где подобное же лицо, но иного стиля, представлено на статуе бодисатвы Авалакитешвара из Тахт-и-Бохаи. По мнению A. Le Coq лицо бодисатвы с тонкими усами указывает на индийский тип [1]. Отдельные черты, характерные для издаваемого изображения, мы видим и на изображениях из Турфана: тут те же характерные поворот головы в три четверти, безбородые, но с тонкими усами одутловатые лица с яйцевидным овалом, иногда та же трактовка бровей с загнутыми кверху на лоб внутренними концами [2]. Однако стиль этих изображений совсем иной: это уже мертвый трафарет. Датируются турфанские находки VI—VII вв. н. э.

На рис. 46, *2* представлена статуэтка, имеющая некоторые черты сходства с фигурами, вытканными на одной из ноинулинских тканей [3]. Прежде всего и здесь и там представлены верховые фигуры (конь у нашей статуэтки отбит, но следы соединения фигуры с конем сохранились). У сравниваемых изображений одинаковый характер безбородого и безусого лица с тяжелым подбородком. Лоб обрамлен волосами, разделенными пробором посредине (на ткани у левой фигуры видны волосы, разделенные пробором посредине, прикрытые шлемом). Одинаково трактована отделка борта кафтана на груди в несколько полосок, расширяющихся кверху. У нашей статуэтки, кроме того, в ушах серьги с подвесками в виде овальных пластинок, на которых изображены перегородки, образующие шестиконечную розетку.

Другой штамп (рис. 45) дает изображение старика с узкими раскосыми глазами, с резкими морщинами на щеках и лбу и редкой клиновидной бородой. В правой руке у него булава и чекан, а в левой, повидимому, нож. Этот штамп предназначался не для оттисков на стенках сосудов, а для изготовления статуэток, подобных тем, которые во множестве находятся в данном месте [4]. Статуэтки изображали обычно людей, сидящих верхом на животных: лошадях, баранах, козлах, коровах и др. (рис. 46, *3* и *4*). Большею частью здесь представлен молодой человек с тюркскими чертами лица (ср. рисунки в моих статьях: «Тали Барзу», табл. V, *3* и рис. 6, *з*; «Поселения Согда», рис. 3, *д*, а также у C. Trever. «Terracottas from Afrasiab», рис. 125). Но атрибуты у них в руках различные.

Тот же тюркский тип выступает и на оттисках штампа на фрагмен-

---

[1] A. Le Coq. Die buddhistische Spätantike in Mittel-Asien, т. I, 1922, табл. 3 текст. стр. 19 — A. Grünwedel Buddhistische Kunst in Indien. 1920, рис. 9.

[2] A. Le Coq. Ук. соч., т. VI, табл. XVI.

[3] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, табл. 40.

[4] Г. В. Григорьев. Тали Барзу, рис. 6, *з*.

Рис. 46. Городище Кафир-кала. Вещи из раскопок 1940 г.

1 — обломки сосуда с оттиснутым изображением лица старика (раскоп № 2, кв. 24, глуб. 2.10 м), 1/2 нат. вел., *2* — глиняная статуэтка, отломанная от коня (раскоп № 2, глуб. 2.30 м) нат. вел.; *3* — статуэтка всадника в остроконечном шлеме, сидящего на животном (раскоп № 2, кв. 15, глуб. 1.20 м), нат. вел., *4* — изображение телки с диадемой и короной на голове (всадник отбит) (раскоп № 3, кв. 8, глуб. 2.10 м) нат. вел.

тах сосуда, представленного на рис. 45, *4*. Подобное изображение известно нам из пятого «сасанидского» слоя Тали Барзу, где оно дано в сочетании с женской головой в короне, во множестве находимой в раскопках на городище Кафир-кала, а также на других городищах Самаркандского района [1].

Рис. 47. Городище Кафир-кала. Вещи из раскопа 1940 г.

1 — фрагмент сосуда с изображением женского лица (раскоп. № 2. кв. 31—32, гл. 2.40–2.50 м) нат. вел., 2 — форма из обожженной глины (слева) и гипсовый оттиск с нее (справа) (раскоп № 2, кв. 9, глуб. 1.40 м) нат. вел.

Если можно сомневаться в тюркском типе лица, изображенного на штампе, описанном выше (рис. 47, *2*), то, несомненно, не тюркский тип дает нам небольшой фрагмент с оттиском лица старика (рис. 46, *1*). Со-

[1] Г. В. Григорьев. Тали Барзу, табл. VI, рис. 1 и 2.

вершенно неожиданное и уникальное изображение, исполненное с огромным художественным мастерством, поражает реализмом и тонкостью своего исполнения. На нем переданы даже волоски бровей. Тонкие завитки волос, обрамляющие лысину, пряди бороды и усов даны с исключительной живостью. Характерный раздвоенный выпуклый лоб с поперечными морщинами, сухое лицо, большой нос и крупные, тонко отделанные глаза даны с экспрессией, не уступающей лучшим образцам античного медальерного искусства. Повидимому, лишь каким-то грубым подражанием данному является изображение на ручках серебряных сосудов, хранящихся в Эрмитаже [1], где представлен тот же старик, в том же повороте, с лысиной, бородой и усами, с ритоном в руке. Характерно, что у сравниваемых изображений одинаковые серьги с подвесками. Того же старика в двуликом изображении мы видим на ручке третьего сосуда, хранящегося в Эрмитаже, где лица даны в профиль [2]. При одинаковой фабуле, художественное выполнение нашего изображения неизмеримо выше.

Характерно, что по поводу изображения лысого старика К. В. Тревер говорит: «Головы эти аналогий в кругу сасанидских памятников не имеют, но заставляют вспомнить относящиеся к греко-бактрийскому периоду терракоттовые головки из Афрасиаба (№ 44 и 194) [3], а также голову Геракла на чаше со свадебным пиром (табл. 20, № 16) и голову Геракла на монетах Евтидема» [4].

Вероятно, наше изображение имеет связь с упомянутым у К. В. Тревер изображением лысого старика (№ 44), повидимому Силена, но, конечно, ничего общего с Гераклом, кроме бороды, не имеет.

В коллекциях из Восточного Туркестана (Хотан) имеются аналогии нашему изображению. Так, в цитированном труде A. Le Coq приведен сосуд из красновато-коричневой глины (т. VI, табл. 45), на стенках которого штампом дан ряд изображений. Между ними одно (рис. 48) описывается автором в следующих словах: «Короткая, полная фигура сидит в неуклюже-комической позе; в правой руке держит она античный ритон в виде головы быка с длинными расходящимися рогами, в левой полукруглый сосуд. Это изображение спутника Диониса, хорошо известное античное божество Силен» [5].

Повидимому, деталью этого изображения и является лицо старика из Кафир-калы. В художественном отношении оно стоит, конечно, выше хотанского, но черты у них общие. Здесь почти одинаковый поворот лица, лысина, обрамленная волосами, серьга в ухе, борода и пышные усы.

Оно восходит к гандхарскому изображению одного из «девата» среди бесчисленных божеств буддийского пантеона [6].

При раскопках квартала гончаров было найдено много гончарных печей. Остатки четырех печей были обнаружены и в 1940 г. При этом посчастливилось обнаружить печь, у которой под обрушился во время об-

---

[1] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, табл. 52 и 53.— Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. LXIV, рис. 109; табл. LXV, рис. 110.

[2] К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 56.— Я. И. Смирнов. Ук. соч., табл. LXVII, рис. 114. По поводу перечисленных изображений автор говорит: «...гравированные растительные орнаменты... явно исключают возможность наименования их сасанидскими, а, между тем, литые ручки кубков украшены характерными «сасанидскими головами пьющих персов» (стр. 7, 8).

[3] C. Trever. Terracottes from Afrasiab.

[4] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 113.

[5] Ук. соч., стр. 29. Дата, по словам автора, неизвестна, возможно, что сосуд относится к периоду до шестисотых годов н. э.— F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, 1923, рис. 19, стр. 18.— A. Pope. A survey of Persian Art., т. IV, 1938, табл. 186.

[6] A. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien, 2-е изд., 1920, рис. 34, *I*, стр. 85—86; о «devata», стр. 47.

жига керамики. Найдено значительное количество почти целых сосудов, главным образом кувшинов, поверхность которых посыпана слюдой, фрагменты кружек, тарелок (типа «сасанидских» блюд) и т. д.

Но самой замечательной здесь была находка почти целого кувшина, под горлышком которого налепом изображено лицо человека (рис. 49). Диадема на лбу, большие глаза и нос, характерная бородка, прямые усы, уши и серьги в них, все это не оставляет сомнения в том, что перед нами то же изображение, что и на оссуарии, изданном Н. И. Веселовским [1].

В непосредственной близости от этой печи, в слое отбросов гончарного производства были найдены фрагменты другого сосуда, но уже с женским лицом (рис. 47, *1*). Подобное изображение венчает крышку оссуария, хранящуюся в Самаркандском музее, найденную в кишлаке Тайляк [2].

Рис. 48. Изображение Силена на сосуде из Хотана

Последние изображения резко отличаются от всех других, находимых на Кафир-кале. Только раз была найдена (в 1938 г.) статуэтка, лепленная от руки, с теми же характерными чертами, что и на кувшине-оссуарии,— диадема, большой нос, бородка, прямые усы. На городище Тали Барзу подобные статуэтки появляются в слое IV, относящемся, примерно, к концу I ст. до н. э. Подобные конные статуэтки находимы были в этом слое неоднократно (ср. Тали Барзу, табл. IV, рис. 1). Если все остальные статуэтки, находимые на городищах Согда, сделаны штампом, то только этого типа статуэтки сделаны всегда от руки. Объяснить причину этого я затрудняюсь. Появляются они в раннекушанский («юечжийский» или «сакский») период и доживают до мусульманского завоевания.

При исследовании материалов из Кафир-калы можно сделать ряд интересных наблюдений. Прежде всего на изображениях бросается в глаза сосуществование двух этнических типов. Как мы видели выше, здесь имеется, во-первых, ярко выраженный тюркский тип, во-вторых — арийский. Их существование на данной территории вполне закономерно, если учесть, что аборигенами были арийцы, но в стране постоянно появлялись новые народы. Этническое происхождение некоторых из них до настоящего времени еще не выяснено, но во всяком случае определенно известно, что в VI в. здесь появились тюрки.

Вопрос о назначении статуэток, повидимому, уже в основном разрешен Н. И. Веселовским, который говорит, что это не игрушки, как их склонны были объяснять некоторые исследователи, а ритуальные изобра-

---

[1] Зап. Вост. отд. РАО, т. XVIII, вып. I, табл. (1) VI, рис. 2.

[2] М. Е. Массон. Находка скульптурного карниза первых веков н. э. Матер. Узкомстариса, вып. I, прим. 11.

жения, так как они встречаются на оссуариях [1]. С этим мнением приходится согласиться, так как действительно мы их видим на оссуариях и, кроме того, на сосудах, где они служат апотропеями. Отдельные конные статуэтки могли служить онгонами и связываться с культом предков, весьма распространенным в Средней Азии в это время [2].

И наконец, важнейшим является вопрос о месте Согда в искусстве, а вместе с тем и вообще в культуре Передней и Центральной Азии. В ахеменидский и греко-бактрийский периоды Согд не отделим от Бактрии. Амударьинский клад, айритамские фризы, ряд греко-бактрийских монет, предметы торевтики, недавно собранные и исследованные К. В. Тревер, в известной части могут в той или иной мере связываться с искусством Согда. В частности ноинулинские ткани, имеющие также яркие параллели в нашем материале, могли быть сделаны на территории Согда, тем более, что в этот именно период начинается расцвет согдийской торговли [3]. Первоначально родиной ноинулинских тканей считалось Северное Причерноморье и относились они к IV в. до н. э., но затем их дата была уточнена, и К. В. Тревер весьма убедительно доказала их греко-бактрийское происхождение [4]. Но надо иметь в виду, что указанная выше работа К. В. Тревер является лишь первым шагом в деле исследования греко-бактрийского искусства. Как отмечает и сам автор, памятники, объединенные ею под именем греко-бактрийских, отличаются большим разнообразием стилей [5]. Это вполне закономерно, если учесть, что греко-бактрийское государство объединяло огромное пространство, в которое входила почти вся Средняя Азия, Афганистан и Северная Индия. Народы, населявшие эти географически разобщенные территории, имевшие каждый свою культуру, несомненно, изготовляли вещи по-разному, каждый в своем стиле, и теперь пе-

Рис. 49. Городище Кафир-кала. Сосуд с изображением мужчины. Из завала в гончарной печи (раскоп № 2). Выс. сосуда — 27 см.

[1] ЗРАО, 1887, стр. CIII.
[2] Иакинф, III, стр. 196 и 197.
[3] Иакинф, III, стр. 16—32.— H. Reichelt. Die sogdischen Handschriften reste des Britischen Museums, ч. II, стр. 6.— Ф. А. Розенберг. Согдийские «старые письма». ИАН, 1932, № 5, стр. 458 сл.
[4] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 146. Раньше К. В. Тревер говорила лишь о влиянии греко-бактрийского искусства, отмечая, что ткани были сделаны в Монголии. Сообщ. ГАИМК, 1933, № 9/10, стр. 45.
[5] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 42.

ред нами стоит задача углублять исследование, локализуя памятники по более узким территориям.

Повидимому в Согде мы будем иметь один из центров, где художественная промышленность достигла высокого развития и влияла в свою очередь на окрестные страны.

Наличие в Согде исходных форм ряда серебряных сосудов, находимых на Урале, которым нет параллелей в сасанидском Иране, говорит о непосредственных связях Согда с Уралом. Кроме сосудов, подобных тем, на ручках которых представлено изображение лысого старика, в материалах на Урале обращает на себя внимание кувшин, найденный в б. Вятской губ. и хранящийся в Эрмитаже [1]. Его форма вполне совпадает с формой нашего сосуда, представленного на рис. 48 [2], и не оставляет сомнения в своем согдийском происхождении. Точно такой же сосуд найден в Северной Киргизии в селе Покровском в 1923 г. [3]; он также несомненно согдийского происхождения, тем более, что вместе с этим кувшином найдены еще чашечка и блюдо, формы которых во множестве представлены в материалах Кафир-калы и других городищ Согда VI—VII вв. н. э.

Ноинулинские ткани, возможно, свяжут Согд с Монголией, куда согдийские вещи могли попадать, так как, по свидетельству письменных источников, во II и I вв. до н. э. в Согде получила большое развитие торговля и согдийские караваны стали доходить до Китая [4]. Возможно, что торговая связь была и с Монголией.

Влияние Согда на культуру Восточного Туркестана и тесная культурная связь этих районов уже отмечены в науке [5] и подтверждаются нашими материалами.

Г. В. Григорьев

ОБ ОДНОМ РАННЕСАМАНИДСКОМ ФЕЛЬСЕ

(Из ранней истории Саманидского дома)

Весной 1943 г. проф. И. П. Петрушевский любезно предоставил мне для определения монету с куфической надписью. Монета оказалась весьма интересным раннесаманидским фельсом.

Монета медная, повидимому с примесью железа, как это встречается на саманидских фельсах. Вес ее — 4.34 г. Монета хорошей сохранности. Надписи на полях и легендах аверса и реверса читаются хорошо, не имеется ни одной стертой или иначе пострадавшей буквы.

В аверсе, в поле мы читаем: لا اله الا الله وحده لا شريك له

В аверсе, в легенде — بسم الله ضرب هذا الفلس بالشاش
سنة خمس و ستين و مائتين

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. LXVIII, № 124.— К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 111, рис. 10.

[2] Профиль этих сосудов см. Г. В. Григорьев. Тали Барзу, рис. 6, с

[3] В. Городецкий. Серебряные сосуды из курганов села Покровского. Пишпекского уезда. Изв. Ср.-Аз. комитета по охране памятников старины, 1926., вып. 1, рис. 4.— К. В. Тревер. Ук. соч., табл. 34.

[4] Иакинф, ч. III, стр. 22, где говорится о стране «от Давани (Ферганы) на запад до Анси (Парфии)», т. е. о Согде.

[5] Ф. А. Розенберг. О согдийцах. Зап. коллегии востоковед., 1925, т. I, стр. 81, сл.— В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. Изв. РАИМК. 1922, т. II, стр. 375—376. В последнем труде выражение «сасанидский Иран» надо понимать условно, так как между Ираном и Восточным Туркестаном в настоящее время выдвигается Согд.

В реверсе, в поле мы читаем:

لا اله
محمد رسول الله
يعقوب بن احمد

В реверсе, в легенде —

ارسله بالهدى و دين الحق
ليظهره على كله و لو كره المشركون

В легенде этой мастер, чеканивший монету, не мог уместить всего коранического стиха (9 стих 61-й суры) и пропустил слова محمد رسول الله, вследствие чего и начал прямо со слова ارسله

В переводе на русский язык весь текст монеты мы читаем:

В аверсе, в поле — «Нет божества, кроме Аллаха, он един, нет товарища у него».

В аверсе, в легенде — «Во имя Аллаха, бит этот фельс в Шаше в 265 г. (хиджры)».

В реверсе, в поле — «(Слава) принадлежит Аллаху. Мухаммед посланник Аллаха. Якуб ибн Ахмед».

В реверсе, в легенде — «(Мухаммед, посланник Аллаха) послал его (Аллах) с указанием истинного пути и истинной верой, чтобы он объявил ее всем, сколько бы ни питали отвращения к ней язычники».

В нумизматической литературе, насколько мне известно, не отмечался фельс с именем Якуба ибн Ахмеда, хотя лицо это названо у Мирхонда среди семи сыновей Саманида Ахмеда ибн Асада, правившего Ферганой. Как мы увидим ниже, у Нершахи в связи с описанием борьбы братьев Насра и Исмаила мимоходом упомянут и Якуб ибн Ахмед, как правитель в Шаше.

Зная, что в Эрмитажном собрании не имеется фельса с именем Якуба ибн Ахмеда, я обратился к богатому нумизматическому собранию Музея истории и искусств Узбекистана. В средней Азии, в частности в Ташкенте, картина должна быть другая. Здесь должны чаще находиться медные саманидские монеты, поскольку они совсем не вывозились из страны — ни в качестве денег, ни в качестве товара. Мои ожидания, хотя и не вполне, но оправдались; я встретил в нумизматическом разделе Музея довольно большую коллекцию фельсов, в том числе и раннесаманидских. Среди последних мне удалось найти и одну монету из той же серии фельсов с именем Якуба ибн Ахмеда.

Фельс этот весом — 3.69 г. По величине он чуть меньше предыдущего. По сохранности он уступает фельсу 265/878—879 г. Имеется много потертых букв. Фельс этот также бит в Шаше, и также датирован 265/878—879 г. [1].

Оба фельса одного года с именем Якуба ибн Ахмеда заслуживают особого внимания. Во-первых, они определенно указывают, что в Шаше существовал в качестве правителя Якуб ибн Ахмед ибн Асад ибн Саман, чем и подтверждается мимоходом оброненное замечание Нершахи о том, что Наср ибн Ахмед — правитель Самарканда — написал письмо к своему брату Якубу. Во-вторых, фельсы эти вместе со всей совокупностью остальных ранних саманидских фельсов, рассмотренных в связи с известиями восточных авторов, дают возможность пролить новый луч света на историю ранних саманидов в период от Нуха ибн Асада и до Исмаила ибн Ахмеда, т. е. от 204/819 г. и до 279/892—893 г.

Позволю себе прежде всего составить таблицу раннесаманидских фельсов до 272 г. хид., как они нам известны по собраниям Государственного Эрмитажа и Музея истории и искусств Узбекистана [2].

---

[1] Прочесть слово, обозначающее цифру 5 в данном экземпляре, помог мне проф. М. Е. Массон, за что и выражаю ему свою признательность.

[2] Таблица составлена по раннесаманидским правителям, с отметкой места хранения Э.— Эрмитаж, Т.— Музей истории и искусств Узбекистана в Ташкенте.

Древнейшая из известных нам саманидских монет — фельс—

1. Нуха ибн Асада — место чекана неизвестно — 203 г. хид. или 206 г. хид.? (хранился в собрании Poto, описан Френом 1813 г.)

Ахмед ибн Асад (204—250/819—864)

2.	Самарканд	— 244	Э.	
3.	»	»	Э.	другая матрица
4.	»	»	Т.	
5.	»	»	Т.	
6.	»	245	Э.	
7.	»	»	Э.	другая матрица
8.	»	»	Э.	»
9.	»	»	Э.	»
10.	»	»	Э.	»
11.	»	»	Т.	
12.	»	»	Т.	
13.	»	»	Т.	
14.	»	245	Т.	
15.	»	»	Т.	
16.	»	»	Т.	
17.	»	»	Т.	
18.	»	»	Т.	
19.	Ахсикет	247	Э.	
20.	Самарканд	25(?)	Т.	

Всего:
Эрм. — 8
Таш.—11

Наср-ибн Ахмед 250—279/864—892-93

21	Самарканд	253	Э.	
22	»	»	Э.	другая матрица
23	Шаш	254	Э.	
24	»	»	Т.	
25	»	255	Э.	
26	Самарканд	256	Э.	
27	»	»	Т.	
28	»	»	Т.	
29	»	»	Т.	
30	»	»	Т.	
31	»	»	Т.	
32	»	265	Э.	
33	Шаш	265(?)	Э.	
34	»	266	Э.	
35	Самарканд	»	Э.	
36	»	268	Э.	
37	»	270	Э.	
38	»	271	Э.	
39	»	»	Э.	другая матрица
40	»	»	Э.	другая матрица
41	»	271	Т.	
42	Самарканд	271	Т.	
43	»	»	Т.	
44	»	272	Э.	
45	»	»	Э.	
46	»	»	Э.	другая матрица
47	Шаш	»	Э.	
48	Самарканд	»	Т.	
49	»	»	Т.	
50	»	»	Т.	
51	»	»	Т.	
52	»		Т.	

Всего:
Эрм. —18
Таш. —14

Якуб ибн Ахмед

53	Шаш	265	Частн. собр.
54	»	265	Т.

Даже беглого просмотра составленной таблицы достаточно, чтобы сделать следующие выводы.

1. От Нуха ибн Асада пока дошла до нас только одна, но чрезвычайно важная монета 203/818—819 или 206 г. хид./821—822.

2. От Ахмеда ибн Асада дошло зарегистрированных до сих пор 19 фельсов, причем 18 из них бито в Самарканде Четыре из них датировано 244 г. хид. 858—859. 13 фельсов из них имеют дату 245 г. хид./859—860 и один из них 25(?) г. хид.

3. От Яхьи ибн Асада не дошло еще ни одной монеты, причем не решен вопрос: бились ли монеты от его имени?

4. От Насра ибн Ахмеда пока зарегистрировано 32 фельса. Из них 26 бито в Самарканде.

2 монеты		—253 г.	хид./867
5	»	—256	» /869—870
1	»	—262	» /875—876
1	»	—265	» /878—879
1	»	—266	» /879—880
1	»	—268	» /881—882
1	»	—270	» /883—884
6	»	—271	» /884—885
8	»	с датой 272	» /885—886

6 из фельсов Насра ибн Ахмеда бито в Шаше.

Из них 2 — 254/866, одна 255/868—869, одна 265(?)/878—879, одна 266/879—880 и одна 272/885—886.

От Якуба ибн Ахмеда сохранилось две зарегистрированных монеты, обе биты в Шаше в 265/878—879.

Таким образом, преобладает самаркандский чекан. Из 54 монет 44 бито в Самарканде, только 8 в Шаше, одна монета в Ахсикете и одна неизвестно где. Характерно, что с именем Ахмеда ибн Асада не имеется ни одной монеты шашского чекана.

Я не собираюсь в настоящей заметке вновь ставить вопрос о происхождении династии Саманидов. Окрестности Балха или окрестности Самарканда были родиной их предка Самана, отца Асада, хотя, повидимому, данные ал-Макдиси и Якута о том, что они принадлежали к землевладельческой знати, имевшей родовые владения в окрестностях Самарканда, должны больше привлечь к себе внимания, чем до сего времени. Мне предста-

вляется более существенным рассмотреть вопрос: какова была роль в управлении Средней Азией членов династии Саманидов в тот период, когда Хорасан и Мавераннахр оторвались от халифата и стали огромным владением могущественного дома Тахиридов, т. е. в течение полувека от 821 до 873 г.? Источником для этого важного вопроса являются, с одной стороны, весьма скудные известия арабских и персидских историков X—XV вв., с другой — монеты, в данном случае медные монеты, фельсы, поскольку Саманиды до Исмаила, да еще до 273/886—887 г. [1] права чеканить дирхемы не имели. Роль фельсов как источника в этом вопросе весьма существенна.

О раннем периоде Саманидов имеются ценные замечания Defrémery в его нескольких примечаниях к переводу Мирхондова отрывка из Раузат ас-сафа о Саманидах [2]. Несколько продвинул вопрос В. Тизенгаузен в своей книге «О саманидских монетах» [3]. Больше всего нового внес В. В. Бартольд. Я имею в виду те 1½ страницы его «Туркестана», которые он посвятил первым Саманидам [4]. Мы имеем три, хотя и очень кратких, но более подробных, чем у других авторов, рассказа о начале правления в Средней Азии династии Саманидов.

Первый рассказ Нершахи относится в основной своей части к середине X в., хотя не лишен неточностей. Второй рассказ Гардизи середины XI в., третий — Мирхонда — относится ко второй половине XV в., хотя и взят явно из более раннего источника. Следуя этим рассказам, мы получим краткую, но достаточно выразительную картину. Саман, предок Саманидов, выдвинулся в Мерве, когда там жил в качестве наместника Хорасана сын Харун ар-Рашида ал-Мамун, покровительствовавший иранско-согдийской знати, в противовес своему брату Амину, ориентировавшемуся целиком на арабов. Из рук ал-Мамуна Саман принял ислам и порвал с зороастризмом. Большое внимание ал-Мамун оказал и его сыну Асаду. У Асада было четыре сына — Нух, Ахмед, Яхья и Ильяс. В 806 г. в Средней Азии произошло большое восстание против халифата. Восстание это в какой-то мере продолжало традиции движения Муканны, «людей в белых одеждах». Охватило оно Несеф, Фергану, Усрушану, Шаш, Бухару, Хорезм и другие районы. Особенно деятельное участие в восстании принимали жители Шашской области, где было много скрывавшихся после разгрома Муканны «людей в белых одеждах». Даже тюрки пришли на помощь восстанию. Во главе его встал мятежный арабский военачальник Рафиа ибн Ляйс. Он захватил Самарканд и укрепил его. Ал-Мамун и его отец халиф Харун ар-Рашид поняли всю опасность восстания и направили на его подавление Харсаму ибн Аюна. По словам Нершахи, деятельное участие в ликвидации этого движения приняли упомянутые братья, сыновья Асада — Нух, Ахмед и Яхья. По словам Нершахи, они уговорили Раифа ибн Ляйса заключить мир [5]. Восстание было разгромлено в 810 г. Ал-Мамун особенно оценил эту услугу молодых Саманидов. Когда он покидал Мерв, чтобы переехать совсем в Багдад, а это произошло, согласно ал-Якуби [6], в сафаре 204 г. августе 819, он назначил правителем Хорасана и Мавераннахра некоего Гассана ибн Аббада. Последний был недолго здесь наместником в конце 204/819 г. и несколько месяцев в 205/820 г. Таковы данные ал-Якуби [7] По словам Хамзы Исфаханского, Гассан ибн

---

[1] Год этот несколько условен. Древнейший саманидский дирхем из дошедших до нас дирхемов хранится в Музее истории и искусства Узбекистана.

[2] См. Mirkhond. Histoire des Samanides trad. par Defrémery, стр. 225, сл.

[3] Тр. Вост. Отд. Арх. общества, ч. I, 1855.

[4] В. В. Бартольд. Туркестан, II.

[5] Нершахи, изд. Schefer, стр. 74—75.

[6] BGA, VII, стр. 307.

[7] Там же.

Аббад был назначен наместником Хорасана, Седжестана, Дермана, Джурджана и Табаристана в 203//818—819 г. и оставался им два года [1]. Таким образом, согласно Хамзе Исфаханскому, Гассан ибн Аббад был назначен на год раньше, чем это рассказано у ал-Якуби в его главе о наместниках Хорасана. Передавая Хорасан в руки нового наместника, халиф ал-Мамун просил его особое внимание обратить на дом Саманидов, на четырех сыновей Асада. По словам Гардизи, выполняя волю ал-Мамуна, Гассан ибн Аббад вскоре передал Нуху ибн Асаду Самарканд, Ахмеду ибн Асаду — Фергану [2], Яхье ибн Асаду — Шаш и Усрушану [3], Ильясу — Герат. Согласно ибн ал-Асира [4], пожалование состоялось в 204/819—820 г.

Таким образом, из письменных источников видно, что 204/819—820 г. Саманиды могут считать началом своей власти в Средней Азии.

Обратимся теперь к монетным данным. Наиболее ранний фельс из дошедших до нас — фельс Нуха ибн Асада. К сожалению, этот ценнейший монетный исторический документ дошел до нас в истертом виде. В легенде в аверсе нельзя прочесть места чекана фельса. Знаменитый Френ ознакомил ориенталистов с ним уже в 1813 г. в своем сочинении Numophylacium Orientale Potatianum, изданном в Казани. Френ читает дату на этом фельсе — 206 г. хид. В. Тизенгаузен допускает и другое чтение — 203 г. [5] Повидимому чтение Френа более правильно. Если на фельсе стоит не 206, а 203 г., то тогда надо будет не только отвергнуть сведение Ибн ал-Асира о пожаловании Саманидам областей Средней Азии в 204/819—820 г. (в этом, впрочем, ничего особенного не было бы), но отвергнуть также и указание ал-Якуби о назначении Гассана ибн Аббада в 204/819—820 г. наместником Хорасана (вспомним, что Хамза Исфаханский дает для этого 203/818—819 г.). К сожалению, пока чтение даты на фельсе Нуха ибн Асада (203 или 206 г.) окончательно не установлено, нужно оставить 204/819—820 г. как начальный для установления власти Саманидов в Средней Азии, памятуя, что не исключена возможность передвижки начальной даты на один год назад.

Вернемся, однако, к упомянутым выше четырем братьям. Гассан ибн Аббад был отставлен ал-Мамуном в 205/820—821 г. На его место был направлен Тахир ибн Хусейн, известный основатель Тахиридской династии. Одним из первых актов Тахира было подтверждение пожалования, данного его предшественником четырем братьям. Тальха ибн Тахир (822—828) также проявил внимание к Саманидам и оставил их на местах. Небезинтересна одна деталь. Ал-Мамун при Тальхе в качестве как бы соналестника выдвинул Ахмеда ибн Халида — военачальника, дружески расположенного к Тальхе. Ахмед ибн Халид, отправляясь из Мерва в Мавераннахр, Усрушану и Фергану, также подтвердил это пожалование. Нам хорошо известен поход Ахмеда ибн Халида в Усрушану и Фергану В обеих этих областях явно ощущалась враждебность к халифским наместникам. Усрушану надо было еще покорить, а что касается Ферганы, то там вспыхнуло настоящее восстание против Ахмеда ибн Асада, горячо поддержанное всеми немусульманскими элементами. Ахмед ибн Халид покорил Усрушану и усмирил Фергану. Вынужденный ее покинуть, Ахмед ибн Асад получил возможность возвратиться в отведенную ему область.

Попробуем теперь представить себе, что являла собой власть четырех братьев в отведенных им областях и сколько времени каждый из них пробыл на своем посту.

---

[1] Хамза Исфаханский, стр. 145.
Нершахи рассказывает, что Ахмеду был пожалован Мерв. Изд. Schefer, стр. 75.
[3] Мирхонд — Defrémery, персид. текст, стр. 2; Гардизи, изд. Nazim, стр. 20.
[4] Ибн ал-Асир. Изд. Tornberg; Defrémery, в прим. 2 на стр. 225.
[5] В. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ТВО, I, стр. 83.

У Самани [1] сохранились точные даты смерти каждого из братьев.

1. Нух ибн Асад в Самарканде — 204—227/819—820 — 841—842 гг.

2. Ахмед ибн Асад в Фергане — 204—250/819—820 — 864—865 гг. Наиболее поздний из дошедших до нас фельсов с его именем 25(?) г. хид, наиболее ранний — 244 хид.

3. Яхья ибн Асад в Шаше и Усрушане — 204—241/819—820—855—856 гг.

4. Наср ибн Ахмед 250—279/864—892—893 гг. Наиболее ранний фельс с его именем — 253/867 г. Наиболее поздний фельс — 272/885—886 г.

По словам Гардизи [2], наиболее способным в делах из братьев оказался Ахмед ибн Асад; он прекрасно ориентировался в конкретной обстановке, был человеком очень энергичным и умел весьма ловко использовать обстановку для себя и своих сыновей.

По тому времени назначение наместником было по сути дела пожалованием. И едва ли Мирхонд в своем рассказе очень модернизирует, когда передачу Ахмедом ибн Асадом Самарканда своему сыну Насру формулирует, как ازانی دشاب, т. е. пожаловал [3].

Если мы вчитаемся в очень скудные, правда, сведения о поведении Нуха, Ахмеда и Насра ибн Ахмеда, то увидим, что эти подчиненные Тахиридам наместники 2-го разряда, имевшие право чеканить только медную монету (фельсы), были у себя на местах фактически весьма сильными правителями, собиравшими ополчения, ходившими в походы, воевавшими не только с неверными, но и друг с другом. Занятые делами Хорасана и других областей Ирана, Тахириды не мешали братьям расти, увеличивать свое влияние и богатство. В те времена, когда жаловали столичный город, то вместе с ним переходила в ведение правителя и связанная с этим городом область. По словам ибн Хордадбеха, «амал» (область) Нуха ибн Асада составлял только часть Согда [4], который тогда по размерам своим, повидимому, охватывал долину Зеравшана от Кермине до Пянджикента. В целом весь Согд, считая и владения Нуха ибн Асада, выплачивал податей в казну халифа через Тахиридов 326 тыс. дирхемов [5], в то время как Фергана Ахмеда ибн Асада вносила всего 280 тыс. дирхемов мухаммедийских [6]. Что же касается Чача и Усрушаны, переданных Яхье ибн Асаду, то первый вносил 607 тыс. дирхемов мусабийских (мусаииабских), а вторая 50 тыс. дирхемов, из них 48 тыс. мухаммедийских и 2 тыс. мусабийских (мусаииабских). Хотя, судя по взносам, область Яхьи ибн Асада была наиболее богатая, однако главным владением и центром раннесаманидской власти был Самарканд Нуха ибн Асада. Насколько тогда, т. е. в первой половине IX в., высоко стоял экономический и политический авторитет Мавераннахра, видно из интересной переписки, которая была между ненавидящим Тахиридов халифом Мутасимом (833—842), Абдаллахом ибн Тахиром (830—844) и Нухом ибн Асадом (819—841). По словам ал-Истахри, халиф ал-Мутасим написал Абдаллаху ибн Тахиру письмо, в котором явно заключалась угроза. Имелась в виду, конечно, независимая от Багдада политика этого талантливого и могущественного Тахирида. Абдаллах ибн Тахир переслал письмо Нуху ибн Асаду в Самарканд. Тот прочел его и послал Абдаллаху ибн Тахиру ответ, в котором указывал, что в состав Мавераннахра входит 300 тыс. селений (карьят) и что

[1] См. В. В. Бартольд. Туркестан. ч. I, Тексты, стр. 58.

[2] Гардизи. Изд. M. Nazim, стр. 20.

[3] Mirkhond. Histoires des Samanides, 2.

[4] BGA. VI, стр. 38.

[5] Там же. Повидимому, здесь имеются в виду дирхемы мухаммедийские, поскольку несколько ниже (стр. 38) ибн Хордадбех говорит, что Согд со всеми от него зависимыми районами, а также с рудниками Буттама, соляными рудниками Кеша, податью Кеша, Несефа и Буттама выплачивал 1 089 тыс. дирхемов мухаммедийских.

[6] Там же.

из каждого селения выходит один конный и один пеший воин [1]. Иначе говоря, Нух ибн Асад написал, что бояться халифа нет оснований, ибо один только Мавераннахр (а по Ибн Хаукалю, Мавераннахр и Хорасан) может выставить 600 тыс. войска ополченцев, в которое входят 300 тыс. пехоты и столько же всадников.

Что Нух ибн Асад был в военном отношении достаточно сильным правителем, видно хотя бы из того факта, что в 225/839—840 г. (т. е. за два года до своей смерти) Нух ибн Асад ходил в большой поход против исфиджабского владетеля. По словам ас-Самани он подчинил себе Исфиджаб [2]. Так как Яхья ибн Асад, владевший Шашем (Чачем), был в некоторой зависимости от него и так как он более Нуха ибн Асада нуждался в ослаблении своего исфиджабского тюркского соседа-владетеля, то нельзя сомневаться, что кроме войска Нуха ибн Асада в походе на Исфиджаб принимало участие и ополчение Яхьи ибн Асада. Походу этому Нух ибн Асад придавал очень большое значение, так как тюрки со стороны Семиречья сильно нажимали на культурные области Шаша. По словам ал-Балазури, Нух ибн Асад в Исфиджабе приказал выстроить большую укрепленную стену против кочевников и этим отгородить поля и виноградники от их набегов и разграблений. Следует напомнить, что в это время, т. е. в 30—40 годах IX в. кочевники-тюрки со всех сторон нажимали на культурные области Средней Азии. Ведь именно к этому времени относится построение укрепленных рибатов Афравы и Дихистана (Мешхед и Мисриян) против кочевников [3] — тюрок гузов. Тогда же против последних Абдаллах ибн Тахир отправил с войском в поход своего сына Тахира. Не исключена возможность, что оба эти похода — поход Нуха ибн Асада и поход Тахира ибн Абдаллаха — были согласованы с могущественным и мудрым Абдаллахом ибн Тахиром.

Хотя Нух ибн Асад развернул, повидимому, энергичную деятельность, однако не он, а его брат Ахмед заложил в первый период истории Саманидской династии фундамент их будущего могущества. Выше мы уже приводили мнение Гардизи о том, что он был наиболее способным из братьев. Не малую роль сыграло и то обстоятельство, что он был правителем свыше 40 лет, с 819—820 по 864—865 гг. По словам Мирхонда, у Ахмеда ибн Асада было семь сыновей — Наср, Якуб, Яхья, Асад, Исмаил, Исхак и Хамид [4]. Мирхонд рассказывает, что после смерти Нуха ибн Асада Тальха ибн Тахир передал Самарканд с областью двум братьям Саманидам — Яхье и Ахмеду. В этом сообщении имеется фактическая ошибка. Нух ибн Асад умер в 841 г., в чем сомневаться не приходится, ибо по другому источнику он еще в 840 г. ходил походом на Исфиджаб. Тальхи же в это время не было в живых, он умер в 828 или в 830 г. Следовательно, передача Самарканда в руки Яхье ибн Асаду и Ахмеду ибн Асаду состоялась по распоряжению не Тальхи, а Абдаллаха ибн Тахира. Акт этот носил в политическом отношении половинчатый характер и мог породить только одни недоразумения. Так оно фактически и произошло. Ахмед ибн Асад повел кампанию против Яхьи и через некоторое время добился у Тальхи (читай: Абдаллаха ибн Тахира!) передачи Самаркандского владения своему сыну Насру. Произошло это, повидимому, еще до смерти Яхьи ибн Асада, т. е. до 855—856 гг.

На отношения Ахмеда ибн Асада к Самарканду некоторый свет про-

---

[1] BGA, стр. 291. Это место с некоторыми изменениями повторено у Ибн Хаукаля, где указывается, что 300 тыс. селений — в Хорасане и Мавераннахре, а не в одном только Мавераннахре (BGA, II, стр. 340).

[2] См. В. В. Бартольд, Туркестан, ч. I. Тексты, стр. 58.

[3] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 16, с ссылкой на Белазури, стр. 431.

[4] Мирхонд — Defrémery, Histoire des Samanides, перс. текст, стр. 2.

ливают нумизматические данные. Из 19 фельсов Ахмеда ибн Асада, дошедших до нас, 18 бито в Самарканде и только один — в Ахсикете. Четыре из них 244/858—859 г.; 13 из них 245/859—860 г. Шашского чекана нет совсем, хотя ал-Мамун, тогда еще хорасанский правитель, бил в Шашском руднике свои дирхемы, т. е. серебряную монету в 189/805 г., 190/806 г. и 194/809—810 г.[1]. Не исключена возможность, что до своей смерти (он умер в 227/841—842 г.) Нух ибн Асад, как старший, чекан фельсов осуществлял в Самарканде в качестве своей прерогативы. Тогда быть может найдет объяснение и тот факт, что от Яхьи ибн Асада, который умер в 241/855 г., не сохранилось монет. Нершахи сообщает, что после смерти Нуха ибн Асада Ахмед жил в Самарканде[2]. На первый взгляд может показаться, что это известие явно противоречит вышеприведенному сообщению Мирхонда о том, что Ахмедом в Самарканд назначен был его сын Наср. Однако это противоречие исчезает, как только мы вспомним, что до этого назначения Самаркандом владели по распоряжению Абдаллаха ибн Тахира братья Ахмед ибн Асад и Яхья ибн Асад совместно. Тогда Ахмед и переехал из Ферганы в Самарканд и тогда же стал в Самарканде бить фельсы от своего имени. Отсюда понятно и то, что до нас дошли главным образом фельсы самаркандского чекана 244/858 и 245/859 г. Сидя в Самарканде, Ахмед не переставал владеть Ферганой и имел все преимущества перед Яхьей, который оставался в Шаше. Здесь, в Самарканде, до своей смерти Ахмед и чеканил по преимуществу фельсы. Во всяком случае Наср ибн Ахмед, хотя был назначен в Самарканд Ахмедом до 241/855 г., т. е. до смерти Яхьи Асада, однако стал чеканить фельсы от своего имени лишь после смерти отца, происшедшей в 250/864 г. Наиболее ранний фельс с именем Насра ибн Ахмеда дошел до нас лишь от 253/867 г. Переход Самаркандского владения в руки семьи Ахмеда ибн Асада был большим успехом последнего. Последствием этого шага было снижение авторитета Яхьи ибн Асада. И действительно, когда последний скончался в 855—856 г., Ахмед сумел прибрать к своим рукам владения Шаша и и Усрушаны. Он передал их своему второму сыну Якубу ибн Ахмеду, тому самому, два фельса 265 г., с именем которого явились предметом нашего рассмотрения. Повидимому, эта передача произошла в том же 855 г. Таким образом, Ахмеду ибн Асаду удалось на старости лет объединить, за исключением Бухарского владения, весь Мавераннахр, понимая его в широком смысле слова.

Якуб ибн Ахмед был вторым саманидским правителем Шаша. Повидимому, его местопребыванием, как и Яхьи ибн Асада, был Бинкет. Разобранная выше монета датирована 265/878—879 г. Этот год был уже 24-м годом правления Якуба ибн Ахмеда в Шаше. Якуб ибн Ахмед еще долгое время сидел правителем этой богатой области. Во всяком случае, когда в 272/885—886 г. произошло, по словам Нершахи, первое столкновение между братьями Насром и Исмаилом из-за подати Бухары, то Наср написал письмо своему брату Якубу ибн Ахмеду в Шаш, прося его явиться с своим ополчением и тюрками Исфиджаба к нему на помощь. Как и во времена Нуха ибн Асада, Шашское владение было в вассальных отношениях к Самарканду. Когда умер Якуб ибн Ахмед, нам неизвестно, однако уже из приведенных дат ясно, что Якуб ибн Ахмед был правителем Шаша свыше 30 лет. Вспомним, что Шаш ему был передан в 855 г., а письмо Насра отправлено в 885 г. Выше мы уже отмечали большое значение, которое имела Шашская область в экономической и политической жизни IX в. Население Шаша далеко не всегда было спокойно, с ним нужно было считаться. Его нужно было использовать и как форпост против ко-

[1] В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 17.— М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана, стр. 73.

[2] Нершахи. Изд. Schefer, перс. текст, стр. 75.

чевников, иначе оно могло объединиться с тюрками и поднять серьезное восстание против халифата и даже Тахиридов, как это имело место в начале IX в. При халифе ал-Мутасиме (833—842 гг.) жители города Шаша (Чача), по словам Ауфи, обратились к нему с посланием, в котором указывали на бедственное свое положение из-за отсутствия достаточного количества воды для орошения и просили отпустить необходимые средства на проведение нужного им арыка. Ал-Мутасим не любил ни Абдаллаха ибн Тахира, ни Саманидов, так же как неодобрительно относился к Хорасану и Мавераннахру. И вместе с тем он не решился отказать в просьбе жителям Шаша. Из своей казны он распорядился выделить 2 млн. дирхемов на проведение канала, что и было сделано тогда же, при шашском наместнике Яхье ибн Асаде (204—241/819—855 гг.).[1].

У ал-Истахри имеется указание, что саманидский правитель Наср ибн Ахмед ходил походом на Шавгар[2] — город, лежавший вблизи современного г. Туркестана. Наср ибн Ахмед стоял во главе большого войска. Ал-Истахри, к сожалению, не приводит даты этого похода. А между тем имя Насра ибн Ахмеда носили два саманидских правителя — Наср ибн Ахмед ибн Асад (864—892)[3] и Наср ибн Ахмед ибн Исмаил (914—943). В. В. Бартольд в одном из своих произведений[4] высказал следующее весьма убедительное суждение. «Если эти слова,— пишет В. В. Бартольд,— как большая часть известий ал-Истахри, принадлежат ал-Балхи, то речь может итти только о первом Насре, так как второй пережил ал-Балхи». В тексте ал-Истахри речь шла о Насре ибн Ахмеде, как покойнике.

Поход на Шавгар явился, таким образом, продолжением линии, намеченной еще Нухом ибн Асадом. Как Яхья в первом походе, так и Якуб ибн Ахмед во втором — принимал, повидимому, деятельное участие. Ранние Саманиды, вплоть до Исмаила, придавали исключительное значение восточным границам своих владений. Еще до поворота всей политики Исмаила на запад, в сторону Ирана, он, не отступая от традиций своего брата и дяди, выступил в 280/893 г. в сторону Тараза. Об этом мы имеем два рассказа: 1) Нершахи, который говорит о взятии города и обращении христианской церкви в мечеть, и 2) ат-Табари, который не называет Тараза, а лишь указывает, что Исмаил завоевал город тюркского царя, взял в плен его самого и до 10 тыс. человек (его воинов и слуг). Добыча была так велика, что доля всадника из войска Исмаила достигала тысячи дирхемов[5].

По сути дела на этом наступление Саманидов в сторону Семиречья и кончилось. Разгром Исмаилом Саффаридского государства в 900 г. и присоединение к нему Ирана круто повернули внимание Саманидов на запад. Последние были настолько сильны, что кочевники их больше не пугали, стены против кочевников перестали строиться, и Семиречье привлекало внимание Саманидов только с точки зрения интересов караванной торговли. Исмаил и его преемники не допускали даже мысли, что отсюда может исходить угроза существованию их власти. Вот почему поход Фаика и постройка им рибата в Мерке были лишь не больше, чем эпизодом.

Иная картина была в IX в., Саманиды рассматривали себя, как династию, подчиненную Тахиридам, и чеканили в соответствии с этим только медную монету, т. е. фельсы.

---

[1] Ауфи, см. В. В. Бартольд. Туркестан, I, Тексты, стр. 83—84. Ат-Табари. III, 1326.— В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 218.

[2] BGA, I, 291, BGA, II, стр. 330. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 17 — Его же. Туркестан, II, стр. 268.

[3] Если считать со дня смерти Ахмеда ибн Асада, а не со дня пожалования Насру Самарканда.

[4] В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 117, прим. 8

[5] Ат-Табари, III, стр. 2138.

С 873 г., со времени падения Тахиридов и прихода к власти Якуба ибн Ляйса, глава Саманидов Наср ибн Ахмед, взял решительный курс на независимость Саманидов, а следовательно и Мавераннахра, что и удалось осуществить Исмаилу. Внешним выражением этого является древнейший саманидский дирхем, битый в 273/886—887 г. в Самарканде от имени Насра ибн Ахмеда, хранящийся в собрании Музея истории и искусств в Ташкенте. Был ли это первый дирхем Саманидов или Наср ибн Ахмед это осуществил раньше, пока сказать невозможно, за отсутствием фактического материала. Одно интересно и важно в историческом отношении, что формальное провозглашение независимости от Хорасана и Саффаридов (а не от халифата) было проведено не Исмаилом, а до него Насром ибн Ахмедом.

А. Ю. Якубовский

ПЕЧАТЬ БАГРАТИДА АШОТА С АРАБСКОЙ НАДПИСЬЮ

В июне — июле 1940 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в г. Микояншахаре Карачаевской обл. совместно с кафедрой истории Учительского института, направил историко-археологическую экспедицию в Карачай под руководством Х. Р. Лайпанова. 17—18 июля 1940 г. экспедиция вскрыла пол внутри 2-го (северного) Зеленчук-

1 *2*

Рис. 50. Камень с арабской надписью из Зеленчукского храма № 2.
1 — лицевая сторона; *2* — оттиск.

ского храма. На глубине 1.5 м у западной стены была обнаружена могила без скелета, обложенная каменными плитами. В списке предметов, найденных при погребении, под № 11 отмечен драгоценный камень 15 мм длины.

Камень с лицевой стороны имеет выпуклую поверхность, контур его овальный; с оборотной стороны поверхность камня вогнутая. Цвет его светловишневый; порода — альмандин[1]. На лицевой стороне высечена надпись прекрасной сохранности в две строки. Буквы надписи арабские; они врезаны в обратном изображении; правильное расположение их в порядке чтения справа налево можно видеть только в зеркале или на оттиске (рис. 50, *1—2*).

Надпись начертана почерком, который принято называть «простой куфи»; он выдержан строго. Шрифт прямолинеен и угловат, кроме двух конечных букв, а на уровне строки горизонтален. У нескольких букв ниже вершины ствола отходит вкось нарубка направо или налево, а у первой буквы верхней строки нарубка делит угол между вертикальным стволом и его настрочным окончанием.

Нарубки или расщепления встречаются в арабских надписях почерком куфи на надгробиях из Египта, которые дают незаменимый и неисчерпаемый материал при изучении ранних лапидарных почерков в арабском ха-

[1] Я имела возможность познакомиться с оригиналом благодаря Е. И. Крупнову, которому очень признательна.

лифате. Нарубки наблюдаются преимущественно во врезанных надписях с начала IX в. н. э. и позже, т. е. с третьей четверти II в. хиджры, чаще в непритязательных образцах. Количество нарубок, их направление и уровень в этих надписях колеблются, и стволы не все расщеплены, что можно видеть, например, на надгробии 190/806 г.[1]. В то же время нарубки есть и в изящных надгробных надписях, где на многих стволах высечены клинья и пальметообразные украшения[2]. Нарубки прямолинейные или слегка выгнутого очертания, которые соответствуют уровню нижнего листка полупальметки, можно ставить в зависимость от пальметных украшений[3]. На-

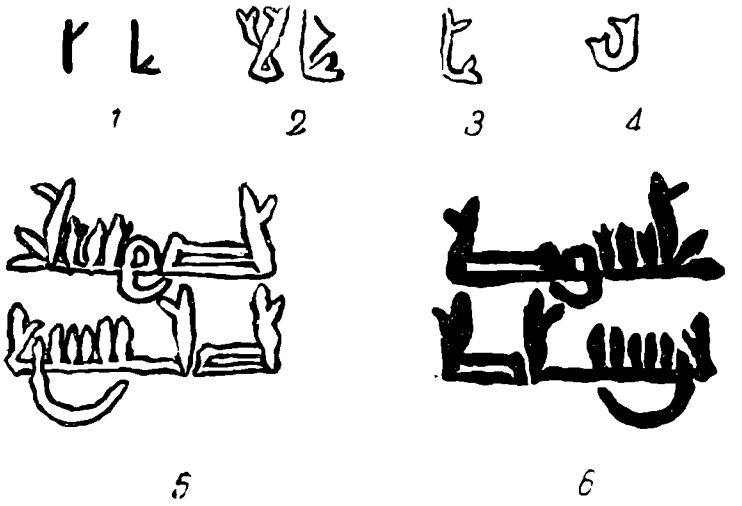

Рис. 51.

1—расщепленные буквы разновеса 147/764 г.; *2* — расщепленные буквы дирхема 234/848/849 г.; *3* — нарубка дирхема 320/932 г.; *4* — нун дирхема 317/929 г.; *5—6*—надпись камня из Зеленчукского храма № 2.

рубки, расположенные ближе к вершинам букв, напоминают незаконченные клиновидные расширения стволов: одной добавочной нарубкой можно соединить концы расщепления и получить контур клина[4]. Таким образом, нарубки — это упрощенные украшения, которые наблюдаются в лапидарном куфи также к концу IX в. н. э.[5] и в начале X в.[6].

Помимо лапидарного арабского письма, расщепление представлено в шрифте на иных материалах, например, на стандартных стеклянных разновесах для монет со второй половины VIII в. Миткаль динар вице-губернатора Египта Абдаррахмана ибн Язида 147/764 г. имеет одну расщепленную вершину алифа и одно расщепленное настрочное окончание алифа в

---

[1] H. Hawary et H. Rached. Stèles funéraires, т. I. Catalogue général du Musée Arabe du Caire, Le Caire, 1932, табл. VI, № 2721, 25. Издание цитируется ниже сокращенно: Stèles, т. I и др.

[2] О декоративных элементах почерка куфи первых веков арабского халифата см. В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии АН СССР. Тр. Музея палеогр., III, Л., 1929, 74, 82 и др.

[3] Ср. В. А. Крачковская. Ук. соч., 63.

[4] Ср. клинья и нарубки 8-й строки надгробия 190/806 г. (Stèles, т. I, табл. V, № 1506/747); вершины и настрочные окончания первой строки надгробия 196/812 г. (табл. VIII, № 2721/138); клинья и нарубки плиты 244/859 г. (Stèles, т. II, табл. XVIII, № 10915); то же, с добавлением пальметок (№ 7290 и табл. VI, № 3944/9, 242/856 г.; табл. IV, № 7289; табл. XXXII, № 9013, 247/862 г.).

[5] Stèles, т. IV, табл. I. 272/885 г.— Ср. А. А. Быков. Печать фатимидского халифа Захира. ЗКВ, т. V, Л., 1930, 207.

[6] Stèles, т. IV, табл. XLIV, 307/920 г.; табл. XLII, 305/917 г.

слове «амир» (рис. 51, *1*) [1]. Расщепленные буквы появлялись также на разновесах фатимидского периода X—XI вв. [2].

Для тонких рельефных надписей на монетах расщепление применялось сперва изредка, чередуясь с клиньями и единичными листовидными окончаниями. Так, например, на дирхеме 234/848—849 г. калифа ал-Мутаваккиля, чеканенном в Исфахане [3], ясно видны расщепления, кроме вершин и окончаний букв алиф и лām (см. рис. 51, *2*), на вершине дāля. На дирхеме 247/861 г., чеканенном в Басре [4], имеются небольшие расщепления. Они видны также вместе с клиньями на дирхеме 256/870 г., чеканенном при халифе ал-Мухтади в Армении [5]: на вершине среднего лāма «Аллах» и на окончании лāма «расул». На другом экземпляре с той же датой и одинакового происхождения расщеплены вершины в слове «Аллах», а в окончании алифов «Аллах» и «иляха» ясно видны треугольные клинья на строке справа [6]. На дирхемах халифа ал-Мутамида украшений становится больше, круг захватываемых ими букв шире, но не везде одинаков. Экземпляр 271/884—885 г., чеканенный в Ахвазе [7], и фрагмент 274/887—888 г. [8] довольно скромны еще: на первом — небольшие зубчики на вершине лāма «Аллах» и дāля «Мухаммад»; на втором расщеплено настрочное окончание дāля «Мухаммад». Зато много расщеплений имеется на дирхеме 273/886—887 г., чеканенном в Мадāнат ас-Салāм, т. е. в Багдаде; здесь они появляются и в дате на круговой легенде в слове «саб'ūн», на вершине открытого 'айна и нūна [9]. Обилие клиньев и расщеплений, между прочим, на поднятом вверх окончании рā «шарик» на дирхеме 279/892 г., чеканенном тоже в Багдаде [10] (рис. 52, *1* по слепку), могло бы вызвать предположение, что монеты столичного чекана в эту пору наряднее, если подобная картина не наблюдалась бы на дирхеме с именем халифа ал-Му'тадида 280/893 г., чеканенном на восточной окраине халифата, в Шāше, т. е. Ташкенте, при саманиде Исма'ūле [11].

Кроме серебряных монет ал-Му'тадида, на его дūнаре 287/900 г. есть миниатюрные расщепления, мало отличающиеся от клинообразных утолщений [12]. С окончанием правления ал-Му'тадида тенденция к декоративности монетного шрифта возрастает при его сыне ал-Муктафū, как показывает дирхем 293/905-6 г. из Андерāба [13] (рис. 52, *2*, по слепку). В IV/X в. при халифе ал-Муктадире и позднее расщепления вводятся в монетный шрифт все чаще, появляются между прочим на загнутом вверх окончании нūна в слове «му'минūн» дирхема 317/929 г. (рис. 51, *4*) [14]. Интересны также ясные нарубки вершины и конца алифа в слове «иляха» дирхема 320/932 г.

---

[1] Stanley Lanne-Poole. Catalogue of Arabic Glass Weghts in the British Museum. London, 1891. табл. 1. 14; табл. III, 69.

[2] Там же, табл. IV, 90 и 98; табл. VI, 200 и 229.

[3] В собрании Гос. Эрмитажа, инв. № 842. Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить благодарность проф. А. А. Быкову за содействие в работе.

[4] Там же, № 847 t.

[5] Там же, № 915.

[6] Там же, № 915 з.

[7] Там же, № 941

[8] Там же, № 957 у.

[9] Там же, № 961 р.

[10] Там же, № 962 и

[11] Там же, № 983 а. К сожалению, монета испорчена двойным ударом штампа. О чеканке монет в Шаше см. W. Bartold. Taschkent, Enzyklopedie des Islam. IV, 745.— E. de Zambaur. Manuel de Généalogie et de Chronologie. Hanovre, 1927 202.

[12] Экземпляр Государственного Эрмитажа, № 1003 р.

[13] Там же, № 1127.

[14] Stanley Lanne-Poole. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, вып. 1. London, 1875, табл. VII, 381; место чекана в легенде не указано.

(рис. 51, *3*) [1]. Для V/XI в. отдельные примеры в монетном шрифте и надписях из Египта отметил А. А. Быков [2].

Резчик исследуемой надписи на овальном камне из Зеленчукского храма № 2 в нижнем Архызе хорошо знал арабский шрифт: ни одна деталь не нарушает единства стиля. Из одиннадцати букв шесть снабжены нарубками: начальный и конечный алиф, начальное ба̄, вершины сӣна первой строки, и последние буквы обеих строк та̄ (рис. 51, *5*, *6*).

При значительной разнице масштаба трудно ожидать буквального совпадения деталей с лапидарным куфи: на исследуемом камне максимальная длина строки составляет около 1 см, а у полуметрового надгробия она исчисляется десятками сантиметров. Несмотря на это, стилистическое сходство существует.

Рис. 52.

1 — дирхем 279/892 г Багдад, нат. вел.; *2*—дирхем 293/905—906 г.

В III/IX в. нарубки придают отдельным надписям особый стиль, но всегда применяются индивидуально. Загиб надстрочного окончания начального алифа направо свойствен куфи первых веков хиджры. Расщепление его окончания наблюдается, как отмечено выше, еще на стелах 190—192/806—808 г. [3] и на дирхеме 234/848—849 г. Несмотря на множество нарубок в надписи 244/858—859 г., ни один конец алифа не расщеплен [4]; зато на стеле 246/860 г. с очень характерными клиновидными вершинами расщеплено окончание в слове «умм» 3-й строки [5]. Реже встречается в надписях буква та̄, но для ее прямоугольного корпуса и ствола с нарубкой слева на отпечатке камня (справа на оригинале) можно также указать параллель на надгробии 246/860—861 г. [6]. Окончания нӯна и ва̄ва̄ загнуты дугообразно под строкой; прием «удлинения вверх», который известен в редких примерах на монументальных надписях со второй половины III/IX в. и особенно характерен для IV/X в. [7], здесь не использован, так же как и подстрочные лигатуры [8].

Таким образом, шрифт на камне из 2-го Зеленчукского храма стоит ближе всего к строгой разновидности почерка куфи, датируемой примерно от середины III/IX в. до начала IV/X в.

Текст надписи содержит три слова. На первой строке находится одно имя «Ашӯт»; на второй — слово «бн», т. е. «сын», которое по арабской

---

[1] Там же, № 1067 с.
[2] Ук. соч. 208 сл.
[3] Stèles, т. I. табл. VI, № 2721/25, 1193, 1508/9.
[4] Там же, т. II, табл. XIX, № 9541.
[5] Там же, табл. XXIII, № 10883.
[6] Там же, табл. XXV, № 8062, строка 6.
[7] Ср. В. А. Крачковская. Ук. соч., 58; 60, прим. I; 82; 99—100: удлинение вверх. В Амиде в надписи ал-Муктадира 297 г. х. подъем есть.
[8] Там же, 93, прим. 4.

традиции указывает степень родства с поименованным далее лицом, и второе имя «Снбāт». Оба имени не арабские, но в арабских источниках передаются всегда в такой точно транскрипции. Например, имя «Ашӯт» имеется у ат-Табарӣ под 237 г. х. [1] и 247 г. х. [2], также у Йакӯта [3] и ал-Балāзурӣ [4]; при этом арабское ӯ(вāв) может соответствовать о. Имя «Снбāт» у ат-Табари под 222 г. х. совершенно индентично, с нӯном-н и та [5]. Судя по обратному начертанию надписи, можно думать, что камень служил печатью.

Место находки камня на Северном Кавказе дает основание связать вырезанные имена с представителями княжеского рода Багратуни в Армении. Ашот I, сын спарапета Смбата, занимал, начиная с 241/855 г., высокие посты. Аббасидский халиф ал-Муста'ӣн назначил его правителем Армении с титулом «князь князей» [6], который соответствует арабскому «амир ал-умарā'». В 273/886 г. популярный в Армении Ашот I получил от халифа ал-Му'тамида царскую корону и титул «царь Армении»; он постоянно уплачивал налоги, требуемые с него в пользу халифата, и правил Арменией до 278/891 г.

Ашот II, по прозванию «Железный», сын Смбата, из рода Багратуни, воцарился в Армении в 309-310/922 г., умер в 316/928 г. [7].

Не только личная карьера Ашота I была связана с аббасидскими халифами, но и карьера его отца, спарапета Армении, который пребывал в столице аббасидов Самарре. Отсюда становится понятно, почему Ашот I, сын Смбāта, мог иметь именную печать в арабской транскрипции: Ашӯт ибн-Снбāт. Шрифт печати по стилю вполне соответствует годам его правления. Без особых затруднений можно было бы датировать ее на тридцать лет позже, но этой атрибуции препятствует натянутость отношений Ашота II с арабами и открытые враждебные действия против них при содействии царей Грузии и Абхазии [8].

Итак, принадлежность печати Ашоту I почти несомненна. Встает, однако, вопрос, когда была вырезана надпись. Высокие должностные лица и вассальные князья XI в. редко упускали случай назвать свою должность или титул. В Багдад эту моду принесли бувейхиды в IV/X в. [9], откуда она, постепенно нарастая, быстро проникла во все провинции. На печати Ашота ничего нет, кроме имен, и это обстоятельство говорит в пользу ее сравнительно раннего происхождения [10]. Звание Ашота I было широко из-

---

[1] Изд. de Goeje, 1410, 3.

[2] Там же, 1463, 16.

[3] Изд. Wüstenfeld, II, 59, 2.

[4] Изд. de Goeje, 213, 3.

[5] Изд. de Goeje III, 1222, 20; 1223, 1, 5 и др. Некоторые справки по источникам сообщены акад. И. Ю. Крачковским.

[6] О его правлении см. С. Т. Еремян. История СССР, ч. IV. Изд. на правах рукописи, М.— Л. 1939, гл. 2, 313, 314—M. Streck в статье «Armenien», Enzyklopaedie des Islam (1, 456) относит возведение Ашута в звание «князя князей» за заслуги перед арабами к 247/861 г. при халифе ал-Мутаваккиле.

[7] С. Т. Еремян. Ук. соч., 323.— M. Streck (ук. соч., 456) отодвигает начало правления Ашута II к 915 г.

[8] M. Streck. Ук. соч.

[9] Ср. их титулатуру у Zambaur (ук. соч., стр. 212—213, № 204 и стр. 9, № 7) с титулатурой аббасидских визиров до 333/945—946 г. и после 422/1031 г. (там же, стр. 6—9, № 6).

[10] Ср. оттиски печатей: Амра, завоевателя Египта 21—25/642—646 г. (на глине, изображен бодающийся бык, без надписи) у J. Karabaček (Papyrus Erzherzog Reiner. Führer durch die Austellung. Wien. 1894, 139, № 556 и рис. на стр. 136); печать заместителя наместника Египта 'Убейдаллаха ибн ал-Хабхаба на папирусе 112/731 г. без титулов; у B. Moritz (Arabic Palaeography, A Collection of arabic texts public. of the Khedivial Library, № 16, Cairo, 1905, табл. 106).

вестно, и если он пользовался этой печатью в официальных документах до возведения в царское достоинство, то, вероятно, особых расхождений с общей практикой она не представляла.

Арабские печати первых веков хиджры встречаются редко. В наших собраниях известна печать фатимидского халифа Зāхира, датируемая 411—427/1021—1036 гг., которую издал А. А. Быков. Печать с армянскими именами в арабской транскрипции чрезвычайно интересна, как прекрасный образец арабской письменности IX в., обнаруженный на территории СССР. В то же время она показывает глубину культурных взаимоотношений халифата с Арменией в IX в., которая засвидетельствована прежде открытыми реалиями Кавказа, но более позднего происхождения [1]. Поэтому найденная в Зеленчукском храме печать с именем Ашūта сына Снбāта весьма ценна и может дать точку опоры при определении даты погребения и прочих найденных в нем предметов.

В. А. Крачковская

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН VIII—X вв.

Разведка и изучение археологических памятников первого тесячелетия н. э. (главным образом второй его половины) на территории левобережной Украины летом 1940 г. были проведены Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР совместно с Институтом археологии УАН при участии Полтавского краеведческого музея. Этой работой положено начало систематическому изучению памятников материальной культуры восточнославянских племен на территории левобережья Среднего Поднепровья с целью выявления характера памятников и времени появления их в различных районах. Добытые материалы явятся источником для освещения отдельных сторон большой и сложной проблемы происхождения восточных славян.

Для русской исторической науки эта тема не новая. Над ней работали лучшие представители историко-археологической мысли XIX и начала XX вв., как И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов, А. А. Спицын и др., привлекая для этой цели и материалы Левобережья [2]. Именно на этих материалах строил свои этнографические выводы и Д. Я. Самоквасов. Однако накопленные за предшествующий период материалы настолько незначительны и к тому же случайны, что они совершенно исключают возможность освещения ряда существеннейших сторон этой большой и сложной проблемы. Одним из таких вопросов является выяснение территории распространения памятников «полей погребений» (II—V вв. н. э.) и памятников роменской культуры (VIII—X вв.) и их взаимоотношения. Памятники роменской культуры — безусловно славянские. Спор может итти лишь о хронологических рамках их бытования. Для решения этого вопроса имеются все данные [3]. Памятники «полей погребений» многими исследователями признаются также за славянские [4]. Достаточных данных для такого утверждения пока что нет. Единственным мотивом, выдвигаемым большинством исследователей в обоснование этого предположения, является принадлежность памятников культуры «полей погребений» оседлому

---

[1] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Из арабской эпиграфики в Ани. Надпись на мечети Манучехра. Сб. «Академия Наук СССР — академику Н. Я. Марру, XLV», изд. АН СССР, 1935, стр. 672—673.

[2] См. также запросы на XIII Археологическом съезде Д. И. Багалея и В. А. Городцова. Тр. XIII АС, т. II, стр. 155.

[3] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. Советская археология, IX (печатается).

[4] В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, XII.

земледельческому населению, длительно обитавшему в районе Среднего Поднепровья и к западу и юго-западу от него. Но, насколько нам известно, ни одному из исследователей до сего времени не удалось проследить преемственность памятников славянской материальной культуры VIII—X вв., расположенных на той же территории, от памятников «полей погребений». Более того, между временем бытования памятников «полей погребений » (II—V вв.) и временем бытования славянских памятников VIII—X вв. существует хронологический разрыв в несколько столетий, для которого мы совершенно не знаем археологических памятников на данной территории. Попытка Б. А. Рыбакова [1] заполнить это белое пятно путем передатировки памятников VIII—X вв. роменско-боршевского типа и отнесения их к VI—VII вв., т. е. к так называемому антскому времени, и связать таким путем памятники «полей погребений», с одной стороны, и собственно славянские памятники VIII—X вв., с другой, еще требует дальнейшего подтверждения. Таким образом, выявление памятников V—VII вв. одновременно с выяснением территории распространения памятников II—V вв. и VIII—X вв. и установление характера взаимосвязи между этими тремя группами продолжает оставаться насущнейшим вопросом.

Вторым, весьма важным вопросом является выяснение наличия археологических памятников славянства VIII—X вв. в полосе лесостепи между Днепром и Доном, что помогло бы решить вопрос о взаимосвязи между населением городищ роменской группы с населением городищ воронежской группы.

Наконец третьим, не менее важным вопросом является установление территориального разграничения и культурных взаимосвязей между славянским населением VIII—X вв. и населением степной полосы, связанным с салтово-маяцкой культурой, этнически все еще не определенным.

При полевых работах 1940 г. нами был выявлен ряд поселений-городищ раннеславянской культуры (VIII—X вв.) — так называемого роменско-боршевского типа. На одном из таких поселений под названием «Городище», расположенном в с. Опошня, Полтавской области, был заложен небольшой раскоп. Результаты раскопок, публикуемые ниже, подтвердили наши предположения о типе поселения, его этническом облике и времени его существования.

Опошнянское «Городище».

«Городище» расположено в северной части села, на небольшой площадке высокого холма, отрезанного от нагорного плато правого берега Ворсклы долиной речки Тарапуньки. Склоны холма, за исключением юго-восточных, достаточно круты. В прошлом это естественное укрепление было, повидимому, кругом обнесено валами и рвом. Сейчас следы валов и рвов сохранились лишь в восточной и юго-восточной частях. Копка глины по склонам холма сильно изменяет его конфигурацию, разрушает остатки искусственных укреплений (валов и рвов), а также и площадку поселения, которая из года в год становится все меньше и меньше. В настоящее время ее размеры равны 150—160 м по длинной оси (ВЗ) и 40—50 м по короткой (СЮ). В северо-западной части площадки расположено кладбище. Вся остальная часть свободна от застроек и совершенно не обрабатывается. Поверхность территории городища покрыта небольшими ямками-западинками, диаметром от 2 до 3 м и глубиною 30—40 см. Растительность этих западинок резко выделяется от окружающей своим темнозеленым цветом. Наблюдения в обнажении разреза одной из таких западинок в южной части городища дали возможность осмыслить их. Оказалось, что западинки это — остатки заплывших ям-землянок.

[1] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ. 1939, № 1 (6).

Раскопками было вскрыто три такие западинки-землянки, расположенные в восточной части площадки, недалеко от юго-восточного вала. Две из них (№ 1 и 2) смежные, третья — немного в отдалении. Общая площадь раскопа равнялась 79 кв. м.

Землянки были вырыты в материковой глине, залегающей в настоящее время на глубине 50—55 см от поверхности под гумусным слоем, бедно насыщенным культурными остатками (фрагменты керамики, куски

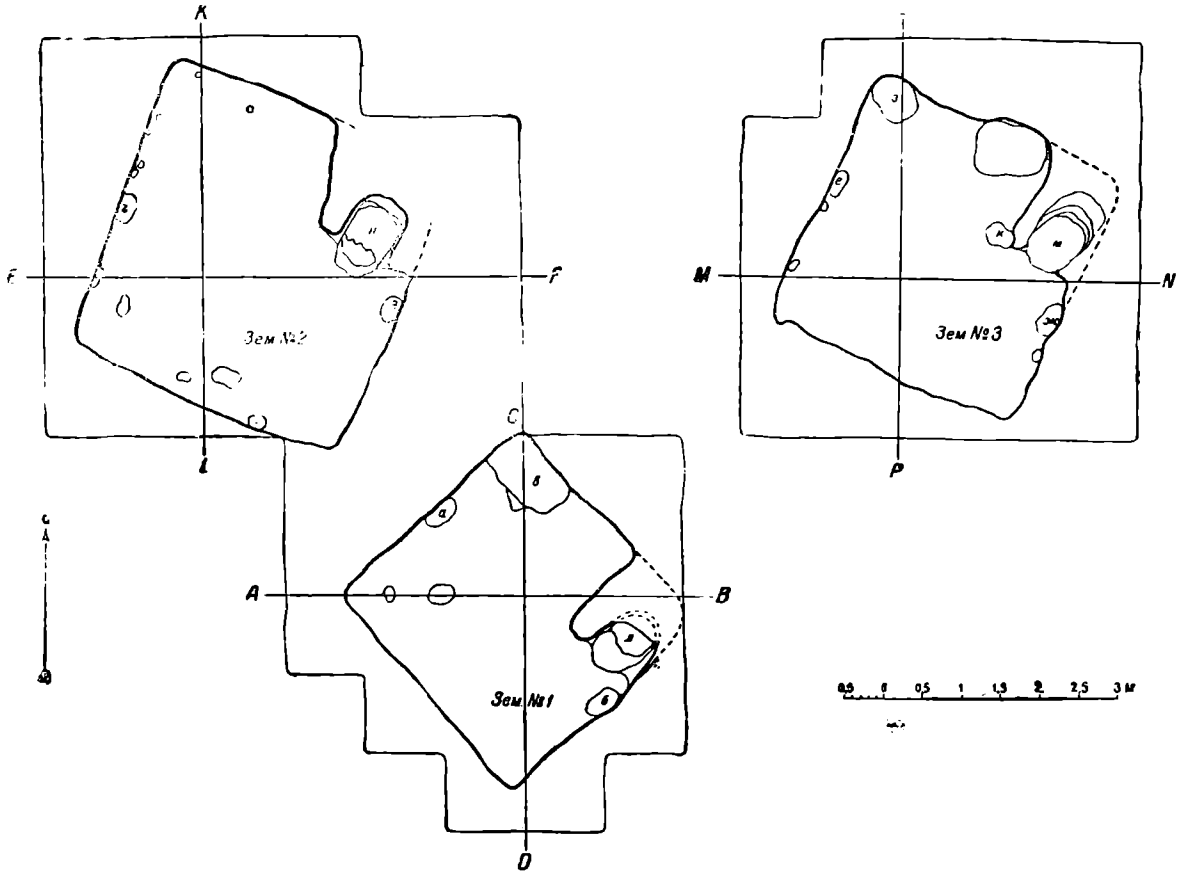

Рис. 53. Опошнянское «Городище». План раскопанных землянок (№ 1, 2, 3).

а, б, г, д, е, ж — ямки от столбов; *в, з, и* — хозяйственные ямы; *к, л, м* — остатки печей.

обожженной глины, кости животных, угольки и т. п.). Форма землянок почти квадратная (землянка № 1 — 3.10—3.20 м × 3.30 м; № 2 — 3.60 м × 4.00 м; № 3 — 3.30 м × 3.40 м). Глубина их невелика: от 55 до 75 см (рис. 53 и 54). Все землянки ориентированы одинаково. В основных чертах одинаково и их внутреннее устройство. Во всех землянках в северо-восточном углу на специальных материковых площадках размером 1—1.20 м × 1.10—1.20 м сооружены печи (рис. 53, *к, л, м*). Плохая сохранность печей и обстоятельства технического порядка не позволили в достаточной степени подвергнуть их всестороннему изучению. Печи засыпаны и будут в дальнейшем доследованы. Сейчас с несомненностью можно отметить лишь тот факт, что печи в их нижней части (под и нижняя часть свода) были врезаны в материк площадок, на которых они были сооружены.

Стенки землянок отвесны. Следов деревянной обкладки их не прослежено. Землянки, повидимому, были покрыты двускатными крышами, опиравшимися, с одной стороны, на борты ям, а с другой — на переклады, проходящие через середину землянок с СЗ на ЮВ. Переклады лежали

на столбах-сохах, ямки от которых хорошо сохранились во всех трех землянках у С-З и Ю-В стенок (рис. 53, *а, б, г, д, е, ж*). Заполнение этих ямок — рыхлая коричневатая масса со следами плесени (остатки перегнившего дерева) и остатки пожарища. Указанный характер покрытия землянок подтверждается и расположением рухнувших обожженных бревен (слег), вскрытых в землянке № 1. Бревна лежали параллельно Ю-В и С-З стенам. Вместе со столбами-сохами и перекладом они составляли каркас этого покрытия.

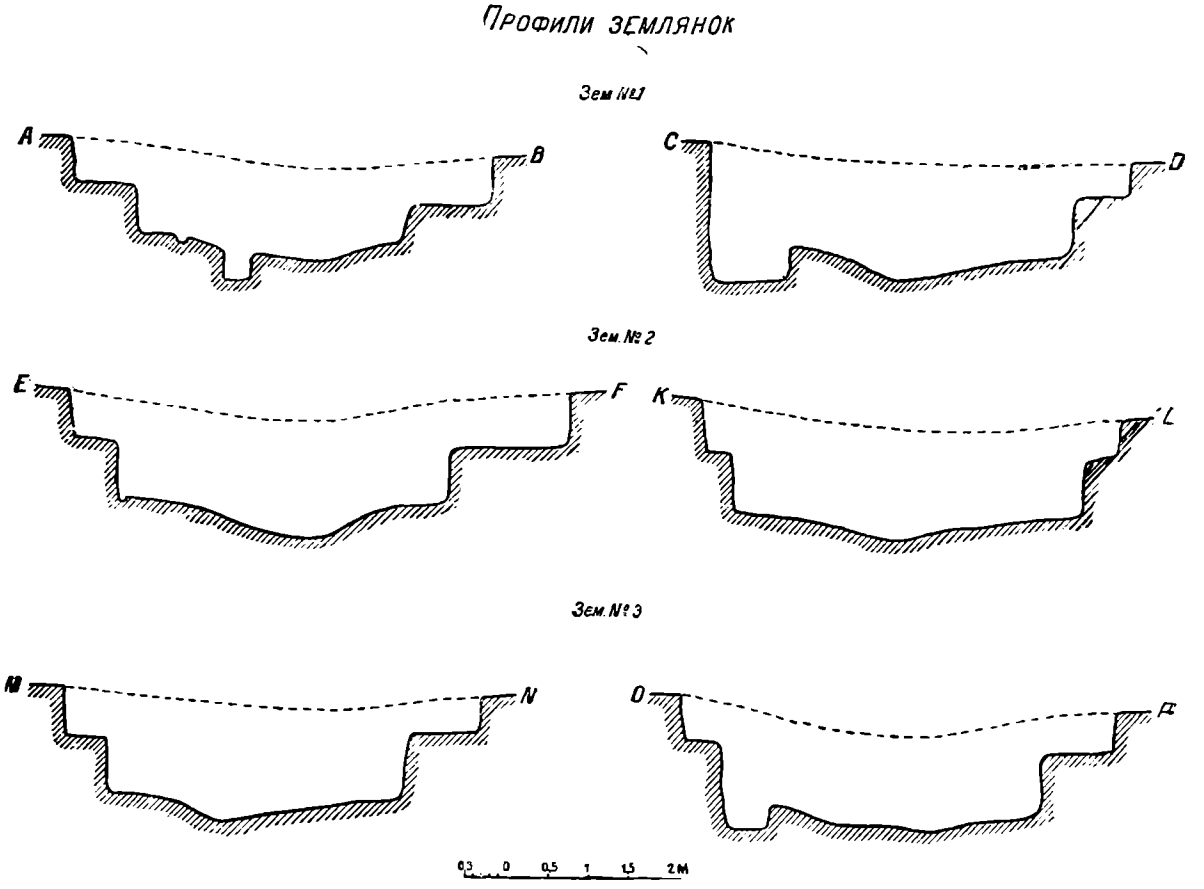

Рис. 54. Опошнянское «Городище». Профили раскопанных землянок (№ 1, 2, 3).

Помимо ямок для столбов в полах землянок имелись ямы хозяйственного назначения. В землянке № 1 такая яма была в северном углу (рис. 53, *в*), в землянке № 3 их было две — одна также в северном углу, вторая в углу между С-В стенкой и площадкой печи (рис. 53, *з, и*). Формы ям неправильные. По размерам они невелики: диаметр 0.40—1.05 м, глубина — 30—50 см. Ямы были заполнены культурными остатками: кусками обожженной глины, фрагментами керамики, золой, углями, костями животных и т. п. В яме *и* (землянка № 3) найден небольшой цельный горшок.

Достаточно однообразна и стратиграфия заполнения землянок — как по форме, так и по содержанию. Верхний слой заполнения землянок, лежащий под тонким слоем дерна и гумуса (не более 50 см), близко напоминает гумусный слой — и по внешнему виду и по насыщенности культурными остатками. Количественно он составляет не менее половины заполнения. Форма его — конусообразная, обращенная вершиной вниз (к полу землянки). Под слоем гумуса идет слой пожарища, перемешан-

ный с культурными остатками. На большой площади землянок он лежит прямо на полу и лишь вдоль стенок под ним находится слой материковой глины, обвалившейся с боков землянок. Повидимому, все три землянки одинаково закончили свое существование в огне.

Вещественный материал землянок беден. Более всего собрано керамики, преимущественно в фрагментах. Следующее, по количеству, место занимают различные другие поделки из глины: пряслица, бусы (?), игрушки, конусы и т. п. Очень немного встречено изделий из железа и кости, а также предметов украшения.

Керамика представлена двумя группами: лепной и сделанной на гончарном круге. Господствует лепная посуда, качество которой, что вообще свойственно средневековой лепной керамике, очень низкое. Сделана она из плохой глины с примесью шамота и дресвы, вследствие чего поверхность сосудов неровная, шершавая. Обжиг очень плохой, неравномерный. Цвет сосудов — от серого до темнобурого. Такой характер фактуры свойственен почти всей группе лепной керамики, за исключением нескольких, совершенно невыразительных фрагментов, вследствие их небольших размеров и сильной окатанности: они сделаны из более плотной глины и имеют более равномерный обжиг. Орнаментация лепной керамики очень бедная. Наиболее распространенным мотивом являются щипки по краю венчика. Встречено несколько фрагментов, орнаментированных по краю венчика зубчатым чеканом и косой насечкой. Орнаментация по плечикам сосудов не встречена вовсе.

Судя по реставрированным нами сосудам, а также наиболее крупным и выразительным фрагментам, можно достаточно смело говорить и о характере типов сосудов, бытовавших у населения городища. Бесспорным являются пока что два типа: а) горшки различных размеров и б) тарелки (сковородки). Из этих двух типов ведущее место принадлежит горшкам. Они различны по размерам, профилировке и по своему назначению. Самый маленький горшок, найденный в целом состоянии в землянке № 3, имеет следующие размеры: высота — 8 см, диаметр горловины — 5.3 см, диаметр дна — 5 см. Горшки, восстановленные нами из собранных фрагментов, отличаются бóльшими размерами. Высота их колеблется от 31 до 37 см, диаметр дна от 11 до 16 см, диаметр горловины от 21 до 34 см. Имеющиеся фрагменты дают основание утверждать, что между этими двумя крайними группами по размеру существовала группа горшков средних размеров, высотой от 15 до 20 см.

Восстановленные нами крупные горшки, будучи одинаковыми со стороны технологической, по своей профилировке распадаются на две подгруппы. Горшки первой из них достаточно стройные, с пропорционально выраженными частями корпуса. Примером этой подгруппы может служить горшок из землянки № 3 (рис. 55). Высота этого горшка 37—38 см, диаметр дна 14—15 см. Корпус кверху постепенно расширяется; наибольшая ширина (на высоте 26—27 см) достигает 27—28 см. Выше стенки плавно переходят в хорошо выраженную невысокую шейку с немного отогнутым венчиком. Диаметр горловины — 21—22 см. Как и большинство крупных лепных сосудов, корпус его немного асимметричен. Но несмотря на это, сосуд достаточно устойчив.

Совершенно иначе выглядят горшки второй подгруппы. Хорошим образцом является горшок из землянки № 1 (рис. 56). По высоте он немного ниже горшка из землянки № 3 (32—33 см), но зато диаметр горловины его значительно шире (32 см); диаметр дна очень небольшой (11 см). Наибольший диаметр горшка равен 34—35 см, т. е. превышает высоту. Корпус сильно асимметричен. Такая непропорциональность отдельных частей сосуда в сочетании с асимметричностью делает его довольно неустойчивым.

Два реставрированных горшка из землянки № 2 по своим размерам и профилю аналогичны горшку второй подгруппы. Размеры одного из них: высота 35 см, диаметр горловины 32 см, диаметр дна 15 см, наибольший диаметр корпуса 34 см. Размер другого: высота 36 см, диаметр горловины 35 см, диаметр дна 14 см, наибольший диаметр корпуса 36 см.

Особенности профилировки крупных сосудов, повидимому, не были случайны, а связаны с назначением сосудов. Не вызывает сомнений то, что крупные сосуды изготовлялись не для кухонного обихода, а являлись тарой для хранения запасов продуктов. Узкодонные, плохоустойчивые горшки вероятнее всего в какой-то части закапывались в землю. С этой целью дно преднамеренно делалось таким, чтобы иметь возможность легче закапывать сосуд. В таких сосудах в летнее время могли хранить мясо, молочные и другие портящиеся продукты, а то и просто воду, предохраняя ее от нагрева. При отсутствии погреба-ледника в деревнях и сейчас еще можно встретить такой способ хранения продуктов летом.

Незначительным числом фрагментов представлены тарелки или сковородки. По качеству глины и технике изготовления они стоят значительно выше горшков. Глина этих сосудов содержит очень мало примесей;

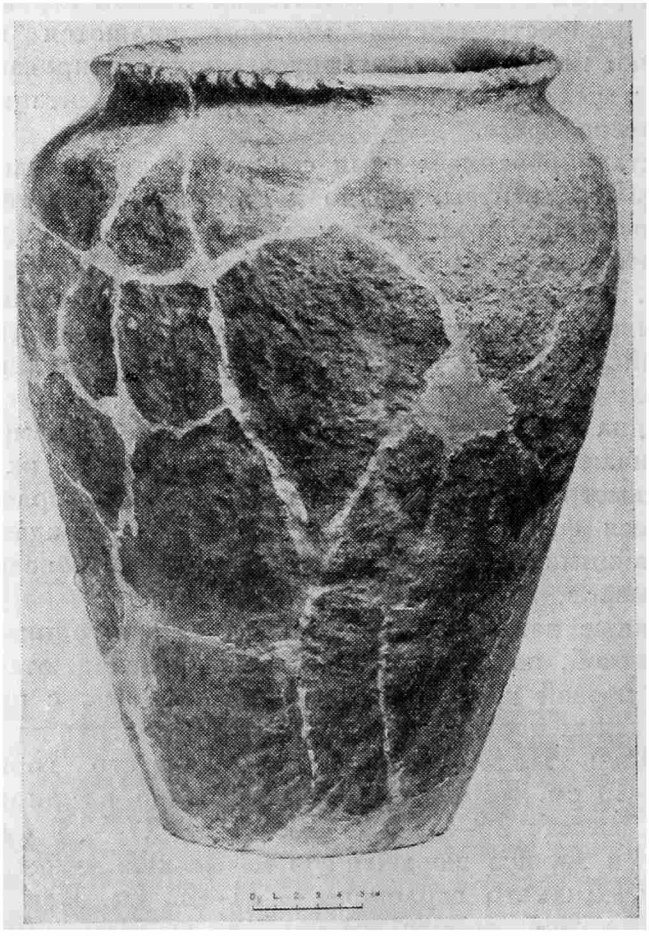

Рис. 55. Опошнянское «Городище». Горшок из землянки № 3.

обжиг их достаточно ровный. Край бортика иногда орнаментирован насечкой или вдавливанием пальца. Прочие фрагменты лепной керамики настолько незначительны, что о них трудно что-либо сказать.

Группа гончарной керамики представлена всего лишь шестью фрагментами амфор так называемого салтовского типа, хорошо известных нам

по материалам юго-востока [1] и южного побережья Крыма. Все они найдены в одной землянке (№ 3) и, повидимому, принадлежат одному сосуду. Насколько широко бытовала эта группа керамики среди обитателей

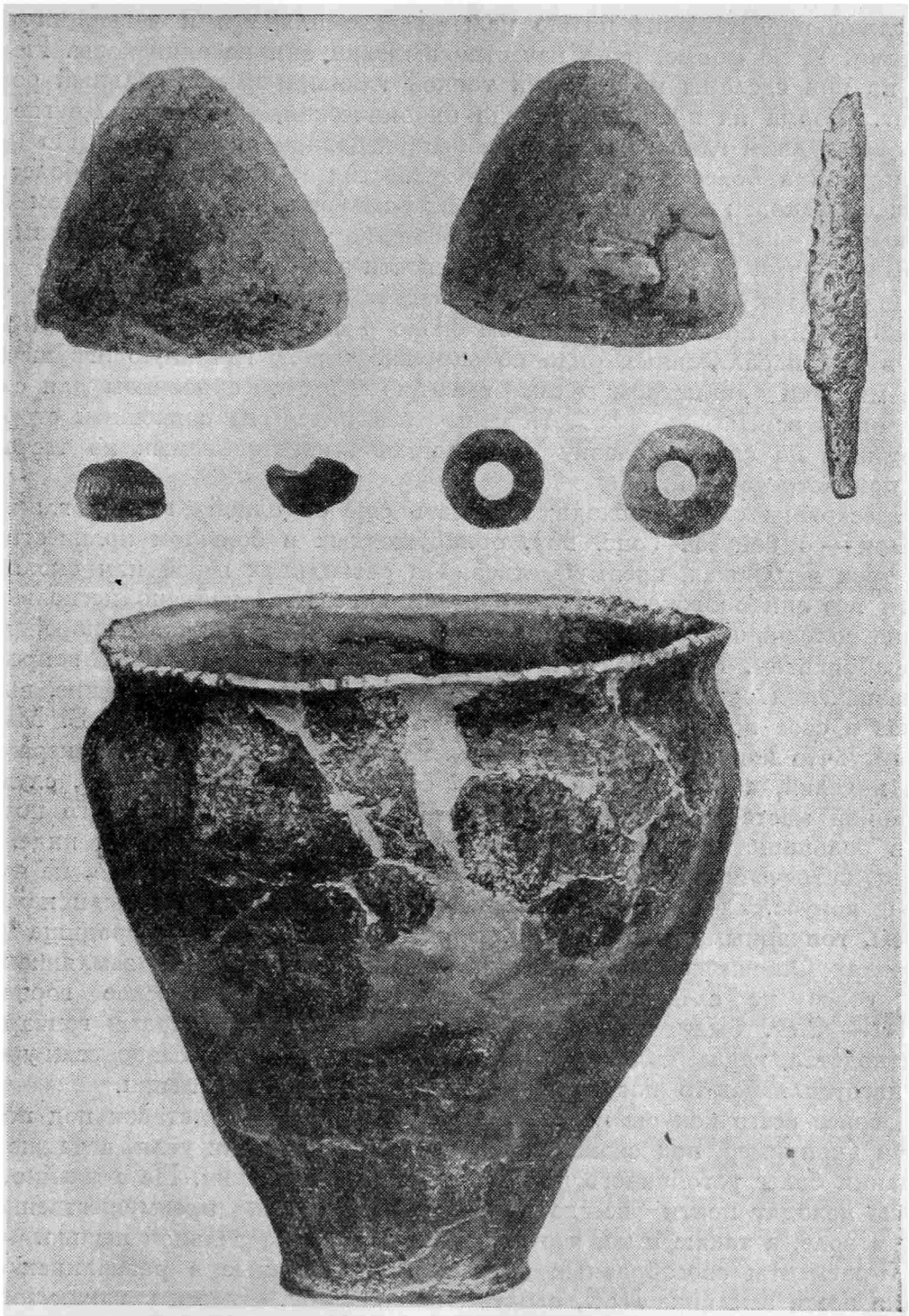

Рис. 56. Опошнянское «Городище». Вещи из землянки № 1.

городища, сказать сейчас трудно. Несомненно лишь то, что амфоры эти не местного происхождения, а привозные, попав сюда в результате торго-

[1] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим данным. Матер. и исслед. по археологии СССР, 6, Ленинград, 1941.

вых связей с населением степей и Северного Причерноморья, среди которого они широко бытовали в течение VIII—X столетий.

Второе место среди вещей, собранных при раскопках, занимают различные поделки из глины: пряслица, бусы (?), игрушки, конусы и т. п. Пряслица представлены пятью целыми экземплярами и четырьмя фрагментами. И по форме, и по качеству выделки они не одинаковы. Некоторые из них сделаны из хорошей тонкой глины и имеют сильный ровный обжиг. Форма их преимущественно биконическая, усеченная. Другие сделаны из худшей глины и имеют слабый, неравномерный обжиг. По форме эти пряслица более разнообразны. Отверстия у всех пряслиц более или менее одинаковы; диаметр от 0.9 до 1.2 см (рис. 56). К пряслицам близки поделки овальной формы, но меньшие по размерам с отверстиями, не превышающими 0.5 см. По всей вероятности это бусы.

Из других глиняных поделок следует отметить: 1) фрагмент чечевицеобразного предмета, диаметром около 4 см, орнаментированный наколом в три параллельных ряда по окружности; 2) глиняную игрушечку в виде мисочки диаметром 3 см, высотою 1.7 см, с носиком для слива, найденную в землянке № 3. Поделка эта интересна с внешней стороны, напоминая по форме головку «жаворонков», изготовляемых из теста детям при встрече весны.

Несколько слов необходимо сказать еще об одной группе глиняных поделок — о конусах (рис. 56), обнаруженных в большом количестве во всех трех землянках, преимущественно в развалинах печей или около них. Почти все они обожжены. Только в землянке № 2 найдено несколько не вполне сохранившихся экземпляров без обжига, являющихся скорей всего полуфабрикатом. Несмотря на частые находки этих поделок [1], вопрос об их назначении остается до сих пор невыясненным. Предположение, высказанное в свое время Н. Макаренко, [2] а затем повторенное В. В. Мавродиным, [3] что конусы есть не что иное как заготовка глины для керамических изделий, а землянка, в которой были обнаружены конусы, служила гончарной мастерской, нельзя признать удачным прежде всего потому, что в большинстве случаев конусы встречаются в обожженном виде. Наоборот, встречающиеся куски глины в сыром виде, как правило, не имеют формы конуса. Еще менее оснований считать землянки, где были найдены конусы, гончарными мастерскими. В раскопках Гочевского городища [4] и в раскопках Опошнянского конусы встречены почти во всех землянках, из чего вовсе не следует, что Опошнянское или Гочевское городища в VIII—X ст. были своеобразными ремесленными центрами гончарного производства, каким является Опошня в наше время, особенно если учесть, что изготовлялась-то посуда еще при помощи ручной лепки.

Вернее всего конусы использовались в качестве подставок под посуду в печи (например, под сковородки), чтобы не затухали угли, а также для придания более устойчивого положения горшкам в печи. Не случайно, что конусы находят почти всегда в развалинах печей, преимущественно на поду в золе, а также и то, что глина их пропитана зольной пылью.

Фрагменты своеобразных «венчиков», найденные в развалинах печи и близ нее в землянке № 3, следует, повидимому, отнести к каким-то конструктивным деталям печи (возможно, что это обрамление устья печи). Размеры фрагментов: высота 12 см, толщина их основания 6 см.

---

[1] Н. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губ., в 1906 г. ИАК, вып. 22, 1907 г.— Отчет Б. А. Рыбакова о раскопках Гочевского городища «Крутой курган», Беловского района, Курской обл. в 1937—1939 гг. Рукопись в архиве ИИМК.

[2] Н. Макаренко. Городище «Монастырище». Киев, 1925, стр. 14.

[3] В. В. Мавродин. Очерки истории Левобережной Украины. Ленинград, 1940.

[4] Отчет о раскопках Гочевского городища в 1937 г. Рукопись в архиве ИИМК.

Вещей из железа найдено лишь два ножа и фрагмент какой-то поделки. Нож, найденный в землянке № 1 (рис. 56), имеет плохо выраженную форму; переход от черешка к лезвию (особенно по линии обуха) почти что не заметен. Общая длина ножа 10.3 см, длина лезвия — 7.5 см, наибольшая ширина лезвия (у черешка) 1.7 см. Нож из землянки № 3 хотя и меньше по размерам (общая длина 9.4 см, длина лезвия 6.6 см, наибольшая ширина лезвия 1.1 см), но отличается большей четкостью формы как лезвия, так и черешка. Переход от лезвия к черешку выражен в виде уступов как со стороны обуха, так и режущей части.

Оба ножа найдены в ямках для столбов, расположенных вблизи печей (у юго-восточных стенок) и заполненных слоем пожарища. Вместе с ножами в тех же ямках обеих землянок были найдены глиняные пряслица. Повидимому, вещи эти, как принадлежность женского обихода, хранились около очага на столбе или где-то вблизи него и во время пожара вместе со всей верхней частью землянки упали вниз. Хранение различного инвентаря, с которым женщина связана в повседневном быту (предметов кухонного обихода, в том числе и ножей, инвентаря для прядения — веретен, а следовательно и пряслиц, гребней и т. п.), около печи или в различных «печурках» и «запечках» имеет место в русских деревнях и по сей день.

На противоположной стороне землянки № 3, у С-З ее стенки, под обгоревшим столбом был найден костяной кочедык, сделанный из пястной кости (метоподия) овцы (длина его 10.5 см, ширина — 1.2 см). Повидимому, кочедык был воткнут в столб (такой способ хранения наблюдается и поныне) и упал вместе с рухнувшим столбом. Это единственная хорошо обработанная костяная поделка, найденная при раскопках. Вторая костяная поделка из рудиментарного метаподия лося найдена в той же землянке № 3 около печи и служила, вероятнее всего, проколкой-шилом. Обработана она значительно хуже, чем кочедык. Заостренный конец кости частично отломан. Длина сохранившейся кости 12 см.

В связи с изделиями из кости остановимся кратко на характеристике костного материала из раскопок. Общее количество костей невелико — 104. Около 75% принадлежит домашним животным: быку, свинье, лошади, барану (перечислены в порядке убывания). Кости диких животных представлены: зайцем, благородным оленем, косулей, лосем (поделка). Остатки птиц и рыб незначительны [1].

Из украшений, кроме глиняных бус (?), отметим: а) стеклянную, дымчатую (почти черную) бусину, инкрустированную белыми, красными и зелеными глазками, найденную в землянке № 2; б) круглую сердоликовую бусину, найденную в землянке № 3. Обе они обнаружены в верхней части слоя пожарища.

Таков в кратких чертах характер жилищ и вещественного материала из небольших, по существу разведочных, раскопок городища. Несмотря на свою малочисленность и отсутствие вещей, могущих непосредственно датировать поселение, материал достаточно красноречив для предварительного суждения об облике поселения. Несомненно, городище принадлежит к группе раннеславянских поселений (VIII—X вв.), так называемой роменско-боршевской культуры. Это подтверждается и месторасположением городища (высокий мыс, почти совершенно отрезанный от нагорного плато оврагами и балками), и характером искусственных фортификационных сооружений (валы и рвы), и типом жилища-полуземлянки, как со стороны формы и размера, так и внутреннего устройства (расположение и устройство печи, устройство хозяйственных ям и т. д.), и всем хозяйственно-бытовым инвентарем: керамикой, различными поделками из глины (пряслица, бусы, конусы, игрушки), изделиями из кости, железа и т. д.

[1] Определение костей сделано В. В. Карачаровским.

Сходство Опошнянского «Городища» с поселениями роменско-боршевского типа прослеживается не только в общих чертах, но и в деталях. Так обстоит дело, например, со сходством керамики 2-й подгруппы Опошнянского городища с керамикой Б. Боршевского городища; землянок Опошнянского городища (в отношении планировки) с землянками городища «Монастырище» или «Крутого кургана» (Гочево, Курской обл.); глиняных конусов и пр.

Но наряду с перечисленными чертами сходства, свойственными поселениям роменско-боршевского типа, материалы Опошнянского городища имеют и свои особенности, вытекающие из условий жизни поселения (хронологические рамки существования поселения, географическая среда и т. п.). Так, при сходстве землянок Опошнянского городища с землянками «Монастырище» (по планировке, размерам, устройству печей и т. п.) они разнятся в отношении покрытия. Судя по данным Н. Е. Макаренко, землянки «Монастырище» были покрыты односкатной крышей, землянки Опошнянского городища, вероятно, имели двускатную крышу. При наличии полнейшего сходства керамики Опошнянского городища, особенно 2-й подгруппы, с керамикой Б. Боршевского городища, у нее имеется существенное отличие в орнаментации, очень важной для характеристики быта населения городищ роменско-боршевского типа, которой Н. Макаренко не случайно посвятил специальное исследование [1]. Керамика Опошнянского городища орнаментирована значительно беднее, чем керамика Б. Боршево или «Монастырище», хотя техника орнаментации и в Б. Боршевском и в «Монастырище» и в Опошнянском городищах совершенно одинакова — зубчатый чекан, щипки, насечка и т. п.

Из всех известных нам городищ роменско-боршевского типа материалы Опошнянского городища наиболее архаичны и количественно незначительны. Незначительна и мощность культурного слоя. Общая толщина слоя (вместе с дерном), покрывающего материковую глину, не превышает 50—55 см.

Все изложенное дает основание утверждать, что:

1) Опошнянское городище — одно из ранних и недолгое время существовавших поселений роменско-боршевского типа;

2) возникнув, повидимому, одновременно с другими поселениями этого типа в VIII ст., оно, в силу каких-то причин, пока не выясненных, очень скоро, вероятно, в том же VIII или начале IX в. прекратило свое существование, не достигнув той ступени культуры, какой достигли поселения этого же типа в более северных районах, например «Монастырище», Гочевское и др.

Косвенным свидетельством, подтверждающим датировку городища VIII—IX вв., являются фрагменты так называемых туземных (салтовских) амфор, найденные на полу землянки № 3. Время бытования амфор этого типа не выходит за рамки VIII—X вв. [2].

Поселения роменско-боршевской культуры в районе Левобережья имеют широкое распространение вплоть до верхнего течения Дона (поселения под Воронежем — Боршево, у Кузнецовской дачи, у Михайловского кордона, близ д. Шилова и др.), но только в лесной и лесостепной полосе. Как далеко заходят они на юг, сказать трудно. Южнее границы лесо-степи и степи они пока что неизвестны.

В бассейне Ворсклы памятники этой культуры до последних лет были известны лишь в верхнем ее течении. Разведками экспедиции Института

---

[1] М. Макаренко. Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу. Sbornik Niederluv.

[2] И. И. Ляпушкин. Ук. соч.

археологии АН УССР под руководством П. Н. Третьякова в 1938 г. они прослежены на юг до с. Куземин [1]. Нашими работами 1940 г. граница распространения памятников раннеславянской культуры передвигается южнее с. Куземин к с. Опошня, расположенному в 35 км от с. Куземин вниз по течению Ворсклы. Опошнянское городище пока остается самым южным раннеславянским поселением в этом районе.

И. И. Ляпушкин

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ СУЗДАЛЯ (IX—XIII вв.) [2]

I

Современный Суздаль расположен по обеим сторонам реки Каменки. Более заселенная его часть находится на левом, довольно высоком берегу; правая часть, менее заселенная, представляет ряд возвышенностей, полого спускающихся к пойме. В южной части города на возвышенном берегу находится кремль, обнесенный земляными валами; с юга, запада и севера он омывается рекой, с востока его отделяет сухой ров. В восточной части, за кремлевским рвом и валом, расположен посад-острог [3], сохранивший остатки валов (рис. 58). За посадом вдоль берега располагаются монастыри и их слободы, за рекой — слободы и стороны. Такова схема города.

На страницах летописи Суздаль впервые упоминается под 1024 г. в связи с восстанием смердов [4]. Следовательно, время возникновения Суздаля уходит глубже начала XI в.

Археологические материалы раскопок 1935—1939 гг. [5] на территории кремля (рис. 57, лит. О) позволяют отнести заселение этой части города к IX—X вв. [6]; рекогносцировочные раскопки на территории острога [7] дали возможность определить заселение этой части временем не ранее XI—XII вв. Однако совершенно не обследованными оставались части города, выходящие за пределы кремлевского и острожного валов. Это лишало возможности дать полную картину древнейшей истории заселения Суздаля. Наши наблюдения 1941—1942 гг. над материалами и стратиграфией, выявленными в процессе земляных работ, сосредоточенных преимущественно на территориях монастырей и слобод, а также в заречной части, позволили значительно уяснить указанную тему.

Первое, что нас заинтересовало, это неравномерность древних культурных напластований на обследованной территории. В ряде участков левобережной части города культурный слой по мере приближения к берегу реки постепенно нарастал; при отдалении же метров на 200—250 к восто-

---

[1] П. Н. Третьяков. Предварительный отчет о полевых работах в верховьях р. Ворсклы в 1938 г. (рукопись).

[2] От редакции. Публикуемая статья директора Суздальского музея А. Д. Варганова представляет краткое изложение выводов, сделанных автором на основании шпательных и систематических наблюдений во время земляных работ, производившихся в Суздале в 1941 г.

[3] Для упрощения привожу названия частей города по Писцовой книге Суздаля 1628 г. См. Тр. Влад. ученой архивной Комиссии, т. 6.

[4] ПСРЛ, I, стр. 63.

[5] Проводились Ивановским обл. музеем и Суздальским музеем под руководством А. Ф. Дубынина.

[6] Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 г., изд. АН СССР, 1940 г., стр. 94.

[7] Проводились под моим наблюдением в 1938 г.

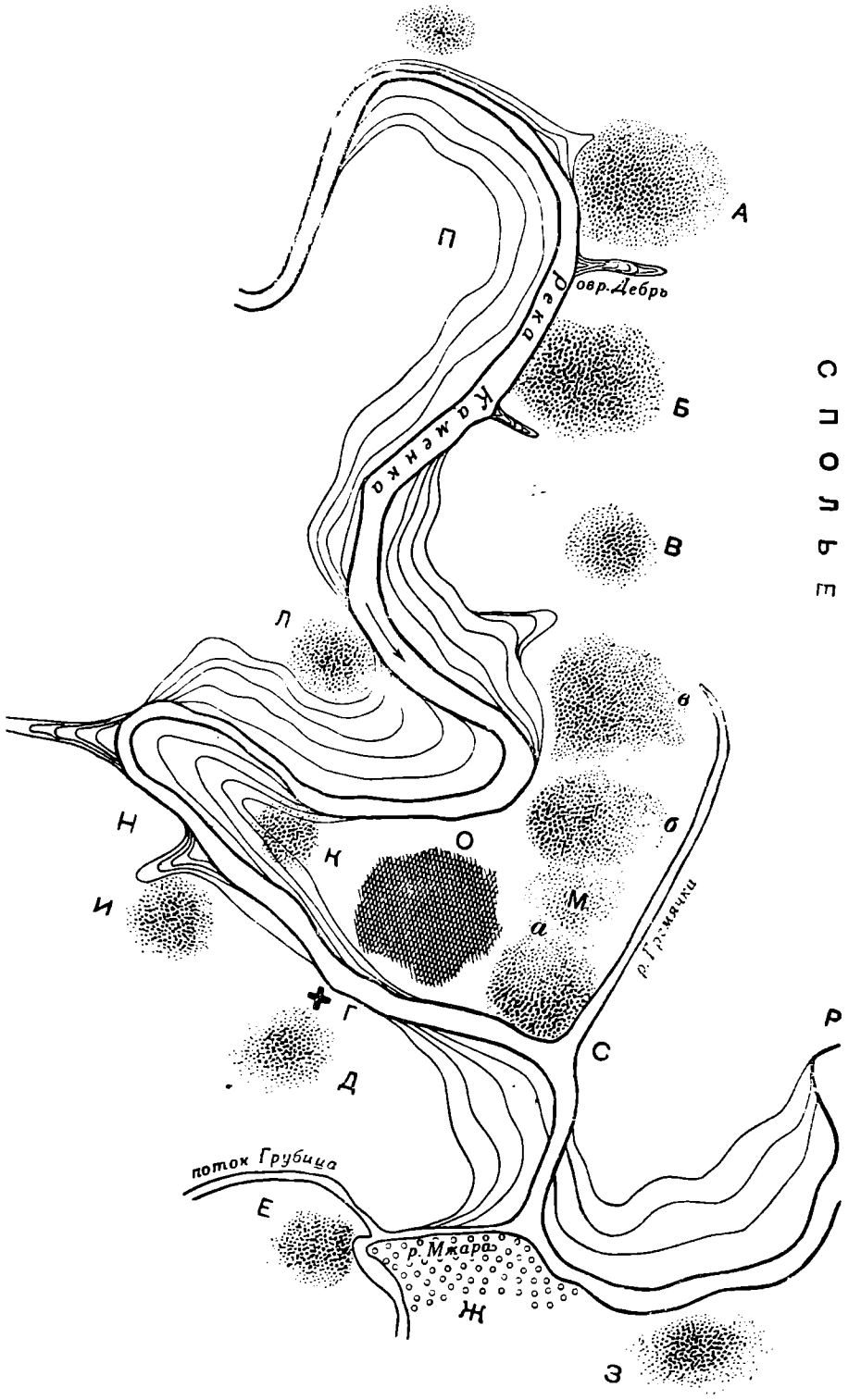

Рис. 57. Схема поселений XI—XII вв. на территории г. Суздаля. (Буквы обозначают участки обследования.)

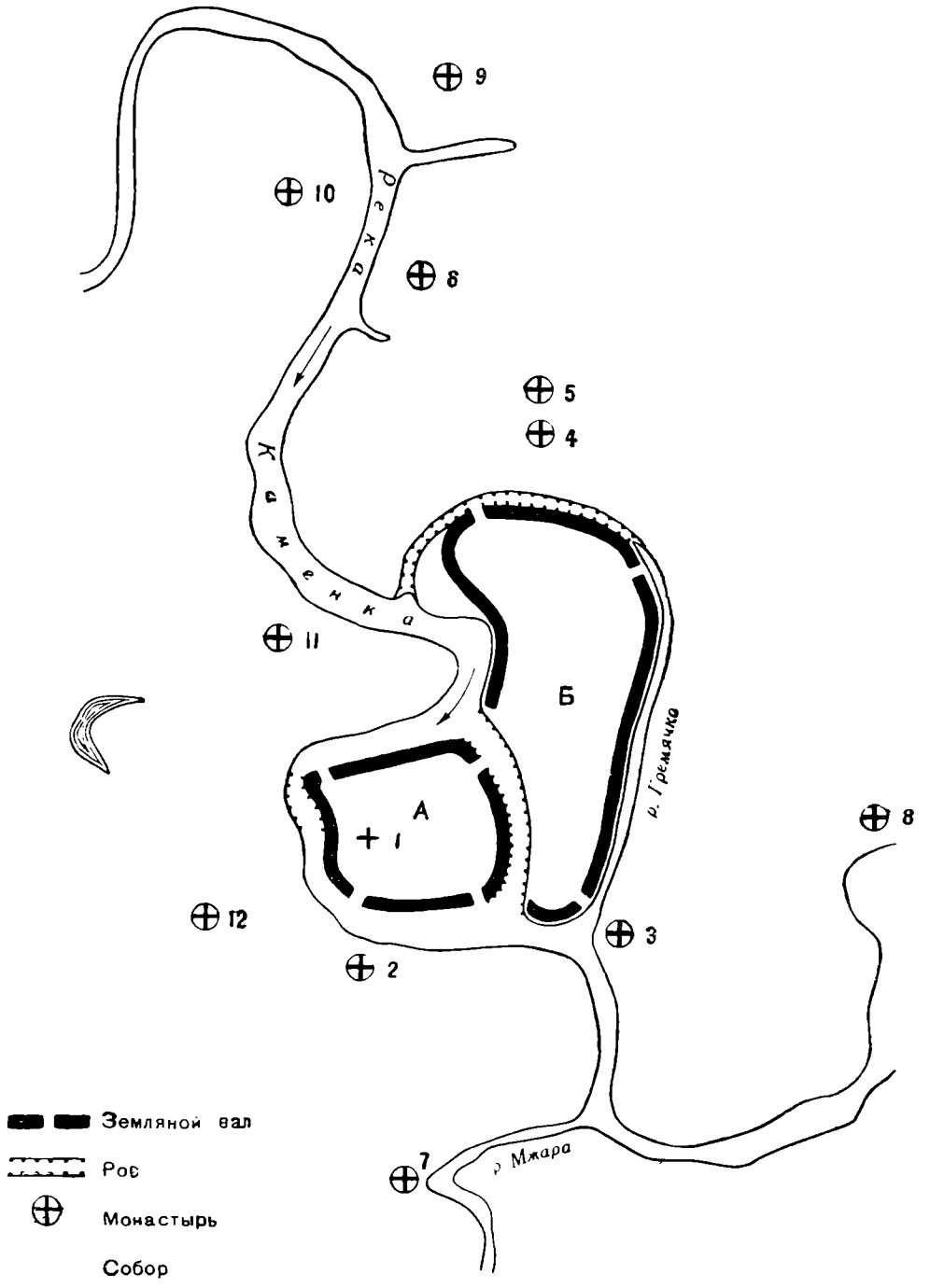

Рис. 58. Схематический план г. Суздаля XI—XVI вв.

А — город-крепость, *Б* — посад-острог. *1* — городской собор XI—XII вв. Монастыри; *2* — Димитриевский [ул. 1096 г.); *3* — Козьмодамиановский (XII в.); *4* — Ризположенский (1207 г.); *5* — Троицкий (XIII в.); *6* — Александровский (1240 г.); *7* — Введенский (XIII в.); *8* — Васильевский (XIII в.); *9* — Спасо-Евфимиев (1360 г.); *10* — Покровский (1360 г.); *11* — Андреевский (XVI в.); *12* — Борисоглебский (XVI в.).

ку слой по мощности уменьшался, а местами исчезал совсем. Так, например, траншеи на территории Спасо-Евфимиева монастыря (рис. 57, лит. А) показали мощность культурного слоя в ближней к берегу зоне 0.75—1.10 м, а в 150 м к СВ слой не превышал 0.30 м. В нижних слоях ближайшей к реке траншеи был обнаружен вещественный материал XII—XIII вв.: обломки стеклянного витого браслета, большое количество керамики темнокрасного и бледного цвета с линейным орнаментом и дресвой в изломе (тип 1—3, тип I на рис. 59) [1]; обломки грубых толстостенных глиняных сосудов полулепного типа с крупной дресвой в изломе и на поверхности (тип 4). Это славянская керамика X—XI вв. Слой содержал также много костных остатков. Здесь же было найдено горло кувшина или рукомойника в виде головы барана, красной глины в изломе, с дресвой (рис. 60). Траншея, удаленная к СВ, дала материал не ранее XVII в. (крест-тельник, лощеная черная керамика и пр.). Траншеи, расположенные к Ю, показали значительное ослабление культурного слоя при незначительном включении фрагментов курганной керамики. В этой части Спасский холм замыкается оврагом («Дерпь» или «Дебрь»), с приближением к которому культурный слой исчезает вовсе. В северной части описывае-

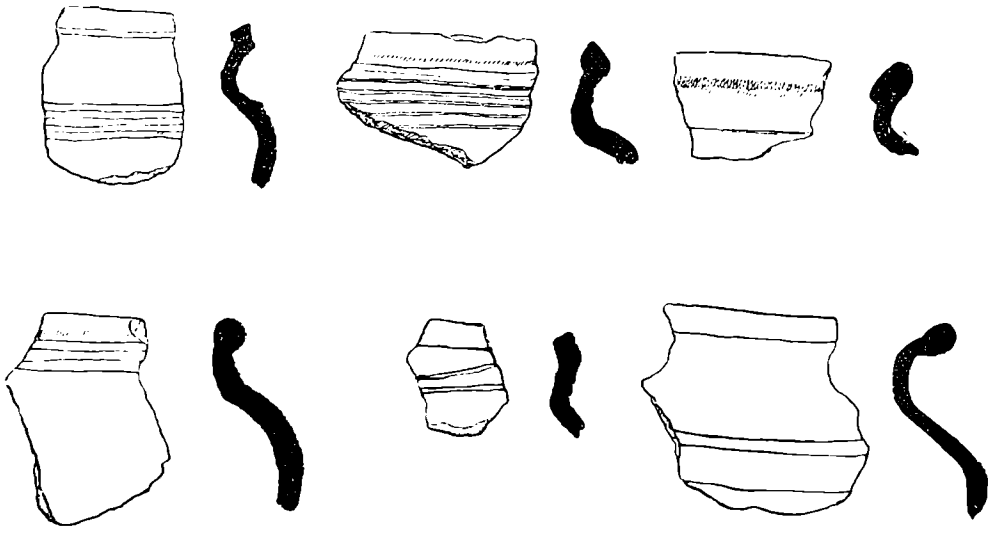

Рис. 59. Суздаль. Характерные образцы керамики типа 1.

мого участка слой остался не проверенным; однако уменьшение и исчезновение его к СЗ, прослеживаемое в обрывах реки, дает основание думать, что и здесь он прекращается. На расстоянии около 100 м к СЗ черный культурный слой появляется вновь, уже на территории села Коровники; он характеризуется керамикой тех же типов. Таким образом, в схеме, мы получаем пятно описанного культурного слоя площадью около 4—5 га, ограниченное с С и В полем, с З — рекой, с Ю — оврагом. Нет никакого сомнения, что это остатки небольшого поселения XI—XII вв. Аналогичные острова древних культурных напластований были установлены и в ряде других участков Суздаля.

К Ю от описанного участка по течению Каменки культурный слой увеличивается снова. Изученный нами материал из траншей на территории бывш. Александровского монастыря (рис. 57, лит. Б) и прилегающих к нему усадеб дает ту же картину. Максимальная мощность культурного слоя в этом участке, наблюдаемая также только близ берега, доходит до 1.00 м; к В он постепенно сокращается и на расстоянии около 300 м исче-

[1] Пользуемся классификацией суздальской керамики, установленной А. Ф. Дубыниным.

зает совсем. Нижние горизонты слоя при совершенно неправильной стратиграфии дают образцы отмеченной выше толстостенной керамики (тип 4), а также керамики типа 1—3 с линейным и волнистым орнаментом, но преобладает здесь темнокрасная керамика с довольно грубой, неровной шероховатой поверхностью, без орнамента. Верхние горизонты содержат керамику поздних периодов. Распространение слоя к С проследить не удалось, но, вероятно, он ограничивается тем же оврагом «Дерпь». С Ю рассматриваемый участок замыкает небольшой овраг — спуск, а с З берег реки. Здесь, так же как и на участке А, повидимому, было отдельное поселение XI—XII вв., на территории которого в 1240 г. возникает Александровский монастырь «Большая Лавра» [1].

При обследовании одной из ям под горой Александровского монастыря у старого «Вознесенского брода» (ныне Петровский мост) была обнаружена кладка из сырцового кирпича. При ближайшем исследовании оказалось, что это была древняя печь для обжига кирпича; ее стенки сложены из сырцовой плинфы на чисто глиняном растворе и изнутри обожжены. Здесь же было найдено несколько обломков обожженных плинф (квадратных, со стороной, равной 21 см при толщине от 3 до 4 см), аналогичных кирпичу, примененному в Суздальском соборе 1222—1225 гг. и в соборе Успенского «княгинина» монастыря во Владимире 1202 г. Обнаруженная печь может быть отнесена к началу XIII в. Возникает вопрос, не относится ли эта печь к постройке Александром Невским собора «Большой Лавры»? Ответ на него дадут последующие исследования.

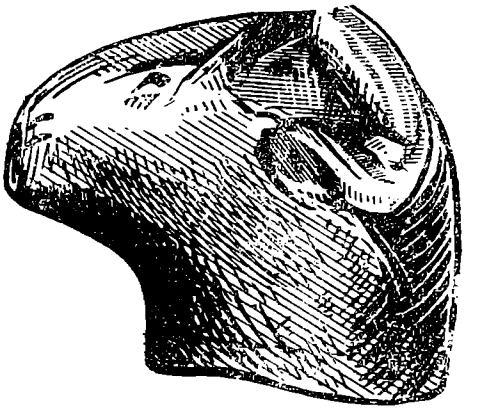

Рис. 60. Горло кувшина в виде головы барана, найденное на территории Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале (нат. вел.).

Третий участок, обследованный нами, занят Ризположенским и Троицким монастырями (рис. 57, лит. В). Здесь культурный слой местами доходит до 1.5—2.0 м. Стратиграфия, как правило, здесь сильно нарушена (земляные работы прежних строительств, погребения, известковые ямы и пр.). Так, например, одна из траншей глубиной 2.50 м только на глубине 0.75 м дала инвентарь XVII в. (керамика, стакан с орлом начала XVIII в.); ниже шел угольный слой, прослойки со щебнем и мелкой известью, и лишь на глубине 2.30 м была встречена керамика типов 1, 3, 4. На этом же уровне встречен дубовый полуразвалившийся сруб, лежащий непосредственно на материковой глине. Остальные траншеи на участке В дали также спутанную стратиграфию. При несомненности наличия здесь следов поселения XII в. установить хотя бы примерные границы пока не удалось.

В южной части города, за рекой, на высоком берегу расположена Димитревская сторона (рис. 57, лит. Г) или «Щупачиха» [2]. В конце XI в. здесь уже стоял монастырь св. Димитрия — колония Киево-Печерского монастыря [3]. До 1935 г. здесь стояло две церкви, построенные в середине XVIII в. Произведенные нами обследования на плато, расположенном на расстоянии около 150 м к Ю от церкви (рис. 57, лит. Д), дали керамику

[1] В. Березин. Историко-статистическое описание церквей и приходов Влад. епарх., Владимир, 1896, стр. 25.

[2] «Щупачиха» — местное название Димитриевской стороны. По писцовой книге 1628 г. здесь была «улица Щипачева».

[3] ПСРЛ, I, стр. 108.

типов 1, 3, 4 при совершенно ненарушенной стратиграфии. Кроме этой керамики здесь встречены обломки глиняного гончарного сосуда яркокрасного и красно-коричневого цвета; эта керамика знакома нам по нижним слоям XII—XIII вв. Кремлевского участка [1]. Совершенно ровный темно-серый слой идет до глубины 0.60 м; судя по большому количеству керамического материала в ряде траншей этого участка, можно догадываться о существовании здесь довольно большого поселения XI—XII вв. площадью 3—4 га. Если древний монастырь Димитрия был на месте существовавших до 1935 г. храмов, то весьма возможно, что это одно из тех сел, которое получил монастырь в XI в. от Ефрема, митрополита Киевского [2].

К ЮВ от описанного участка, на высоком берегу реки Мжары (правый приток Каменки), около Знаменской церкви (рис. 57, лит. Е) нами был обнаружен культурный слой мощностью 0.60—0.80 м с керамическим материалом разного времени. Нижние горизонты, так же как и на предыдущих участках, дают керамику типов 1—3, но в небольшом количестве. Обследовать подробнее этот участок не удалось, но, судя по материалу трех траншей и рельефу местности (с В — холм с высоким обрывом к реке, с СЗ — овраг потока Грубица, с Ю — пологий склон к пойме), можно вполне допустить существование и здесь особого поселения XII в. По некоторым источникам, здесь уже в начале XIII в. находился Введенский женский монастырь [3] и Пинаева деревня, упомянутая в последний раз в деле 1685 г. об отмежевании земли по челобитию суздальских посадских людей [4], а в дальнейшем включенная в черту города под названием «Пинаихи» или Пинаевой стороны [5].

На противоположном берегу Мжары, вдоль берега, до впадения ее в Каменку, на высоком береговом плато находится большая группа курганов (рис. 57, лит. Ж); дата могильника, установленная раскопками,— XIII—XIV вв. За курганами вдоль Каменки расположено большое село Михайлова сторона Суздаля (рис. 57, лит. З). Обследование берегов и ряда разрытий дало вещественный материал, также определяющий заселение этой территории уже в XII в. Поселок, повидимому, был значительным.

Осмотр траншей в заречных слободах Суздаля (рис. 57, лит. И, К, Л) дал сравнительно бедный материал. Так, на Борисоглебской стороне (рис. 57, лит. И) культурное напластование достигает на склоне к пойме 0.45 м; в его нижних горизонтах встречена в незначительном количестве керамика типов 1—3. Этот участок занимает отдельную возвышенность, ограниченную с С оврагом. Те же результаты дали Ильинская слобода, носившая в древности название Ивановой горы (рис. 57, лит. К) [6], и Тихвинская, намечающие следы поселения XII—XIII вв.

Зато участок посада-острога (рис. 57, лит. М) дал богатейший археологический материал. Уже мои раскопки 1938 г. [7] в его ЮВ части (рис. 57, М-а) вскрыли слой, свидетельствующий о заселении мыса устья реки Гремячки еще в XII в. Во всех траншеях участка М-а прослежен культурный слой мощностью 0.80 м; его стратиграфия совершенно не нарушена: на глубине 0.60 м появляются браслеты гладкие, затем витые и характерные бусины; керамика нижних слоев — исключительно типов 1—4

См. мой отчет о раскопках в Суздале за 1939 г. (архив ИИМК).

ПСРЛ, I, стр. 108.

В. Березин. Ук. соч., стр. 68.

[4] И. Токмаков. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в гор. Суздале. Приложение, стр. 29.

[5] Анания Федоров. Сказание о богоспасаемом граде Суздале. Вр. ОИДР, кн. 22.

[6] См. Н. Воронин. Отчет и опись по раскопкам 1936 Суздаля (архив ИИМК) Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., стр. 94.

[7] Отчет за 1938 г. (архив ИИМК).

с линейным орнаментом; лепной керамики не встречено. Здесь также были обнаружены подпечные ямы с кухонными отбросами, углем и обожженными камнями [1].

Обследование траншей в центре острога на городской площади (рис. 57, лит. М-б) дало весьма разнообразный материал; культурный слой здесь оказался также не нарушенным и достигает 1.10 м. Он содержит много костных остатков; в его нижних горизонтах — также керамика типов 1—3, но в большем количестве; чаще встречается толстая, грубая полулепная керамика типа 4; много железных шлаков и кричного железа. Как и на участке М-а, здесь прослежены темные пятна в материковой глине — вероятные следы подпечных ям жилищ. Культурный слой участка М значительно усиливается к СЗ, в сторону реки. В обследованных нами траншеях на холме, называемом «теремки» (рис. 57, лит. М-в), обнаружился культурный слой мощностью до 1.40 м при нарушенной местами стратиграфии. Здесь также встречено огромное количество костного материала, керамика тех же типов, железные шлаки. Кроме того, найдено несколько обломков красного глиняного сосуда, повидимому, большого, с толстыми стенками и бархатистой матовой поверхностью. По своему типу эта керамика очень близка к амфоре XI в., обломки которой найдены нами при раскопках в Кремле [2]. Все эти материалы дают возможность установить наличие на территории «Острога» (М-а-б-в) — довольно большого поселения XI—XII вв.

Не обследованными нами остались территории Покровского (рис. 57, лит. П) и Васильевского (рис. 57, лит. Р) монастырей.

Полученный во время наблюдений за земляными работами 1941—1942 гг. материал значительно дополнил данные археологических раскопок Суздаля в 1938—1939 гг. и свидетельствует о наличии на территории города целого ряда поселений XI—XII вв., расположенных на возвышенностях вокруг более старого поселения (лит. О). Именно эта группа славянских поселений, которая, возможно, будет расширена дальнейшими исследованиями, и носила летописное имя «Суждаля».

Позднейшие легенды, связанные с названиями суздальских урочищ, сохранили смутное и искаженное воспоминание о местах языческого культа. Так, на холмах вокруг старого городища легенда поместила капища языческих божеств: «Яруна» (на Яруновой горе), «Купала» (на Сполье), «Облупы» (на теремках). На «Сполье», по словам тех же местных преданий, происходили «игрища» жителей ближайших селений [3]. Эти позднейшие легенды имеют какое-то зерно исторической правды. Восстание смердов 1024 г., обрушившееся на голову «старой чади», феодализирующихся верхов погостских общин, возглавлялось языческими жрецами — волхвами [4]. Вероятно, в связи с этим обострением социальных противоречий, отражавшим несомненный рост феодальных элементов, и стоит укрепление старого центрального поселка (лит. О) валом с тыновой оградой, где и концентрируются уходящие из общин «лучшие люди» — «старая чадь». С этим «городом» и связывается в дальнейшем имя «Суздаль», покрывавшее первоначально сложный комплекс общинных поселков. Под 1096 г. Суздаль выступает уже как «город» [5]. Его хозяевами была местная знать, здесь же жители издавна связанных с городом поселений укры-

---

[1] См. мой отчет за 1938 г. (архив ИИМК).

Там же.

[3] Анания Федоров. Сказания.., В. Георгиевский. Суздальский Ризположенский монастырь. Владимир, 1900 г. (Житие Ефросинии Суздальской), стр. 41. В 1928 г. Ярунова улица переименована в набережную Шевченко.

[4] Н. Н. Воронин. Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв. «Проблемы истории докапиталистических обществ». 1935, № 5—6, стр. 207.— ПСРЛ, I, стр. 63—64.

[5] ПСРЛ, I, стр. 108.

вались в случае опасности. Так, Ростовская летопись, рассказывая о нападении болгар на Суздаль в 1107 г., сообщает, что болгары «обступиша град и много зла сотвориша воююще села и погосты, и убивающе многих христиан...», находящиеся в городе, «затворишася во граде» [1].

Существующий в Суздале земляной кремлевский вал, в основе своей несомненно возведен не позже конца XI в.; с целым рядом позднейших поновлений он сохранился до наших дней. Первоначальное сооружение этого вала и рва, конечно, не может быть отнесено к работам, проведенным Всеволодом III в 1192 г., как это обычно принято считать. Копка рва шириной 35 м при глубине 8.50 м и сооружение вала высотой более 10 м и длиной 1400 м, да еще рубка «города» по гребню вала едва ли могли быть осуществлены в «то же лето», как сообщает летопись. Вероятнее, что Всеволод использовал старый вал, усилив его подсыпкой, а вновь был только срублен город, т. е. вместо обветшавшего тына были поставлены деревянные стены и башни. Мои раскопки 1939 г. подтверждают это: кремлевский вал Суздаля своей насыпью перекрывает культурный слой X—XI в. [2].

Основные наблюдения во время земляных работ 1941—1942 гг. на территории острога к востоку от кремля, а также материалы раскопок прежних лет свидетельствуют, что посад, расположенный вне «города», в XII в. сильно разросся. Стены «города» уже не могли вместить его население в случае осады. Это привело к постройке в конце XII или начале XIII в. второго вала, называвшегося «острожным» или «большим земляным городом» [3]. При сооружении острожного вала была использована как естественный ров речка Гремячка, прикрывавшая посад с востока, а с севера был прорыт ров (рис. 58) [4]. Возможно, что эти оборонительные работы были произведены незадолго до монгольского нашествия.

Татары разгромили не только Суздаль-крепость — повидимому, были уничтожены все поселения около города, следы которых установлены нами. На их местах в XIII, XIV и XVI вв. вырастают монастыри и их слободы (рис. 58). Интересно отметить, что топография феодального Суздаля XVII в. повторяет, в основных чертах, древнейшую. Писцовые книги начала XVII в. [5], включая весь комплекс поселений (монастыри, слободы, посад) в понятие города Суздаля, в то же время числят их за городом, которым попрежнему остается древний суздальский кремль.

А. Д. Варганов

НАДПИСЬ КИЕВСКОГО ГОНЧАРА XI ВЕКА.

В древнейшей части Киева, в Старом Городе, был найден при земляных работах (около 1915 г.) обломок глиняного сосуда с фрагментами русской надписи XI—XII вв. Надпись представляет значительный интерес не только потому, что относится к древнейшему периоду русской письменности, но еще и потому, что сделана она рукой мастера-гончара по сырой глине до обжига сосуда (рис. 61).

---

[1] Цит. по Н. Н. Воронину. Из истории сельского поселения феодальной Руси. Известия ГАИМК, вып. 138, Л., 1935, стр. 25.

[2] Мой отчет о раскопках 1939 г. (архив ГИИМК).

[3] Анания Федоров. Сказания... Те же обстоятельства побудили произвести ремонт этого вала в середине XVII в., так как «уездным и всяким людям вместиться нельзя, город не велик, меньше острожного места земляного вала, теснота будет великая». А. И. Смирнов. Материалы для истории Влад. губ., вып. II, стр. 308.

[4] Вода рвом не пошла, поэтому ров был назван «Нетекой» (Анания Федоров). Выросший на его берегу поселок принял это название (ныне улица Нетека).

[5] Писцовая книга 1628 г. Тр. Влад. учен. арх. ком., кн. 6, стр. 1; писцовая книга Суздаля 1617 г. Ежегодник Влад. учен. ст. ком., т. I, вып. I, стр. 25.

Надпись эта дважды упоминалась на страницах печатных изданий, но ни разу не была сделана попытка восстановить текст, и даже сохранившаяся часть транскрибировалась иногда неверно.[1]

Надпись сделана вокруг горлышка сосуда, имевшего ранее две ручки. Наличие ручек мешало писавшему и в силу этого некоторые части надписи выполнены хуже других (например, буквы **сн**); там, где было удобно писать, мастер уверенно наносил буквы на глину. Надпись сделана по кругу без интервалов между словами. Бесспорная часть надписи содержит следующее:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
								и	**є**	**ш**	**а**	**и**	**л**	**о**	**и**	**а**

18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
к	**о**	**р**	**і**	**а**	**г**	**а**	**с**	**и**		

Кроме того, сохранилось пять фрагментарных букв, к восстановлению которых мы и приступим. Ни Козловская, ни Ржига на эти обрывки букв не обратили внимания, вследствие чего не могли прочесть надпись.

Рис. 61. Горло корчаги XI в. поврежденной надписью.

Вся круговая надпись должна содержать 28—30 знаков. Ввиду того, что буквы **иєша** явно представляют собой окончание слова, нумерацию начну с фрагментов букв, находящихся влево от этого окончания.

Легче всего восстанавливается знак 21 — это **ч**, от которого осталась одна вертикальная черта.

Знак 27 по смыслу должен быть **м**, так как с добавлением этого звука получается полная форма местоимения «сия».

Сложнее восстанавливать утраченный начальный текст. Знак 1 сохранился лишь в своей верхней части. Это горизонтальная перекладина с отходящими от ее левого конца вниз двумя чертами, расходящимися под острым углом. Никакой иной буквой, кроме **б**, этот знак быть не может.

Соседний знак (2) представляет вершину острого угла (низ оболман); он может быть буквами **л д м**. Наиболее вероятным представляется чтение его как **л**. Знаки 3, 5, 6, 7 не сохранились совершенно. От знака 4 сохранилась высокая мачта и небольшая черта в правой стороне

[1] Валерія Козловська. Розкопи року 1930 у Київі на горі Дитинці (Хроніка археології та мистецтва», ч. 3, Київ, 1931, стр. 51). На обложке книги помещена фотография интересующего нас фрагмента. К величайшему сожалению, эта вещь, хранившаяся в частных руках, теперь утеряна.

Н. Ф. Ржига. Очерки из истории домонгольской Руси. Тр. Гос. ист. музея, I, 1929, стр. 38. Ржига читал надпись так: **иєша.. акърчага сн**. В этом чтении ошибочно поставлен **ъ** после **к** и пропущены некоторые совершенно ясно читаемые буквы.

от нее. Этот знак может быть или буквой **г**, или буквой **б**, но **г** писалось автором надписи иначе — косая перекладина подходит к самой вершине мачты, кроме того, этот знак вынесен высоко над строкой, как это мы видим и на знаке 23 (буква **г**). Больше вероятия считать знак 4 буквой

Знак 8 сохранил горизонтальную перекладину над строкой, которая на фотографии видна плохо. Она может принадлежать буквам **б в г т**. Таким образом, первое слово надписи, окончание которого ясно видно на фотографии, выглядит так: **бл-г---тнѣша**.

Предположение В. Ржиги, что «надпись, вероятно, обозначала собственника корчаги» [1], едва ли может быть подтверждено. Обращаясь к данным восточной средневековой эпиграфики, легко заметить, что чаще всего надпись мастеров на сосудах содержит пожелание видеть его всегда полным [2]. Скорей всего такое же прославление полного сосуда содержала и киевская надпись. Исходя из этого, я предлагаю следующее ее чтение: **благодатнѣша плона корчага сиѧ+**, т. е. «Благодатна полная эта корчага!» (рис. 62, *а*).

Фонетической особенностью надписи является отсутствие **ъ**. Слово «плона» должно было писаться **плъна** и по законам древнерусского произношения произноситься как «полна». Слово «корчага» часто писалось **кърчага**, где **ъ** играл роль глухой безударной гласной. Писавший надпись, будучи хорошо знаком с начертаниями условных русских букв, пренебрег такими фонетическими тонкостями профессиональных писцов и применил более простую народную форму, заменив **ъ** более полным **о**. Это обстоятельство также позволяет считать автором надписи мастера-гончара. Кроме того, начертание **плона** вместо **полна** или **плъна** позволяет датировать надпись XI веком [3].

Сравнение киевской надписи на корчаге с целым рядом русских надписей XI—XII вв. (тмутараканский камень, софийские graffiti, монеты, шиферные иконки, серебряные и золотые изделия) [4] убеждает в том, что нашу надпись было бы правильнее отнести к XI в., чем к XII.

Остроугольное **а**, высокое с миниатюрной головкой **р**, написанное с прямой перекладинкой **н**, широкое **с** и некоторые другие признаки, хотя и не дают права настаивать на XI в., но свидетельствуют о большой близости надписи на корчаге к памятникам именно XI в. Нет ни одного признака, противоречащего этой дате. Совпадение же эпиграфических указаний датировки с лингвистическими позволяет уверенно относить надпись к XI в.

Содержание надписи интересно в двух отношениях: во-первых, мы теперь точно знаем, какой сосуд в древней Руси назывался корчагой, а во-вторых, можем поставить вопрос и о назначении этих сосудов, с которыми, по всей вероятности, связано пожелание оставаться всегда полными.

В современном нам представлении корчага — это большой горшок с очень широким устьем. В высоту корчаги достигают 90 см при ширине 70—80 см. Одна такая корчага XV в. найдена при работах Метростроя в Москве близ Крымской площади. Она служила для хранения зерна или муки [5].

---

[1] В. Ржига. Ук. соч., стр. 38.

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. Ручка амфоры VII—VIII вв. с согдийской надписью: «Да будет полным...»

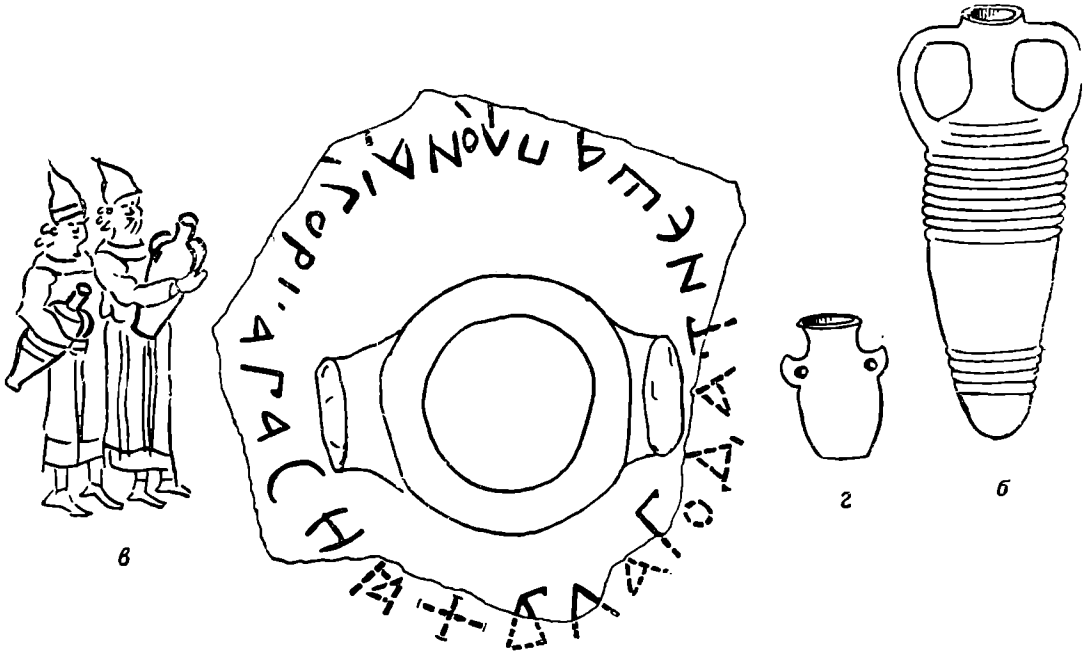
[3] Указанием на эту дату я обязан любезности С. Б. Бернштейна.

[4] См. акад. А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв., 1936.

[5] А. А. Потапов. Древний погреб близ Крымской площади — «По трассе Московского метрополитена». Л., 1936, стр. 148, рис. 92. См. также В. А. Самсонов. Старый Курск («Литературный альманах». Курск, 1939, стр. 180. Фотография корчаги, найденной в Курске).

Наша корчага дает совершенно иной тип сосуда (рис. 62, *б*). Киевские корчаги имели настолько узкое горло, что мастер не мог даже просунуть руку внутрь сосуда, чтобы выгладить там следы глиняных спиралей, из которых лепился сосуд; рубцы от этих глиняных вальков всегда хорошо видны на горловой части корчаг. Нижняя часть корчаги была обычно узкой, конической, изредка заканчивалась миниатюрным поддоном. От горлышка к плечикам шли две массивные ручки, которые придавали всему сосуду сходство с античной амфорой. Еще больше аналогий дает средневековая византийская керамика.

Амфоры-корчаги встречаются при раскопках в целом ряде городов древней Руси, преимущественно южных. Много корчаг было найдено в Киеве, Вышгороде, Белгороде, Княжей горе, Смоленске, Старой Рязани, Вщиже, Ковшаровском городище и в ряде других мест. Все находки относятся к домонгольской эпохе. После татар амфоровидные сосуды исчезают повсеместно.

а *в* *г* *б*

Рис. 62.

а—восстановление текста надписи на корчаге; *б* — образец корчаги-амфоры Киевского типа XI—XIII вв.; *в*—изображение корчаг-амфор с Радзивилловской летописи *л.* 72 об. (по оригиналу XII—XIII в.); *г*—древнерусский корчажец XI—XIII вв.

В украинском языке в отличие от русского сохранилось представление о корчаге, как об амфоровидном сосуде: корчага — сосуд для вина с узким горлом [1].

В Киевской Руси корчаги употреблялись для хранения и перевозки жидкостей, главным образом вина, хмельного меда, изредка масла.

Древнерусские письменные памятники часто упоминают корчаги (**кърчага корчага кърчага**) [2] и почти всегда в качестве сосуда для вина: «а вино держи, купив корчагу» («Вопрошание Кирика», XII в.). Древнейшие упоминания корчаги относятся к XI в. (ряд переводных памятников) [3]. В княжеских погребах в корчагах хранили значительные запасы

---

[1] В. Ф. Ржига. Ук. соч., стр. 35.

[2] В. Ф. Ржига производит слово корчага от тюркских названий. Любопытно, что в средневековом армянском языке слово ХРЧАГ означало горло. Не отсюда ли амфора, т. е. сосуд с горлом, получила это название КРЧАГ (**кърчагъ**) — горлач?

[3] И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I.

вина: «...И ту двор Святославль раздели на четыре части... и в погребах было 500 берковьсков меду, а вина 80 корчаг»[1]. Даже в монастыри возили вино в корчагах: в житии Феодосия Печерского (XI в.) рассказывается о том, как ключница князя Всеволода Ярославича послала монахам вино: «Привезоша три возы полны суще корчаг с вином».

В корчагах-амфорах перевозилось на Русь из Византии виноградное вино. Его упоминает князь Святослав в числе различных благ, сходящихся к Преславе на Дунае: «...от грек паволоки, злато, вино...»

В Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи, оригинал рисунков которой восходит к XIII в., имеется очень ценное изображение корчаг, приведенное в связи с известным эпическим рассказом об осаде Белгорода печенегами в 997 г. Легендарный сюжет об обмане осаждающих дал художнику повод изобразить различные типы сосудов[2] (рис. 62, *в*).

Производным от «корчаги» является термин «корчажец», опять-таки, восходящий к XI в. В отличие от корчаги-амфоры, вмещающей 15—20 литров, «корчажец вина» выступает в источниках в качестве меры вина на одного человека, которую ставят на стол каждому сидящему.

В Киевском керамическом ассортименте XI—XII вв. можно указать тип сосуда, который, по всей вероятности, соответствует корчажцу,— это небольшие глиняные сосуды с узким горлом, вытянутые вверх и имеющие по два декоративных ушка. Они устойчивы и хорошо стоят на столе. Внешне они напоминают амфоры-корчаги и являются мелкой разливной посудой (рис. 62, *г*). В городах Киевской Руси их встречается очень много[3].

Для истории ремесла киевская корчага важна в том отношении, что свидетельствует о местной киевской выработке амфор-корчаг и о наличии хороших гончарных горнов уже в XI в.

При метрологическом изучении корчаг необходимо будет обратить внимание на корчажцы — не окажутся ли они кратными долями корчаги-амфоры? Кроме того, нужно выяснить отношение корчаги к римскому амфорусу.

Неудивительно, что корчаги с вином, составлявшие необходимую часть пиров, воспетых в былинах, надписывались гончарами. Благожелательная надпись, в которой мастер восхваляет вечно полный сосуд, обращена к будущему владельцу корчаги. Для нас это пожелание изобилия, написанное в эпоху Ярослава или его сыновей, является интересным штрихом быта Киевской Руси.

Б. А. Рыбаков

ПОЛИВНОЙ СОСУД ИЗ БИЛЯРА

Среди коллекций Чистопольского краеведческого музея исключительный археологический интерес представляет один поливной керамический сосуд (инв. № 537, рис. 63). До поступления в музей сосуд находился в собрании А. А. Шульца, бывш. помещика села Мамыково, Старо-Моксинской волости, бывш. Чистопольского кантона. Где и при каких обстоятельствах был найден сосуд, не указано, но можно предполагать, что он

---

[1] Лавр. летопись под 1146 г.

Радзивилловская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. (М., 1902, событие 997 г., лист 72 об. Изображенные в летописи амфоры-корчаги XI—XIII вв. еще раз доказывают копирование художником Радзибилловской летописи оригинала XIII в. К сожалению, этот аргумент не использован А. В. Арциховским (А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи. Л. 1932)

[3] W Antoniewicz. Zagadkowie amforki z Ukrainy, «Swiatowit», XIII, 1929. На основании ошибочных и случайных данных проф. Антоневич растягивал дату этих амфориско-корчажцев от конца бронзового века до XVIII столетия.

происходит из Билярского городища в окрестностях села Мамыкова. Это узкогорлый кувшинчик, окрашенный киноварью, по которой на горлышке сосуда и на его боках сделаны черной краской полосы.

На горлышке они идут зигзагообразно, на боках — прямой лентой. Горлышко сосуда в нижней его части опоясано лентой золоченой поливы. Ею же сделаны на боках сосуда между черными лентами по три пятна продолговатой формы. На боках сосуда барельефные орнаментальные украшения символического характера: в центре — круг с семью выходящими из него отростками или лучами; ниже, по обе стороны этого круга, два небольших позолоченных кружка с впадинами в центре. Круг с семью лучами также покрыт в центре золотой поливой, обрамленной черной краской. Из этого круга выходят семь волнистых рельефных линий — четыре с левой стороны и три с правой. Между этими линиями рельефное изображение трех листочков, идущих друг за другом в виде цепочки. По сторонам малых золоченых кружков две рельефные гирлянды, из пяти листочков каждая. По сторонам этих гирлянд, на фоне, помещены по два рельефных листочка. Вся эта композиция обрамлена с наружной стороны рельефным жгутом с одиннадцатью полукруглыми изгибами.

Рис. 63. Поливной сосуд из Биляра.

Интересно, что описанная барельефная композиция совершенно идентична на обеих сторонах сосуда; видно, она отжата в глине с одной и той же формы или матрицы и затем налеплена на обе стороны сосуда уже после его изготовления, но еще на сырую глину. На это указывают небольшие щели на боках рельефных накладок.

Окраска сосуда произведена после наложения на сосуд барельефных накладок. Первоначально сосуд был окрашен красной краской. По ней сделаны черные полосы. В тех местах, где черная краска осыпалась, проглядывает основная красная краска. Последним слоем наносилась позолота, местами заходящая своим толстым слоем на черную и красную окраску.

Окраске сосуд был подвергнут после обжига. Верхняя часть горлышка сосуда отбита. Материалом сосуда является тонкотертая слоистая глина желтовато-красного цвета. Высота сосуда — 14 см; диаметр в наиболее выпуклой части (с боковыми накладками) — 7 см; диаметр дна — вмазанного на небольшой глубине от днища стенок — 4.2 см; высота сохранившейся части горлышка — 7 см. Характер орнаментально-декоративного убранства сосуда, в частности, изображение звезды с семью лучами и семью вытекающими из нее «реками», неизвестен в цикле опубликованных памятников болгарской керамики [1] и, несомненно, указывает на то, что сосуд имел специальное назначение, связанное с потребностями культа, и что он

[1] Среди находок, обнаруженных в Билярском городище разными лицами и в разное время, подобных сосудов не встречается. См. С. М. Шпилевский. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губ., Казань, 1877, стр. 357—364. Они не имеются и в бывш. собр. А. Ф. Лихачева.

отражает в своей орнаментике синкретические представления, жившие в далеких астральных культах древнего и средневекового Востока. Число семь играет, как пережиток древних феодально-астральных представлений, большую роль не только в Библии, но и в Коране [1]. Особую роль играет в Коране и звезда [2]. В главе XXIV, с. 35—40, Корана говорится: «Он свет небес и земли; свет его подобен светильнику в нише стены. Этот светильник помещен в стеклянном футляре, который блистает, как жемчужная звезда. Светильник питается елеем благословенного масличного дерева... Кому бог не подает свет, тот не будет озарен им».

Быть может, нишу стены и изображает на нашем сосуде жгутообразное обрамление, имеющее в верхней части немного килевидный, как в мусульманской архитектуре, характер. Быть может, лозу оливкового дерева изображает и гирлянда из листьев на барельефе с обеих сторон сосуда, а звезда с семью лучами является той «жемчужной звездой» Корана, из которой истекает семь рек, питающих землю Семиречья.

Указанная орнаментика сосуда дает возможность заподозрить его болгарское, в частности билярское происхождение, и считать его занесенным в средневековый Биляр одним из тех неизвестных нам пилигриммов, которые, окончив курс учения в Багдаде, приходили для наставления в исламе в прикамскую Болгарию [3] и, по распространенному в средние века обычаю [4], приносили с собою, среди разнообразных реликвий, и сосуды, наполненные «елеем благословенного масличного дерева». Несомненно, что и наш сосуд служил для хранения оливкового масла из Багдада, или Мекки. Он, очевидно, не является уникальным экземпляром. На это указывают и его обработка и особенно его барельефные украшения, сделанные при помощи штампа. Нет сомнения, что не мало таких реликварных, богато украшенных сосудов попадало в руки болгарской феодальной верхушки и в руки болгарского купечества, а кроме них сосредоточивалось в руках феодально-церковной знати. С 20-х годов X в., на которые падает крупное политическое событие — принятие волжско-камскими болгарами ислама и заключение договора с Востоком [5], приток разнообразных реликвий в Биляр шел усиленным темпом вплоть до 1236 г., когда этот «Великий город» пал под ударами новых завоевателей — татар.

Определить время изготовления нашего сосуда при отсутствии аналогичных или близких по стилю датированных памятников затруднительно, но все же, думается, имеются некоторые данные, позволяющие ввести его в определенные хронологические рамки, и прежде всего, сама эта техника обработки сосуда, характер его киноварной окраски и мутной золотой поливы. Они близки к памятникам восточного искусства XIII в. Стиль орнаментального убранства еще с большей убедительностью говорит о том же времени. Действительно, как самый жгут, так и гирлянды из оливковых листьев и центральная звезда уже утратили ту четкую форму, которая характерна для памятников восточного и восточно-византийского искусства более ранних эпох. Форма их при всей ее миниатюрности имеет тот мятый и тяжеловесный характер, который обычен в XIII в. и в памятниках каменорезной техники, и в монументальной и миниатюрной жи-

---

[1] «Семь слоев неба» — Коран, гл. II, стр. 28—31; «поднятие Магомета до седьмого неба» во время поездки его из Мекки в Иерусалим и по. С. М. Шпилевский. Ук. соч., 358; семикратное хождение Магомета вокруг Кааба (святилища кубической формы).— Ибн Исхак. Жизнь Мохаммеда. Перевод с арабского (в сб. «Происхождение ислама». ОГИЗ, 1931, стр. 91).

[2] Известен арабский сабеизм (верования в звезды). Шахрастани. Верования арабов (в сб. «Происхождение ислама». ОГИЗ, 1931, стр. 86).

[3] С. М. Шпилевский. Ук. соч., стр. 63.

[4] Ср. так называемые ампулы Монцы, приносимые в IV и V вв. в Западную Европу пилигриммами из Палестины.

[5] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей. СПб., 1870, стр. 260—270.

вописи, и в памятниках литья, и, наконец, в керамических изделиях, найденных в известном Мечетном городище [1], на расстоянии около 19 км от Сталинграда, несомненно относящихся к указанной эпохе.

Н. П. Сычев

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА И НАСЛЕДИЕ Н. Я. МАРРА

I

История русского народного искусства — одна из наименее разработанных исторических дисциплин. Будучи еще в недавнем прошлом предметом занятий преимущественно этнографов, народное изобразительное искусство обычно изучалось как стабильное проявление быта населения того или иного края и рассматривалось под углом зрения его роли в бытовом обиходе и техники выполнения. В лучшем случае исследователи не этнографы обращали внимание на стойкость традиции в народном искусстве и отмечали присутствие в нем образов глубокой древности.

Рожденный романтическими устремлениями славянофилов 40—50-х годов прошлого века интерес к народной старине своеобразно сочетал в себе диаметрально противоположные начала. Признавая одаренность народа, исследователи видели в то же время в его творчестве проявление культуры древней аристократии, восходящей к «царственно-жреческим временам», лишь принятой и распространившейся в народе (И. М. Снегирев), тяготеющем к архаическим формам — «священным преданиям, великой родной старине, святому завету предков» (Ф. И. Буслаев). Все это приводило к оценке народного искусства, как явления давно закостеневшей «сниженной культуры». Характерны, например, утверждения собирателя народного шитья гр. В. А. Соллогуба, что весь русский орнамент — церковного происхождения [2]. Но помимо такого рода любительских высказываний, большое распространение приобрели научные теории о более древнем внешнем источнике. Почти одновременно со статьей о русских былинах, происхождение которых сводилось к заимствованиям с Востока (1868 г.), Стасов, применяя учение Теодора Бенфея к изобразительному фольклору, путем внешне-сюжетных сближений, пытался доказать, что русская народная орнаментика — «это позднее эхо орнаментики азиатской, уцелевший осколок древнего мира, но осколок значительно попорченный и сокращенный». Выводя русский народный орнамент из «арийского» искусства Древней Персии и даже Индии, Стасов к этим истокам присоединил еще «азиатские узоры восточных финских племен» [3]. Но примечательно, что в статье о коньках на крестьянских крышах, написанной в 1861 г., Стасов резко отвергал предположение немецкого профессора Петерсена о заимствовании их славянами от германцев. «По старинным немецким привычкам, коль встретятся в чем бы то ни было сходства между славянским и германским миром, принято было за правило всегда объяснять их заимствованиями славян от германцев...»,— писал Стасов о специфически германской националистической индоевропеистике. «...он (т. е. Петерсен) естественным образом никак не подозревает у славянского племени самобытного происхождения и развития чего бы то ни было из всего, что принадлежало к их быту...» [4] Но сам Стасов источником наших обрядов, одежды, быта и

---

[1] Ф. Баллод. Приволжские Помпеи. 1923, стр. 18, 34, табл. VII, 6.

[2] В. В. Стасов. Лекция гр. Соллогуба. Собр. соч., т. II, СПб., 1894, разд. I, стр. 231—236.

[3] В. Стасов. Русский народный орнамент. Собр. соч., т. I, СПб., 1894, разд. I, стр. 198, 207.

[4] В. Стасов. Коньки на крестьянских крышах. Собр. соч., т. II, разд. I, стр. 108—110.

искусства считал страны Азии (см. его «Заметки о головных женских уборах»). Свои взгляды на этот вопрос он дополнил новыми материалами в статье «Дуга и пряничный конек», производя их узоры из Индии (мотив дерева на треугольной подставке) и Ассирии (убор пряничного конька) [1].

Стасовское толкование происхождения русского народного искусства оставалось незыблемым в течение ряда десятилетий и развивалось работами последующих исследователей. Так, например, И. Смирнов, отождествляя древних болгар с чувашами и от них производя искусство народов Волжско-Камского бассейна, близкое русскому народному, писал: «Но свет искусства, которым светили чуваши — болгары народам Поволжья, был не самобытный, а заимствованный: и материал, и мотивы ведут исследователей к культуре иранских народностей Средней Азии и Персии». К этому азиатскому источнику Смирнов, примыкавший, не в пример Стасову, к германским индоевропеистам, прибавил еще влияния литовско-германское и скандинавское [2].

В ином плане, исключающем мнения о северо-германском и восточном — азиатском либо финском — истоках русского народного искусства, к этому вопросу подошел В. А. Городцов [3]. Он обратил внимание на некоторое сюжетное сходство сцен поклонения женскому божеству или Древу жизни русской народной вышивки с изображениями на сарматских памятниках и на терракоттах, так называемых дакийских таблетках, опубликованных М. И. Ростовцевым. Однако, вскользь упомянув о памятниках Южной России, В. А. Городцов сосредоточил основное внимание на находках в Дакии с иконографически очень сложными сценами. Следуя традиционным взглядам о поселении «по мнозех же временех словен по Дунаеви, кде есть ныне Угорьская земля и Болгарская», он наметил южный путь перенесения древнейших основ русского народного искусства из закарпатской родины славян на берега Днепра и Волхова.

Особое место занимает небольшая книга В. Воронова [4]. Давая обзор крестьянского искусства по материалам изготовления, автор обнаружил глубокое понимание художественных качеств подлинно народных изделий и дал несколько верных замечаний о связи народного искусства с искусством правящих классов и о его древнейших формах, в нормах, указанных еще Стасовым, но без отнесения их к заимствованным извне.

Поставленная в последние годы Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра задача создания истории культуры Древней Руси во всех ее проявлениях, в том числе и в изобразительном искусстве, вызвала необходимость научной разработки вопроса о происхождении и путях развития русского народного искусства на основе всех накопленных наукой материалов. При крайней скудости археологических памятников особое значение приобрели пережиточные образцы народного искусства. Они, как и фольклор, дочесли в большей или меньшей сохранности формы и образы различных эпох, в том числе и древнейшие.

II

Индоевропейское учение, объясняющее происхождение славян, в том числе восточных, исходом из далекой азиатской или «промежуточной» закарпатской прародины, откуда они якобы вынесли основы культуры, постоянно питаемой оттуда же, сводило изучение народного искусства к толкованию его как отраженного света далекого светила, света холодного,

---

[1] В. Стасов. Дуга и пряничный конек. Там же, стр. 363—374.

[2] И. Смирнов. Волжские болгары. Русская история под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. I, стр. 23—24, 28—29.

[3] Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. Гос. ист. музея, вып. I, М., 1926, стр. 7—36.

[4] В. Воронов. Крестьянское искусство, М., 1924.

лишенного собственного горения. Нити преемственности культуры восточных славян от ее пракультуры оставались неуловимыми, что делало возможными любые предположения. Это снижало, без всяких к тому оснований, всемирно-историческую роль славянства, в том числе и восточного, которое в эпоху одряхления рабовладельческого Рима «омолодило Европу» [1].

Н. Я. Марр, как лингвист-историк, выводивший языковедение из его формальной ограниченности, широко привлекал памятники литературы и материальной культуры и этим способствовал перевооружению смежных дисциплин исторической перспективой.

«У яфетического учения об языке, общего учения, есть органическая увязка с историей материальной культуры, следовательно, с хозяйством и экономикой; есть такая же увязка с историей общественных форм... Без нее в своих научных изысканиях не может обойтись ни один археолог, ни один этнолог, ни один историк искусства, ни один словесник, литературовед, занят ли он историей письменной литературы, доселе классовой, или народной, народным эпосом или фольклором... или изучает происхождение культурных сюжетов или художественных образов и форм» [2].

Не умаляя заслуг индоевропеистики в прошлом, Н. Я. Марр подверг коренному пересмотру систему современного индоевропейского языковедения — «учения лишь формального». Он вскрыл всю ограниченность его формалистического компаративизма, который отрывает от формы ее меняющееся содержание и обращает язык в нечто стабильное. Эта ограниченность индоевропеистики способствовала сведению надстроечных явлений, культур разных народов к общим «праязыку», «праискусству» и т. п. Еще с 1924 г. Н. Я. Марр утверждал, что «единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция» [3]. Установление им единообразия языкового (глоттогонического) процесса и стадий его развития оказалось неразрывно связанным с раскрытием движущих сил этого процесса, в первую очередь стадиально меняющегося мышления. «Проблема о мышлении,— писал Н. Я. Марр,— это одна из величайших, если не самая великая проблема в мире, именно потому, что его корни находятся не в нем самом и не в природе, а в материальном базисе» [4]. Поэтому в работах Марра особое значение приобрел анализ «окаменелостей языка». Связывание слова и выражаемых им представлений с конкретными условиями общественной жизни на различных стадиях ее хозяйственного развития и с соответствующим им состоянием мышления составило основу того научного метода, который был назван Марром палеонтологическим анализом. При таком решительном отходе от формально-описательных построений сравнительного языкознания языковые факты начали открывать далекую историческую перспективу, тесно соприкасаясь с фактами материальной культуры и народного искусства.

Н. Я. Марр подверг коренному пересмотру и теорию миграций, культурных влияний и взаимосвязей. Возможность их наличия ни Марр, ни его подлинные последователи никогда не отрицали. Но вместе с тем Марр установил закон исторической преемственности в существовании и развитии на определенной территории этнических образований, а тем самым историческую преемственность и в развитии языка и культуры.

Естественно, что при анализе народного искусства научное наследие Н. Я. Марра приобретает первенствующее значение.

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1937, стр. 205.

[2] Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Программа общего курса об языке. Баку, 1928, стр. 17.

[3] Н. Я. Марр. Индоевропейские языки Средиземноморья. Избр. работы, т. I, стр. 185—186.

[4] Н. Я. Марр. Язык и мышление. Избр. работы, т. III, стр. 104

То новое, что дала за последние десятилетия советская археология, особенно труды Института истории материальной культуры, тесно связавшего свои исследования с новым учением Марра, коренным образом изменило самую основу воззрений на наше народное искусство, особенно толкование его происхождения. Не проблематичная зависимость от далекой азиатской, закарпатской или иной прародины, а факты реальных этнических и культурных связей восточных славян с предшествовавшими им насельниками лесной и лесостепной полосы Восточной Европы стали вехой в поисках корней восточнославянского искусства. Работами П. П. Ефименко, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова и др. устанавливается цепь преемственности от скифов — земледельцев и носителей культуры полей погребальных урн — к антам, к раннеславянским образованиям на нашем Юге. В тесной связи с этими фактами намечается подобная же преемственность племенных культур ранних славян и фин-

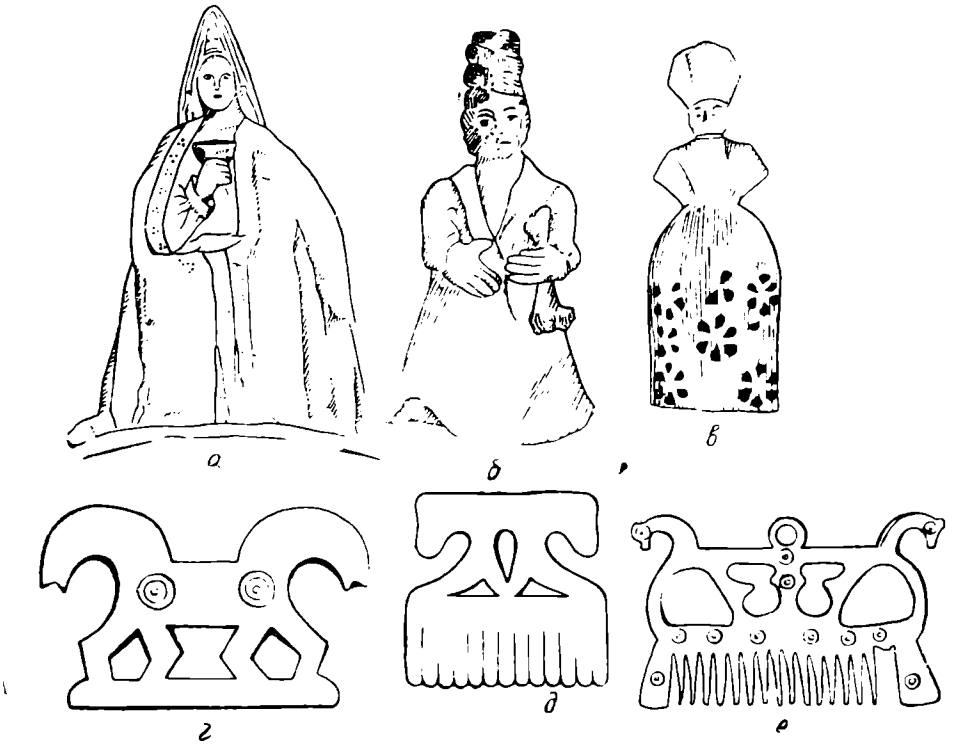

Рис. 64.

а, б — восточнославянские глиняные изображения VIII—X вв.; *в* — владимирская кукла (XIX в.); *г, д*—славянское кресало, гребень (XI в.); *е* — медный гребень (XIX в.).

нов [1] от культур северных, «еще не финизированных и не славянизированных народов-яфетидов», о наличии которых на широких пространствах лесного Севера писал Марр, [2] т. е. от культуры городищ дьякова типа и их аналогов и дериватов.

В аспекте этой исторической преемственности становится понятной и преемственность автохтонных художественных образов, как, например, прослеженная нами близость изображений скифо-сарматской богини-владычицы земли, воды и всего живого на пластинках и бляшках из курга-

---

[1] П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. Советская археология, II, 1937.— Он же. Раннеславянские погребения на Среднем Дону. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 2.— В. И. Равдоникас. К изучению исторических памятников Старой Ладоги. Мат. арх. эксп. Гос. этногр. музея, вып. 1, Л., 1942 (корректура).— П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. В сб. «Этногенез восточных славян», т. I (в серии «Материалы и исслед. по археол. СССР»), 1941 г.

[2] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, стр. 56—58.

нов нашего Юга к восточнославянским глиняным изображениям VIII—X вв. (рис. 64, *а*, *б*), или подмеченное Б. А. Рыбаковым тождество фигур разнообращенных, слитых корпусом коней на ранней, по его мнению, бляхе, найденной в районе Пастерского городища и на славянских гребнях XI в. (рис. 64, *г*, *д*) [1]. В дальнейшем эта идущая из глубин веков местная устойчивость образа обнаруживается в пережиточных формах народного искусства, в частности в резной владимирской кукле или медном гребне XIX в. (рис. 64 *в*, *е*), а в вышивке предстает еще в более развернутом виде, чем в археологических подлинниках.

Точно так же при исследовании формирования славянских и финских племен лесной полосы из однородных в отношении стадиального развития массивов, территориально соприкасавшихся (одного, правда, тяготевшего к Поднепровью, а другого — к Верхнему и Среднему Поволжью и далее на восток), отпадает старое, еще стасовское, предположение об одностороннем воздействии финского искусства на русское народное, что сказа-

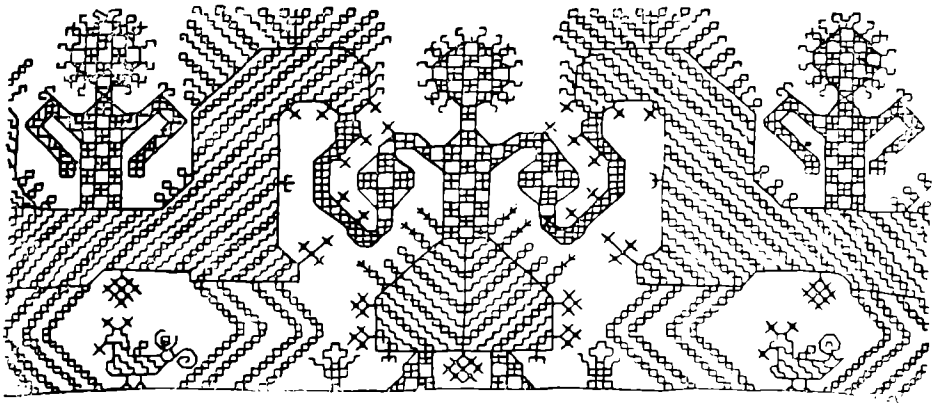

Рис. 65. Образец северной вышивки.

лось в подобии рисунков геометрического узора; отпадает и мнение о финском искусстве, как о передаточном для русского звене форм далекой Азии, либо Скандинавии. Древнейшие формы деревянных сосудов с ручками в виде зооморфных изображений представлены находками в торфяниках Урала и фрагментом из нижнего слоя Старой Ладоги (VIII в.). Эти находки относятся к различным эпохам, но, будучи проявлением местных родовых культур задолго до появления здесь норманнов, они доказывают развитие этих форм в Восточной Европе с древнейших времен [2].

Иконографически наиболее полные архаические композиции представлены пережиточными образцами северной вышивки, обычно выполненной в двустороннем, «досюльном» (т. е. в давнишнем) шве или в строчке по перевити (рис. 65). Изображение богини в характерном, расширяющемся книзу одеянии, часто в высоком головном уборе, с предстоящими конными прибогами, конями и птицами и подобные же группы с центральным изображением Древа, насыщенные розетообразными и крестообразными знаками,— после Стасова были подробно истолкованы В. А. Городцовым и другими исследователями. Взамен прежних, весьма неопределенных, суждений о языческой религии восточных славян, как о слабо спаянных между собой культах отдельных племенных божеств, выводимых большей

[1] Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, 1936, стр. 35—47.— Б. А. Рыбаков Анты и Киевская Русь. ВДИ. 1939, № 1, стр. 327. 336.

[2] Д. И. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940.— Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. Мат. арх. эксп. Гос. этногр. музея, вып. I, стр. 137.

частью из далекой азиатской прародины (Дажь-бог — якобы от санскритского dag — гореть, Хорс — от древнеперсидского Корос и т. д.), предстала весьма стройная единообразная система восточнославянского языческого Олимпа. Не входя в подробности этого интереснейшего художественно-исторического документа, отмечу только, что в нем раскрывается геокосмическая тема древнего мифа о брачном союзе Солнца-неба и Земли. «Напоенная небесными водами и лучами Земля,— как писал еще Афанасьев,— принимается, по народному выражению, за свой род».

III

Приведенные здесь слова Афанасьева дают повод коснуться вопроса об отношении старой и новой школ к мифотворчеству.

Некоторые утверждали, что новое учение о языке и мышлении возрождает старые теории мифологической школы. Это глубоко ошибочно. Старая мифологическая школа базировалась исключительно на формальном анализе, игнорировала социальную природу мифов и утверждала примат общеарийской мифологии. Все построения Н. Я. Марра резко направлены против этих положений. Основа мифотворчества, принятая в старых исследованиях, т. е. мир религиозно-космических представлений, «созданный человечеством на значительно высокой уже ступени развития», по мнению Н. Я. Марра, сам нуждается в разъяснениях. «Мифологический путь,— писал он,— менее всего призван разрешить преемственную связанность начальных эпох материальной культуры с ее словотворчеством и их последовательность».[1] Для Марра, солидаризирующегося с высказываниями Энгельса, космическое мировоззрение и связанные с ним религиозные и поэтические представления «не что иное, как отложение успехов и эволюции хозяйственной жизни и ею порождающейся общественности».[2] Обусловленная этим меняющаяся семантика религиозных представлений с ее непрерывными превращениями и сложными узлами и пучками разветвляющихся значений, конкретно раскрываемая Н. Я. Марром, в корне отлична от мертвенных схем мифологов старого толка, которые сводят разностадиальные по своему содержанию и форме сказания до сюжетных схем и аккуратно распределяют их по полочкам системы учета Aarne — Tompson'a. Подобно тому, как в устном народном творчестве исследованием изменяемости отдельных образов и положений вскрывается семантика типа и определяется его стадиальная принадлежность, точно так же в народном изобразительном искусстве, при кажущейся нерушимости общих черт, особенно формальных, изменяемость в частностях дает возможность проследить изобразительное образотворчество в историческом аспекте. Анализом космических образов, сохранившихся в народном искусстве в различных стадиальных редакциях, вскрывается та же, что и в речевом материале, изменяемость их содержания.

Если признать, что в скифо-сарматский период предки восточных славян перенесли в свое материальное воплощение богини-матери внешние признаки представителей господствовавшей тогда социальной силы, то это использование было ограничено их собственными представлениями, обусловленными крепким родовым строем. Поэтому в начально-славянскую иконографию богини не вошла, например, такая развитая атрибуция, как зеркало, трон и свита служителей культа, представленная на скифо-сарматских металлических изделиях или в терракоте из некрополей причерноморских колоний, в которой синкретизировались начала скифо-сарматского

[1] Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории. Избран. работы, т. III, стр. 140.

[2] Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 13. Ср. П. Лафарг. Очерки по истории первобытной культуры. М., 1926, стр. 51—54.

и древнегреческого культов. Иная, не столь сложная трактовка восточнославянской Матери-земли, подъемлющей расцветающие кусты и осененной знаками Солнца, определяется мифотворчеством восточнославянского родового общества. Мышление его покоилось на осознании противостоящей ему природы в узких рамках космоса, воспринимавшегося с его ирреальными свойствами и с особенным выявлением производственно-земледельческого значения зимы и лета. Присутствующие при нисхождении солнечной благодати на землю небесные кони, конные прибоги и птицы относятся к выясненному Марром семантическому ряду космических представлений, при котором «тотем, как название производственной социальной группы, впоследствии племенное название, на соответственной космической ступени стадиального развития было синонимом «'неба', 'солнца'».[1]

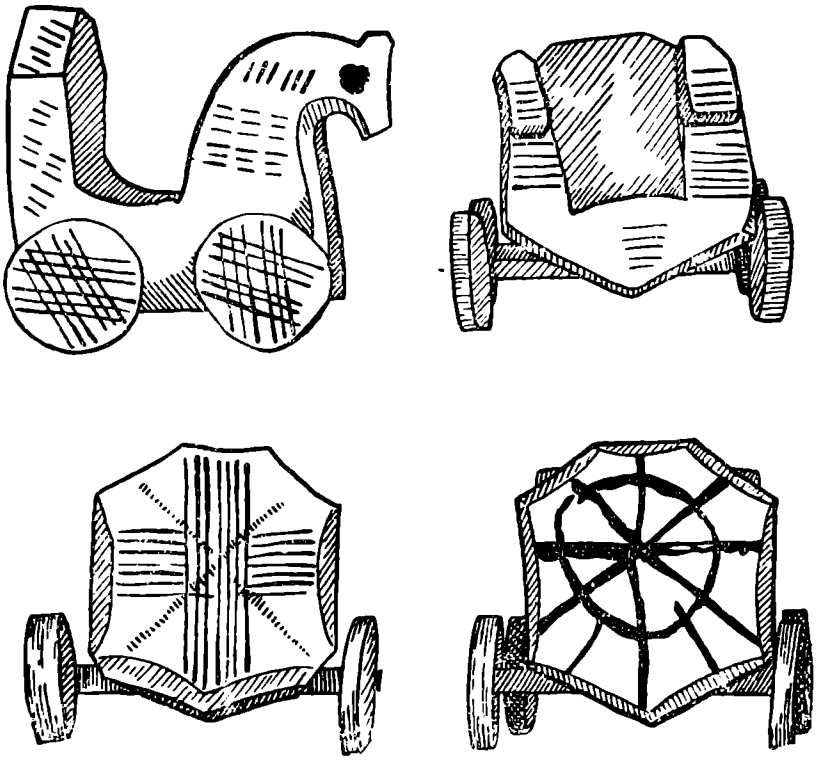

Рис. 66. Резная каталка.

Поэтому, например, новгородская, окрашенная в красный цвет резная каталка с задней округленной стенкой, обязательно расписанной фигурой креста или кола, и с парными головками коней (рис. 66) может быть истолкована как древнее культовое изображение солнца, влекомого небесными конями, т. е. как древнеславянская солнечная колесница. Точно так же отмеченная нами равнозначимость в языческом «чине» изображений женщины и дерева опять-таки приводит нас к соответствующему семантическому ряду.

В связи с такого рода фактами «самозарождения» в восточнославянской мифологии и изобразительном искусстве общечеловеческих сюжетов следует с чрезвычайной осмотрительностью относиться к до сих пор распространенным в нашей литературе утверждениям о дохристианских воздействиях греко-римской религии на восточнославянские родовые культы.

[1] Н. Я. Марр. Право собственности по сигнализации языка. Избр. раб., т. III, 1934, стр. 186.

Так, например, следами такого влияния принято было считать названия славянских праздников — «радуницы» (от греч. Rodonia), «русалии» (от лат. Rosalia, dies rosarum), «колядок» (от греко-римского kalanda, calaendae...). «Греко-римское дохристианское влияние сказалось не только на терминологии,— пишет, например, в своем учебнике Ю. М. Соколов,— ...Восточно-римской культуре надо приписать и некоторые из обрядовых деталей...» [1].

Едва ли можно теперь согласиться с таким типичным для индоевропейской школы чисто внешним формально-лингвистическим сближением, без учета реальных исторических условий взаимосвязей стадиально-различных миров восточного славянства и греко-римского. Непринятие восточным славянством в иконографии Матери-земли сложной античной атрибуции, представленной в инвентаре скифских царских могил, но отсутствующей в культуре скифов-земледельцев, является в этом смысле весьма показательным предостережением. К тому же, есть ли нужда сближать, например, название колядок с римскими календами при наличии чисто славянского корня «коло» (колесо, круг, солнце), прекрасно увязывающегося с самим содержанием колядок?

IV

Однако образы русского народного искусства могут быть прослежены далеко не во всех стадиальных переходах, начиная с первичных. Русский изобразительный язык отразил лишь те стадии, которые были им пережиты на пути его собственного образования из предшествовавших. Поэтому в нем едва ли возможно наличие древнейших, изначальных образов не в пережиточном, не в разложившемся виде.

Путь «странствования богини», т. е. трансформация ее содержания, подобно диалектическому развитию древнего матриархального образа в феодальный, раскрытому Н. Я. Марром и работе «Иштарь» [2], может быть прослежен и в русском народном искусстве, особенно в вышивке земель Древнего Новгорода. В начале преемственной цепи стадиальных изменений содержания единой формы — помещаются уже производные от матриархальной богини женские изображения. Их космическое содержание связывается не только со «средним небом» — землей (женщина — дерево, процветшая богиня), но с «верхним небом» (крылатая богиня, стоящая иногда на слитых корпусом конях) и с «нижним небом» — водой, преисподней (женские водяные существа с плавниками на руках [3] или со змеевидными придатками). К этим изображениям присоединяется еще образ Мокоши, покровительницы женского труда с гребнями прялок вместо рук (рис. 67, *а*, *е*). Затем к эпохе изживания языческого мировоззрения, вытесняемого христианскими представлениями, вносящими новое содержание в старые образы, относится воплощение в абрисе языческой оранты изображения часовни (рис. 67, *ж*). И, наконец, к эпохе полного забвения религиозно-космических начал в фигурах этой формы следует отнести превращение их в жанровую хороводную плясунью, что свершилось не ранее окончательного сложения местных течений народной культуры, т. е. эпохи феодальной раздробленности (рис. 67, *з*).

Как видим, формальное воплощение образа, с трудом преодолеваемое новым содержанием, долго еще тяготеет к предшествующему своему состоянию. Эта стойкость начального оформления, отмеченная Марром в области фольклора («фольклор, как изустная литература, сохраняет

---

[1] Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 136—138.

[2] Н. Я. Марр. Иштарь — от богини матриархальной Афевразии до героини любви феодальной Европы. Избр. соч., т. III.

[3] Женские существа с плавниками всегда изображаются на трактованной зигзагами воде (см. «Советская этнография», т. II, стр. 108, рис. 2).

оформление литературы первобытного общества»),[1] приводит зачастую в изобразительном фольклоре к позднейшему сохранению формы при полной утере сюжета, к превращению когда-то сюжетного образа в бессюжетный чисто декоративный мотив. На представленном образце тамбовской вышивки такое обращение традиционной женской фигуры в самодовлеющую форму выступает весьма выразительно (рис. 67, *и*).

Устойчивость формы, порожденной определенным кругом представлений создавшего ее коллектива, а затем обратившейся в бессознательную

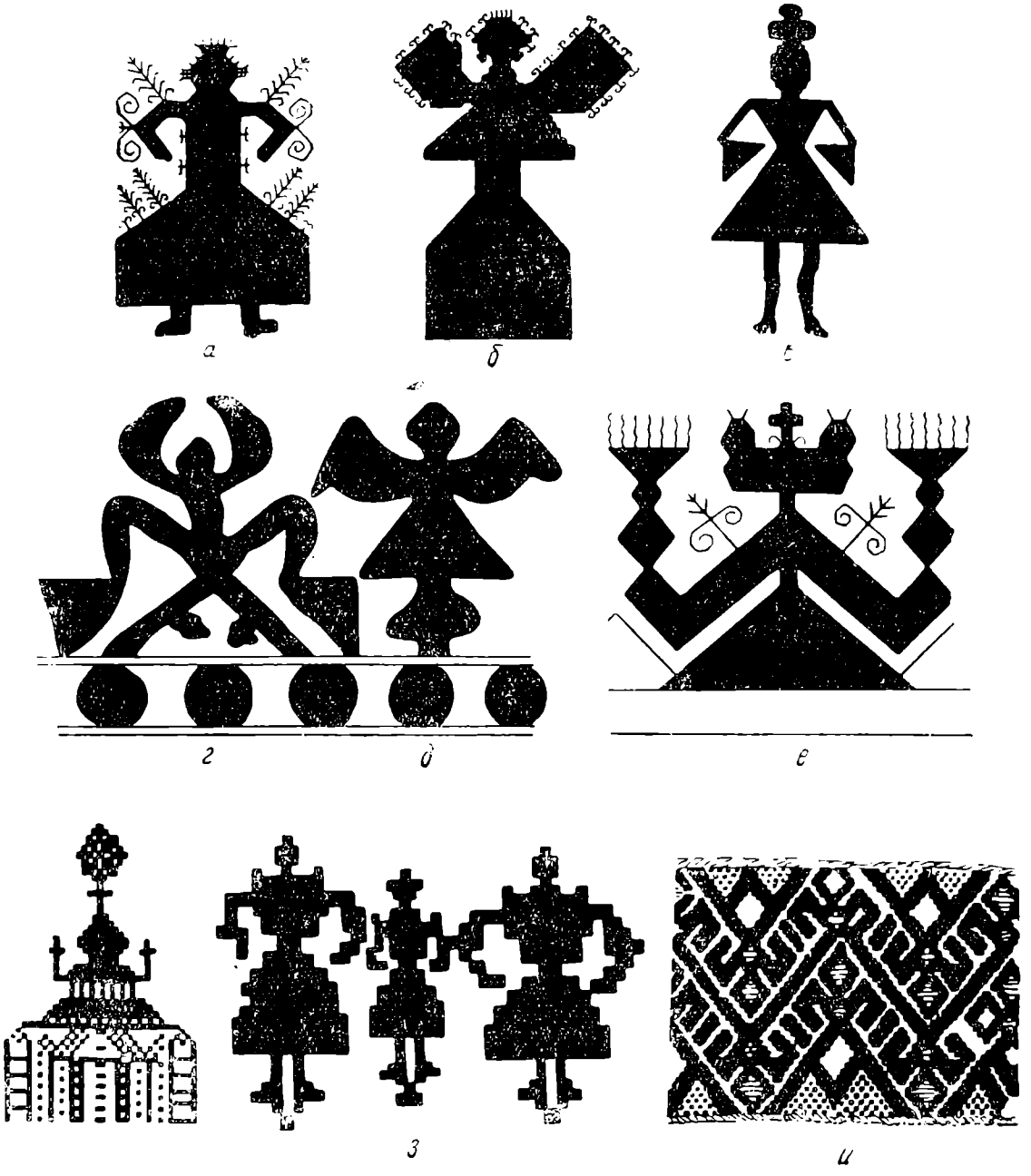

Рис. 67. Образцы русской вышивки с изобразительными и орнаментальными мотивами.

художественную традицию, распространяется не только на отдельные мотивы. Она свойственна также народной композиции и ее строю. Так, например, трехчастная группировка, продиктованная сюжетом поклонения

[1] Н. Я. Марр. Акад. С. Ольденбург и проблема культурного наследия. Сб. «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, стр. 11—12.

предстоящих центральной фигуре богини или Древа, впоследствии обратилась в традицию построения сцен любого содержания, вплоть до сцен чаепития по сторонам процветшего самовара на северодвинских росписных прялках. Точно так же и ритмический строй древних народных изображений, состоящий в соответствии контуров смежных фигур, либо дополняющих, либо параллельных друг другу, был выработан, в силу необходимости их сюжетной увязки, соответственно определенной ступени мифотворчества. В дальнейшем же этот строй сохранился как самодовлеющая декоративная традиция особоплотной компановки, как своего рода «боязнь пустоты».

Подобно новому учению о языке и мышлении, искусствоведение вовсе не должно отвергать изучение формы, а, наоборот, всячески уточнять его. Но форма должна изучаться в ее историческом движении, в процессе изменений ее восприятия и использования.

V

Приведенные нами в качестве примеров явления укладываются в нормы стадиального развития местного искусства.

Этим, однако, не исключаются случаи заимствований, т. е. факты внешних влияний. Но, во-первых, включение народными мастерами в свой творческий обиход тех или иных образов, а иногда и целых изобразительных систем, прошедших извне, обусловливается их соответствованием

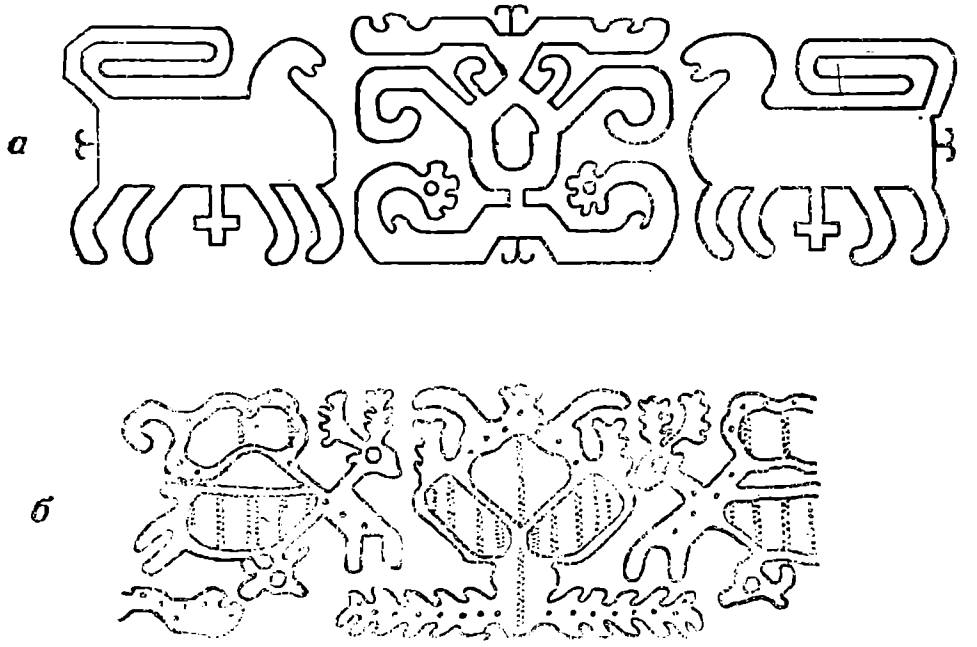

Рис. 68. Образцы вышивки Новгородского края.
а — шитый подзор, *б* — вышивка.

привычным нормам, сложившимся в течение многих веков на месте, и, во-вторых, принятие извне отдельных мотивов и композиций всегда сопровождается более или менее значительным переоформлением их, сообразно местным законам изобразительного языка и мышления.

Приведу два примера из народного искусства Новгородского края [1].

[1] Все приведенные вышивки и резные изделия собраны отделом народного искусства Гос. Русского музея.

Шитый по перевити вятский подзор украшен трехчастной группой из хищников кошачьей породы с небольшими головами и спирально завернутыми гибкими хвостами (очевидно, барсов), стоящих по сторонам акантового куста (рис. 68, *а*). Эта группа была перенесена в народное искусство в раннефеодальный период из узоров привозных драгоценных тканей-паволок и аксамитов, которые фигурируют уже в перечне добычи Олега 944 г. По существу явившись новым вариантом привычных народу изображений животных по сторонам Древа жизни, эта композиция утвердилась в народном искусстве. Но при этом она была весьма сильно переработана согласно местным нормам формотворчества: фигуры были уплощены, схематизированы и приведены в известную уже нам систему ритмического соответствования.

Время сложения в русской вышивке другой трехчастной группы на строченом по вырези полотенце из сел. Черенцова (рис. 68, *б*) определяется прежде всего центральной фигурой алексеевского двуглавого орла, который занял место древнего народного мотива — слитых корпусов парных птиц. Это XVII век. Тем же временем определяется вхождение в наше народное искусство мотива оленя, терзаемого львом. Этот мотив взят был из сефевидских тканей с возрожденными сасанидскими изображениями, о широком бытовании которых в России (в том числе дешевых иранских набоек) писали Родес и Кильбургер. Из этих различных по своему происхождению мотивов и составилась чисто декоративная, геральдическая народная трехчастная группа. Показательно при этом, что фигура двуглавого орла была подогнана под привычный для центра вышивки абрис дерева, а фигура льва превратилась в орнаментальный придаток к оленю, приспособленному к формам его древних северных изображений.

В статье о сказках Максим Горький писал: «Едва ли возможно сомневаться в том, что процесс заимствования и дополнения... особенностями быта каждой нации, каждого класса играл значительную роль в развитии культуры разума и народного творчества».

В середине прошлого века в противовес славянофильским толкованиям народной поэзии противоположные группировки, в том числе либеральствующие, ударились в крайность, отрицая какую-либо ценность народного творчества. Так, например, А. Н. Милюков в «Очерках истории русской поэзии» (1847) отрицал ее значение для развития литературы и находил в песнях, сказках и былинах «бесплодие и грубость прежней жизни», «преувеличение материальной силы и бедность умственной жизни». В борьбе за отведение народному творчеству подобающего места наши революционеры-просветители, в том числе Добролюбов, отстаивая его самобытную красоту, относили мнимые недостатки, на которые указывали западники (в пику славянофилам), к результатам влияний, особенно влияния книжной мудрости, которая, например, внесла в былины начала двоеверия, восточнодеспотические образы и т. п. Видя в народном творчестве отражение живой действительности, а не только прошлого, наши революционные демократы, как правило, игнорировали всякие заимствования и влияния.

Эти крайности были, конечно, заблуждением. При выяснении процесса развития и обогащения русского народного творчества заимствованиям и влияниям должно быть отведено подобающее место. Но вместе с тем им не следует придавать значение решающего фактора. Не столько миграция так называемых «бродячих» мотивов, сколько освоение этих мотивов, в зависимости от стадиального развития местного образотворчества, должно быть положено в основу их анализа.

Сказанное убеждает нас в том, что метод анализа народного искусства должен быть близок марровскому методу — палеонтологии, стадиаль-

ности и семантики, выводящему исследователя из тупика современного индоевропейского компаративизма. Выводы о происхождении и развитии надстроечных явлений любого порядка, в том числе изобразительного искусства, при использовании научного наследия Марра приобретают особенную четкость и историческую перспективу.

Основные положения нового учения о языке и мышлении дают возможность наперекор пресловутому расистскому делению человечества на народы якобы «избранные», творчески потенциальные, и народы «бездарные», плетущиеся в хвосте мирового исторического процесса, широко обосновать самобытность сложения национальной культуры и вместе с тем, как «производное единого процесса творчества», сближать ее с культурами других народов на базе соответствия стадий развития этих культур, их социально-экономических основ.

В этом перед исследователем открываются далеко идущие подлинно творческие пути, приближение к тому научному новаторству, которое осуществлял на своем жизненном пути Николай Яковлевич Марр.

Л. А. Динцес

II. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1943 г.)

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В дни Великой Отечественной войны — в 1943, как и в 1942 г.— перед Московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра первоочередными явились работы по выявлению ущерба, нанесенного фашистскими варварами памятникам культуры [1]. Этот важнейший раздел работ Московского отделения был тесно связан с деятельностью Чрезвычайной Государственной Комиссии, и по поручению последней коллектив МОИИМК выполнил ряд ответственных заданий, среди которых особо следует упомянуть:

а) Составление «Инструкции по учету разрушений и ущерба, нанесенных немецкими оккупантами культурным ценностям СССР», включившей в себя, наряду с общими указаниями к составлению «Актов обследований», и специальные указания по различным категориям объектов культурного значения (памятники архитектуры, скульптуры, живописи, мемориальные, археологические, музеи).

б) Составление списков главнейших археологических памятников, памятников древнерусской архитектуры (допетровской эпохи) и музеев (в основном с археологическими коллекциями), как находящихся на территории, освобожденной от фашистской оккупации (Московская, Тульская, Рязанская, Калининская, Смоленская, Ленинградская, Курская, Воронежская, Сталинградская, Ростовская области; Краснодарский и Ставропольский края; Кабардинская АССР, Северо-Осетинская АССР; Дагестанская АССР, Крым, Украина), так и на территории, в то время еще оккупированной. В список вошли культурно-исторические характеристики более 200 ценнейших исторических памятников.

в) Разработка материалов о принципах оценки разрушений историко-культурных ценностей, включивших в себя различные категории археологических, этнографических, историко-художественных ценностей.

В качестве экспертов Чрезвычайной Государственной Комиссии сотрудники МОИИМК выполняли срочные поручения Комиссии, среди которых следует выделить составление списков историко-культурных памятников Киева, Чернигова, Новгорода, Смоленска, разработку кратких инструкций по охране памятников, а также проведение обследований археологических памятников в Сталинградской области и на Дону (городище близ станицы Цымлянской).

Другим важным разделом работ МОИИМК в 1943 г. явилось написание научно-популярных книг в серии «Культурные сокровища

---

[1] См. Т. С. Пассек. МОИИМК в дни Великой Отечественной войны. Вестник АН СССР, 1943, № 6, стр. 122.

народов СССР», ставящих своей задачей познакомить широкий круг советских читателей с передовой для своего времени и богатейшей культурой народов СССР,— ценнейшими памятниками археологии и искусства, которые создали в прошлом народы нашей Родины.

Из этой серии в 1943 г. закончены работы: Н. Н. Воронина «Древнерусские города» и «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII веков», С. А. Таракановой «Древний Псков», С. В. Киселева «Памятники культуры древней Сибири», В. Д. Блаватского «Памятники античного искусства Сев. Причерноморья», Н. М. Коробкова «Крепостная стена Троице-Сергиевской лавры», Н. Н. Воронина и М. А. Ильина «Древнее Подмосковье», А. Л. Якобсона «Культура средневекового Крыма» и др.

В числе общих работ, законченных в 1943 г., отметим завершение многолетнего труда В. А. Городцова «Курс лекций по археологии», III т., посвященного металлическому периоду в странах классического Востока, Средиземноморья, Западной Европы и СССР; докторскую диссертацию А. П. Смирнова «Волжские Булгары»; монографию члена-корр. АН СССР В. Н. Лазарева «Происхождение итальянского Возрождения»; исследования С. В. Киселева «Таштыкские памятники на Енисее»; Т. С. Пассек «К вопросу о древнем населении в Днепровско-Днестровском бассейне».

В течение всего года в МОИИМК работал ряд постоянных групп и секций. Группа античной археологии (руководитель В. Д. Блаватский) вела разработку материалов по основной теме, избранной группой, «Античный Кавказ». Среди заслушанных 24 докладов можно отметить: сообщение Н. П. Розановой «О топографии Таманского полуострова по памятникам эпиграфики древней Фанагории»; В. Д. Блаватского «О храме в Гарни»; М. М. Кобылиной «Об искусстве Афин эпохи Солона»; Н. М. Лосевой «О новых археологических открытиях в Греции и Риме»; А. В. Мишулина «Новые данные об античной Испании»; Н. Н. Погребовой «Иконография грифа в античном искусстве Северного Причерноморья»; И. Б. Зеест «Античные остродонные амфоры IV в. из раскопок древней Фанагории»; П. Н. Шульца «Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака» и «Обзор достижений античной археологии в СССР за 25 лет».

В группе Восточной археологии (руководитель С. П. Толстов), работавшей над вопросами истории и искусства Средней Азии, Сибири, Египта, Южной Аравии, Кавказа, Приуралья, заслушаны доклады: С. П. Толстова «Из политической истории Греко-Бактрийского царства III—II вв. до н. э.»; Л. А. Евтюховой «Каменные изваяния Северного Алтая»; С. В. Киселева «Пазырыкский курган»; В. В. Павлова «Портретная скульптура Древнего Египта эфиопского периода»; А. В. Збруевой «Связи Приуралья со Средней Азией в бронзовую эпоху»; В. А. Крачковской «Столетие открытия Хадрамаута».

Кроме того, в 1943 г. в МОИИМК были организованы две новые секции: истории искусств и военно-историческая. Секция истории искусств (руководитель Б. Р. Виппер) разрабатывала материалы для однотомника по истории русского искусства и подготовила к печати сборник трудов по русскому искусству народов СССР, в который вошли статьи В. Н. Лазарева «О связи новгородской и сербской живописи»; Н. Н. Воронина «У истоков русского национального зодчества»; Б. А. Рыбакова «Этюды по древнерусскому искусству»; Е. С. Медведева «Суздальские врата XIII века»; Б. Р. Виппера «Русская архитектура XVII в. и ее историческое место»; С. В. Киселева «К вопросу о связях искусства Сибири и Китая» и др.

Военно-историческая секция (руководитель С. П. Толстов) занималась изучением истории военно-инженерного искусства и вооружения у народов СССР. Было заслушано 20 докладов и подготовлен для печати сборник трудов секции. В сборник вошли исследования В. Д. Блаватского «Скифика и военное дело Причерноморья», В. Н. Чернецова «Военное дело народов Сибири», С. П. Толстова «Развитие истории конницы народов Средней Азии», А. П. Смирнова «Военное дело волжско-камских булгар», Б. А. Рыбакова «Стратегия и тактика Киевской Руси», М. Г Рабинович «Осадная техника на Руси X—XV вв.», М. А. Ильина «Оборонительные сооружения Московского государства XV—XVII вв.», Н. М. Коробкова «Стена Белого города в Москве», С. Марголина «Стрелецкое войско и его вооружение», Н. М. Коробкова «Русское военное искусство XVII—XIX вв.», В. А. Афанасьева «Рымникское сражение» и др.

Активно велась работа по изучению истории культуры древней Руси, сосредоточенная в секторе Древней Руси (руководитель — Н. Н. Воронин). Среди большого количества докладов, сделанных в секторе и в группе, заслуживает внимания серия докладов Н. Н. Воронина «У истоков русского национального зодчества», посвященных важнейшим памятникам XI—XIV вв. Владимиро-Суздальской земли, Вышгорода, Полоцка, Пскова, Твери, и устанавливающих авторство и имена русских зодчих. Следует также отметить доклады: Н. И. Брунова «О памятниках Константинополя IX—XII вв.», Б. А. Рыбакова «К вопросу о размещении славянских племен на Среднем Днепре (поляне, северяне, уличи)», А. П. Смирнова «Славянский элемент в культуре Волжской Болгарии», А. Л. Якобсона «Художественные связи Московской Руси и Крыма в XV—XVI вв.», М. А. Ильина «Русское зодчество XVII в.» и др.

В конце декабря состоялась научная сессия совместно с Институтом этнографии, посвященная вопросам этногенеза славян.

Как и в 1942—1943 гг., важнейшим разделом работ МОИИМК в 1944 г. явилось участие всего коллектива научных работников в обследованиях памятников культуры в освобожденных от оккупации районах, собирание материалов и учет разрушений, нанесенных фашистами историческим, культурным и археологическим памятникам, а также ценнейшим музейным собраниям. Детально разработанный план выездов научных работников в освобожденные районы, где сосредоточены первоклассные культурные и исторические памятники народов СССР, полностью был осуществлен. За самоотверженную научную работу в годы Великой Отечественной войны ряд сотрудников Московского отделения ИИМК награжден медалью «За оборону Москвы».

ТАШКЕНТСКАЯ ГРУППА

Ташкентская группа состояла из работников ИИМК, эвакуировавшихся из Ленинграда в течение 1942 г. (большинство прибыло в Ташкент в ноябре 1942 г.). В составе группы было 20 научных работников, из них 11 старших научных сотрудников и 7 младших. Руководитель группы чл.-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский.

Группа, включившая работников различных специальностей (преимущественно по античной культуре, а также по палеолиту и неолиту, Древней Руси, раннесредневековой Европе и лишь частично по Средней Азии), с самого начала своей деятельности обратилась к среднеазиатской тематике, причем на первый план выступили темы, имеющие в условиях Отечественной войны особенно актуальное значение. В связи с этим была организована комиссия по истории добычи минерального сырья в Средней Азии (под руководством М. Е. Массона), выполнившая ряд работ.

М. З. Паничкиной и М. А. Наливкиной написан сводный очерк «Некоторые сведения о древних горных выработках Нуратинских гор»; ими же составлены картотека материалов по отдельным ископаемым района и сводная схематическая карта с нанесением 61 пункта месторождений полезных ископаемых. А. М. Беленицкий (до ухода его в Красную Армию) извлекал из архивных материалов Бухарского ханства конца XIX — начала XX в. сведения по полезным ископаемым.

М. Е. Массон выяснил новый, до того времени неизвестный район разрабатывавшихся в средние века рентабельных месторождений киновари на территории УзССР, о чем написал специальную работу. Аналогичные розыскания производились им в отношении древних разработок железной руды, особенно важные в связи с созданием в Узбекистане металлургического комбината. Розыскания выявили главнейшие районы, где в средние века производилась добыча железной руды.

Все результаты этих исследований сообщены соответствующим хозяйственным организациям.

Кроме того, на основании полученных материалов М. Е. Массон написал научно-популярный очерк «К истории черной металлургии Узбекистана».

Второй большой работой, в которой было занято пять сотрудников, являлись раскопки в зоне работ Фархадстроя, проводившиеся в течение 4 месяцев (апрель и октябрь — декабрь) под непосредственным руководством В. Ф. Гайдукевича при общем руководстве А. Ю. Якубовского. В апреле велась раскопка древнего могильника, вскрытого в деривационном канале близ Ширин-сая. Было расследовано до 30 погребений III—IV в. н. э., давших интересный вещественный материал (керамика, предметы украшения, китайская монета и др.), характеризующих материальную культуру северо-восточной окраины Усрушаны, ранее не подвергавшуюся археологическому изучению.

Полный отчет о раскопках В. Ф. Гайдукевича уже подготовлен к печати. Для дальнейших раскопок было намечено городище Мунчак-тепе, расположенное на левом берегу Сыр-Дарьи и попадающее в зону строительных работ по возведению плотины Фархадской ГЭС. Благодаря содействию управления Фархадстроя, предоставившего экспедиции 70 землекопов, оказалось возможным начать большие раскопки. Работы эти пришлось вести в довольно тяжелых условиях поздней осени и зимы, что потребовало большого напряжения сил от участников экспедиции (В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович, М. А. Наливкина, А. Н. Карасев и С. М. Шмерлинг).

Основным объектом исследования явилось тепе, занимающее северо-восточную часть обширного городища. Была вскрыта площадь около 1000 кв. м с культурными наслоениями мощностью от 1.5 до 3.5 м. Установлены хронологические границы поселения (первые века н. э.— XII в.). Из открытых памятников ранней поры интересны хорошо сохранившиеся остатки большой керамической обжигательной печи, дающие представление о высоком уровне гончарного ремесла в первые века н. э. Раскопки тепе привели к открытию монументального замка, возникшего в середине 1 тысячелетия н. э. Раскопана галлерея и несколько внутренних помещений. Замок, повидимому, погиб во время арабского завоевания Усрушаны. На месте замка на полуразрушенных его частях позднее возникло поселение, интенсивно протекавшая жизнь которого в XI—XII вв. отражена в верхних культурных слоях, насыщенных особенно обильными общественными остатками. Жизнь на Мунчак-тепе окончательно оборвалась при монгольском нашествии. Исследование верхнего слоя тепе (XI—XII вв.) дало чрезвычайно многообразный материал, всесторонне характеризующий

культуру поселения в последние два столетия до монгольского завоевания Средней Азии. Из отдельных находок, имеющих особо выдающееся значение, должны быть отмечены: превосходные образцы поливной керамики, несомненно местного производства, золотые серьги с жемчугом, костяной нож, украшенный резьбой, орнаментированный глиняный очаг, стеклянный сосуд с жидкостью (повидимому, лекарственного назначения) и пр.

Следующим большим разделом работы группы явились исследования, посвященные культурным взаимоотношениям Восточной Европы и Средней Азии в древности и средние века. А. Ю. Якубовский закончил первую часть большой работы «Сношения Древней Руси и Средней Азии в IX—X вв.». Кроме того, он написал статью «Об одном раннесаманидском фельсе (из истории Саманидского дома)» и научно-популярную брошюру «Из истории района Фархадстроя». Т. Н. Книпович продолжала начатую в 1942 г. работу «Взаимодействия античных и местных элементов в культуре древнего Узбекистана»; как часть этого исследования ею написана статья «К вопросу о керамике эллинистического типа в Согде». Ф. Д. Гуревич посвятила свою работу изучению связи Прибалтики с Средней Азией, сделала доклад «О древних могилах Прибалтики» и подготовила статью «Подражание восточным монетам X в. на территории Прибалтики».

Часть работ группы была посвящена вопросам этногенеза народов СССР. М. А. Тиханова сделала доклад «Культура среднего Поднестровья в первые века н. э. (к вопросу об этногенезе восточных славян)», а также работала над научно-популярной брошюрой «У истоков культуры восточного славянства». М. М. Герасимов работал над темой «Этнический портрет древних народов Узбекистана»; он восстановил портрет по шести черепам из могильника Ширин-Сая (раскопки в зоне Фархадстроя) и усовершенствовал методику портретной реконструкции черепов.

В связи с предпринятой ИИМК научно-популярной серией «Культурные сокровища народов СССР» В. Ф. Гайдукевич написал историко-археологический очерк «Керчь», Ф. Д. Гуревич — «Из древнейшей истории Прибалтики», посвященный древнейшей истории и истории культуры Литвы, Латвии и Эстонии и их борьбе совместно с русским народом против завоевателей-немцев.

Часть работников группы занялась (сверх плана) составлением сборника «Русские историки»: Т. Н. Книпович — «Историки античности», В. А. Миханкова — «Н. Я. Марр», М. А. Тиханова — Ф. И. Успенский».

По разделу индивидуальных тем следует отметить серию работ В. А. Миханковой, посвященных учению Н. Я. Марра: «Старое и новое языкознание», «История Кавказа в работах Н. Я. Марра» и «Исторические взгляды Н. Я. Марра». С. Н. Замятнин работал над вопросом о древнейшем населении Средней Азии, в связи с чем обследовал памятники четвертичного периода в Таджикистане (обследовал около 30 гротов, пещер и навесов, часть которых доставила культурные остатки). Кроме того, сделал доклад «Художественные памятники палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства». А. М. Беленицкий закончил две работы: «Танхо, как форма феодального землевладения и как форма содержания войска» и «Государственное землевладение в Бухарском ханстве». Кроме того, им собран значительный материал для изучения военного устройства Бухарского ханства (по рукописным фондам Публичной библиотеки и Центроархива УзССР), а также работал над докторской диссертацией на тему «Аграрный строй Бухарского ханства». Т. Н. Девель закончила первую часть работы «Западноевропейские путешественники в Средней Азии в XIX в.». Ф. Д. Гуревич закончила исследование «О древних верованиях народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского». Б. А. Романов рабо-

тал над главой «Быт и нравы домонгольской Руси» для «Истории русской культуры» и сделал несколько докладов по истории социальных отношений в Киевской Руси.

Вели работу по завершению своих кандидатских диссертаций Е. И. Леви на тему «Гераклея Понтийская» и А. Н. Карасев на тему «Оборонительные сооружения Ольвии». М. А. Наливкина, помимо указанных работ, занималась изучением терракот Согда доарабского периода в собрании Самаркандского музея.

Из наиболее важных работ, выполненных в 1943 г., сотрудниками группы составлен сборник объемом около 20 п. л.

Следует отметить научную активность группы, выразившуюся в докладах как на научных заседаниях группы (всего их состоялось 16 с 15 докладами), так и в докладах в других научных институтах и УэФАНе.

ЕЛАБУЖСКАЯ ГРУППА

Группа в основном составилась из работников Института, выехавших в июне 1942 г. из Ленинграда и прибывших в Елабугу (ТАССР).

В 1942 г. и в начале 1943 г. центральное место в работах группы заняла экспедиция особого назначения, успешно проведенная С. Н. Бибиковым (руководитель), П. П. Ефименко и А. А. Гавриловой в трудных условиях зимнего времени.

В это же время было положено начало научным заседаниям группы, первое из которых было посвящено памяти акад. Николая Яковлевича Марра. Были заслушаны доклады В. И. Равдоникаса «Марр и советская археология», Л. А. Динцеса «Наследие Н. Я. Марра и изучение истории русского народного искусства» и С. И. Руденко «Марр и проблема происхождения американского человека».

Изучение археологических памятников Прикамья летом 1943 г. велось под руководством П. П. Ефименко. Было обследовано Чертово городище под Елабугой и другие археологические памятники по правому берегу Камы в районе Елабуги и далее до впадения р. Вятки. Кроме того, В. П. Мизиновой и А. А. Гавриловой была проведена разведка на городищах Свиногорском и Грохань, а также на Котловском могильнике. С. И. и Н. М. Руденко обследовали участок берега Камы вверх от Елабуги в направлении к Набережным Челнам (Ананьино, Луговской поселок и др.).

Систематические раскопки были осуществлены в двух пунктах — на Луговском могильнике и на Ананьинской дюне. На Луговском могильнике была вскрыта значительная площадь на участках, расположенных к северу и западу от места прежних раскопок А. В. Збруевой. В 1943 г. здесь обнаружено 13 могил, содержавших по большей части остатки двойных захоронений, а также ряд кострищ, сопровождавшихся различными находками, вроде раздробленных костей животных, керамики, орудий из камня и кости и т. п. Вещи, встреченные при погребении, обычны для могильников ананьинского типа — это медные топоры-кельты, костяные наконечники стрел, медные бляшки, глиняные сосуды и т. п. Посуда, встречающаяся в погребениях, носит характер нарочито изготовленной для данной цели.

Можно считать установленным, что основная масса погребений на Луговском могильнике была сосредоточена вдоль края береговой террасы, обращенного к Каме,— на площади, вскрытой ранее А. В. Збруевой. Вне этой площади погребения встречаются лишь отдельными, редко разбросанными группами.

Большой интерес представляют часто встречающиеся случаи повторения захоронений в одной могильной яме, что в известной мере можно свя-

зать с характерной группировкой могил; крайне незначительная глубина могильных ям (0.25—0.30 м) наталкивает на мысль о существовании над группами могил каких-то сооружений. Заслуживают внимания в погребальном ритуале и такие любопытные черты, как частичное обжигание трупа и т. д.

Проведенные наблюдения позволили установить присутствие на площади Луговского могильника в почвенном горизонте остатков ям различных форм и размеров со следами кострищ. Часть этих ям связана с могильником и может найти объяснение в погребальном обряде или культе умерших, тогда как другие, судя по составу находок (кремневые орудия, гарпуны из кости, характерная керамика и пр.), представляют собой следы более раннего обитания. Ко времени существования здесь древнего поселения относится, вероятно, и обширное жилище типа полуземлянки, обнаруженное и частично раскрытое в одной из разведочных траншей. Следы хорошо сохранившихся западин, несомненно связанных с углубленными в землю жилищами, были обнаружены по краю той же луговой террасы в сосновом лесу за поселком Луговым.

Во втором пункте раскопок 1943 г.— на Ананьинской дюне, занятой некогда могильником, был заложен ряд шурфов, подтвердивших мнение прежних исследователей о том, что памятник в основном уже исчерпан. Среди других вопросов, поставленных исследованиями Ананьинского могильника, имеется один, заслуживший особого внимания: это вопрос о культурном слое Ананьинской дюны. Наблюдения, сделанные летом 1943 г., дают основание пересмотреть, казалось, уже решенный вопрос о наличии здесь следов более древнего поселения. Окончательное заключение возможно будет сделать только после обработки собранного материала; все же представляется весьма вероятным, что керамика Ананьинской дюны одновременна могильнику; эти выводы очень существенны для выяснения признаков, характеризующих ананьинскую культуру.

В процессе разведок на дюнах у оз. Отарка и оз. Подборное, к востоку от пос. Лугового, был собран небольшой подъемный материал, относящийся к разным эпохам, в том числе медные шлаки вместе с примитивной керамикой и осколками кремня.

К работам Елабужской группы, посвященным прошлому местного края, следует отнести также написанную Л. А. Динцесом брошюру «История гор. Елабуги», в прошлом крупного торгового центра Прикамья. Автор проследил его историю от возникновения в середине XVI в. до начала нашего века. На месте запустелого татарского улуса Алабуги в середине XVI в. возникло дворцовое село Трехсвятское, которое в конце XVIII в. было преобразовано в город под начальным наименованием. Особое внимание отведено своеобразной купеческой культуре этого типичного уголка «темного царства», в частности, архитектуре, сочетавшей классические формы с пережитками допетровских форм, и традициям народного зодчества, отчасти татарского. Отдельные главы работы посвящены местным историкам города, его бытописателю Д. И. Стахееву, а также елабужцу И. И. Шишкину, известному пейзажисту. Отдельная глава отведена также истории исследований Чертова городища и характеристике его памятников.

Наряду с разработкой тем по изучению Прикамья продолжалась работа по основным темам Института: М. И. Артамонова «Происхождение и древнейшая история славян по археологическим данным», С. Н. Бибикова «Древнейшее население Поднестровья», Л. А. Динцеса «История народного искусства Новгородского края», П. П. Ефименко «Вопросы этногенеза Европы». М. И. Максимова занималась переводом Анабазиса Ксенофонта и комментарием к нему, В. И. Равдоникас — «Старой Ладогой», С. И. Руденко — «Древнейшим населением крайнего Северо-востока СССР».

Под руководством П. П. Ефименко продолжалась работа по собиранию и систематизации материалов к археологической карте ТАССР в плане разработки болгарской проблемы.

Кроме того, в 1943 г. на заседаниях группы были прочитаны доклады: М. И. Артамоновым «Скифы в Крыму» и «Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра»; С. Н. Бибиковым «Древнейшее население Среднего Поднестровья (палеолит и неолит)», Л. А. Динцессом «Иранские мотивы в народном искусстве Новгородского края», П. П. Ефименко «К вопросу о периодизации истории первобытного общества», М. И. Максимовой «Заметки о провинциальном римском искусстве», С. И. Руденко «Наконечники гарпунов, как руководящая форма при классификации арктических культур».

Остро ощущавшийся недостаток в специальной литературе, отсутствующей в местных книгохранилищах, был значительно ослаблен с прибытием в Елабугу вывезенной из Ленинграда части библиотеки и материалов Института, которые были систематизированы и стали доступны для пользования.

В заключение следует упомянуть о помощи, оказанной работниками Института местному краеведческому музею. Кроме консультации, были предоставлены и материалы по археологическому и историческому прошлому города и района.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГРУППА

Немногочисленная группа, оставшаяся в Ленинграде, после эвакуации основного состава ИИМК, состояла из пяти штатных научных работников (уполномоченный ИИМК — О. И. Бич, старший научный сотрудник В. А. Петров и младшие научные сотрудники — А. В. Дмитриевская, Е. Г Кастанаян и В. Н. Полторацкая) и трех внештатных работников (старший научный сотрудник М. Е. Сергеенко, проф. Н. Д. Флиттнер и проф. М. В. Фармаковский).

Несмотря на тяжелые условия жизни в прифронтовом городе, научная деятельность группы не замирала, а в 1943 г. усилилась.

В. А. Петров продолжал разрабатывать темы, входившие в план его работ довоенного времени, по изучению растительных остатков из археологических раскопок и продолжал изучение памятников Кашгарской письменности из рукописного собрания Института востоковедения (из раскопок Турфанской экспедиции и так называемые «Хотанские кодексы», собр. В. Ф. Петровского). На юбилейном заседании Географического общества В. А. Петров прочел доклад «Геолого-археологическая интерпретация проблемы Атлантики, предложенная Анселем Хегбомом». В течение 1943 г. он подготовил к печати две работы: «Скифские пищевые остатки из Южной Украины» и «Применение силикограмма при анализе археологических растительных остатков», а также продолжал составление атласа рисунков остатков растительного происхождения; сдал в печать научно-популярную брошюру «М. В. Ломоносов» (из серии «Великие русские патриоты»). Важное значение имеет проведенная В. А. Петровым большая работа по контролю режима хранения книжных и документальных фондов ленинградских учреждений АН СССР.

О. И. Бич подготовила к печати «Очерки по истории музейного дела в России в XVIII в.» и прочла доклад на тему «Русская художественная колония в Париже в 80-х годах XIX в.».

А. В. Дмитриевская занята была исследованием инвентаря русских курганов XI—XII вв. на основе технологического анализа и подготовила работу «Ювелирные предметы из костромских курганов». Кроме того, она

вела работу по хранению и приведению в порядок археологических коллекций камеральной мастерской Института, как и все остальные члены группы.

Е. Г. Кастанаян продолжала работу над темой «Военное дело в древней Греции» (глава из коллективного труда «История античной культуры»).

В. Н. Полторацкая продолжала работу по составлению археологической карты северо-восточного Кавказа.

М. Е. Сергеенко подготовила к печати следующие работы: «Овцеводство в древней Италии», «Италийские пастухи», «К аграрному закону Люция Секция и Люциния Столона», «Сельскохозяйственные древности у Варона», «Катон как историк».

М. В. Фармаковский закончил подготовку к печати многолетнего труда «Реставрация и консервация музейных предметов». Н. Д. Флиттнер подготовила к печати две большие работы: «Очерки по истории сельского хозяйства древнего Двуречья» и «Очерки по истории искусства древнего Востока (Египет, Передняя Азия)».

По заданию группы Н. Д. Флиттнер проредактировала и подготовила к печати две работы покойного проф. Б. Л. Богаевского: «Первобытное искусство» и «Крито-микенское искусство».

Кроме того, работниками группы читались лекции раненым бойцам и офицерам; В. А. Петров, помимо этих лекций, прочел 6 докладов об условиях хранения книжных и документальных фондов (в доме Ученых, в Публичной библиотеке и библиотеке АН СССР).

Немногочисленный состав Ленинградской группы в условиях блокады самоотверженно трудился над сохранением и приведением в порядок библиотеки ИИМК.

Значительная работа произведена была также в архиве, где велось постоянное наблюдение за состоянием фондов; приняты на хранение личные архивы эвакуированных и умерших сотрудников Института, произведена эвакуация части научных материалов.

Сотрудники Ленинградской группы участвовали в работах Комиссии по выяснению ущерба, нанесенного ленинградским учреждениям АН СССР немецко-фашистскими захватчиками, и в Комиссии по истории ленинградских учреждений АН в годы Великой Отечественной войны.

Все сотрудники Ленинградской группы ИИМК награждены медалью «За оборону Ленинграда».

III. ИНФОРМАЦИЯ

ЧЕТВЕРТАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР

В конце января — начале февраля 1941 г. в Киеве состоялась четвертая научная конференция Института археологии Академии Наук УССР, посвященная изучению вопроса неолита, трипольской культуры и эпохи бронзы на территории УССР. В работах конференции, длившейся пять дней, кроме киевских работников, приняли участие и представители центральных археологических и музейных учреждений Москвы и Ленинграда: Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и его Московского отделения, Эрмитажа, Московского Государственного исторического музея, музеев Западных областей УССР — Львова и Кременца, а также филиала Академии Наук УССР и университета в Львове. Среди съехавшихся работников местных украинских музеев были представители Одессы, Харькова, Ростова-на-Дону, Первомайска, Житомира, Умани, Проскурова, Святогорска, Ворошиловграда и др.

Е. Ю. Кричевский (Ленинград) выступил с обширным докладом «Основные проблемы украинского неолита». Докладчик остановился на характеристике мезолитического периода в истории первобытного населения Западной, Средней и Южной Европы, на вопросах перехода к земледелию и скотоводству и овладения гончарным искусством. Указывая на большое значение средиземноморской культуры в процессе возникновения земледелия и скотоводства, докладчик считает древнейшим центром земледельческо-скотоводческой культуры долину Нила, откуда через Северную Африку и Иберию в течение IV тысячелетия распространялись в Европу с юго-запада на восток важнейшие виды хлебных злаков и домашние животные.

В 1940 г. во время разведок С. Н. Бибикова в Подолье по Днестру были обнаружены стоянки с макролитическим комплексом орудий, среди которых значительное количество принадлежит большим клиньям. Здесь же были сделаны находки каменных зернотерок. Все эти материалы, а также местоположение стоянок — высоко на плато дают основание считать, что на территории Украины в дотрипольский период существовало уже подсечное земледелие. Другим примером существования на этом раннем неолитическом этапе на Украине земледельческой культуры является находка у с. Красноставка в Побужье в 1940 г. сосуда с линейно-ленточным орнаментом, принадлежащего к известной в археологии примитивно-земледельческой «дунайской» культуре. Наряду с развивающейся на Днестре культурой древнейших земледельческих племен в Днепровском Надпорожье (раскопки А. В. Добровольского на Днепре) складывается, по мнению докладчика, рыболовческая культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Таким образом земледельческая «дунайская» культура с линейно-ленточной керамикой, с одной стороны, и рыболовческая культура Надпорожского типа — с другой, составляют местный субстрат трипольской культуры. Остановившись на материалах «Триполья», докладчик освещает интересный вопрос абсолютной датировки отдельных этапов в развитии культуры и прослеживает пути проникновения восточно-средиземноморских влияний из Дунайского понизовья.[1]

«Неолитическим стоянкам порожистой части Днепра» был посвящен доклад А. В. Добровольского (Одесса), установившего здесь на основании данных стратиграфии три культурных этапа.

«Материалы неолита Причерноморской низины» рассматривал в своем сообщении В. Н. Даниленко (Ленинград). Наиболее древним комплексом он считает стоянку, раскопанную О. Н. Бадером у Красного озера в Крыму, и связывает ее со стоянками Днепра. Материалы Мари-

[1] Е. Ю. Кричевский. Из истории Дунайского Понизовья в неолитическую эпоху. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, VIII, 1940, стр. 49.

упольского могильника докладчик сопоставляет с вещами, распространившимися в период между 2700—2400 гг. до н. э. в Малой Азии, на Крите, в Греции, Македонии и на Дунае. Анализируя медные изделия из Усатовских курганов, он датирует комплекс усатовских находок концом древнеминойского и началом среднеминойского периода и относит его не к позднему, как это делается большинством исследователей, а к древнему этапу развития трипольской культуры.

С сообщением о новых раскопках стоянок раннего неолита на Днестре выступил С. Н. Бибиков (Ленинград), высказав предположение о подсечном земледелии в этих ранних дотрипольских стоянках Поднестровья и полагая, что начало земледелия на юго-западе СССР относится к V—IV тысячелетию до н. э.

Культуре ленточной керамики в Западных областях УССР был посвящен доклад М. Ю. Смишко (Львов). Раскопки последних лет обнаружили ранне-неолитическую культуру ленточной керамики в ряде новых пунктов в Поднестровье. Установлено, что население в ту эпоху занималось уже примитивным земледелием и скотоводством. Жилища представляли собою земляночный тип и надземные постройки. К поздним периодам с ленточной керамикой относится интересное городище в Грибовичах под Львовом.

Ряд докладов был посвящен археологическим раскопкам неолитических памятников на территории Украины. В сообщении И. Ф. Левицкого (Харьков) «Ранне-неолитические памятники на Волыни» был дан обширный обзор стоянок раннего неолита в верховьях рек Стыри, Горыни, Уши и выделены три стадии развития ранне-неолитической индустрии в этом районе. Археологические материалы Волыни позволяют по-новому решать вопрос об hiatus, существовавшем будто бы между палеолитом и ранним неолитом. Ранне-неолитическое хозяйство рыболовов вырастает на основе охотничьего и собирательского хозяйства эпипалеолита, перерастая позднее на ступень еще более высшую — земледельческого хозяйства.

Обзор неолитических памятников в районе Новгород-Северского дал в своем сообщении В. Я. Захарченко (Сосница). Часть открытых в этом районе стоянок характеризуется наличием микролитических орудий и отсутствием керамики. Другие стоянки, обнаруженные в торфяниках, дали находки ямочно-гребенчатой керамики, костяные гарпуны и другие орудия из кости.

О раскопках на правом берегу Донца сообщил Н. В. Сибилев (Изюм), проследивший на многочисленных стоянках несколько культурных горизонтов с кремневым инвентарем, керамикой и значительными костными остатками.

Т. С. Пассек (Москва) в докладе «Периодизация трипольской культуры» остановилась на характеристике различных этапов в развитии культуры и рассматривала материалы поселений древнейших земледельческих племен на огромной территории Поднепровья, Побужья, Поднестровья. Используя стратиграфические наблюдения, сделанные в целом ряде пунктов в Западной Украине, Румынии, Молдавии, Семиградии и Дунайском бассейне, докладчик опровергает положение В. В. Хвойко об относительной хронологии трипольских памятников. На основании новых материалов из раскопок последних лет устанавливается иная последовательность в развитии трипольской культуры и прослеживается на поздних этапах соотношение ее со скотоводческо-земледельческими племенами так называемой «катакомбной» культуры, а также со всем кругом памятников, характеризуемых среднеевропейской шнуровой керамикой и шаровидными амфорами. На поздних этапах вместе с развитием скотоводства происходит коренное изменение в системе земледельческого в основе хозяйства племен с матриархально-родовым строем. В этот период выделяются скотоводческие племена, совершающие переход к патриархально-родовым отношениям. Вместе с изменением хозяйства постепенно меняются орудия производства, формы жилищ, обряд погребения, керамические изделия и расширяется применение изделий из меди.

В целом ряде сообщений на конференции были сделаны информации о новых раскопках памятников трипольской культуры.

А. Н. Стронгин (Проскуров) сообщил о разведках в с. Кадиевцы Каменец-Подольской обл. Раскопанные «площадки» были выстроены, как и обычно трипольские жилища, из дерева и обожженной глины. Обнаружено большое количество кремневых и костяных орудий, костей домашних и диких животных, а также многочисленная керамика со спиральной росписью в две и три краски, характерной для раннего трипольского этапа Кукутени. М. Ю. Смишко (Львов) в своем докладе о раскопках на поселении в с. Городница на Днестре (Городенский район) остановился на археологическом материале из открытых здесь шести землянок с остатками очагов и глиняной обмазкой с отпечатками дерева от стен. Аналогии комплексу находок из Городниц докладчик видит в материалах из Нижнего Извоара в Молдавии и датирует их древним докукутеновским периодом.

Новым раскопкам на Южном Буге и Сабатиновке было посвящено сообщение А. В. Добровольского (Одесса). Здесь на поселении с мощным культурным слоем, кроме остатков глинобитных жилищ трипольского времени, в одном месте открыто скопление раковин Unio, костей животных, кремневых орудий;

фрагменты керамики отсутствуют. Этот комплекс находок свидетельствует о находившейся здесь более ранней, чем трипольские «площадки», стоянке рыболовческого характера.

Новым раскопкам Трипольской экспедиции в 1940 г. был посвящен доклад Т. С. Пассек (Москва). Поселение у Владимировки (Кировоградской обл.) является самым большим из известных трипольских поселений и занимает огромную территорию (900 × 800 м) на берегу р. Синюхи (приток Южного Буга). В 1940 г. здесь было обнаружено свыше 150 наземных глинобитных жилищ (площадок). Большие многосемейные родовые жилища оказались отличными от раскопанных на Коломийщине (Киевской обл.). Наиболее характерной чертой является отсутствие в них многочисленных плитчатых наслоений пола, а также наличие в каждой камере в доме крестообразного жертвенника. Кроме наземных жилищ, во Владимировке открыт и другой тип жилищ — землянка, оказавшаяся большим помещением с тремя очагами на дне. В связи с длительным периодом существования в древности поселения у Владимировки стоит задача выяснить стратиграфию наслоений на поселении и установить разновременные жилища.

О продолжавшихся в 1940 г. раскопках в Городске (Житомирской обл.) сделал сообщение М. Л. Макаревич (Киев). Здесь на поселении открыты два типа трипольских жилищ — «площадки» и полуземлянки. Среди большого количества костей животных, фрагментов керамики, кремневых и костяных орудий, зернотерок, антропоморфных статуэток, обнаружены интересные глиняные прясла с пиктограммами. Наиболее распространенной является керамика с веревочной орнаментацией, имеющей, как и сосуды с черной росписью, полнейшие аналогии с материалами из раскопок на юге в Усатове. Комплекс находок у Городска и Усатова датируется поздним этапом развития трипольской культуры, переходными периодами к эпохе бронзы.

Новыми раскопками в Западной Волыни открыты у с. Бодаки, на р. Горине остатки глинобитных жилищ с керамикой, представленной сосудами с росписью в две краски (черная и белая), нанесенной по красному фону красочной облицовкой. Раскопки эти дают возможность говорить о продвижении культуры с расписной керамикой в значительно более северные районы, чем известные до сих пор поселения в верховьях Днестра и около Луцка.

Материалы трипольской глиняной пластики были характеризованы в докладе К. К. Маевского (Львов), устанавливающего антропоморфные статуэтки нескольких групп и анализирующего их с точки зрения стиля и техники.

О результатах работ над фауной из раскопок последних лет из трипольских поселений сообщил И. Г Пидопличка (Киев); особенно интересны его наблюдения в Усатове над костями домашнего быка, представляющего, видимо, гибридизацию не только с туром, но и с бизоном. Эти наблюдения позволяют говорить о процессе одомашнения животных, происходившего здесь на месте.

Интересным новым материалам из раскопок в Усатове был посвящен доклад Е. Ф. Лагодовской (Киев). Больших размеров земляной курган, раскопанный в 1940 г., был окружен кромлехом (диаметр 22 м), состоящим из пяти ярусов горизонтально положенных плит известняка. Под кромлехом были найдены три культовые ямы, в которых находились два сосуда и один кремневый отщеп. Центральная часть земляного кургана была обложена камнями (диаметр 14 м), как бы образовывая куполообразное сооружение над центральным мужским погребением, оказавшимся ограбленным. На юго-запад от центрального погребения открыто в грунтовой яме женское погребение с богатым инвентарем, в числе которого сосуды с веревочной и расписной орнаментацией, костяные бусы и медное шило.

Обширный доклад об «Усатовской культуре и ее исторических связях» сделал М. Ф. Болтенко (Одесса). Выгодное местоположение Усатовского поселения в Одесской бухте на Большом Куяльнике способствовало быстрому развитию здесь скотоводства (бык, овца, тур, лошадь) и освоению коня. Скотоводство с древнейших времен было основным источником существования населения. С III тысячелетия начинает проникать в Причерноморье средиземноморский металл — медь и серебро. О культурной близости Причерноморья с Малоазийско-Эгейской областью, по мнению докладчика, говорят, кроме меди, и глиняные женские статуэтки, найденные в Усатове, резьба на камне, роспись чаш, кубики из глины с косым крестом, сопоставляемые докладчиком с памятниками критской культуры. Кроме того, тесные связи всей евразийской степи с догреческим и негреческим Средиземноморьем, особенно с фракийско-пеласгическим кругом народов Троады, Лемноса и др., показывает филологический анализ племен скифских легенд и древние туземные предания о происхождении народов Скифии, сохраненные Геродотом. Тесные связи Усатова с трипольской культурой могут рассматриваться как связи генетические.

И. В. Фабрициус (Киев) в докладе «Эгейская культура в киммерийский период и пережитки ее в скифском периоде в УССР» приходит к выводу, что культурные явления, аналогичные эгейским, прослеживаемые на Понтиде в комплексах синхроничных и пережиточных, указывают на органическую общность всей культуры и дают возможность отрицать объяснение этих явлений обменом

импортом или заимствованием и видеть в Причерноморье II и начала I тысячелетия до н. э. периферийную или провинциальную область эгейской культуры (тезисы).

В третьем разделе конференции, посвященном вопросам эпохи бронзы, был сделан доклад Ю. В. Подгаецким (Ленинград) на тему «Связь левобережья и правобережья Днепра в эпоху бронзы на территории УССР». Сравнительное изучение материалов обоих районов позволяет выделить для правобережья особый вариант катакомбной культуры, названный докладчиком «среднедонским вариантом катакомбной культуры». Наиболее тесные связи ее прослеживаются с позднетрипольской, на севере, например, с материалами киевских землянок В. В. Хвойко, на юге — с Усатовым. Археологические объекты Среднего Подонья и Поднепровья связаны с памятниками Северо-восточного Кавказа, и отсюда неправильной является попытка генетически увязать Триполье с катакомбной культурой.

В докладе «Погребальные сооружения палеометаллической эпохи в районе Никополя» Б. Н. Граков (Москва) остановился на раскопках курганов, проводившихся им в течение ряда лет. В каждом кургане было открыто свыше двух десятков погребений палеометаллической эпохи. Курганы насыпались по нескольку раз и содержали погребения древнеямной катакомбной и срубной культур. Установленная В. А. Городцовым последовательность этих культур стратиграфией никопольских курганов получила новое подтверждение.

О. А. Гракова (Москва) в докладе «Происхождение и развитие срубной культуры» по-новому поставила и разъяснила вопрос об единстве так называемой «срубной культуры» и погребений в насыпях и на горизонте, выделенных В. А. Городцовым. Если в поселениях «срубной культуры» преобладают баночные формы сосудов, то для погребений характерна остроребериая посуда. Сруб в могиле и остроребериая посуда являются, по мнению докладчика, признаками, указывающими на особое положение покойника в родовой общине. Впускные же погребения и баночная посуда принадлежат рядовым членам рода.

«Срубная культура» в своем развитии генетически не связана с катакомбной, но распространена в областях последней. Варианты ее отмечаются в Причерноморье (киммерийская), в Поволжье (хвалынская) и в Сибири (андроновская).

Информационное сообщение С. А. Локтюшева (Ворошиловград) «Следы памятников неолита и эпохи бронзы в Ворошиловоградской области». И. Ф. Левицкого (Харьков) «Поселения позднебронзовой эпохи в с. Безлюдовцы Харьковской области» широко осветили новые материалы эпохи бронзы с правобережной и левобережной Украины.

Г. Ф. Дебец (Москва) в сообщении «Итоги и задачи антропологии Украины в эпоху неолита и бронзы» подчеркнул значительное отставание в деле научной обработки антропологических материалов, добытых при раскопках последних лет на Украине, и необходимость включения в исследовательский план Института археологии ряда тем, связанных с вопросами этногенеза. Немногочисленные антропологические материалы III—II тысячелетий до н. э. дают возможность говорить о сохранении у населения этой эпохи черт кроманьонской расы. Черепа из погребений катакомбной культуры левобережья Днепра указывают на близость их с северокавказскими типами и говорят о том, что население это пришло с Северного Кавказа. Ближайшей задачей явится и установление антропологического типа для населения трипольской культуры, что пока, за отсутствием антропологических данных, сделать не удается.

Очень важной проблеме «Производство медных и бронзовых культур в Причерноморских и Приазовских степях» был посвящен доклад А. А. Иессена (Ленинград). Основными медноруднными районами, где добывалась в древности медь в соседних со степью областях, были: на юго-западе Болгария и Анатолия, на юго-востоке — Кавказ и на востоке — Южный Урал. Ранние медные изделия трипольской культуры тяготеют скорее всего к Семиградскому очагу древней металлургии. Около середины II тысячелетия в Южной Украине прослеживается импорт изделий южного, эгейско-малоазиатского происхождения, в более восточных районах — кавказских предметов. Для эпохи позднего бронзового века с конца II тысячелетия и до VII в. до н. э. на западе Украины прослеживается импорт изделий «венгерского» типа, на Дону и в Поднепровье — ряд находок кавказского происхождения. В то же время, используя привозной металл, производство медных и бронзовых изделий распространяется широко по всей степной области, и особенно мощный очаг местного производства существует в это время в районе Нижнего Днепра, свидетельствующий о связях с югом.

В резолюции, принятой на заключительном заседании, отмечено, что конференция по изучению эпох неолита и бронзы на Украине дала возможность подвести итоги значительным археологическим исследованиям за последние годы, выдвинув, а частично и разрешив основные проблемы изучения древнейших эпох Украины. Кроме того, доклады на конференции показали, что культура древнего населения территории Украины развивалась в теснейшей связи с исто-

рией соседних племен и в особенности с историей цивилизаций Средиземноморья и Кавказа. Доклады на конференции уточнили также наши представления об основных этапах развития и о племенном делении древнего населения территории Украины и поставили вопросы абсолютных датировок.

Вместе с тем конференция выдвинула основные проблемы для дальнейшего изучения по всем трем разделам конференции — в области изучения неолита УССР, трипольской культуры и эпохи бронзы.

Т. С. Пассек

ПИСЬМО АРХЕОЛОГОВ СССР АРХЕОЛОГАМ АНГЛИИ

В грозные дни, когда судьбы наших стран вот уже год как соединены для достижения одной великой цели, мы горячо приветствуем археологов Англии. Достижения наших английских коллег всегда воспринимались нами с живейшим интересом и искренней симпатией. Ряд выдающихся открытий английской археологии вошел за последние годы в систему образования молодых археологов Советского Союза. Исследования Гордона Чайлда (Gordon Childe) по археологии древней Европы, стремящиеся связать «доисторию» нашего материка с развитием древнейших культур Передней Азии, вполне соответствуют тем усилиям, которые делаются в СССР при изучении культур нашего энеолита. Классические работы Артура Эванса (Arthur Evans) на Крите положены в основу нашего понимания истории древней Эллады и служат вместе с тем главным пособием при разработке проблем бронзового века на территории СССР. Блестящие открытия Леонарда Вулли (Leonard Woolley) в Уре, помимо их выдающегося специального значения, особенно ценны для нас в связи с изучением только что открытой «золотой» культуры Кавказа. Неутомимые изыскания Флиндерса Петри (Flinders Petrie) и всей славной семьи английских египтологов, труды которых столь блестяще увенчались открытием гробницы Тутанхамона, всегда воодушевляют наших специалистов и студенчество. С особым уважением относимся мы к трудам Эллис Миннза (Ellis Minns), который своим анализом древностей Причерноморья продвинул вперед изучение скифо-эллинской проблемы. Выдающееся открытие Джоном Маршаллом (John Marshall) древнейшей цивилизации Индии имеет для нас чисто практический интерес, ставя, наряду с находками в Иране, ряд важнейших вопросов в изучении Туркмении и Таджикистана. При изучении культуры древних городов Туркестана, оказавшей заметное влияние на развитие Семиречья, Монголии и Алтая, мы постоянно обращаемся к фундаментальным работам Аурэля Стейна (Aurel Stein).

Многие из нас сменили сейчас лопату археолога на оружие воина, некоторые наши товарищи пали смертью храбрых в борьбе за свободу Родины. Как ни тяжки испытания и утраты, мы все твердо уверены в том, что недалек тот час, когда победа наших союзных вооруженных сил вернет земле мир и обеспечит торжество гуманности, культуры и демократии. Тогда вновь широко развернется исследовательская работа, и мы будем счастливы объединить свои усилия с Вашими для разрешения многих археологических проблем, одинаково волнующих нас.

По поручению археологов Москвы:
От Московского Университета
профессор доктор В. Городцов
профессор доктор В. Блаватский
профессор доктор М. Алпатов

От Московского отделения Института истории материальной культуры:
ученый секретарь профессор Т. Пассек,
профессора: С. Киселев, А. Смирнов, С. Тараканова, Е. Горюнова, В. Чернецов.

От Государственного Исторического музея:
старшие хранители: Д. Эдинг, Л. Евтюхова

От Музея изобразительных искусств
египтолог В. Павлов

От Третьяковской галлереи
профессор Г. Жидков

Москва, 25 июня 1942 г.

ОТВЕТ ПРОФ. ELLIS H. MINNS

Многоуважаемый коллега!

Обращаюсь к Вам как к секретарю Института истории материальной культуры, членом-корреспондентом которого я состою.

Все мы были глубоко тронуты телеграммой, отправленной нам, британским археологам, нашими советскими коллегами и тем, что Вы среди такой тяжелой борьбы подумали о нас. А для меня было неожиданной честью, что в письме, полный текст которого теперь появился в Soviet War News Вашего здешнего посольства, упомянуто о моих трудах. Прошу Вас передать поклон от меня Киселеву, Грязнову, Герасимову, Зографу, Ефименко, Артамонову, Гракову, Орбели, Тревер (очень я хочу видеть ее книгу «Греко-бактрийское искусство»),

Арциховскому, Мацулевичу, Ниорадзе, Массону, Толстову, Эдингу. С ними я имел личные связи или особенные причины благодарности. Городцову я пишу отдельно. Очень было интересно узнать об Алпатове. Хотелось бы узнать, что нового в изучении древней иконописи.

Последний выпуск «Кратких сообщений», который я получил (8-й), включал статью Куфтина о Цалке. Я сделал реферат для «Nature», которым так заинтересовался известный Claude Schaefer (теперь является командиром в войсках «Сражающейся Франции»), который вел раскопки в Ras Samra, что я должен был сделать для него почти полный перевод. Перед здешним и лондонским обществом я сделал доклад о Советской археологии и недавно перед Британской Академией словесности — обзор искусства северных кочевников. Это выйдет в свет, но будет слишком кратким.

Вообще у нас в археологии полный застой. Для всех нашлось специальное военное дело, именно для археологов — кроме меня старика.

А близкий мой друг и ученик, очень много обещавший John O. Pendlebery, зверски убит немцами на Крите, когда лежал тяжело раненым. Кажется, я послал в Институт его капитальный труд о Крите.

Что касается Вашей специальности, я слушал первый доклад Хвойко на Киевском съезде в 1898 г. и с тех пор очень интересуюсь Трипольем. Думаю, что первый писал о нем на Западе и очень обрадовался Вашему труду («Известия» ГАИМК, вып. 122).

О войне не говорю. Это слишком близко, скоро для нас будет четвертый год.

Глубоко уважающий Вас Ellis H. Minns.

Кембридж, 10 августа 1942 г.

IV. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

По поводу книги *Д. Н. Эдинга* «Резная скульптура Урала»[1] (вместо рецензии).

«Мышление доисторического человека было не отвлеченное, не научное, не логическое, а конкретное, поэтическое, образное».

Н. Я. Марр.

Нельзя не приветствовать оживившуюся в последнее время издательскую деятельность Государственного исторического музея. Особенно полезными являются публикации и тем самым введение в научный оборот материалов археологических экспедиций Музея. К подобного рода работам относится недавно вышедшая в свет «Резная скульптура Урала» проф. Д. Н. Эдинга.

Многолетние исследования автора памятников эпохи бронзы в Свердловской области дали обширный и высокий научной ценности вещественный материал. Из него для данной работы выделена одна категория — резная скульптура, которой и посвящена монография. В первой части ее автор дает общую характеристику памятников, из которых происходят находки, описывает стратиграфию и условия залегания предметов и устанавливает их хронологические соотношения.

Вторая и третья части содержат подробный анализ предметов с изображениями. Четвертая и пятая заключают в себе разбор вопросов, связанных со звериным стилем. Анализ и описание предметов со звериными изображениями дан автором с исчерпывающей полнотой и точностью. Также хорошо изучены и описаны технические приемы обработки дерева. Автор привлекает многие аналогии, которыми пользуется для определения места объектов своего изучения в ряду предметов древнего искусства.

Нельзя не согласиться с правильностью основных выводов автора, определяющего описываемые предметы как культовые и утверждающего их местное происхождение. Однако пути, которыми автор приходит к этим заключениям, отличаются некоторой извилистостью и неясностью и, идя по ним, он порой рискует потерять правильную ориентацию. Это происходит потому, что в решении поставленных вопросов у автора происходит как бы борьба между формально-искусствоведческим и историко-археологическим направлениями. Нам представляется особенно заманчивой возможность автора путем изучения находок Горбуновского торфяника получить максимум для исторического осмысления этого замечательного памятника. Но как бы тонок ни был формальный анализ «предметов искусства», истинная сущность и их и памятника в целом не может быть вскрыта без достаточно полного учета исторических закономерностей, вызвавших явления, отраженные в нем. Поэтому хотелось бы, чтобы историк-археолог преодолел в авторе искусствоведа.

Поскольку в подзаголовке работы значится — «Из истории звериного стиля», постольку представляется целесообразным остановиться прежде всего на этом вопросе. Термин «скифский звериный стиль» имеет такое же право на существование, как, например, втульча-

[1] Проф. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. Тр. Гос. Ист. музея, вып V., М., 1940.

тый топор на название — кельта. Впрочем, и автор указывает на условность этого термина. Всем археологам достаточно хорошо известно, что изображения животных в той или иной трактовке (вплоть до геометрически-орнаментальной) имели самое широкое распространение в среде всех древних обществ. Это делается вполне понятным в свете учения Н. Я. Марра об общих для всего человечества законах мышления, на древнейших стадиях развития которого господствуют звериные образы. Часто в территориально далеких одна от другой культурах наблюдается поразительное стилистическое сходство изображений, одинаковая их трактовка. Это является яркой иллюстрацией положения В. И. Ленина об исторической повторяемости, обусловленной одними и теми же общественно-экономическими формами. Эти два положения должны снять вопрос о существовании некоих центров, областей, культур, где был создан звериный стиль и откуда он якобы распространялся в другие области. Не в заимствованиях, не во влияниях нужно искать решение этого вопроса, а в сущности миропонимания, свойственного древнему обществу. А так как миропонимание складывается на определенной материальной базе, то, естественно, что та или иная трактовка в изображениях животных стоит в прямой зависимости от общественно-экономических условий среды, создающей данный звериный образ. Эти образы, строго говоря, не могут отвечать нашему понятию об искусстве. Они создаются не для удовлетворения потребностей эстетического порядка, а с определенной утилитарной целью воздействия, обычно на природу, т. е. имеют магическое значение. Это в полной мере соответствует существу так называемого первобытного мышления, которое, несмотря на это название, весьма сложно и настолько отличается от нашего, что представляется весьма трудным проникнуть в его глубины. Все же можно установить, что магические изображения преследовали всегда определенную цель: размножение животных и растений, защиту от врагов, охрану рода, а иногда они должны были обеспечить человеку известные качества и свойства и т. д.

В первобытных охотничье-рыболовческих племенах производственно-тотемистическое мышление рождало образы животных вполне реальные, возможно точно повторяющие природный вид животного. Это отвечало определенным магическим требованиям, это должно было обеспечить успех магических церемоний и приемов, направленных в основном на размножение добычи.

Изображения животных, создаваемые в условиях более высокой стадии развития мышления, в общественных группах, обычно (но не всегда) существующих на основе земледельческо-скотоводческого хозяйства, получают иной характер. Звериные образы осмысляются по-иному и отражают, с одной стороны, космические воззрения, а с другой — представления, связанные с родовыми отношениями. Изображения часто статуарные, иногда графические, хотя выполняются реалистически, но отличаются неподвижностью, как бы застывшей формой. Это именно то «спокойствие» и «напряженность», которые характеризуют, по словам Д. Н. Эдинга, скульптуры Горбуновского торфяника. Черты эти вполне отвечают изображениям, выступающим как тотемы — звери-предки, хранящие благополучие рода, защищающие его, помогающие ему. В это время особенно ясно оформляется свойственное древнему мышлению представление, формулируемое как «целое по части», вызывающее замену полной фигуры животного изображением, например, одной его головы. Культ предков-охранителей в этом же памятнике выражен и в так называемых «идолах», т. е. антропоморфных изображениях. Сосуществование их вместе с зооморфными изображениями на поздней стадии развития родового общества вполне закономерно. Также закономерным является здесь отсутствие изображений условно называемых «фантастических» животных. Последние характеризуют более позднюю стадию общественного развития, которой соответствуют иные формы мышления, иначе осмысляющего звериные образы и вкладывающие в них иные магические требования. Развитие «скифского звериного стиля» в условиях военной демократии вполне понятно. Новая идеология создает новые образы, в которых резко подчеркивается сила, мощь, кровожадность. Она создает новые, не существующие в природе образы хищников с крыльями, коней с головой грифа, оленей с когтями, сложные комбинации из тех частей животных, которые являются не только орудиями защиты, но и орудиями нападения. Даже при изображении одной головы ей придается свирепый вид: разинутая пасть, оскаленные зубы. Агрессивная идея нападения выражается в групповых изображениях зверей, терзающих друг друга. Начальный магический смысл («подобное вызывает подобное») с течением времени теряется, но образы сильных, могучих зверей и птиц продолжают существовать в течение тысячелетий. Они переходят с иным переосмыслением в классовое общество, получая чисто геральдическое значение.

Если возможно наметить такую схему сменяемости звериных изображений в связи с изменением общественно-экономических форм и связанного с ними мышления, то это отнюдь не дает еще возможности четко устанавливать границы общественных укладов на основе этой сменяемости. Этому препятствует пережиточность, свойственная идеологи-

ческим представлениям, всегда отстающим от материальной жизни. Более того, замечается, что даже в случаях полного исчезновения из сознания людей тех идей, которые вызывали появление в той или иной трактовке изображения животных, последние еще долгое время продолжают бытовать. Хорошим примером в этом отношении служат горбуновские ковши в виде водоплавающих птиц, головки которых служат ручками. До недавнего времени подобные ковши употреблялись как ритуальная посуда у народов Прикамья и Поволжья, а форма их дожила в кустарном производстве до наших дней. Этим долгим задерживанием в быту древних форм снимается вопрос о возможности датировок памятников (хотя бы относительных) предметами, носящими на себе отражения идеологических воззрений. Датирующим может быть лишь первое появление изображения в той или иной трактовке, но не наличие их вообще в культуре. Этим же объясняется сосуществование различных изображений, причем одни из них должны рассматриваться, как прямодействующие, т. е. как отвечающие современной им идеологии, другие — как перешедшие от прежней стадии и переосмысленные на новой, и третьи — как сохраняющиеся лишь по традиции, но потерявшие и свой смысл и свою силу.

Мы изложили вкратце свои соображения о сущности звериного стиля не для того, чтобы полемизировать с автором «Резной скульптуры Урала». Его выводы и заключения, повторяем, в основном представляются нам вполне правильными. Наоборот, мы готовы его поддержать и с иных позиций попробовать подвести под его выводы более прочную основу и побудить его утверждать свои положения более безоговорочно, чем это он делает.

Совершенно прав автор, определяющий и описываемые им предметы и весь памятник как культовые. Однако искусствоведческая направленность мысли автора часто мешает ему вскрыть истинную сущность памятника и правильно интерпретировать объекты своего описания. Трактуя деревянные резные изображения, как «художественные произведения», автор принужден исключить из них и поставить особняком группу «ремесленных скульптур», «где механическое упрощение форм природы замещает внутреннюю творческую работу» (стр. 62—63). Однако стоит посмотреть на все изображения животных с точки зрения не художественной, а исторической, и «пропасть», которую видит автор между этими группами, исчезнет. Важно определить: каким требованиям удовлетворяли предметы той и другой группы. Одним и тем же. Те и другие служили для совершения известных магических действий и лишь различные их функции в этих действиях вызывали в одних случаях «художественную» отделку, т. е. более тщательную, а в других случаях ее не требовали. И понятно, что ковши, из которых могли пить священный напиток и совершать возлияния, которые, вероятно, бережно хранились и употреблялись в течение многих лет, несут на себе изображения более тонкие, создающие у нас впечатления «художественных произведений». Очевидно, что другая группа резных изображений, более крупных и более грубо оформленных выполняла иные функции. Наблюдения, сделанные автором, которые «указывают на долгое пребывание обеих вещей на воздухе» (стр. 64), позволяют думать, что они входили в состав того культового сооружения, которое могло быть на месте слани, неся охранные функции и в то же время являясь реальным воплощением того же миропонимания, которое отражено и в ковшах, и в ложках, и в других предметах.

Чрезвычайно интересным является в этой группе наличие изображений птицы и змеи. Как показал Н. Я. Марр, для космической стадии мышления законной является связь птицы с небом, с солнцем, змея же может знаменовать «нижнее небо», т. е. подземный мир. Таким образом, не бо́льшая или меньшая степень художественности, а семантика изображений может помочь пониманию явлений древней жизни — жизни творцов этих замечательных памятников.

Не стали бы мы упрекать древних резчиков и за «упрощенность и дополнения, разрушавшие цельность впечатления», за «отсутствие органической связи голов птиц с черпаками у некоторых сосудов» (стр. 62). Древнему мышлению было свойственно определение и восприятие по принципу «целое по части», т. е. для передачи образа птицы могла служить лишь одна голова, даже лапа, даже клюв или крыло.

Если подходить к человеческим изображениям Горбуновского торфяника не со стороны их бо́льшей или меньшей художественности, а с точки зрения миропонимания людей, их создавших, то также отпадает необходимость выделить их в особую группу. Значение их было то же, что и животных изображений — магическое. Что же касается их грубого оформления, то это опять-таки связано с теми функциями, которые были на них возложены. Тело «идолов» трактовано схематично не потому, что существовало «пренебрежение к природе», что «мастер не вышел из-под власти материала», а лишь потому, что в данном случае для данной цели не требовалось большого приближения к природе, особенно в части передачи тела. Основное, что нужно было сделать — это лицо, хотя бы схематично, лишь бы оно напоминало человеческий облик. Более того, в лице, возможно, особое значение могли иметь глаза, взгляду которых

придавалась магическая сила. Можно было бы привести ряд этнографических примеров подобных магических изображений. Ограничимся одним. В северо-западной Австралии на р. Гленельг разновременно были открыты наскальные изображения, каждое из которых представляло схематическую человеческую фигуру, на лице которой обозначены лишь глаза и нос. «Из этих лиц (они иногда сопровождаются намеченными в более или менее общих чертах другими частями тела) ни одно не имеет рта»[1]. Эти изображения, так называемые «вонджины», являются объектами магических действий, вызывающих дождь, способствующих размножению животных и растений. Достигается это направлением взгляда «вонджины» на предмет, подлежащий этому магическому воздействию, как, например, кенгуру, изображение которого находится перед взглядом «вонджины».

Мы отнюдь не беремся утверждать, что функции горбуновских «идолов» были те же самые, как и «вонджинов», хотя положение лица на колу определяет их вертикальное положение, а присутствие на нем же другого малозаметного лица свидетельствует о возобновлении изображения, что проделывается и с «вонджинами». Мы хотим на приведенном примере лишь показать, что та или иная трактовка изображаемого отвечает требованиям вполне практического характера. Требования же эстетического порядка отсутствуют или играют последнюю, подчиненную роль На этом же примере, зная способности тех же австралийцев создавать вполне реальные, близкие к природе изображения, можно видеть, что схематизм и условность являются не в результате отсутствия художественных навыков.

Таким образом, подходя к скульптурам из Горбуновского торфяника со стороны отражения в них древнего мышления, не представляется необходимым рассматривать одни из них как «образы», а другие — как «условные знаки» (стр. 69). Они были в одно и то же время и образами и знаками.

Жаль, что автор, говоря об основе стиля, что «это, конечно, зависит от требований, предъявляемых обществом искусству и от его идеологии» (стр. 86) — мысль совершенно верная,— не попытался вскрыть этих требований.

Другим не менее существенным заключением автора является положение о местном происхождении так называемого звериного стиля. «Реалистической скульптурой, воспроизводящей в дереве, роге, камне и металле животных леса и лесостепи, мы характеризуем исходную, неотъемлемую и древнейшую стадию евразийского звериного стиля, только допуская некоторую роль южных культур, пополнявших тематику и ускорявших развитие декоративных мотивов» (стр. 87),— так формулирует автор свою мысль. Однако конец фразы звучит глухо и выглядит как некий путь отступления. Это проскальзывает в таких выражениях: «Роль греческого искусства в развитии европейского скифского изобразительного творчества вряд ли была бы значительна», и т. д. (стр. 87) — следовательно, она была значительна? Или: «Мы далеки от уверенности, что ананьинская культура получила «скифские» мотивы от скифов Причерноморья» (стр. 86). Значит ли это, что нет уверенности в местном развитии этих мотивов? Или: «изощренность, манерность и фантастика, которые, быть может, просачивались в Сибирь и на Алтай с юга» (стр. 84) — значит, нет уверенности, что эти черты появились на месте в результате особенностей мышления данной стадии общественного развития?

У нас имеется полное основание утверждать самостоятельное возникновение в разных местах реалистических изображений в связи с одинаковыми социально-экономическими условиями по закону исторической повторяемости. Как указывалось выше, смена реалистических изображений иными, на наш взгляд, неправильно именуемая «фантастическими», в одном и том же обществе в порядке его развития происходила в связи с изменением идеологии вполне закономерно. Следует покончить с выводом так называемого «скифского звериного стиля» из тех областей, где общественное развитие шло быстрее, чем в других местах,— областей, культура которых нам стала известна раньше, чем другие. Пора покончить с теориями ассирийского, иранского, ионийского происхождения так называемого «скифского звериного стиля» нашей страны. Мы говорим в данном случае лишь о происхождении стиля, отнюдь не отрицая более поздних влияний других культур, что могло вносить иные, чуждые и новые элементы меньше в тематику и больше в трактовку. Также нельзя отрицать проникновения в местную среду в порядке обмена и предметов, выработанных в иных областях. Но в основном «звериный стиль» появился в разных местах совершенно самостоятельно, отражая определенные идеологические воззрения. Причерноморье, Кавказ, Приуралье, Южное Заволжье, Минусинская котловина, Алтай, Забайкалье,— вот, примерно, те области нашей страны, где могло совершенно самостоятельно получить свое начало то культурное явление, которое известно под именем «скифского звериного стиля». Монголия, Северный Китай, Иран, Малая Азия — вот ближайшие области, где также самостоятельно зародился этот стиль, зародился в силу одинаковых общественно-экономиче-

[1] Леви-Брюль. Сверхъестественное в первобытном мышлении, стр. 407.

ских условий и обусловленных ими одинаковых форм мышления. Это явление порядка синстадиального, но не синхронного, что стоит в прямой связи с неравномерностью общественного развития, протекавшего на разных территориях то в более быстром, то в более медленном темпе.

Эта концепция исключает необходимость обсуждать вместе с автором «Резной скульптуры Урала» взгляды А. М. Тальгрена на происхождение «скифского звериного стиля» из «высокогорных областей» и взгляды А. В. Шмидта о связях уральско-причерноморских.

Всецело присоединяемся к словам автора: «В полной мере обнаружилась тщетность попыток осветить наиболее древние и важные этапы развития стиля только по памятникам общепризнанных культурных центров. Безнадежность этих попыток особенно очевидна, пока продолжает существовать, хотя бы в скрытой, заглушенной форме ориентация на немногие государственные организации древнего мира с пышно расцветшей культурой и замалчивания роли остальных племен и народов, являвших якобы искони «девственную почву» для насаждения чужих, заносных импульсов» (стр. 98).

Хотелось бы попытаться ответить на вопрос автора, явившийся у него во время раскопки, «о той роли, которую должны сыграть уральские, в частности горбуновские находки при разработке истории «скифского звериного стиля» (стр. 98).

Во-первых, горбуновские находки впервые вводят в научный оборот большое количество хорошо документированных, безусловно одновременных и однокультурных предметов культа, дающих возможность сделать ряд заключений по вопросам идеологии определенной древней общественной группы.

Во-вторых, в свете горбуновских находок делается особенно понятной общность звериного стиля в культурах предскифской эпохи. Эти изображения, отражающие идеологию позднего родового общества с его космическим мышлением, переплетенным с тотемистическо-родовыми представлениями, имеют также свой особый стиль. Хотя автор не раз подчеркивает их реалистичность, но нельзя не обратить внимания на известную условность их застывшей позы и на выражение спокойствия, неподвижности и напряженности. Это позволяет определить их трактовку как условно-реалистическую. Эта особенность объединяет с горбуновскими изображениями и турбинские, и сейминские, и некоторые минусинские и т. п.

В-третьих, хотя автор считает, что последующая фаза развития искусства горбуновского торфяника «остается пока неизвестной», все же, учитывая синхронность этого памятника с другими и наблюдая изменения, происходящие в них, можно думать, что в порядке трансформации горбуновского общества и перехода его на высшую стадию общественного развития — на высшую ступень варварства, его искусство также должно было измениться и оформиться в нечто близкое к ананьинскому. Следы этой трансформации и пути образования нового стиля можно видеть в Приуралье, например, на костяных рукоятках ножей и других орудий, происходящих с костеносных городищ. Головы тех же лосей получают «скифский» стиль, зубы оскаливаются, ноздри, глаза стилизуются и изображаются спиралью, на них появляются дополнительные изображения «фантастических» животных и т. д.[1]. Конечно, этим не ограничивается высокая значимость находок горбуновского торфяника. Они еще много раз будут использоваться в связи с вопросами звериного стиля.

Еще несколько слов об экономической базе населения, оставившего этот памятник. Методически не совсем правильно класть в основу заключений о материальной жизни данные культовых памятников, поскольку идеология обычно полна пережитками. Все же в данном памятнике отражены некоторые особенности, свойственные более высоким организациям, чем чисто охотничья. Имеем в виду космические воззрения, которые проявились в преобладании изображений птиц, выступающих не как охотничья добыча, а как тотемы-предки в связи с их небесным происхождением. Находящиеся рядом с ними антропоморфные изображения предков также свидетельствуют о сравнительно высокоразвитых представлениях, свойственных обычно земледельцам и скотоводам. Хотя они могут быть и у охотников, но лишь в местах, где возможности земледелия и скотоводства ограничены природными условиями, чего не было в этой части Урала. Если для культуры Турбина скотоводство не может быть твердо установлено, то скорей всего лишь по причине недостаточной изученности соответствующих памятников. Из того, что уже в ананьинское время в Приуралье имелись все виды домашних животных, можно заключить, что и в предшествующую эпоху скотоводство существовало, так как введение в хозяйственный обиход разных видов скота требовало длительного времени. Также нельзя не учитывать факта нахождения на «береговой стоянке» костей, по-видимому, домашних животных. Прямым указанием на земледелие являются мотыги, не составлявшие редкость среди других находок. Таким образом, можно думать, что отправлявшие на Горбуновском торфянике свои культо-

[1] См. Материалы по археологии восточных губерний России, вып. 1, табл. VIII, 2, 3, 7.

вые действия не были исключительно охотниками, а стояли на более высокой ступени хозяйственного развития.

В связи с неясностью этого вопроса вообще в интересах нашей исторической науки следует пожелать продолжения проф. Д. Н. Эдингом его важных и научно высокорезультативных работ на Урале.

Представляется насущно необходимым скорейшее издание полностью материалов его многолетних работ на Горбуновском торфянике и прилегающих к нему памятниках. Зная высокое качество его полевой работы, точную фиксацию наблюдаемых им фактов, можно ожидать от издания его работ много интересного и нужного для понимания культуры древних племен Урала.

В. В. Гольмстен

Д. Н. Эдинг. *Резная скульптура Урала.* Из истории звериного стиля. Тр. Гос. ист. музея, вып. X, М., 1940, стр. 104, 89 рис.+2 табл. Ц. 10 р.

Исследования уральских торфяников и прежде всего проведенные Д. Н. Эдингом раскопки на Горбуновском болоте подарили советской археологии ни с чем не сравнимые коллекции. В торфе прекрасно сохранились изделия из дерева, бересты и других материалов, обычно бесследно истлевающих. Благодаря многолетним систематическим раскопкам Д. Н. Эдинга удалось изучить комплекс разнообразных памятников, взаимно дополняющих друг друга. На берегу Горбуновского болота были открыты стоянки древних охотников-рыболовов Урала и собраны их каменные и медные орудия, обломки глиняной посуды и кости диких животных, употреблявшихся в пищу. Посуда, орнамент которой имеет параллель в «андроновской культуре» из сибирских степей, а также литейная форма кельта сейминского типа позволяют относить стоянку на берегу к концу II тысячелетия до н. э.

В толще торфа, заполнившего обширное Горбуновское озеро, были найдены остатки опиравшихся на многочисленные сваи и колья деревянных настилов, на которых некогда совершались культовые действия. Здесь стояли грубо вытесанные антропоморфные идолы, которым приносились различные жертвы. Остатки этих жертв составили кости животных, деревянная и глиняная посуда, оружие и орудия, магические изображения и т. п. Из отдельных находок можно отметить деревянный бумеранг (I), древко стрелы с уцелевшим в нем кремневым наконечником, рукоятки кельтов и тёсел, полоз нарты, весла, бронзовый «вислообушный» топор, литейную форму для копья. Анализ найденного позволяет относить Горбуновские болотные настилы к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Вместе с тем изучение вещей убеждает в глубокой традиционности открытой культуры, всеми корнями уходящей в глубокую древность местного «лесного неолита» севера Евразии [1].

Особое место среди находок в Горбунове (а также и в других пунктах Урала, например на Шигирском торфянике) занимают деревянные резные изображения. В рецензируемой книге Д. Н. Эдинг делит их на реалистические произведения подлинного древнего скульптурного искусства и на схематические, являющиеся, по выражению автора, «неверной тенью» натуры. К последней группе он относит разобранных в специальной статье антропоморфных идолов и некоторые фигурки животных, птиц и змей, которые «остаются условными знаками, дающими только намек, схему, неполную и искаженную». По мнению Д. Н. Эдинга, эта группа «не смыкается с серией реалистических скульптур» и не является результатом художественного творчества. Автор прав, считая реализм характерным для искусства родовых обществ. Однако условные «идеограммы» являются и в скульптуре и в орнаменте племен, находящихся на ступени первобытного общественного строя, весьма распространенными со времен очень древних (ср. палеолитические символы «Мезинской стоянки» и Капсии). Они должны быть объяснены функциональным значением того или иного вида или образца изобразительного искусства. Последнее не существовало в первобытном обществе в виде абстрактного «искусства ради искусства», удовлетворявшего лишь эстетическим потребностям, а поэтому должно рассматриваться именно со стороны его многообразной социальной роли, обусловливающей и формальные особенности отдельных скульптур. Поэтому, соглашаясь с автором в том, что реализм типичен для искусства родовой стадии, мы не видим оснований для оставления за пределами первобытного ис-

[1] Помимо рецензируемой книги, раскопки в Горбунове освещены в следующих работах Д. Н. Эдинга: Горбуновский торфяник. Предварительный очерк археологических работ 1926—1928 гг. (Материалы по изучению Тагильского округа, вып. 3, полутом I. Тагил, 1929); Идолы Горбуновского торфяника (Советская археология, вып. 4, стр. 133—146); Новые находки на Горбуновском торфянике (Материалы и исследования по археологии СССР № 1 — Археологические памятники Урала и Прикамья. Изд. АН СССР. 1940, стр. 41—57).

кусства древней и многообразной группы символов, условностей и схем. Они сами по себе являются не чем иным, как своеобразной творческой переработкой воспринимавшейся первобытными художниками натуры, причем переработка эта обусловливалась тем служебным назначением, которое имел данный художественный объект. При этом следует учесть большое единство в миросозерцании и коллективность мышления в пределах первобытно-общинной группы, определявшие «стандартность» и устойчивость форм изобразительного искусства, что в настоящее время и может иной раз восприниматься нами как результат массового «ремесленного» воспроизведения искусственных образов. На этнографической практике можно легко наблюдать, как один и тот же человек создает вполне реалистичную художественную фигурку или рисунок на ложке, мерочке для пороха и параллельно с этим вырезает схематическое изображение головы зайца для детали кровли дома, или ставит на дереве совершенно условный символ, долженствующий изобразить убитого на этом месте зверя. В последних случаях изображения условны и схематичны не потому, что человек не может или не считает нужным сделать их лучше, а потому, что он подчиняется определенной традиции, искони существующей в данном обществе. Недоучет специального содержания художественных произведений чрезвычайно затрудняет понимание первобытного искусства и оставляет слишком много места для субъективного подхода в оценке внешних признаков. Это влечет за собою ограничение рамок понятия искусства эпохи родового строя лишь узким кругом реалистично выполненных образцов, ближе всего подходящих под определение «произведений искусства» в современном понимании, и деление вещей на «художественные» и «ремесленные» (хотя бы и с оговоркой, данной Д. Н. Эдингом в примечании 4). Между тем в иных случаях даже формальные признаки не дают, как будто, достаточных оснований для этого (ср. предметы «художественные» — рис. 27—29, 30—31, 34 и «ремесленные» — рис. 23, 24, 25, 26, 32—33). Легко ошибиться так же и в оценке той или иной детали, определяя ее как «излишнюю» (стр. 62), ибо нельзя поручиться, что в глазах людей того времени она не была насыщена определенным содержанием.

При указанном подходе исследователь легко встанет перед дилеммой либо вынести за пределы первобытного искусства ряд категорий предметов, либо искать «второе искусство в условиях родового быта», что, как совершенно справедливо замечает автор, было бы прямой ошибкой.

Недостаточно правильным представляется нам и исключение из «области творчества» и «подлинного искусства» сапоговских фигурок (см. гл. V). Если учесть, что человек является наиболее трудной для освоения моделью и что даже в собственно скифском искусстве изображения людей во многом уступают звериным изображениям, то придется признать, что сапоговские фигурки далеко не так уже антихудожественны. Выполнены они небрежно, это верно, но эта небрежность прежде всего обусловлена, как мы думаем, исходя из аналогии с «плоским» и «ажурным» литьем Северо-западной Сибири, их преходящим значением в процессе магического обряда.

Автор прав, указывая на значительное отличие фигур, приведенных на рис. 85, от остальных сапоговских изображений, но правильность объяснения этого отличия лишь «крайней беспомощностью мастера» представляется сомнительной. Именно эта разница и заставляет думать, что формы данных фигур обусловлены не неумелостью их творца, а определенным их назначением и что фигуры являются попыткой передать в материале образ каких-то антропоморфных существ, живших в сознании людей именно в этой, а не в какой-либо иной форме. Достаточно вспомнить при этом рисунки чукчей, передающие духов болезней. Изображения безобразны и нелепы, но эти качества отнюдь не говорят о неумелости их творцов: чукотское искусство, как известно, достаточно высоко.

Однако для поставленной автором проблемы происхождения звериного стиля наибольший интерес, несомненно, представляют уральские реалистические скульптуры. Это главным образом изображения головок животных и птиц, украшающие ручки деревянных резных ложек, ковшей и черпаков. Реже встречаются целые фигурки, например лосихи, но они имели какое-то особое назначение. Сверху в их туловище выдолблено углубление; этим статуэтки превращены в своеобразные сосуды. Д. Н. Эдинг предполагает, что в эти статуэтки-сосуды накладывалось жертвенное мясо. Нахождение вместе с ними миниатюрных луков позволяет автору реконструировать целый обряд магического расстреливания изображений лося перед охотой (стр. 49). Рассмотрев уральские скульптуры, Д. Н. Эдинг отмечает тесную их связь с зооморфными изображениями так называемого лесного неолита севера Европы и Сибири. При этом автор совершенно прав, утверждая местное уральское происхождение найденных им изображений, возникших самостоятельно, а не в зависимости от развития более условных зооморфных скульптур северо-запада — олонецких и финляндских. Правильно автор привлекает и сибирские материалы, прежде всего заме-

чательную скульптуру из погребения в Базаихе под Красноярском. Погребения в Базаихе, судя по найденному в одном из них бронзовому кельту, могут относиться к концу II — началу I тысячелетия до н. э., т. е. они современны Горбунову. Однако недавние раскопки А. П. Окладникова в низовьях Ангары установили еще бо́льшую древность подобных скульптур. Изображения двух голов лося найдено на о. Жилом в погребении, относящемся к древнекитойскому времени (начало II тысячелетия до н. э.) [1]. Таким образом, в таежной Сибири, как и на Урале, реалистические звериные изображения традиционны и восходят к глубокой древности.

Установив широкое распространение реалистических звериных изображений в культурах лесной зоны Европы и в Сибири, а также глубокую их древность, Д. Н. Эдинг видит в них важнейший компонент, на основе которого развивался, впитывая в себя южные переднеазиатские влияния, широко известный скифо-сибирский «звериный стиль». «Тропы, которыми этот стиль вышел из лесов и долин своей родины, заросли и забыты; следы его пути отмечены на неизмеримых пространствах Евразии» (стр. 98). К сожалению, эти следы сильнее всего стерлись в Причерноморье. Вследствие этого кажется неожиданным возникновение «скифского» стиля: отсюда заключение об иноземном его происхождении. Д. Н. Эдинг отмечает прежде всего ряд фактов, которые позволяют предполагать, что и в скифском искусстве основой является местное древнейшее реалистическое направление (стр. 84—88). Вместе с тем он замечает: «В настоящий момент мы далеки от уверенности, что ананьинская культура получила «скифские» мотивы от скифов Причерноморья. Еще далеко не учтена общность художественных традиций Прикамья и Зауралья, где тоже возможен процесс самостоятельной ассимиляции отдельных элементов «скифской» тематики и декоративных мотивов» (стр. 86). Некоторые новые аргументы в пользу этого вывода мы приведем ниже.

Сильнейшим аргументом в пользу древней реалистической основы «скифо-сибирского звериного» орнамента служит история его сибирского деривата. В зверином стиле сибирских степей, особенно в наиболее древних его образцах, происходящих из так называемых «тагарских» курганов Минусинской котловины и «плиточных» могил Прибайкалья, нет никаких оснований видеть результат воздействия скифского или неизвестного протоскифского искусства. Слишком различны их тематика, первоначально лишенная — на Енисее и в Прибайкалье — той экзотичности, которая в Скифии несомненно была результатом переднеазиатских ассиро-иранских и ионийских влияний. Лишь в V в. до н. э. замечается некоторая нивеллировка в результате сношений с западом и Средней Азией. «Ранне-тагарское» искусство, стилистически близкое архаическому скифскому, не является неожиданным в Южной Сибири. Рядом звеньев и переходных форм оно связано с предшествующей стадией искусства, представленной на Енисее «карасукскими» памятниками конца II — начала I тысячелетия до н. э.[1] Сейчас на основании анализа археологических и палеоантропологических материалов выяснено, что «карасукская» культура, а в основном и ее носители, не местного минусинского, но северно-китайского происхождения. Однако, если для ряда вещей суйюаньского «карасука» можно указать прототипы в китайской бронзе эпохи Шан-Ин, то этого нельзя сделать для карасукских реалистических звериных скульптур суйюаньских, минусинских и прибайкальских. Они не связаны ни с богатейшим искусством эпохи Шан-Ин, ни с художественной бронзой раннего Чжоу. Очевидно, что поразительно аналогичные ультрареалистические звериные «карасукские» скульптуры Суйюани Минусинской котловины и Прибайкалья не южного, но местного происхождения.[2] Сравнение же их с одновременными скульптурами из Базаихи убеждает в том, что они принадлежат к великому кругу северного реалистического звериного стиля, который на западе Д. Н. Эдинг открыл в Горбунове и который на востоке в Прибайкалье восходит, как показал А. П.

[1] А. П. Окладников. Неолитические находки в низовьях Ангары, ВДИ, 1939, № 4, стр. 184 и рис. 4 на стр. 181.

[1] В Прибайкалье карасукские вещи находят в так называемых «гробничных» погребениях того же времени.

[2] Воспроизведения реалистических звериных скульптур «карасукского» типа из Минусинской котловины см. С. Р. Цыганков. Описание некоторых уников археологической коллекции Минусинского музея (Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова, т. IV, вып. 1, Минусинск, 1926, стр. 83—90).— В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, рис. 5 и 6. F. R. Martin. L'age du bronze au musée de Minoussinsk, Stockholm, 1893, табл. 11, рис. 1. Из Прибайкалья см. М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал с оз. Кото-Кел, Верхнеудинск, 1929, рис. 1; A. Salmony. Sino-Siberian art, Paris, 1933, табл. XXXVI, рис. 1. Из Суйюани и других районов к С от В. Китайской стены см. A. Salmony. Ук. соч., табл. XXXVI, рис. 2—5. Inner Mongolia and the region of the Great Wall, Tokyo and Kyoto, 1935, corpus III, рис. 117, 18.

Окладников, к глубокой древности «Китоя». Карасукские художественные бронзы являются лишь наиболее южными представителями этого реалистического звериного стиля. Но вместе с тем они служат основой для более позднего «древне-тагарского» искусства, в стилистическом отношении аналогичного архаическому скифскому. Таким образом, на почве Южной Сибири и Прибайкалья нащупывается та тропа, которая связывала древнее, уходящее в неолит, реалистическое направление в искусстве севера с более поздним степным скифского типа. Это еще раз укрепляет в нас уверенность в том, что значение древнего стиля горбуновских реалистических скульптур для формирования «скифо-сибирского» искусства раскрыто Д. Н. Эдингом совершенно правильно. Возвратимся теперь вновь на Урал. Мы уже отмечали, что автор склонен и в «зверином» искусстве, одновременном со скифской «ананьинской» культурой Урала и Камы, видеть во многом результат местного развития. После того, что мы видели в Сибири, это становится еще более возможным. Особенно, если учесть некоторые дополнительные факты. Еще в 1914 г. В. А. Городцов отметил следы связи сейминской группы памятников (конец II тысячелетия до н. э.) с востоком. Когда удалось проследить, с одной стороны, распространение «сейминских» бронз в Сибири, а с другой — выяснить, что бело-нефритовые кольца сеймы иркутского происхождения, эта связь стала несомненной. В свете этих открытий не случайными кажутся находки в Сейминском (около г. Горького) и аналогичном Турбинском (около г. Молотова) могильниках двух очень близких друг к другу массивных ножей, рукоятки которых украшены сверху: первый — статуэтками двух коней, второй — статуэткой трех баранов (у Д. Н. Эдинг см. рис. 73 и 76). Формы этих ножей чужды бронзе Европейской части СССР, но зато они очень близки «Карасукским» Сибири, а также тем массивным ножам Суйюани, которые происходят от ножей Китая эпохи Шан-Ин. Особенно же подчеркивает эту близость нож, найденный в б. Забайкальской обл., хранящийся в Иркутском музее. По размерам, форме и украшению ручки сверху статуэтками животных, правда несколько схематичными, он может считаться третьим наряду с ножами Турбина и Сеймы. Это позволяет полагать, что предуральский реалистический звериный стиль укреплялся связями с востоком — с Южной Сибирью и Прибайкальем. Эти связи не менее, чем связи со скифским югом, могли облегчить переход к новым стилистическим принципам, которые стали характерными для культуры Урала и Камы в ананьинскую эпоху. Не подтверждает ли этот факт, что наряду с кинжалом скифского типа, древнеананьинский воин был вооружен бронзовым клевцом типично «тагарской» южносибирской формы, неизвестной на Западе.

Подтверждением является также и искусство второй половины I тысячелетия до н. э. в Северном Приобье. Среди значительного количества случайных находок, происходящих из Усть-Полуя, с горы Кулайки и других мест, имеем как резную кость, так и предметы из бронзы. Реализм изображения животных, как то: головы лося, тюленя, гуся, соболя и др. на костяных ложках, головы орла на рукоятке ножа, оленя — на гребне, близко напоминает нам реализм лучших образцов из Базаихи, о. Жилого и Горбунова. Но наряду с этим встречаем и глубокое проникновение форм степного искусства. К последним следует отнести гребень, украшенный фигурой орла, клюющего голову оленя, секиру и клевец, украшенные головами орлов, топор тагарского облика из Кулайки и пр.

Проникнув на таежный север, этот стиль нашел себе вполне подготовленную почву и вместе с древней реалистической тератологией дал, как и в ананьинскую эпоху на Каме, своеобразный вариант «скифского» искусства, дожившего здесь вплоть до середины I тысячелетия н. э. Своеобразную интерпретацию его мы находим в бронзовой фигурке лежащего оленя, живо напоминающего своей позой более архаичные изображения степной Сибири.

Можно было бы еще многое вспомнить из области древних культурных взаимоотношений в связи с чрезвычайно плодотворными выводами рецензируемой книги. Но уже из приведенного ясно, что исследование Д. Н. Эдинга является фундаментальным вкладом в историю культуры древнего населения нашего Севера и Сибири. В заключение отметим тщательность подбора иллюстраций, несомненно украшающих книгу, несмотря на то, что, как и в других изданиях ГИМ, и здесь их качество далеко не на высоте.

С. В. Киселев, В. Н. Чернецов

А. П. Окладников. *Исторический путь народов Якутии*, Якутск, 1943, 92 стр. + 19 рис.

История народов севера Сибири до последнего времени изучалась лишь на том сравнительно ограниченном отрезке времени, который освещался русскими документами. О более отдаленном прошлом можно было только догадываться по отрывочным упоминаниям в восточных, главным образом китайских источниках, по данным языка и этнографическим наблюдениям.

Все эти возможности были использованы исследователями якутского народа и результатом явились фундаментальные сочинения вроде «Истории якутов» С. Токарева.

Однако эти работы и ряд других, также весьма значительных, были ограничены наличными источниками и не могли дать полную историю якутского народа. Только развертывание археологических полевых исследований могло предоставить историкам новый материал, восполняющий досадные пробелы.

Трудную задачу археологического изучения Якутии поднял автор рецензируемой книги А. П. Окладников, уже давно известный своими исследованиями на Ангаре, в Прибайкалье и Бурят-Монголии.

Несмотря на трудные условия, осложненные военной обстановкой, А. П. достиг выдающихся результатов, и его выводы из полевых археологических работ стали основой «древней» и «средней» истории Якутии.

Благодаря раскопкам, А. П. смог показать, что на Средней и Верхней Лене человек поселился еще в палеолитическую эпоху. Культура палеолитического населения Лены мало чем отличалась от культуры соседнего ангарского «палеолитического гнезда». Ее изменение, как и в других районах Сибири, заключалось в постоянном переходе от охотничьего быта со значительной оседлостью к более подвижному образу жизни бродячих охотничьих групп. Овальные массивные скребла были и здесь, как и по всей Сибири, наиболее распространенными орудиями. По мнению А. П. Окладникова, уже в это отдаленнейшее время, как и на западе, палеолитические охотники Лены владели изобразительным искусством. Это вполне допустимо, особенно если принять во внимание находки на соседней Ангаре прекрасных образцов палеолитической скульптуры. Однако принятое автором за палеолитическое изображение коня на скале у дер. Шишкино еще нуждается в доказательстве его столь отдаленного возраста: одни стилистические соображения и утверждения о том, что лошадь ранее эпохи металла могли так нарисовать только в палеолите, требуют еще дополнительного подтверждения. Это тем более необходимо, что тезис об отсутствии лошади на Лене, скажем, в неолите, поколеблен самим А. П. Окладниковым, нашедшим кости домашних животных в неолитической стоянке Малая Мунку.

Описание образа жизни ленского населения в неолитическую эпоху, основанное на многочисленных раскопках стоянок и могильников, является одним из самых удачных опытов реконструкции. Как живые, встают древние охотники-рыболовы, в упорной борьбе с суровой природой добившиеся большого успеха — разведения домашней коровы. Они жили в берестяных обширных урасах, умели делать глиняную посуду с резным узором в виде сетки или с отпечатками ткани и пользовались полированными орудиями, среди которых были особенно характерны плоские клиновидные тесла с плечиками. Однако А. П. Окладников ошибается, когда считает эти тесла неизвестными в других областях. Близкие им формы были распространены и в других областях нашего Севера, в частности в низовьях Оби.

Очень интересен опыт реконструкции верований неолитических обитателей Лены. Однако и здесь необходимо особенно тщательно доказать неолитический возраст тех писаниц, изображения которых служат основными источниками для реконструкции.

Несомненной заслугой А. П. Окладникова является выделение им группы памятников бронзового века Якутии. При этом он совершенно прав, когда резко полемизирует с теми, кто отрицал наличие бронзового века на Лене, говоря о непосредственном переходе от неолита к железу. Эта точка зрения еще и сейчас довольно распространена у археологов Севера, несмотря на то, что они на своих «поздне-неолитических» стоянках уже давно находят целые мастерские по выплавке меди и отливке бронзовых орудий. А. П. здесь более принципиален и открытую им бронзолитейню на стоянке у с. Покровского вместе с рядом других находок считает веским основанием в пользу наличия на Лене бронзовой стадии культуры. Жаль только, что им не уточнены границы ленского бронзового века. Известно, например, что там имеются памятники, близкие к «глазковским» Прибайкалья. Однако А. П. во всех своих работах продолжает причислять их к неолитическим, несмотря на наличие в них металла и вещей, позволяющих относить их к середине бронзового века степных районов в Сибири. Поэтому и в рецензируемой книжке к бронзовому веку на Лене причисляются главным образом памятники, сходные с карасукскими, для которых автор вполне правильно указывает севернокитайское происхождение. Но в своем перечислении вещей бронзового века, найденных на Лене, А. П. Окладников напрасно безоговорочно поместил котел на коническом поддоне с двумя ручками, укрепленными гвоздевидными выступами, найденный на Вилюе. Эта интереснейшая находка относится уже к иному кругу памятников «скифского» слоя степной культуры. К этому же новому культурному этапу принадлежат и замечательные кельты, вооде найденного на р. Прониной (рис. 9,1). Хотя на востоке Сибири, как и в Китае, начало этого этапа еще не было ознаменовано введением железа, все же устанавливались связи с Западом, быстро развившим еще в архаические скифские времена индустрию железа.

Железо, по мнению А. П., проникло на Лену около начала н. э. От этого времени нашлись остатки мастерской кузнеца-литейщика у с. Мухтуй. Здесь же оказалась глиняная посуда, украшенная накладным орнаментом в виде валика с нарезками. Это тем более интересно, что аналогичный орнамент в то же время распространяется на широких пространствах более южных областей Сибири (он характерен для таштыкских погребений Минусинской котловины и для курганов типа Шибе на Алтае).

Для этого этапа А. П. Окладников выделяет новый вид писаниц, со схематическими рисунками — «ребусами», считая их предшественником письма. Здесь также нужно пожелать автору для бо́льшей обоснованности ответственнейшего вывода обратить сугубое внимание на синхронизацию рисунков с другими памятниками эпохи.

Четвертая глава в значительной части посвящена вопросу о происхождении якутской народности. Здесь А. П. Окладников также опирается на всю сумму источников. Учитывая все данные фольклора, этнографии и языка о южном происхождении якутов, автор находит среди древностей Прибайкалья, тот комплекс, который характеризует древних якутов до их отхода на север по Лене. Это так называемая культура «курумчинских кузнецов», носителями которой были, очевидно, племена «курыкан» орхонских текстов и «чумигань» — китайских. Они были родственны другим тюркоязычным племенам Сибири и Северной Монголии, занимались главным образом скотоводством, но знали также земледелие с орошением и ремесла, особенно кузнечное. От китайцев пришло к ним умение выплавлять чугун — искусство, в котором они опередили Европу почти на тысячу лет. Их тюркоязычность подтверждена неоднократными находками надписей, выполненных орхонским (древнетюркским) алфавитом. Общественный строй курыкан можно характеризовать как военную демократию на грани зарождения классов.

Их сложную культуру и общественный быт А. П. Окладников очень ярко иллюстрирует изображениями на писаницах. Эта группа «курыканских» наскальных изображений Верхней Лены определена им очень убедительно. В частности, автор несомненно прав, видя в них большое сходство с одновременными писаницами енисейских кыргызов. Подмеченная А. П. близость и в материальной культуре курыкан и кыргызов очень важна, ее нужно исследовать подробнее, так как в ней может быть заложено очень многое для объяснения этногенеза и судеб обоих народов. В связи с этим может стоять и вопрос о времени ухода курыкан-якутов на север. А. П. называет крушение уйгурского господства в 840 г., как возможную причину этого передвижения. Едва ли это справедливо. Уйгуры были разбиты далеко на Орхоне и Толе, куда перекочевали их основные силы после захвата власти над населением Монголии. Разбили уйгур кыргызы, которые были как-то связаны с курыканами, даже по особенностям языка. Да и неизвестны какие-либо катастрофические нарушения на востоке Центральной Азии в это время. Естественнее связывать эти изменения с более поздней эпохой. Кидане, а позднее джурджени гораздо сильнее могли колебать равновесие Прибайкалья. Наконец Темучин, боровшийся в лице Джамухи со всей первобытной демократией севера и прошедший огнем и мечом земли меркит в Прибайкалье, вполне мог явиться роковой для якутов внешней силой. Темучин мог отбросить их далеко на север, так же как через несколько лет далеко вспять отбросили армии Чингиза некогда высокую культуру близких курыканам-якутам енисейских кыргызов. Мне кажется, стоит обратить внимание на позднейшую фольклорную идентификацию с Чингис-ханом грозного царя, от которого вынуждены были спасаться якуты.

Касаясь русско-якутских отношений в XVII в. и позднее, А. П. Окладников правильно показал прогрессивность установившегося соседства с более высокой культурой русского народа, в массе своей чуждого стремлениям к национальному угнетению. И вместе с тем он ярко охарактеризовал колониальную политику царизма, несшую бедствия всем «инородцам».

Наконец, в последней главе автор нарисовал величественную картину освобождения якутов с помощью братского русского народа от царской кабалы, зарождение их национальной культуры и победоносное развитие в свободной семье народов СССР.

Книга А. П. Окладникова написана простым и ясным языком, легко читается, а прекрасные иллюстрации делают вполне доходчивым весь излагаемый в ней материал. Несомненно ее прочтут все интересующиеся судьбами нашего Севера. Для специалистов же археологов Сибири она надолго станет необходимым пособием.

С. В. Киселев

Новый труд *Э. Херцфельда* по истории культуры древнего Ирана

Эрнст Херцфельд (E. Herzfeld) хорошо известен советским археологам, искусствоведам, историкам и лингвистам, особенно как неутомимый исследователь

Ирана. В 1941 г. появился его новый обширный труд «Iran in the Ancient East. Archaeological Studies presented in the Lowell Lectures at Boston»[1] (363 стр.+ 421 фиг. в тексте + CXXXI табл., частью цветных, со многими ненумерованными изображениями). Книга состоит из четырех глав неравного объема. В коротком предисловии указано, что она представляет дополненный курс лекций, прочитанных в 1936 г. Подход автора к материалу сравнительно с его «Archaeological History of Iran», 1935 г., не изменился, но есть разница в деталях, датировке памятников и некоторых выводах.

Существенную часть книги составляет глава I — «Доисторический период» (стр. 3—176). Здесь, как и в статье Э. Херцфельда и А. Кейт «Iran as a prehistoric Centre»,[2] исследуются два основных вопроса: характер древнейшей культуры на Иранском плоскогорье и ее отношение к смежным культурам. Автор стремится уточнить терминологию для периодизации первобытных культур и оперирует в исследовании археологическими материалами из 12 пунктов С, СЗ и ЮЗ Ирана, добытыми, за исключением Сузы, в 20 и 30-х годах XX в. Он подчеркивает сходство культурных признаков в Двуречье, с последовательностью Убайд-Урук-Джамдат Наср, и в Сузе; тут и там в одинаковые периоды расписная керамика сменяется нерасписной. Отсюда является вывод о единстве базы доисторической цивилизации Сумера и Элама (стр. 5—6) и зависимости последней от предшествовавших цивилизаций Иранского плато. В исследование вовлекаются культуры периода меди и бронзы в Западной и Северо-Западной Индии и неолит в Китае.

Древнейшая культура плато охарактеризована по раскопкам холма у Персеполя 1928 и 1931 гг. сперва Э. Херцфельдом единолично, а во второй кампании — при участии А. Лангсдорф (A. Langsdorff); первый отчет о работах был опубликован автором в 1932 г.[3] Найденное в холме поселение, которому он дал название «Персеполь», состояло из компактной группы глинобитных комнаток, напоминающих улей, и дворов. Автор полагает, что оно принадлежало мирному населению — каспиям, у которых существовал групповой брак и матриархат; судя по глиняным серпам, они знали примитивное земледелие; у них процветало домашнее гончарное производство, без применения круга. Найдены поделки из кремня и алебастра, но ни погребений, ни боевого оружия, ни медных изделий не обнаружено; поэтому поселение отнесено к концу неолита.

Среди находок преобладает керамика, давшая за три месяца раскопок до полутора миллиона обломков, главным образом расписных. Классификация форм здесь специально не исследуется, так как она опубликована ранее в каталоге. Анализ мотивов росписи сопровождается рисунками автора с оригиналов на таблицах и в тексте. Керамический орнамент «Персеполя» мастерски скомпанован применительно к форме сосудов; особенно хороши узкие конусоидальные кубки и конические чаши. От абстрактных геометрических мотивов Херцфельд переходит к более сложным композициям и фигурным сюжетам. Он отмечает сходство мотивов, имевших символическое значение, с допиктографическим письмом, связанным в свою очередь с дальнейшими фазами письменности (стр. 62, 65, 66). Частичное изображение целого или соединение абстрактного мотива с натуралистическими придатками имело определенный смысл. Расшифровка росписи одного персепольского сосуда, содержание которой Херцфельд с помощью ранне-сумерийских пиктограмм (стр. 43) определил, как «ландшафт», чрезвычайно убедительна; после нее нерасшифрованные мотивы воспринимаются уже не как случайные украшения. Идя в этом направлении, автор сопоставляет роспись керамики из Тепе-Гиян (Нихавенд) с протоэламскими пиктограммами. Привлекая параллели из Анау I, он заключает, что расписная керамика для севера Ирана — явление необычное, а для юга — нормальное, и приходит к мысли о существовании древнейшей цивилизации в Средней Азии, конкурирующей с культурами Индии и Двуречья. Время Анау III, формы которой сопоставлены с Хонаном, он датирует позже, чем H. Schmidt,— периодом бронзы. Оттиски с персепольских пуговиц на глиняных пробках рассматриваются, как знаки собственности, предшественники штамповидных и цилиндрических печатей. В результате перекрестной проверки, культура «Персеполя» представлена не обособленно; показаны нити, связующие ее с отдаленными пунктами от Крита до Китая.

От относительной датировки керамики, определяемой в поздние фазы по «распаду» орнамента, Херцфельд переходит к металлу, появление которого в Иране совпадало с ломкой мирного уклада: в находках изобилует оружие, население становится воинственным. Бронзовые изделия описаны по категориям, начиная с сосудов для возлияний, кончая украшениями и редкими фигурными изображениями. Топоры классифицированы для

[1] Oxford University Press. London — New York. 1941.

[2] E. Herzfeld and Sir Arthur Keith. Напечатана в «A Survey of Persian Art», Vol. I. London — New York, 1939, p. 42—58.

[3] «Iranische Denkmäler», Reihe IA.

ясности по простейшим формам, впервые с аналогиями от Египта до Монголии. Датировка бронзовых изделий обоснована прочнее, чем доисторической керамики, благодаря надписям на некоторых сосудах, топорах, кинжалах и др. Автор обращается также к изображениям бронзовых предметов на рельефах, например на стене Богазкёй, и с помощью текста таблички Bo. 2788 по Forrer датирует памятники Ферахтин и Богазкёй концом XV — началом XIV в.

Для советских исследователей большой интерес представят, конечно, аналогии с памятниками, найденными и исследованными в нашей стране. Привлечена, например, фигурка птички из Карабага, найденная акад. И. И. Мещаниновым, при сопоставлении бронз Луристана и внутренней Монголии; последнее важно по выводу о передаче стилистических особенностей с запада на восток, вследствие зависимости луристанского стиля от «керкукских печатей» XV—XIV вв.

Вопреки теории Richardson Херцфельд считает исходным центром обработки железа восточную Анатолию и Армению, откуда странствующие кузнецы и «изыскатели» (prospectors) распространили изделия по Европе и Азии; на исключительное положение кузнецов, сохранившееся у патриархальных племен Аравии (пл. Сулайб), указывает библейская история Каина.

Глава II — «Заря истории» (стр. 177—220) характеризует переход культурного первенства от населения плоскогорья к населению равнин в начале исторической эпохи; привлекаются известные памятники у Сарпула, Хорен и Курангунский рельеф в Фарсе. На приближение смены этнического состава указывают индо-иранские элементы в языке Митанни около 1500 г. В I тысячелетии иранцы появляются на плоскогорье; исторические этапы прослеживаются по источникам, для IX—VIII вв.— по ассирийским анналам. В освещении фактов и характеристике памятников Херцфельд придерживается своего труда «Археологической истории Ирана», лишь немного дополняя его. В частности, серия скальных мидийских гробниц пополнена двумя, открытыми Edmonds в 1925 г.; при этом автор пытается установить точную хронологию всей группы по деталям архитектуры и рельефам.

Обращаясь к ахеменидскому периоду в главе III (стр. 221—274), автор останавливается главным образом на архитектуре и скульптуре, показывает подчинение последней архитектурным задачам при поверхностном восприятии греческих форм. Основную традицию ахеменидского искусства он ведет из Анатолии через Урарту и сожалеет об отсутствии урартских археологических материалов. Очевидно, о достижениях советской науки в этой области и о раскопках Кармир Блур ему неизвестно. Благодаря прекрасному знакомству с руинами Пасаргад и Персеполя, Херцфельд дает много свежих подробностей, детальных планов и превосходных снимков.

В главе IV (стр. 275—340), посвященной периодам аршакидов и сасанидов, исследуется глубина проникновения эллинистических течений. Путем анализа скульптуры и немногих остатков архитектуры III—II вв. Херцфельд приходит к выводу, что ахеменидское искусство стало клониться к упадку со времени Ксеркса, а после падения ахеменидского государства резко понизилась техника. Введение греческих форм без учета смысла и пропорций придало искусству смешанный характер и потому оно имеет значение лишь в историческом аспекте.

Большой интерес представляет описание редких памятников, например мощных укреплений Истахра, вскрытых раскопками. Херцфельд восстанавливает план величественного храма в Хурха, дворца Кух-и Хваджа в Сеистане и др. Эскизная обработка в живописной манере двуплановых рельефов наводит его на мысль о ведущей роли живописи в этот период; редкие образцы ее представлены в красочных рисунках с погибшей фигурной и орнаментальной росписью Кух-и Хваджа. Не со всеми деталями описания можно согласиться, в частности с интерпретацией сцены «царь с царицей под балдахином». Для позднеаршакидского периода привлечены восточноиранские монеты и культовые сооружения.

Ход мыслей об аршакидском искусстве остается неизменным и для сасанидского искусства. Рассматривается лишь скульптура и только скальные рельефы, так как автор полагает, что выводы равнозначащи для всех прочих видов искусства. В строгих географических и хронологических пределах от 225 до 630 г. он просматривает рельефы, особенно мало известные, ссылаясь на ряд таблиц в статье «La sculpture rupestre».[1] Обнаружились любопытные детали в хорошо известных композициях, например, голову врага в знакомой сцене инвеституры Ардашира I автор сравнивает с поздне-аршакидской монетой Ардавазда; указывает замену имени Бахрама I именем Нарсе и др. Композиционно интереснейшая сцена инвеституры пешего Ардашира I в описании деталей, повидимому, не совсем точна. Несмотря на многообразие стилей, общей чертой признается не свойственная скульптуре живописность, которая сохранила аршакидско-эллинистические тенденции до

[1] Revue des Arts Asiatiques, Vol. V, fasc. III, 129—142.

IV в., после чего скульптура стала от них освобождаться.

Живо написанный и превосходно иллюстрированный труд Э. Херцфельда несомненно привлечет к себе внимание специалистов. Его исследование, как всегда, связано с источниками, которыми он смело пользуется. Насколько правильно в данном случае истолкование, должны решить историки и лингвисты и подтвердить принятые Херцфельдом датировки. Относительно вопросов археологии и искусства приходится отметить, что в настоящей работе совершенно не учтена специальная литература, появившаяся после 1937 г. Херцфельд не касается важных доисторических материалов Ирана, например, из раскопок Р. Гиршмана в Тепе-Сиялк 1937 г.[1], описания раскопок Тепе-Хисар Э. Ф. Шмидта[2] и др. Еще удивительнее умолчание о дальнейших открытиях у Персеполя 1932 г.; в них Херцфельд лично не участвовал, но в примечании 8 к стр. 10 говорится глухо о Персепольской экспедиции. В новейшей статье Мак Коун[3] первое доисторическое поселение у Персеполя названо Телль-Бакун B, в отличие от вскрытого позже холма A; но имя Херцфельда и его труд 1941 г. не упомянуты, древнейший слой отнесен к халколиту, не говоря о прочих расхождениях. Ясно, что глава I с этих сторон будет подвергаться критике.

Что касается прочих глав, особенно главы IV, то в них рамки исследования искусственно и не совсем последовательно сужены — автор ссылается на построение выводов только на иранском материале. Упомянут памятник Антиоха Коммагена в Нимруд Даг и парфянские стелы в Асуре, но нет ни рельефов Танг-и Сарвак, ни бронзовых статуй в Шами, открытых Аурель Штейном,[1] не говоря о скульптурах Дуры и Пальмиры. Не привлечены также раскопки сасанидского Ктесифона, более того — города Шапур, хотя скульптурный материал там представлен. Автор использовал сравнительно ограниченную литературу; библиографические указания очень скупы, указатели не исчерпывают материала. Тем не менее, несмотря на отмеченную неполноту и крайность некоторых взглядов, этот труд Херцфельда всегда будет иметь широкий спрос.

В. А. Крачковская

---

[1] Ghirchman R. Sialk I and II: ouilles de Sialk près de Kashan 1933, 34, 1937 (Musée du Louvre. Dèpartement des antiquités orientales, série archéologique, Vols. IV—V. Paris, 1938—1939).

[2] Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar Damgan. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1937.

[3] Mc Cown. The material Culture of Early Iran. Journal oî Near Eastern Studies. The University of Chicago Press. Chicago. Vol. I., October 1942, № 4, 424—449, с 2 табл.

[1] Sir Aurel Stein. An Archeological Journey in Western Iran. Geogr. Journal. Vol., XCII, № 4, October 1938, 322 sq. figs. 7—11; см. также его Old Routes of Western Iran. London, 1940, фиг. 35: Debevoise, N. C. The Rock reliefs of Ancient Iran. Journal of Near Eastern Studies, Vol. I., January 1942. № 1, 90 сл., фиг. 6, табл. II, 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

А. П. ОКЛАДНИКОВ. Первая палеолитическая находка в бассейне Лены 7

М. В. ТАЛИЦКИЙ. Палеолитическая стоянка «Пещерный Лог» 9

Т С. ПАССЕК и *Е. Ю. КРИЧЕВСКИЙ.* Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции) 14

П. А. ДМИТРИЕВ. Об археологических исследованиях в Свердловской области летом 1940 г. 22

С. И. КАПОШИНА. Пережитки ритуального окрашивания костяков в Ольвийском некрологе и в погребениях приднепровских скифов 26

А. П. КРУГЛОВ. Культовые места горного Дагестана 31

А. П. СМИРНОВ. Куйбышевская каменная баба 40

П. Н. ШУЛЬЦ. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. 44

Г Д. БЕЛОВ. Античные материалы из раскопок 1940 г. в Херсонесе 57

В. Д. БЛАВАТСКИЙ. Ялтинская голова и истоки стиля Скопаса. 63

Л. А. ЕВТЮХОВА и *В. П. ЛЕВАШЕВА.* Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская А. О.) 72

Н. А. ПРОКОШЕВ. Из неопубликованных материалов Молотовского и Чердынского музеев 84

С. П. ТОЛСТОВ. Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. 90

Г. В. ГРИГОРЬЕВ. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда 94

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ. Об одном раннесаманидском фельсе (из ранней истории Саманидского дома) 103

В. А. КРАЧКОВСКАЯ. Печать Багратида Ашота с арабской надписью 112

И. И. ЛЯПУШКИН. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. 117

А. Д. ВАРГАНОВ. Из ранней истории Суздаля (IX—XIII вв.) 127

Б. А. РЫБАКОВ. Надпись киевского гончара XI в. 134

Н. П. СЫЧЕВ. Поливной сосуд из Биляра 138

Л. А. ДИНЦЕС. Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра 141

II. ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1943 г.)

Московское отделение 153
Ташкентская группа 155
Елабужская группа 158
Ленинградская группа 160

III. ИНФОРМАЦИЯ

Т. С. ПАССЕК. Четвертая научная конференция Института археологии Академии Наук УССР 162
Письмо археологов СССР археологам Англии 166
Ответ профессора Е. Н. Minns 166

IV КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. В. ГОЛЬМСТЕН. По поводу книги Л. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» (вместо рецензии) 168

С. В. КИСЕЛЕВ и *В. Н. ЧЕРНЕЦОВ.* Рецензии на книгу Д. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» 173

С. В. КИСЕЛЕВ. Рецензия на книгу А. П. Окладникова «Исторический путь народов Якутии» 176

Б. А. КРАЧКОВСКАЯ. Новый труд Э. Херцфельда по истории культуры древнего Ирана 178

Редакционная коллегия

Ответственный редактор академик *Б. Д. ГРЕКОВ*

Зам. ответственного редактора *Т. С. ПАССЕК*

Члены редколлегии: *С. Н. БИБИКОВ, С. В. КИСЕЛЕВ, С. А. ТАРАКАНОВА, А. Л. ЯКОБСОН*

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета АН СССР № 215

Редактор Издательства *С. Т Попова.* Технический редактор *Е. Симкина*

Подписано к печати 10/I 1946 г. А-00115. Печ. л. 11½. Уч. изд. л.
Тираж 4000 Заказ № 424

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер.,

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
3	21 сверху		
23	5 снизу	Калмыцкий брод	Калмацкий брод
25	10 »		
19	6 »	d'apès	d'aprѐs
69	26 сверху	I—V вв. до н. э.	VI—V вв. до н. э.
92	3 сн.	ВДИ, 1933, № 3	ВДИ, 1939, № 3.
129	Рис. 58	Верхняя цифра — «8»	Верхняя цифра — «6».
136	1 сверху	но Г писалось	но Б писалось
136	4 »	знак 4 буквой.	знак 4 буквой Г.
163	20 сн. (прав. стб.)	Кукутениа	Кукутени А
ɔдержание, IV. Критика и библиография	8 сн.	Л. Н. Эдинга	Д. Н. Эдинга